СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ

Улан-Удэ
Бурятское книжное издательство
1990

مدرسة موسى

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ

Перевод
С. А. КОЗИНА

Цена 4 р.

ПАМЯТНИК МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1990 году исполняется 750 лет со дня написания этого выдающегося памятника монгольской литературы XIII века. В свое время академик Б. Я. Владимирцов дал ему такую оценку: «...ни один народ в средние века не удостоился такого внимания со стороны историков, как монголы, то следует отметить, что ни один кочевой народ не оставил памятника, подобно «Сокровенному сказанию», так образно и детально рисующего подлинную жизнь».

«Сокровенное сказание» ставится наравне с шедеврами мировой литературы. Ему посвятили свои исследования известные филологи мира как на Востоке, так и на Западе.

Чем дальше отодвигается по времени этот древний монгольский памятник, тем его историческая и литературная ценность поднимаются выше.

Если «Сокровенное сказание» рассматривать со стороны языка, то оно отражает единый язык монголоязычных народов древнего периода его развития. С другой стороны, оно, как литературно-эпический памятник, способствует изучению монгольской и бурятской литературы в историческом освещении. В этом смысле «Сокровенное сказание» можно назвать литературным койне монголоязычных народов.

Для бурятских исследователей «Сокровенное сказание» представляет не только исторический и литературный памятник, но, в первую очередь, и материал лингвистический.

Исследование словарного состава древнемонгольского памятника является важным подспорьем для понимания истории развития лексического состава и сложного семантического строения в сравнении с живыми монгольскими языками. В то же время памятник представляет для современных читателей особые трудности в понимании значений некоторых слов, ибо многие слова стали непонятными.

Следует подробнее остановиться на истории его публикации и изучения в разных странах. Юань чао би ши — китайское название «Сокровенного сказания» — был объектом исследования китайских ученых многих династий, как об этом сообщил П. Кафаров на основании каталогов, в которых этот памятник упоминается.

Наиболее полным и научно точным изданием считается издание Чжан Му. Как он сам рассказывает в кратком примечании к изданию 1841 г., Чжан Му по знакомству с библиотекарем Хан Минь имел доступ в библиотеку Академии наук, где он осмотрел ее сокровища и, поселившись в одном из залов, имел терпение списать из Юн Ле Де — собрания редких книг — и Юань чао би ши.

Чжана Му, который так усердно переписал оригинал «Сокровенного сказания», нужно считать одним из тех, кто первым оценил достоинство этого памятника. В Китае работал специальный комитет по составлению истории Китая по первоисточникам. Комитет Хун-ву перевел Юань чао би ши с незначительной разницей, как утверждал П. Кафаров, тем самым наречием, когда еще живы были предания этой письменности.

В 1748 г. монголовед из числа китайской нации, по имени Ван Гован, перевел «Сокровенное сказание» с монгольского на китайский. Его перевод был опубликован после его смерти через сто лет, в 1847 г.

В 1848 г. Зан Му и Чиу Ду издали «Сокровенное сказание», производя дополнительное исследование, что было, по существу, его вторым изданием в Китае.

В 1908 г. китайский ученый Зэ Дэ Пун издал «Сокровенное сказание» в китайской транскрипции с комментариями.

В 1951 г. китайский ученый Шийи Жайшан перевел первоначальный источник памятника на китайский язык, предварительно исследовав его, и издал в Пекине.

Словом, «Сокровенное сказание» в Китае было издано несколько раз.

Китайские ученые-монголоведы первыми обратили внимание на этот исторический источник и оценили его по достоинству. Кроме китайских ученых, «Сокровенным сказанием» интересовались многие японские монголоведы. В 1899 г. Найта перевел этот памятник на японский язык с китайского. Он использовал источник, найденный в провинции Шенси. В 1907 г. также японский ученый Нака, на основании издания Найта, написал работу под названием «Заметки о Чингисхане» и опубликовал «Сокровенное сказание» на японском языке.

В 1940 г. монголовед Кубаяши Такаширу также перевел этот монгольский памятник. В 1942 г. японский монголовед Ширатори Куракиши, транскрибировав его на латынь, издал в Японии.

Таким образом, после китайцев и японские ученые внесли свою лепту в опубликование и изучение этого шедевра мировой литературы.

В МНР перевод «Сокровенного сказания» был осуществлен

Ц. Дамдинсуреном на старомонгольскую письменность, а затем на русскую графику.

В последнее время большая работа ведется в смысле публикаций и исследования, комментарий по «Сокровенному сказанию» во Внутренней Монголии.

С этим памятником связали свои имена такие ученые из Внутренней Монголии, как Хешигбату, Бухэхешик, Алтанвчир. Некоторые из них переводили стихами. Ученые Хинган и Доронатиб сделали комментарии к «Сокровенному сказанию».

В последние годы изучением памятника занимались преподаватели из пединститута в Хухэ-Хото, из сектора изучения языка, такие, как Элдендэй, Оюундалай, Ху Гуван, которые подошли к этому памятнику как к литературному источнику. Они исправляли китайские иероглифы, читая по-новому, перепечатали и, наконец, составили по нему словарь. В течение многих лет проявляет большое усердие преподаватель пединститута (Хухэ-Хото) проф. Баяр, который сделал перевод «Сокровенного сказания» на современный монгольский язык, используя латинский шрифт.

В России первым открыл этот памятник Палладий Кафаров, который возглавлял духовную миссию в Китае. Палладий Кафаров нашел оригинал в Пекинской библиотеке. Сам он не успел его опубликовать, так как умер в Марселе по пути из Пекина в Петербург. Его работа, представляющая построчный китайский перевод, вернее, русский перевод китайских значений с монгольского, проставленных в самом тексте китайской транскрипции, была опубликована в 1866 г.

Но Кафарову не удалось сделать предварительную чисто синологическую работу над изданием (критически) установленного текста китайской транскрипции. П. Кафаров, видимо, испытывал неодолимые трудности, ибо транскрипция монгольского текста китайскими знаками и перевод текста изобиловали описками переписчиков.

Мы имеем памятник лишь в китайской транскрипции, написанной в переводе с монгольского, видимо, оригинала. Такова судьба открытия «Сокровенного сказания», или «Тайной истории монголов». На каком из монгольских диалектов оно было написано, пока трудно сказать, но П. Кафаров склонен рассматривать, что оно написано на одном из южномонгольских наречий.

Особо следует отметить работу советского ученого академика С. А. Козина, который создал капитальный труд по «Сокровенному сказанию», издав монгольский текст с переводом на русский язык и большим введением.

С. А. Козин внес большой вклад в изучение этого замеча-

тельного памятника монголов. В другой своей работе «Эпос монгольских народов» он продолжил и углубил свои теоретические положения, вписав новую страницу в изучение памятника. С этим памятником связали свои имена русские исследователи А. Позднеев, Б. Я. Владимирцов.

Многие европейские ученые-монголоведы, опубликовав текст монгольского памятника, проделали большую работу по комментированию и выяснению значимости памятника как исторического материала.

В 1931 г. немецкий монголист Хейниш перевел на немецкий язык текст этого памятника в двух главах, в 1941 г. издал полный текст на немецком языке, сопроводив его введением. В 1939 г. он издал словарь «Сокровенного сказания», а в 1950 г. опубликовал статью «Художественные особенности „Тайной истории монголов"».

Французский монголовед Пауль Пеллио сделал перевод оригинала на французский язык и опубликовал его в 1949 г. в Париже вместе с монгольским текстом. А другой французский исследователь Гамби издал на латыни лишь шесть начальных глав. Мостэрт (бельгиец по национальности) в изданиях Гарвардского университета опубликовал работу по сличению переводов разных авторов и, сделав критический анализ, дал свои толкования переводов.

В Чехословакии вышла работа по «Сокровенному сказанию» в 1954 г.

В настоящее время в Австралии монголовед Рашевелитц усердно занимается «Сокровенным сказанием», переводя его на английский язык; перевод думает закончить в 1990 г.

Многие ученые мира, обращаясь к этому памятнику, исследовав его, дали свои объяснения отдельным местам текста.

«Сокровенное сказание» в первую очередь является национальным достоянием и культурным богатством монгольского народа. Но следует сказать, что оно — достояние также всего культурного просвещенного мира. Юбилей этого памятника отмечается по линии ЮНЕСКО в Улан-Баторе в 1990 г. Поэтому нужно дать объективную оценку этому произведению как с литературной, так и с исторической точки зрения.

При изучении «Сокровенного сказания» возникает много вопросов. Во-первых, кто автор данного произведения? В первой части описывается родословная монголов. Один автор не мог при всех своих способностях и хорошей памяти охватить такой большой период жизни монголов. Во второй части речь идет об объединении многочисленных племен и родов; здесь может быть один автор, особенно когда пошли описания завоевательных

походов. Тогда должен быть центр получения информации со всех земель, где находились монгольские войска. Немецкий монголовед Хейниш предполагает, что автором памятника может быть Шиги-Хутугу, главный распорядитель канцелярии, создатель актов и кодексов, который писал на уйгуро-монгольской письменности.

В конце этого произведения значится: «...написано в год мыши (1240) в месяц кулана, в местности Долоон Болдок, в Худее Арале Келурена, при перекочевке в Ордо».

К тому времени правителем Монголии был Угэдэй, уже больной в то время, с парализованной речью и сильно пьющий.

Многие исследователи утверждают, что произведение было рассчитано на узкий придворный круг и потому называется «нюуса» — «тайный». Но нет продолжения этой тайной истории. Правда, появились труды по истории монголов у персидских, китайских и тюркских историков. По чьему велению написаны те сочинения — неизвестно.

В официальной китайской истории о монголах сообщается, что император Хубилай в 1282 г. разрешил опубликовать написанный на уйгурской письменности труд о монголах (возможно, речь идет о «Тайной истории монголов»). Известно, что при его дворе работали сотни переводчиков и переписчиков, знающие монгольский, китайский, тибетский и санскрит.

Могут возникнуть разнообразные вопросы, почему с монгольской стороны не проявили интерес и инициативу к совместной работе с китайскими учеными в реконструкции памятника? В основе этого лежат филологические трудности, трудность перевода. Они заключаются в грамматике, в словарном составе, особенно в выражениях старомонгольских языковых форм, которые употреблялись в монгольском оригинале и были причиной неточностей несведущих китайских писцов-копиистов.

Итак, что же представляет «Сокровенное сказание» по своему внутреннему содержанию? В нем постоянно показывается жизнь номадов. Картинно дается жизнь простых степняков, проявляющих жестокость, когда дело касается решения спорных вопросов. Мало дается сведений о военных походах на запад, также скудны сведения о тангутах. Но все же мы довольно подробно узнаем о нравах, обычаях, положении женщин, об угоне скота, лошадей, союзах и изменах, добыче, порабощении чужих племен. Все это рисуется убедительно. Обычная жизнь номадов переплетается с фантастическими включениями, указывая на эпический характер произведения. В начале повествования рисуются события в степи с конечным подчинением всех кочующих там племен и позднейшими войнами с громадными культурными государствами,

приведшие к образованию мощного государственного объединения. (Здесь не место вдаваться в сложную историю монгольского народа той эпохи.)

Стремление, например, к мести наследственным кровным противникам татарам привело к соприкосновению с северным Китаем. При такой обстановке в 1206 г. Чингисхан на грандиозном собрании на реке Онон был объявлен ханом всего степного народа. Он создал мощную военную империю. Дисциплина в ней была жестокой.

Памятник, посвященный древней монгольской истории, охватывающей большой период — с XII по XIV в., несет в себе отзвук болезненно трагических для других народов явлений. Но это не только описание жестокой истории, но и великолепный литературно-эпический уникум. Как можно объединить и оценить двузначимость памятника? Ведь это — история самого народа со всеми противоречиями, зигзагами, с непонятными для самих народов вихрями изменений в обществе, когда естественным образом сами монголы, не по собственному желанию, завязли в круговороте жестоких событий на континенте Азии и Европы...

Следует сказать, что «Сокровенное сказание» — это документальное произведение, летопись, хотя и не претендующая на художественность, между тем включающая в себя фрагменты разных жанров — исторических легенд, преданий, хвалебных гимнов, пословиц, поговорок, шуточные, богатырские песни, которые органически входят в произведение, художественно украшая его.

Вполне очевидно, что древние монголы еще до создания настоящего памятника имели богатый художественный материал в устной передаче, иначе не могло возникнуть так сразу такое великолепное произведение, как «Сокровенное сказание».

Автор «Сокровенного сказания» сам был свидетелем тех событий и, видимо, черпал материал из устных преданий и рассказов, так подробно передававших, например, детали юношеских лет Темучжина.

Какие исторические и литературные предпосылки были при создании «Сокровенного сказания»? До «Сокровенного сказания» имелся важный исторический памятник «Чингисов камень», фрагментарное произведение, указывающее на высокую культуру письменного языка, самое древнее монгольское произведение. Ссылаются на имеющийся древний письменный источник «Алтан дебтер», который утрачен. «Алтан дебтер», видимо, также использовал Рашид-эд-дин. И в этом «Алтан дебтере» шла подготовка к созданию обширного по своему масштабу литературно-эпического произведения, такого, как «Сокровенное сказание». Нужно

надеяться, что первоначальный источник будет найден, а также оригинал «Сокровенного сказания», написанный, как утверждают некоторые ученые, на уйгуро-монгольской письменности. Памятник был написан анонимным автором, который подбирал материалы, осмысливая факты на основе широкой исторической действительности. Характерно это произведение тем, что злу и безнравственности выносится суровый приговор, а с другой стороны, за хорошую службу щедро вознаграждаются богатыри и телохранители.

Не рассуждения и сентенции автора произведения, а слова и поступки персонажей заставляют читателя постепенно проникнуть в глубины его социально-нравственного содержания. Здесь нужно сделать оговорку: повествование, в котором развиваются события того времени, факты произвола, жестокости, служат не оправданием, а лишь отправным пунктом для характеристики сподвижников-нухеров Чингисхана, когда дело касается прославления их достоинств.

Автор при написании «Сокровенного сказания» был в плену необузданной жестокости, в ореоле прославления единовластия. Он показывает взгляды, вкусы и мораль тогдашней эпохи.

Автор описывал не единичный факт унижения человеческого достоинства, попрания всяких прав, а установленный одной личностью закон, который мог появиться при определенным образом сложившихся обстоятельствах. Несмотря ни на что, «Сокровенное сказание» по своему художественному достоинству не уступает ни одному шедевру мировой литературы.

М. Хомонов,
кандидат филологических наук

1. Родословная и детство Темучжина (Чингиса)[1]

§ 1. Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган.

§ 2. Сын Бата-Чигана—Тамача. Сын Тамачи — Хоричар-Мерган. Сын Хоричар-Мергана — Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула — Сали-Хачау. Сын Сали-Хачау — Еке-Нидун. Сын Еке-Нидуна — Сим-Сочи. Сим-Сочиев сын — Харчу.

§ 3. Сын Харчу — Борчжигидай-Мерган — был женат на Монголчжин-гоа. Сын Борчжигидай-Мергана — Тороголчжин-Баян — был женат на Борохчин-гоа, имел отрока-слугу, по имени Боролдай-Суялби, да двух скаковых меринов — Дайир и Боро. У Тороголчжина было двое сыновей: Дува-Сохор и Добун-Мерган.

§ 4. У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки.

§ 5. Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом, взобрался на Бурхан-халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей.

§ 6. И говорит: «Хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!» И он послал своего младшего брата Добун-Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун-Мергану, если окажется, что она незамужняя.

§ 7. Добун-Мерган побывал у тех людей, и в самом деле там оказалась молодица по имени Алан-гоа, красивая, очень знатного рода и еще даже ни за кого не просватанная.

§ 8. А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владетеля Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана,

---

[1] Оглавления всех двенадцати разделов даны мною. Родо-племенные названия, следуя П. Кафарову и Б. Я. Владимирцову, в тексте перевода пишутся с большой буквы, если даже они и в форме прилагательных, соответствующих родительному падежу имен.— С. А. К.

нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун.

§ 9. По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле, шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями, Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род — обок, под названием Хорилар. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и пододвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчибаян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-халдуна. Здесь-то Добун-Мерган и просил руки Алан-гоа, дочери Хори-Туматского Хорилартай-Мергана, родившейся в Арих-усуне, и таким-то образом Добун-Мерган женился.

§ 10. Войдя в дом к Добун-Мергану, Алан-гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай.

§ 11. У старшего же брата, Дува-Сохора, было четыре сына. Тем временем старший его брат Дува-Сохор скончался. После кончины Дува-Сохора четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплемение Дорбен-ирген.

§ 12. Однажды затем Добун-Мерган взошел поохотиться на возвышенность Тогоцах-ундур. В лесу ему повстречался какой-то Урянхаец, который, зарезав трехлетку-оленя, готовил жаркое из его ребер, из верхних коротких ребер.

§ 13. Добун-Мерган и говорит: «Дружище, дай на жаркое!» «Дам и тебе!» — отвечал тот и, оставив себе шкуру и легочную часть животного, остальное мясо трехлетки-оленя отдал Добун-Мергану.

§ 14. Завьючив оленину, Добун-Мерган уехал. По дороге встречается ему какой-то бедняк, который ведет за собой своего сынишку.

§ 15. На вопрос Добун-Мергана, кто он такой, тот отвечал: «Я — Маалих, Баяудаец («богатей»), а живу, как нищий. Удели мне из этой дичины, а я отдам тебе вот этого своего паренька».

§ 16. Тогда Добун-Мерган отделил и отдал ему половину оленьего стегна, а того мальчика увел к себе домой; он-то и стал у него домашним работником.

§ 17. Долго ли, коротко ли — Добун-Мерган скончался. После смерти Добун-Мергана Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.

§ 18. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся

еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: «Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме — это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах.

§ 19. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая, Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли.

§ 20. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: «Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны.

§ 21. «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло)[1], входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится[2], процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!»

§ 22. И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: «Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?» Долго ли, коротко ли — мать их, Алан-гоа, скончалась.

§ 23. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата — Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хадаги и Бухату-Салчжи—забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника.

---

[1] Солнце закатилось, а луна еще не взошла.
[2] Луна закатилась, а солнце еще не взошло.

§ 24. «Раз меня и родней не признают, что мне тут делать?»— сказал Бодончар. Оседлал он Орок-шинхула, со ссадинами на спине, с жидким хвостом, наподобие свистун-стрелы, и пустил его куда глаза глядят вниз по течению Онон-реки. «Умереть, так умереть! Живу быть, так быть живу!» — сказал он. Ехал-ехал и добрался до урочища Балчжун-арал. Тут построил он себе из травы балаган и стал жить-поживать.

§ 25. Стал он тут примечать, как сизая самка сокола ловит и пожирает куропаток. Сделал ловушку из волос хвоста своего голохвостого, со ссадинами на спине, Орок-шинхула, заманил, поймал птицу и стал приручать.

§ 26. Не имея другого пропитания, он стрелял по ущельям загнанных туда волками зверей, а нет — так питался и волчьими объедками. Так он благополучно перезимовал тот год, прокормив и себя и своего сокола.

§ 27. Пришла весна. С прилетом уток он стал запускать на них своего сокола, сперва проморив его голодом. Диких уток и гусей понасадил он: на каждый пень — задние части (хоншиут), а на каждый сук — смрадные части (хуншиут), и столько понавешал, что запах шел[1].

§ 28. По северному склону гор, из-за темного бора, подкочевало, продвигаясь вниз по течению речки Тунгелик, какое-то родовое колено[2] болюк. Днем Бодончар стал заходить к ним напиться кумысу, когда случалось пускать своего сокола в их сторону. Ночью же уходил, бывало, на ночлег к себе в травяной шалаш.

§ 29. Когда случалось, люди те просили у Бодончара его сокола, он никак не давал. А жили между собою так, что у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он, а тот взаимно не пытался узнавать, что они за люди.

§ 30. Старший брат его, Бугу-Хадаги, зная, что младший брат, Бодончар-простак, отправился вниз по течению реки Онона, пришел сюда поискать брата. Стал он расспрашивать тех людей, что прибыли сюда, кочуя вниз по речке Тунгелик: не бывал ли тут такой-то и такой-то человек, на таком-то и таком-то коне?

§ 31. Люди те отвечали: «Тут есть и человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь. Он соколиный охотник. Каждый день заходит к нам: угостится кумысом и уходит. А ночами где-то ночует. При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных соколом. Должно быть, он здесь недалеко: сейчас подходит время его обычного прихода. Подожди минутку». Так говорили они.

---

[1] Он — «гузнами на сучки, смердящими — на шестки, так что дух пошел».
[2] Положение народца (ср.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй, стр. 66).

§ 32. Тем часом подъезжает какой-то человек, следуя вверх по течению речки Тунгелик. То и был Бодончар. Как увидел, так сейчас же и признал его старший брат, Бугу-Хадаги. Забрал он брата с собою и пустился рысью вверх по реке Онону.

§ 33. Труся рысцой за братом своим, Бугу-Хадаги, говорит ему Бодончар: «Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником». Брат его, Бугу-Хадаги, не понял, к чему эти его слова.

§ 34. Когда он повторил те же самые слова, брат его все же ничего не понял и ничего не сказал ему в ответ. А Бодончар ехал и все повторял одно и то же. Тогда старший его брат говорит: «Что это ты все твердишь одно и то же?»

§ 35. Тогда Бодончар говорит: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны: нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. Ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим!»

§ 36. «Ладно! — отвечал старший брат.— Но только сначала съездим домой да посоветуемся со всеми братьями, а тогда и пойдем полонить тех людей». Так они беседовали.

§ 37. Воротясь домой, посовещались они с братьями и выступили в поход. Передовым, наводчиком, пустили самого же Бодончара.

§ 38. Идя лобовым, захватил Бодончар в половину беременную женщину: «Кто ты такая?» — спросил он.— «Я,— говорит она,— я из племени Чжарчиут, по имени Аданхан-Урянхачжина».

§ 39. Тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне[1].

§ 40. Бывшая в половине беременности женщина, войдя к Бодончару, родила сына. Так как его считали сыном чужого племени, то и назвали его Чжадарадай. Он и стал предком рода Чжадаран. У того Чжадарана был сын, по имени Тухуудай. Сыном Тухуудая был Бури-Бульчиру, сын Бури-Бульчиру—Хара-Хадаан. Сыном Хара-Хадаана был Чжамуха. Таково происхождение рода Чжадаран.

§ 41. Эта женщина родила еще одного сына, уже от Бодончара. И оттого, что происходил он от пленницы,— и сына прозвали Бааридай. Он стал предком рода Бааринцев. Сын Бааридая — Чидухул-Боко. У Чидухул-Боко было много жен. Родилось у него и сынов что-то около этого. Они-то и стали родоначальниками племени Менен-Баарин.

§ 42. Бельгунотай стал родоначальником племени Бельгунот. Бугунотай стал родоначальником племени Бугунот. Бугу-Хатаги стал родоначальником племени Хатаги. Бухуту-Салчжи стал

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 68.

родоначальником племени Салчжиут. Бодончар стал родоначальником поколения Борчжигин.

§ 43. Тот потомок Бодончара, который родился от первой, старшей жены[1], носил имя Барин-Ширату-Хабичи. Бодончар же еще имел наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери этого самого Хабичи-Баатура. И она произвела на свет одного сына. Имя ему было Чжоуредай. Сначала Чжоуредай пользовался правом участия в родовом жертвоприношении чжугели.

§ 44. Однако по смерти Бодончара этого Чжоуредая отстранили от участия в родовых жертвоприношениях чжугели под тем предлогом, что-де некий Аданха-Урянхадаец был домашним завсегдатаем и что, должно быть, от него-то он и произошел. Он и образовал особое родовое подразделение — обох, под наименованием Чжоуреид, и таким образом стал родоначальником Чжоуредцев.

§ 45. Сын Хабичи-Баатура был Менен-Тудун. У Менен-Тудуна было семеро сыновей: Хачи-Кулюк, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харандай и Начин-Баатур.

§ 46. Сын Хачи-Кулюка, Хайду, по матери происходил от Намолуны. Хачинову же сыну дали имя Ноягидай. Из-за его крайнего чванства (noyansiy aburity)[2] и род его стал прозываться Ноякин. Сына Хачиу звали Барулатай. Ростом он был велик и горазд до еды. Род его прозвали Барулас. Сыновья Хачулы также образовали род Барулас, и из-за жадности обоих братьев к еде пошли родовые прозвища Еке-Барула и Учуган-Барула, а отсюда пошли уже и родовые подразделения Баруласов: Эрдемту Барулас, Тодоен-Барулас и др. Дети Харандая стали родоначальниками племени Будаадкашников, которое назвали так по той причине, что у них, наподобие перемешанной каши, не было ни старшего, ни главы. У Хачиуна был сын, по имени Адаркидай. Он стал родоначальником племени, прозванного Адаркин-сутяги из-за тех распрей, которые он заводил между братьями. Сыновья Начин-Баатура прозывались Уруудай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд. У Начин-Баатура от первой, старшей жены родились еще Шичжуудай и Дохолодай.

§ 47. У Хайду было три сына: Байшингор-Докшин, Чарахай-Линху и Чаочжин-Ортегай. Сын Байшингор-Докшина — Тумбинай-Сечен. Сыновья Чарахай-Линху — Сенгун-Билге, Амбагай и другие — образовали племя Тайчиудов. Потомка Чарахай Линху, происшедшего от его снохи, звали Бесутай. Отсюда идет род

---

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 48, прим. 8.
[2] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 78.

Бесуд. От сыновей Чаочжин-Ортегая пошли племена: Оронар, Хонхотан, Арулад, Сонид, Хабтурхас и Генигес.

§ 48. У Тумбинай-Сечена было два сына: Хабул-хаган и Сим-Сечуле. Сим-Сечулеев сын — Бультегу-Баатур. А у Хабул-хагана было семеро сыновей, а именно: самый старший — Окин-Бархаг, далее Бартан-Баатур, Хутухту-Мунгур, Хутула-хаган, Хулан, Хадаан и самый младший — Тодоен-отчигин.

§ 49. У Окин-Бархага — сын Хутухту-Юрки. У Хутухту-Юрки было два сына: Сече-беки и Тайчу. От них пошло поколение Юркинцев.

§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Мангету-Киян, Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Даритай-отчигин. Хутухту-Мангуров сын был Бури-Боко. Это он-то и рассек Бельгутаю плечо на пиру в Ононской Дубраве.

§ 51. Сыновья Хутула-хагана — Чжочи, Гирмау и Алтан. У Хулан-Баатура — сын Еке-Церен. Это он был нойоном Бадая и Кишлика (сделавшихся впоследствии свободными из рабов, дарханами). Ни Хадаан, ни Тодоен потомства не имели.

§ 52. Всеми Монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми Монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей.

§ 53. Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из Бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем, чтобы он, в свою очередь, передал следующее Хадаан-тайчжию из всех десятерых сыновей: «Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет».

§ 54. В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата, Некун-тайчжия, и младшего — Даритай-отчигина.

§ 55. В виду их приближения Чиледу испугался, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно

следуют за ним по пятам. В то время когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-учжин говорит ему: «Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а девицу-жену найдешь. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!» С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.

§ 56. Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-Баатур повел за поводья лошадь Оэлун-учжин, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун-учжин приговаривает: «Батюшка мой, Чиледу!

Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал,
В пустынной земле никогда ты не голодал.

Каково-то теперь?» И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад, так громко она причитала: «каково-то теперь уезжаешь?», так громко, что

Онон-река волновалась,
В перелесье эхо отдавалось.

Уж близко к дому, стал унимать ее плач Даритай-отчигин:

«Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси,— он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи,— его и след простыл.

Замолчи уже». Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун-учжин в дом свой. Вот как произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины.

§ 57. Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили ханом Хутулу. И пошло у Монголов веселие с пирами и плясками. Возведя Хутулу на ханский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорхонахе. До того доплясались, что, как говорится, «выбоины образовались по бедро, а кучи пыли — по колено».

§ 58. Когда Хутула стал ханом, Хадаан-тайчжи пошел на обоих Татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отмстить, воздаянием воздать.

§ 59. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских Темучжин-Уге, Хори-Буха и других. Тогда-то ходила на последях беременности Оэлун-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в альчик. Сообразжаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином.

§ 60. От Оэлун-учжины родилось у Есугай-Баатура четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге. Родилась и одна дочь, по имени Темулун. Когда Темучжину было девять лет, то Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию — пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун — еще в люльке.

§ 61. Когда Темучжину было девять лет, Есугай-Баатур собрался сватать ему невесту у дядей по матери его Оэлун, у ее родни из Олхонутского рода, куда и отправился вместе со своим сыном Темучжином. По дороге, между урочищами Цекцер и Чихургу, повстречал он Хонхирадского Дэй-Сечена.

§ 62. «Куда держишь путь, сват Есугай?» — спрашивает его Дэй-Сечен. — «Я еду, — говорит Есугай-Баатур,— еду сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у Олхонутского племени». Дэй-Сечен и говорит: «У твоего сынка взгляд — что огонь, а лицо — что заря».

§ 63. «Снился мне, сват Есугай, снился мне этой ночью сон, будто снисшел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снисшел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, что это вы — духом своего Киятского племени — являлись во сне моем и предрекали!

§ 64. Мы, Унгиратское племя,

С древних времен знамениты
Красою и статностью дев от жены-унгиратки.
Брани не любим, но дев своих милых
К вашим ханам в подруги везем.
В одноколку казачью[1] верблюд вороной
Запряжен, и рысью пустили его...
К вам на царское место усадим ее.
Браней не ищем мы. Только,
Вырастив славных девиц,

[1] Казачья телега — арба.

В крытый возок уместим
С сивым верблюдом в упряжке...
Замуж проводим. К вам на высокое место
Дорогóй половиной усадим.
Искони унгиратские жены
Как щит неприступны, а девы — смиренны.
Красотою же дев от жены-унгиратки
Издревле мы знамениты.
Отроки наши за степью глядят,
Девы у нас красотой взор пленят.

(«Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том соперников, красотою наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему царственному роду своих прекрасноланитных девиц, поместивши в арбу (казачью телегу), запряженную чернобурым верблюдом и пуская его рысью, доставляем к вам, на ханское ложе. С племенами-народами не спорим. Прекраснолицых дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увозя на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе, (дражайшей) половиною пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского племени, жены славны щитом, а девы — кротостью. Славны мы прелестью внучек и красою дочерей. Ребята у нас за кочевьем глядят, а девушки наши на свою красу обращают взоры всех...»)

Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя — малютка, да свату надо посмотреть». С этими словами Дэй-Сечен проводил его к себе и под локоть ссадил с коня.

§ 66. Взглянул он на дочь его, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Увидал он девочку, и запала она ему в душу. Десятилетняя, на один год была она старше Темучжина. Звали Борте. Переночевали ночь. Наутро стал он сватать дочь. Тогда Дэй-Сечен говорит: «В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать? То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятьях-женихах». Когда дело покончили, Есугай-Баатур говорит: «Страсть боится собак мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!» С этими словами подарил ему Есугай своего заводного коня, оставил Темучжина в зятьях и поехал.

§ 67. По дороге, в Цекцерской степи — Шира-кеере, пировали Татары. Повстречавшись с ними, Есугай-Баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждой. Татары же, оказывается, его знали. «Это Есугай-Киян явился»,— рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счеты. И вот, с умыслом тайно его извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них, он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог.

§ 68. Говорит тогда Есугай-Баатур: «Мне дурно. Есть тут поблизости кто-нибудь?» Ему сказали, что неподалеку находится Мунлик, сын Хонхотанского старца Чарахая. Позвав его к себе, Есугай-Баатур сказал ему: «Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно Татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятья своего Темучжина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток, и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези ты поскорей моего Темучжина!» Тут он и скончался.

II. Юность Чингиса

§ 69. В точности исполняя распоряжение Есугай-Баатура, Мунлик отправился и сказал Дэй-Сечену: «Старший брат Есугай-Баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Приехал взять его!» Дэй-Сечен отвечал: «Раз сват так горюет по своему мальчику, то пусть себе съездит, повидается, да и скорехонько сюда». Тогда отец-Мунлик и доставил Темучжина домой.

§ 70. В ту весну обе супруги Амбагай-хагана, Орбай и Сохатай, ездили на кладбище, в «Землю Предков». Оэлун-учжин тоже поехала, но приехала поздно, опоздав при этом не по своей вине. Тогда Оэлун-учжин, обращаясь к Орбай и Сохатай, сказала: «Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-Баатур умер, рассуждаете вы, а дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения!»

§ 71. Ханши же Орбай и Сохатай ей ответили так:

«Хоть бы и позвали, так не стоит давать:
Ешь, что найдется!
Хоть бы и просила, так не стоит давать:
Ешь, что придется!

(«Ты и заслуживаешь того, чтобы тебя не звали) или: позвав, ничего не дали). Тебе и следует есть то, что найдешь (что попадется). Ты и заслуживаешь того, чтобы тебе отказывали даже в просимом. Видно, из-за того, что умер Амбагай-хан, нас может оговаривать даже Оэлун».)
Не потому ли, что скончался Амбагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить?»

§ 72. Согласно уговору — откочевать, бросив в нутуке этих (Есугаевских) матерей с детьми, и уйти, никого из них не взяв с собой,— Таргутай-Кирилтух, Тодоен-Гиртай и прочие Тайчиудцы на другой же день тронулись вниз по реке Онону. Когда они

покинули, таким образом, Оэлун-учжин, матерей с детьми и откочевали, Хонхотанский Чарха-ебуген поехал их уговаривать. Но Тодоен отвечал ему: «Тут

Ключевые воды пропали,
Бел-камень треснул!

А ты-то как смеешь отговаривать людей?» — сказал ему Тодоен-Гиртай и при этом сзади кольнул его в спину копьем.

§ 73. Тяжелораненый Чарха-ебуген лежал у себя дома. Когда Темучжин приехал его проведать, Хонхотанский Чарха-ебуген сказал ему: «Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус, улус, собранный твоим благородным родителем». Темучжин уехал от него в слезах. Оэлун-учжин, покинутая народом, сама подняла знамя и выступила. Многих ей удалось воротить, однако и тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за Тайчиудцами.

§ 74. Когда же укочевали Тайчиудские братья, покинув в старом кочевьи вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как пошло:

Мудрой женой родилась Оэлун.
Малых детей своих вот как растила:
Буденную шапочку покрепче приладит,
Поясом платье повыше подберет,
По Онон-реке вниз и вверх пробежит,
По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет
И день и ночь своих деток пестует.

* * *

Смелой родилась наша мать-Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.

* * *

Черемухой да луком вскормленные,
Доросли до ханского величия.
Корнем чжаухасуна вспоенные,
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми.

* * *

Голым чесноком у матери вскормлены,
Поднялись отважными сынами,
Вознеслись высокими сайдами,
Из всех выдались и мужеством и отвагою.

А обетом себе поставили — мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку негожую притравливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовью матушку напитают.

(Оэлун-фужень мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку, коротко поясом платье подбирала, бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи, день и ночь кормила.

Смелая (возможно) и счастливая, не простая, причастная миру духов (от роду мать-Учжин, пестуя своих (благословенных) счастливо-блаженных, августейших) детей, брала с собой лыковое лукошко, копала коренья судуна и кичигина и кормила.

У матери-Учжин черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства. У праведной матери-Учжин корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми.

Те, которых голым чесноком вскормила прекрасная Учжин, стали отважными сынами, стали высоко вознесенными сайдами-сановниками. А как стали мужами-сайдами, выдавались они мужеством и отвагою.

И дали друг другу слово прокармливать свою мать. Стали сиживать на крутом берегу Онон-матушки, друг для друга стали ладить крючья-удочки. Наживляя негодную рыбешку, стали удить. Притравляя игольные крючья-удочки, стали выуживать ленков да хайрюзов. Сплетая сети-невода, стали вылавливать рыбку-плотвичку. В знак сыновней почтительности стали и сами кормить свою мать.)

§ 76. Таким-то образом сидели однажды на берегу Онона Темучжин, Хасар, Бектер и Бельгутай. И вот на один из закинутых крючьев попалась блестящая рыбка-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Темучжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: «Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клюнула на крюк».— «Ах, что мне с вами делать? — говорит им мать Учжин-эхе.— Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится,

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду Тайчиудским братьям, а вы в это время так же не согласны между собою,

как некогда пятеро сыновей праматери вашей Алан-эхэ. Не смейте так поступать!»

§ 77. Не по вкусу пришлись эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: «Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой — годоли; а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?» И, хлопнув дверью, они поспешно ушли. Бектер в это время стерег на холме девять соловых меринов. Темучжин подкрался к нему сзади, а Хасар — спереди. Когда они приблизились, держа наготове свои стрелы, Бектер обратился к ним с такими словами: «Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные Тайчиудскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

Ресница в глазу
Иль заноза в зубах.

Чего же стоят такие рассуждения, когда у нас

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутая!» С этими словами он покорно присел на корточки. Темучжин же с Хасаром тут же в упор пронзили его выстрелами спереди и сзади и ушли.

§ 78. Как только они вернулись домой, мать-Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей: «Душегубцы! — сказала она.— Недаром этот вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!

Этот вот видно недаром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!
Темное дело свое вы свершили,
Словно дикие псы,
Что лоно у матки своей прогрызают,
Словно свирепый хаблан,
На скалу налетающий.
Львам вы подобны,
Чью ярость ничто не уймет,
Демонам-змеям, мангусам[1],
Живьем, говорят, пожирающим.
Или же — кречеты вы:
Те свою тень поражают.
Щуки коварные вы:
Из засады вы жертву глотаете.
Или — верблюжьи самцы:
Верблюжонку лодыжки грызете.

[1] П. Кафаров переводит: удав. (р. 16)— исполинский змей.

Волкам подобны голодным:
Те за добычей в ненастье следят.
Птица турпан пожирает птéнцов своих,
Если увлечь за собой их не может.
Смел на защиту трусливый шакал,
Если гнездо его кто потревожит.
Барс не замедлит схватить.
Зря нападает дворняга.
Вот с кем вы сходны в злодействе своем!

(«Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу; словно хаблан (птица ?), бросающийся на скалы даже; словно львы, не могущие унять свою ярость; словно демон-мангус, глотающий живьем; словно кречет, бросающийся на свою собственную тень; словно щука, хватающая исподтишка; словно верблюд, кусающий сгиб задней ноги у своего же одногодовалого верблюжонка; словно волк, заглядывающий в ненастный день; словно турпан, пожирающий своих птенцов, когда он не в силах увести их за собой; словно обороняющийся шакал, когда потревожили его логово; словно тигр, не мешкающий в своей хватке; словно дворняга, кидающаяся без разбору... Нет у вас друзей, кроме собственной тени; нет у вас плети, кроме (конского) хвоста...») Речь ведь о том, кто вам поможет отмстить Тайчиудцам, раз вы не в силах сами с обидой покончить. У вас же сейчас

Нет дружеской сени, кроме собственной тени,
Нет другого хлыста, кроме хвоста.

О чем же вы думаете, так поступая?» И долго она с великим гневом говорила им,

Древние речи распускала,
Старые слова развивала.

(Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова.)

§ 79. Тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражи Таргутай-Кирилтух. Он сообразил теперь:

Видно, овечки-то, кургашки, облиняли,
Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгутай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар перестреливался с неприятелем. Хачиуна, Темугея и Темулуну спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиудцы стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив, что Темучжин пустился в лес, Тайчиудцы бросились за ним в погоню, но он уже успел проб-

раться в густую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, Тайчиудцы окружили этот бор и стали его сторожить.

§ 80. Проночевал Темучжин трое суток в тайге и решил, наконец, выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтянутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки. Тогда стал он раздумывать: «Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудная шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает». И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-кремень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. «Не ясно ли,— подумал он,— не ясно ли, что само небо меня удерживает». Провел он в лесу еще девять суток, без всякой пищи, и думает: «Ужели довести себя до бесславной смерти! Выйду теперь!» И принялся срезать своим ножом для очинки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслонил проход. Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалину. А Тайчиудцы тут как тут, сторожат. Схватили его и повели с собой.

§ 81. Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночлег при этом он должен был скитаться из юрты в юрту. 16-го числа Первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это празднество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздновавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил плыть вниз по течению.

§ 82. Между тем упустивший его человек громко вопил: «Упустил колодника!» На его крики со всех сторон стали собираться Тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать рощу Ононскую: светил месяц, и было светло, как днем. Сулдусский Сорган-Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжин лежал в заводи. Он заметил его и говорит: «Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что

Во взгляде — огонь,
А лицо — что заря.

Но не робей, так и лежи, а я не выдам!» — и поехал дальше. Когда стали уговариваться о дальшейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: «Давайте снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем». Все согласились и пошли каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: «Лежи себе. Неподалеку тут твои братцы точат на тебя свои зубы и языки. Но не робей!»— и поехал дальше.

§ 83. И опять уговариваются они о новых поисках, и опять советует Сорган-Шира: «Сынки-Тайчиудцы![1] Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною ночью? Давайте напоследок хорошенько просмотрим, на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам; а завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти этот человек, с колодкой на шее?» Все согласились и пошли снова повторным поиском. Опять подъехал к нему Сорган-Шира и говорит: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри не проговорись, что я тебя видел». И с этими словами уехал.

§ 84. Выждав пока они разошлись, Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Ширая. Он размышлял так: «Еще позавчера, когда мне пришла очередь ночевать тут, ночую я в юрте Сорган-Ширая. Сыновья его, Чимбай с Чилауном, жалеют меня. Ночью, видя мои мученья, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот и Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо.
Не донес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?»

§ 85. Юрта Сорган-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — на слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: «Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?» Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун, стали говорить: «Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?» Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе.

---

[1] У Б. Я. Владимирцова—«Сыновья Тайчиудские» (Общественный строй, стр. 70).

§ 86. На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уж добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: «В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?» Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли.

§ 87. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: «Чуть было не развеял ты меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!» Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил его бурдюком и бочонком, но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением он его отпустил.

§ 88. Так выступивши, Темучжин добрался до тех мест, где они скрывались в устроенных заграждениях. Следом, по примятой траве, пошел дальше вверх по течению реки Онона. След привел к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, он нашел своих в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер.

§ 89. Соединившись там, они тронулись дальше и расположились кочевьем в Хара-чжируханском Коконуре, у речки Сангур, в глубине урочища Гулельгу, по южному склону Бурхан-халдуна. Там промышляли ловлей тарбаганов и горной крысы-кучугур, чем и кормились.

§ 90. Однажды явились грабители и на глазах у всех угнали восемь соловых меринов, находившихся недалеко от юрты. И видели, да ничего не могли поделать: на куцом бегунце савраске Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. После заката солнца приходит Бельгутай, шажком ведя за собой куцого бегунца савраску с навьюченными на нем тарбаганами. Когда ему рассказали об угоне соловых меринов, Бельгутай говорит: «Я еду в погоню». А Хасар говорит: «Ты не справишься, в погоню отправлюсь я».— «Вам не справиться,— говорит Темучжин.— Погонюсь-ка я». И с этими словами Темучжин сел на саврасого бегунца и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами. Трижды он ночевал в пути, и вот рано утром встречает на следу, в шалаше при табуне, какого-то молодца, который в это время доил кобылу. На вопросы о соловых меринах парень отвечал: «Сегодня, рано утром, перед восходом солнца, тут действительно прогоняли восемь соловых меринов. След я отведу»[1]. И с этими сло-

[1] Специальный термин «отводить след», см. примечание в томе II.

вами он пустил в табун куцого савраску, а Темучжина посадил на белоспинного вороного, Орон-шинхула. Сам же сел на буланого бегунца, Хурдун-хуби. Не заехав даже к себе домой, он бросил в степи свои подойники и бурдюки, кое-как их прикрыв, и говорит: «Друг, ты ведь сильно измаялся в пути, а у добрых молодцев горе-то общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец прозывается Наху-Баяном. Я его единственный сын, зовусь Боорчу». И поехали они по следу. На четвертый день пути их, вечером, в ту пору, когда солнце начинает скрываться за горизонтом, они подъехали к куреню какого-то племени и тут увидели восьмерых соловых, которые паслись на краю этого большого куреня. Темучжин и говорит: «Ты, друг, постой здесь, пока я угоню вон тех соловых».— Я,— отвечал Боорчу,— я ведь пошел с тобой в товарищах. Чего же это я буду стоять тут?» И они бросились вместе и угнали соловых меринов.

§ 91. Вслед за ними один за другим бросаются в погоню люди. Кто-то на белом коне, с укрюком в руке, уже настигает их в одиночку. «Товарищ,— говорит Боорчу,— давай мне лук и стрелы, я буду отстреливаться!»— «Нет,— отвечает Темучжин.— Недоставало, чтобы ты еще из-за меня и погиб. Я сам буду отстреливаться!» И он, обернувшись, начал пускать стрелы назад. Всадник на белом коне приостановился и стал своим укрюком подавать знаки. Тогда задние бросились было к нему вскачь. Но к этому времени солнце уже закатилось и стало темнеть. Застигнутые темнотою, задние приостановились, и отстали все.

§ 92. Ехали они напролет всю ту ночь, ехали потом напролет еще три дня и три ночи, пока наконец не доехали. «Друг,— говорит Темучжин.— Разве я без тебя вернул бы этих своих лошадей? Давай разочтемся. Сколько ты хотел бы?» Но Боорчу отвечал на это: «Ведь я почему поехал с тобой? Потому что видел, как страдает мой добрый товарищ; потому что хотел оказать услугу своему доброму товарищу. Разве я за барышом гнался? Ведь мой отец не зря зовется Наху-Баяном. И я недаром его единственный сын. Я ничего не возьму. Иначе моя услуга — что же это была бы за услуга? Ничего не возьму!»

§ 93. За этим разговором подъехали к юрте Наху-Баяна. А тот уже проливал слезы о своем пропавшем сыне Боорчу. Вдруг тот является. Глядя на своего сына, то плачет он, то бранится. А Боорчу говорит: «В чем дело? С горем приехал добрый товарищ, я и съездил с ним в товарищах. А вот и вернулся». С этими словами он слетал в степь и привез припрятанные там бурдюки и подойники. Затем они как следует снарядили Темучжина в дорогу: зарезали на харчи ягненка-кургашку, дали полный бурдюк питья, и говорит тогда Наху-Баян: «Вы оба — молодые ребята.

Любите же друг друга и никогда друг друга не покидайте!» Простившись с ними, Темучжин в три ночи и в три дня доехал домой, на речку Сангур. Тем временем и мать Оэлун, и Хасар с прочими братьями горевали, не находя себе места. Зато и обрадовались, увидев теперь Темучжина.

§ 94. Потом Темучжин, вместе с Бельгутаем, поехал вниз по Келурену разыскивать Дэй-Сеченову Борте-учжину: он не видал ее с тех пор, как побывал у них еще девятилетним мальчиком. Дэй-Сечен, как и все Унгираты, по-прежнему оказался между урочищами Чекчер и Чихурху. Увидав Темучжина, Дэй-Сечен очень обрадовался и говорит: «Наконец-то вижу тебя. Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя Тайчиудские братцы». Потом, обручив его с Борте-учжин, стал снаряжать проводы. Поехал провожать и сам, воротясь домой с Келуренских Урах-чжолнудов. А жена его, мать Борте-учжины, по имени Цотан, та, провожая свою дочь, доставила ее прямо в семью мужа, когда кочевали на речке Сангур, в глубине урочища Гурельгу.

§ 95. Когда пришло время провожать домой Цотан, то он послал Бельгутая позвать в товарищи и Боорчу. Выслушав Бельгутая, Боорчу даже отцу своему не сказался: сел на своего горбатого савраску, бросил через седло свой серый армяк и явился вместе с Бельгутаем. Вот какие услуги он оказал и вот как стал другом.

§ 96. В то время когда уезжали с речки Сангур и расположились кочевьем на Келурене у подмытого водоворотом яра Бургиерги, то Цотан подарила черного соболя доху, в качестве свадебного подношения ее — шидкуль, свекрови своей. Эту свою доху Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, повез к Ван-хану, рассудив так: «Ведь когда-то Ван-хан Кереитский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, все равно что отец мне». И он поехал к Тульскому Темному Бору — Хара-тун, узнав, что Ван-хан находится там. Приехав к Ван-хану, Темучжин сказал: «Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду». И с этими словами он поднес ему соболью доху. Растроганный Ван-хан дал такой ответ:

«За соболью доху отплачу;
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу!
За соболью доху отплачу:
Разбежавшийся люд ворочу,

Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный, челядь — там».

(«В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус. Пусть лопатка пойдет к передней части (почетной), а почки — к задней части»).

§ 97. Когда, возвратясь оттуда, находились у подмытых яров, Бурги-эрги, приходит с Бурхан-халдуна старик Урянхадаец, Чжарчиудай, с раздувальным мехом за плечами, и приводит своего сынишку, по имени Чжелме. «Я когда-то поднес вам,— говорил Чжарчиудай,— поднес вам в Делиун-болдохе собольи пеленки по случаю рождения Темучжина. Тогда же я отдавал вам и вот этого сынка своего, Чжелме, но увел обратно, потому что сказали: маловат. Теперь же отдаю своего Чжелме вот для чего:

Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать».

§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Келурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-Эмген, служанка в юрте матери Оэлун, поднялась и говорит: «Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!»

§ 99. Тотчас же встала мать Оэлун и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади — Темучжин, на другой — Оэлун-эке, на третьей — Хасар, на четвертой — Хачиун, на пятой — Темуге-отчигин, на шестой — Бельгутай, на седьмой — Боорчу и на восьмой — Чжелме. Темулун же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.

§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скачут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спрашивают: «Ты кто такая?» — «Я темучжиновская!»— говорит старуха Хоахчин.— Езжу в большую юрту стричь овец. А сейчас еду домой».— «А Темучжин-то дома? Далеко ль до его юрты?»— спрашивают те.— «Юрта-то его близко,— говорит Хоахчин,— а дома ли он, нет ли — того не знаю: я выехала с заднего двора».

§ 101. Ратники тотчас ускакали. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча, ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили на седло: ноги ее свисали без опоры в стременах. Подлетают: «А в телеге у тебя что?»— спрашивают.— «Везу овечью шерсть!»— отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: «Слезай-ка, ребята, да посмотри!» Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: «Да тут сама госпожа!»— говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундлатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.

§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода. За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. «Ну, теперь мы взяли пеню за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!»— сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам.

§ 103. Тогда Темучжин велел Бельгутаю, Боорчу и Чжелме трое суток следовать по пятам за тремя Меркитами, чтобы убедиться, действительно ли они возвращаются домой или хотят устроить ловушку. Сам же, дав Меркитам подальше углубиться в степь, сошел с Бурхана и, ударяя себя в грудь, сказал:

«А все оттого, что у доброй Хохчин
Кротовые уши, видать,
У матушки доброй Хохчин
Хорьковое зренье под стать.

* * *

На тяжко-подъемном коне,
Кляня свою тяжесть вдвойне,
Бродами изюбрей бредя,
Из ивы шалаш городя,
Взошел я на гору Бурхан.

* * *

Но жизнь моя — прах ей цена!
Бурханом изблевана, мне отдана,
Бурханом одним спасена.

* * *

С одним лишь, единым конем,
Одну только жизнь возлюбя,
Бродами сохатых бредя,
Из прутьев шалаш возводя,
Взошел я на гору Халдун.

* * *

Но жизнь моя — капля она!
Халдуна щитом хранена,
Халдуном одним спасена.

* * *

Заутра хваления жертв,
По вся дни молитв он достоин
Во веки и в роды родов».

* * *

Сказал, и на солнце смотря,
С кропленьем молитву творя,
На шею он пояс, как четки, привесил,
А на руку шапку поддел,
И грудь широко распахнув,
Он трижды три крат до земли поклонился.

(«Благодаря тому, что у матушки Хоахчин слух такой, будто она обращается в крота, а зрение такое, будто она обращается в хорька, я, в бегстве ища спасенья своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне, бредя оленьими бродами, отдыхая (сооружая) в шалаше из ивовых ветвей, взобрался на (гору) Бурхан.

На Бурхан-халдуне спас я (отсрочил) вместе с вами жизнь свою, подобную (жизни) вши (или: Бурхан-халдуном изблевана...)

Жалея одну лишь (единственно) жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, отдыхая (городя) в шалаше из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя, подобная (жизни) ласточки. Великий ужас я испытал. Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!» И сказав так, он обернулся лицом к солнцу, как четки, повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропленье и молитву.)»

III. Разгром меркитов. Наречение Темучжина Чингисханом

§ 104. Вскоре после этого Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, отправился в Темный Бор на реке Тууле, к Кереитскому Тоорил Ван-хану и сказал ему: «Внезапно напали на нас три Меркита и полонили жен и детей. Я пришел просить тебя, хан и отец, спасти моих жен и детей».—«Разве же я,— говорит Тоорил Ван-хан,— разве я в прошлом году не говорил тебе? Вот что сказал я тебе, помнишь, тогда, когда ты, в знак сыновней любви, облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим-анда — все равно что отец тебе. Вот что сказал я тогда:

«За соболью доху отплачу:
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу.
За соболью доху отплачу:
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный; челядь — там».

Не так я сказал? А теперь и сдержу свое слово.

За соболью доху отплачу,
Всех Меркитов мечу я предам,
А Учжину твою ворочу.
За соболью доху отплачу:
Супостатов предам я огню и мечу,
А царицу твою ворочу.

(«За твою соболью доху я соберу для тебя твой рассеянный улус. За черную твою соболью доху я соединю для тебя разлученных людей твоих. Так я говорил и прибавил: пусть же почечная часть идет к заду, а лопаточная (почетная)—к переду. Теперь же, по этим словам своим, в благодарность за соболью доху, я истреблю для тебя всех Меркитов дотла и спасу для тебя твою Борте-учжин. За черную соболью доху, предав огню всех без исключения Меркитов, доставим мы тебе твою Борте, возвратим ее тебе...»)

Пошли ты известие Чжамухе. Младший брат Чжамуха находится сейчас в Хорхонах-чжубуре. Я с двумя тьмами выступлю отсюда и буду правым крылом, а Чжамуха со своими двумя тьмами пусть будет левым крылом. Место и время встречи назначает Чжамуха!» — так он сказал.

§ 105. От Тоорил-хана Темучжин, Хасар и Бельгутай вернулись домой, и уже из дому Темучжин послал к Чжамухе Хасара и Бельгутая, наказав им: «Вот как скажите анде моему Чжамухе:

«Ложе мое — воздух пустой,
Мы ль не единого рода с тобой?
Как же мы кровную месть совершим?
В сердце зияет глубокая рана.
Нам ли с тобою родство не охрана?
Как же свою мы обиду отмстим?»

(«Ложе мое обращено в пустой воздух. Принадлежа к одной большой семье (родстве), разве мы чужие с тобой? Как выместим свою месть? Лоно (грудь) мое ущерблено. Будучи кровной родней, чужие ли мы (друг другу)? Как же воздадим воздаяние свое?»)

Не только это наказывал он передать своему анде Чжамухе, но также и собственные слова Кереитского Тоорил-хана: «Памятуя, что я в свое время был облагодетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не поднимется ли он со своими двумя тьмами. Место же и время пусть назначит сам брат Чжамуха». Выслушав все это, Чжамуха сказал так: «Только услышал я про Темучжина,

Только услышал про друга-анду,
Что воздух пустой — его ложе,
Сердце мое заскорбело.
Только услышал про рану в груди,
Печень моя заболела.
Кровную месть мы свою совершим,
Меркит-Удуит и Увас истребим,
Милую сердцу Борте возвратим.
Правою местью своей отомстим:
Хаат-Меркитов огню предадим,
Ханшу спасем и домой возвратим.
Плещут чуть слышно попоны коней,
Гром барабанный на бой нас зовет
На Тохтоа, на зачинщика, в Бу́ра-ке́ере.
Длиннотетивные луки волнуются, рея.
На супостата, на Даир-усуна,— скорее.
Орхон с Селенгой где слилися, на остров Талхун.
Катится по ветру желтый бурьян[1].
Чуть что — в тайгу, Хаатай-Дармала.
Ныне в степи Харачжи должен быть.
Двинемся ж дружно кратчайшим путем,
Бурный Хилок напрямки перейдем!
Пусть себе знатные бороды гладят...
Наши тем часом плоты свои ладят[2]...
На Тохтоа, на зачинщика-труса,

---

[1] Перекати-поле — трава.

[2] Или иная трактовка:

Пусть только чакан (камыш) будет высок —
Свяжем плоты, перейдем мы Хилок,

Бурей внезапною грянем.
В прах обратим и высоких, и знатных[3],
Жен и детей полоним.
Мы их святыни растопчем ногами[2],
Целым народом в полон уведем».

(«Когда я услыхал, что ложе его обратилось в пустой воздух, сердце (внутри) у меня заболело. Когда узнал я, что лоно его ущербили, печень у меня заболела. Отмщая месть свою и истребив Удуитских и Увасских Меркитов, освободим свою Учжин-Борте. Воздавая свое возмездие, предадим огню всех Хаат-Меркитов и ханшу Борте свою возвратим — спасем. Теперь, когда у нас похлопывают чепраки (попоны), когда гремят у нас барабаны, задира и трус Тогтога находится, должно быть, в степи Буура. Теперь, когда у нас волнуются длиннотетивные луки, вояка Даир-Усун находится, должно быть, на острове Талхун-арал, у слиянья Орхона и Селенги. Теперь, когда по ветру развевается желтый полынь (перекати-поле), поскорее поспешающий в лес, Хаатай-Дармала находится, должно быть, в степи Харачжи. Теперь, когда напрямик мы пойдем поперек реки Килхо — пусть в это время будут богаты и благополучны их бороды!— мы, связав плоты, перейдем. У того беспечного Тогтогая, обрушившись на него прямо через дымовое отверстие, на самое почетное у него налетим и в прах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим»).

§ 106. Чжамуха продолжал: «Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: «А обо мне скажите, что я

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой надел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил,
В битву — скажите — готов я теперь.
В битву с Меркйтом-Хаáтай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцирь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите —
К бою с Меркит-Удуитом.

---

[1] Разом почетный заслон сокрушим.
[2] Разом священный заслон разобьем.

(«Я уже окропил издали видное знамя свое, я ударил уже в свой барабан, обтянутый кожей черного вола и издающий рассыпчатый звук. Я оседлал своего вороного скакуна, надел свой жесткий тулуп, поднял свое стальное копье. Приладил я свои дикого персика стрелы, и готов я выступить в поход на Хаатай-Меркитов— сразиться. Так скажите. Издали видное длиннодревковое знамя свое окропил я, ударил я в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей. Черноспинного скакуна своего оседлал я, прошитый ремнями свой панцирь надел. С рукоятью меч свой я поднял, приладил я свои стрелы с зарубинами и готов смертным боем биться с Удуит-Меркитами. Так передайте...»)

«Пусть Тоорил-хан, мой старший брат, следуя южным склоном Бурхан-халдуна, заедет к анде Темучжину. Местом нашего соединения пусть будет Ботоган-борочжи, в истоках реки Онона. На пути отсюда, вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды. Из улуса анды составится одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы. Пойдем вверх по Онону и соединимся в условленном месте, на Ботоган-бооручжи».

§ 107. Когда, возвратясь домой, Хасар с Бельгутаем пересказали эти слова Чжамухи Темучжину, он послал уведомление Тоорил-хану. Тоорил-хан двинулся в поход. Темучжин в это время находился в урочище Бурги-эрги, но рассчитав, что он окажется как раз на пути его следования, так как, двигаясь южным склоном Бурхан-халдуна, неминуемо попадет к Бурги-эрги, Темучжин отошел в сторону с дороги и, пройдя вверх по течению речки Тунгелик, расположился по речке Тана, на южном склоне Бурхан-халдуна. Отсюда Темучжин начал поход, и в то время, когда одна тьма Тоорил-хана да одна тьма его младшего брата Чжаха-Гамбу, всего две тьмы, стояли лагерем в Аил-голе, на речке Кимурха, он присоединился к ним.

§ 108. Отсюда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу двинулись соединенными силами к истокам реки Онона, в Ботоган-бооручжи. Когда они прибыли туда, оказалось, что Чжамуха прибыл в условленное место тремя днями раньше. При виде этих войск Темучжина, Тоорила и Чжаха-Гамбу он выстроил в боевой порядок свои две тьмы. Тогда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу так же выстроили и свои войска. Когда сблизились и распознали друг друга, Чжамуха стал говорить: «Разве не было у нас такого уговора, чтоб

И в бурю на свидание,
И в дождь на собрание
Приходить без опоздания.

Разве отличается чем от клятвы монгольское «да»? И разве мы не уговаривались также, что за опоздание

Из строя вон,
Кто бы ни был он».

На эти слова Чжамухи ответил Тоорил-хан: «Волен нас судить и взыскивать с нас младший брат, Чжамуха, за то, что опоздали явкой на три дня!» Тем и покончили пререкания по поводу срока прибытия.

§ 109. Они выступили из Ботоган-бооручжи и достигли реки Килхо. На связанных плотах переправились через реку, и в степи Буура-кеере ударили на Тохтоа-беки.

Бурей внезапной нагрянули.
Разом заставу почестную сбили,
Жен и детей у него полонили.
Разом святую заставу смели.—
Для Тохтоа будет много ли, мало ли —
Целый народ мы в полон увели.

(Вторгнувшись через дымник (как снег на голову) и сокрушив главные ворота (запоры, заставы), жен и детей до последнего полонили. Священные врата (запоры, заставы) у него прочь мы снесли, весь улус его дочиста (досуха) полонили.)

Оказалось, что Тохтоа-беки мог быть захвачен во время сна, но его успели предупредить о приближении неприятеля. Предупредили же его, проскакав всю ночь напролет, находившиеся на работе его люди, которые занимались кто рыбной ловлей в реке Килхо, кто ловлей соболей или звериной охотой. Будучи, таким образом, предупрежден, Тохтоа, вместе с Увас-Меркитским Даир-Усуном и небольшим числом людей, поспешно бежал вниз по реке Селенге в страну Баргучжинскую.

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: «Борте, Борте!» А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброть и поводья Темучжинова коня. Было месячно. Взглянул он на Борте-учжину — и узнал. Обняли они друг друга. В ту же ночь Темучжин послал сказать Тоорил-хану и анде Чжамухе: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа,

Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэлун-эке у Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледуя, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась. А теперь, спасаясь бегством, он говорил так:

«Черной бы вороне падаль и клевать,
Вздумалось же черной гуся пощипать.
Дурень я, Чильгир, дурнем уродился,
К благородной, к ханше, зря я прицепился:
Весь Меркитский род ликом помрачился.
Дурень я, холоп, холопом родился,
Холопской башкою своей поплатился.
Лишь бы только жизнь мне как-нибудь спасти,
Убегу в ущелья — тесные пути.
Где же мне защиту иначе найти?

* * *

Птице-мышелову мышей бы трепать.
Вздумала ж поганая лебедя щипать.
Дурень мешковатый — таким я родился —
К пресветлейшей ханше зря я прилепился:
Весь Меркитский род лицом помрачился.
Дурень я, Чильгир, никчемным родился,
Пустою башкою своей поплатился.
Жизнь моя не краше, чем овечий кал,
Но и ту бы надо как-нибудь спасти:
В темные ущелья! Иначе пропал!
Другое убежище где же мне найти?»

* * *

«Черной вороне положено кормиться дерном да корой, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Грубый я мужик, Чильгир! Подцепил себе ханшу Учжин — навлек беду на все Меркитское племя. Простоволосый я мужик, Чильгир! Не поплатиться бы мне своею простоволосой головой. Только бы мне спасти свою жизнь: проберусь-ка в темные ущелья. Где же еще мне найти убежище?

Поганой птице мышелову-хулду положено кормиться мышами да полевыми грызунами, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Смердящий я, Чильгир! Прибрав к рукам священную Учжин, на всех Меркитов навлек я беду. Захудалый я (дрянь-мужичонко), Чильгир. Придется, видно, мне поплатиться засохшей своей головой (засохнет). Спасая свою жизнь, такую (по цене, как) овечий помет, заберусь-ка я в зубчатые, мрачные ущелья. Где же

еще мне найти убежище?». Так приговаривал он, озираясь и убегая во всю прыть.

§ 112. Хаатай-Дармалу поймали, надели ему шейную колодку и повезли к Бурхан-халдуну.

Из досок на шее колоду замкнули,
На гору Халдун молодца потянули.

(Колодки из досок на него надели, в Халдун-бурхан отправили).

Бельгутаю указали аул, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она, в рваном овчинном тулупе, ушла через левую половинку двери, в то время, как сын входил через правую. Вышла на двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: «Мои сыновья поделались, говорят, ханами, а я тут маюсь около мужика. Как же мне теперь смотреть в глаза своим сыновьям?» И с этими словами она убежала и скрылась в тайге. Сколько ни искали ее, так и не нашли. Тогда Бельгутай возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою, а тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан, он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: миловидных и подходящих, — забрали в наложницы, а годных стоять при дверях — поставили прислугой, дверниками.

Детей их и жен, после них что остались,
К утехе пригодных в подруги забрали;
Другим же — за дверью сидеть наказали
Затем, что к тому лишь пригодны казались.

(Оставшихся после них жен и детей: миловидных (подходящих для лона) забрали в наложницы (поместили на лоно), а годных только в привратницы поделали привратницами.)

§ 113. И сказал Темучжин благодарственное слово Тоорил-хану и Чжамухе:

«Хан Тоорил и анда Чжамуха дружбу свою доказали..
Небо с землею нам мощь умножали,
Тенгрий могучий призвал[1], а Земля —
Мать-Этуген — на груди пронесла.
Мужам Меркитским как должно воздав,
В руки свои их наследье приняв,
Лона их в воздух пустой обратя,
Печень и им глубоко ущербили;
Ложа и им в пустоту обратя,
Род мы их весь до конца разорили».

(При дружественной помощи моего хана-отца и Джамухи-анды, умножаемые в силе Небом и Землей, нареченные могучим

[1] Нарек.

Тенгрием и споспешествуемые (доставляемые) Матерью Землей (Экс-Этуген), мы, мужам Меркитским в возмездие, в воздух обратили лоно их, ущербили печень у них: в воздух обратили и ложе их, искоренили и родню их мы. А именье их мы сберегли себе»). Затем, полагая, что довольно покарали Меркитский народ, они порешили возвращаться домой.

§ 114. Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в собольей шапочке, в сапогах из маральих лапок и в шубке, подобранной из беленых обрезков соболиных шкурок. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ.

§ 115. Соединенными силами Темучжин, Тоорил-хан и Чжамуха у Меркитов

Крутоверхие юрты разбили,
Знатных красавиц пленили

(Клином сшибли замки у юрт, красавиц для себя забрали знаменитых... (Иначе: снесли их крутоверхие юрты)
и тронулись с острова Талхун-арала, что у слияния рек Орхона и Селенги. Тоорил-хан взял направление к Тульскому Черному Бору, по северным лесистым склонам Бурхан-халдуна, через урочище Хача-урату-субчит и Уляту-субчит, попутно совершая звериные облавы.

§ 116. Темучжин с Чжамухою сообща расположились на Хорхонах-чжубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу-побратимство и уговорились еще сильнее углубить свою взаимную любовь. В первый раз ведь они поклялись друг другу быть андами еще когда Темучжину было 11 лет. Чжамуха подарил тогда Темучжину альчик от козули, а Темучжин ему в знак дружбы — свинчатку, и они вместе играли в альчики на льду реки Онона. После этого, когда они весною стреляли из детских луков-алангир, Чжамуха подарил Темучжину свою свистун-стрелу-йори, сделанную из двух склеенных рогов бычка двухлетки, с просверленными дырочками, а Темучжин отдарил его детской стрелой-годоли с кипарисовым лобком, и они поклялись друг другу в верности, как анды. Так-то они побратались вторично.

§ 117. Они слышали от старших, что закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Уговорившись теперь еще раз подтвердить свое побратимство, они обменялись подарками. Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхель-халиун (Выдра). А Чжамуха

опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Даир-Усуна, и посадил Темучжина на Даир-Усунова же коня Эберту-унгун (Рогатый жеребчик). Затем, на южном склоне Хулдахаркуна, что на урочище Хорхонах-чжубур, под развесистым деревом, они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спали под одним одеялом.

§ 118. В полном мире и согласии прожил Темучжин с Чжамухой один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухою вместе ехали впереди телег. И говорит Чжамуха: «Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!»

(«Покочуем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем-ка возле реки — для овчаров наших в глотку (еда) готова!»)

Не понимая этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга. Как только те подошли, он и говорит матери Оэлун: «Вот что мне сказал анда Чжамуха:

«В горы, что ли, покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!»

Не понимая, что он хочет этим сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки?» Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: «Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается! Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами! Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет! Так-то будет лучше».

§ 119. Одобрив совет Борте-учжины, ехали всю ночь без сна. По пути проезжали через Тайчиудские кочевья. Те перепугались и, в ту же ночь поднявшись, откочевали в сторону Чжамухи. В покинутых кочевьях Тайчиудцев и Бесудцев наши подобрали маленького мальчика, по имени Кокочу, и представили его матушке Оэлун, а та приняла его на воспитание.

§ 120. Проехали без сна всю ночь. Рассвело. Осмотрелись — и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаиров — три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов. Сын Мунгету-Кияна — Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас — Хубилай-Худус с братьями. Из племени Манхуд — братья Чжетай и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур. Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутай-Таки со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан — Сюйкету-черби. Из племени Сукеген — Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут — Кингиядай. Из племени Горлос — Сечиур. Из племени Дорбен — Мочи-Бедуун. Из племени Икирес — Буту, который состоял здесь в зятьях. Из племени Ноякин — Чжунсо. Из племени Оронар — Харачар со своими сыновьями. Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун и Коко-Цос со своими Менен-Бааринцами.

§ 121. Хорчи сказал: «Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел священный предок Бодончар. Стало быть, у нас, как говорится,

Чрево одно
И сорочка одна.

Мне никак не следовало бы отделяться от Чжамухи. Но было мне ясное откровение. Вот вижу: светло-рыжая корова. Все ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него, мычит, говорит-приговаривает: «Отдай мой рог!» А вот вижу: комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжина, идет по большому шляху,[1] а бык ревет-ревет, приговаривает: «Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство!» Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?» — «Если в самом деле мне будет вверен этот народ, — ответил Темучжин, — то поставлю тебя нойоном-темником!»— «Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало

[1] Проторенной дороге.

поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам». Так он сказал.

§ 122. Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев — Хунан и прочие, одним же куренем — Даритай-отчигин, один курень Унчжин-Сахаитов. В ту пору, когда, отделившись и уйдя от Чжамухи, стояли в Аил-харагана, на речке Кимурха, отделились также от Чжамухи и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем — Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинского Соорхату-Чжурки; одним куренем — Хучар-беки, сын Некун-тайчжия; одним куренем — Алтан-отчигин, сын Хутала-хана. Оттуда передвинулись кочевьем в глубь Гурельгу и расположились близ Коко-наура, по речке Сангур и Хара-чжуркену.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать:

На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять.

* * *

От охоты на зверей в горах
Половину для тебя мы станем выделять.
Тех зверей, что водятся в степях,
Брюхо к брюху будем мы сдавать.
А в норах которые живут,
Те стегно к стегну тебе пойдут.

* * *

Кто твоей руки хоть мановенья
На войне ослушаться дерзнет,
Не давай и тени снисхожденья —
От детей и жен им отлученье!
Пусть, как смерд, как твой холоп,
От тебя опалы дальней ждет.

* * *

Кто из нас твой мир нарушит,
Хоть бы мир кругом царил,—
Значит, тем очаг не мил:
От дружины их, от смердов,

От семьи нещадно отрывай,
В земли чуждые далеко отсылай!»

* * *

«(Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жен и девиц, прекрасных статей меринов.

При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна.

В дни сечь, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу.

В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в бесхозяйной (безбожной) земле!»)

Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингисхаганом и поставили ханом над собою.

§ 124. По воцарении Чингисхана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу и братья Джетай и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами, так как они говорили:

«Что утром пить — не заставим ждать,
Что в обед испить — не будем зевать!»

(«Утреннего питья не заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!»)

Дегай же сказал:

«Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.
Не вместить в загоне —
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне —
Желтого барана столько распложу.
На еду не горд я!
Требухою сыт!»

(Поутру не упущу я сварить (супу на отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бело-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка); на попасе овец буду кормиться и требухой!») Поэтому Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:

«У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.
Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна».

(«У замочной телеги — чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шляху) не растрясу».).

Ему и было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. И сказал им хан:

«Тем, кто на шею другому садится,
Шею наотмашь рубите!
Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!»

(«Облегчайте шею тем, кто будет насильничать; рубите ключицы тем, кто будет зазнаваться!»)

Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено:

«Вы меринов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!»

(«Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-актачинами!»)

Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведывать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: «Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими

Дальними стрелами-хоорцах,
Ближними стрелами-одора!»

(«Вы будьте дальними стрелами-хоорцах да ближними—одора!») А Субеетай-Баатур сказал так:

«Для тебя обернуся я мышкой —
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшися черной вороной —
Все, что под руку, в дом загребать.
Обернусь я покровной кошмою —
Буду юрту твою покрывать».

(«Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись юртовым войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться»).

§ 125. Взойдя на ханский престол, так сказал Чингисхан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме:

«Было ведь время, что, кроме теней,
Не имели иных мы друзей.
Тут-то вы тенью моею и стали!

Думам моим вы покой принесли,
Быть же вам в думах моих навсегда!
Было ведь время, что, кроме хвоста,
Не имел я другого хлыста.
Тут-то хвостом у меня вы и стали!
Сердцу вы дали тихий покой,
В сердце и быть вам всегда у меня!»

(«Да пребудете вы в сердце моем, ибо, когда у меня не было иных друзей, кроме (собственной) тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо, когда у меня не было иной плети, кроме (конского) хвоста, хвостом моим стали вы и успокоили мое сердце».)

Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися». И затем, обратясь ко всем, Чингисхан продолжал: «Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли от анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!»

§ 126. К Кереитскому Тоорил-хану были отправлены послами Тахай и Сукегай, чтобы уведомить его об избрании Чингисхана на ханский престол. И пришел от Тоорил-хана такой ответ: «Зело справедливо, что посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана?

Мир учредивши взаимный,
Никому не давайте нарушить!
Мира свой узел надежный
Никому не давайте распутать!
Так, воротник своей шубы
Никому не дают оборвать».

(«Не разрушайте же этого своего согласия, не развязывайте того узла единодушия, который вы завязали; не обрезайте своего собственного ворота».)

IV. Борьба с Чжамухой и Тайчиудами

§ 127. С таким же сообщением к Чжамухе были посланы Архай-Хасар и Чаурхан. Чжамуха дал такой ответ: «Передайте от меня Алтану и Хучару: «Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела,

Одного в живот бодая,
А другого — под ребро.

И почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыс-

лом поставили его на ханство теперь? Блюдите ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему, анде моему!»

§ 128. Вскоре после того вышло такое дело. Младший брат Чжамухи, Тайчар, находясь в Олегай-булахе, что по южному склону Джалама, вздумал отогнать у нашего Чжочи-Дармалы табун с урочища Саари-кеере. Он отправился туда и действительно угнал у Чжочи-Дармалы табун. Ограбленный Чжочи-Дармала вынужден был отправиться в погоню один, так как его товарищи не осмеливались. Ночью же он догнал свой табун. Затем, припав к луке своего коня, он настиг Тайчара и наповал убил его, прострелив ему спину. Захватив свой табун, Чжочи-Дармала той же ночью вернулся домой.

§ 129. Затем к Чингисхану на урочище Гулелгу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Бородлая из племени Икирес: «За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингисханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухою, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингисхана». При получении этого известия с Чингисханом было тоже тринадцать куреней, и он так же составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингисхана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене! — сказал Чжамуха, и прежде чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос[1], а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.

§ 130. Тогда Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингисхану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своими семью сыновьями к Чингисхану и Хонхотанский Мунлик-эциге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингисхан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром, Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чарку наливали, по порядку, Чингисхану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий стал наливать чарку по очереди, начиная с молодой жены Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжин-хатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: «Как ты смел

[1] Юношей царской крови из рода Чонос. Ср.: у ойратов кость Чонос и Чарос.

начинать не с нас, а с Эбегай?» Побитый кравчий громко заплакал, причитая: «Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некунтайчжия?»

§ 131. От нас на этом пиру был распорядителем Бельгутай. Он находился при Чингисхановых конях. А от Чжуркинцев был распорядителем празднества Бури-Боко. Какой-то Хадагидаец покушался украсть оброть с нашей коновязи. Вора задержали. Бури-Боко стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутай, по привычке к борьбе, спустил правый рукав и обнажил плечо. Тут Бури-Боко и рубнул его мечом по голому плечу. А Бельгутай никак не ответил на этот удар и не обратил внимания на рану, хотя истекал кровью. Все это видел Чингисхан из-под сени деревьев, где он сидел, пируя с гостями. Он выскакивает из-за стола, подходит к Бельгутаю и говорит: «Как мы можем допустить подобные поступки?» — «Пустяки! — говорит Бельгутай. — Сущие пустяки! Опасного ничего со мной нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только и боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые только что примирились и соединились. Братец, подожди же, оставь, удержись!» — просил он.

§ 132. Сколько ни уговаривал его Бельгутай, Чингисхан остался непреклонен. Обе стороны наломали дубин, похватили бурдюки и колотушки, и началась драка. Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того Чжуркинцы просили нас о примирении, и мы, возвратив им обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун, известили их о своем согласии помириться. Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров. Ввиду этого Вангин-чинсян наступал вверх по Ульчже, гоня перед собою Мегучжин-Сеульту и прочих Татар, уходивших вместе со своим скотом и домашним скарбом. Осведомившись об этом,

§ 133. Чингисхан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил». На это известие Тоорил-хан отвечал: «Твоя правда, сын мой. Соединимся!» На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингисхану. Затем Чингисхан с Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-бе-

ки, Тайчу и всем Чжуркинцам: «Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами наших дедов и отцов». И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться. Более не имея возможности ждать, Чингисхан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульчже. Ввиду продвижения Чингисхана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингисхан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеулту тут же и убили. В этом деле Чингисхан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами.

§ 134. Чингисхан и Тоорил-хан послали известие о том, что Мегучжин-Сеульту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеульту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингисхану титул чаутхури, а Кереитскому Тоорилу — титул вана. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом. Вангин-чинсян говорил при этом: «Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились ко мне против Мегучжин-Сеульту и убили его. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану, так как ему одному принадлежит право дать Чингисхану еще более высокий титул — титул чжао-тао». После того Вангин-чинсян отбыл, весьма довольный. А Чингисхан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных Татар, воротились домой, в свои кочевья.

§ 135. Когда наши воины громили и опустошали татарские стойбища в укреплении Нарату-шитуен, они нашли брошенного в стойбище маленького мальчика. На нем была надета подбитая соболем телогрейка штофной парчи, с золотыми кольцами на шнурах. Чингисхан подарил его матери Оэлун, которая сказала: «Это, должно быть, ребенок благородных родителей, видно сразу, что он благородной крови!» И она взяла его к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету, к пятерым детям своим. А назвала она его именем Шикикан-Хутуху.

§ 136. Старики и дети Чингисханова куреня, так называемого Ауруха, находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили. Чингисхану доложили о том, как Чжуркинцы поступили с нашими людьми, оставленными в Аурухе. Выслушав донесение, Чингисхан пришел в великий гнев и сказал: «Мыслимо ли простить Чжуркинцам их дела? Ведь никто, как они же, на пиру в Ононской дубраве, избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутею. Потом мы, в виду их извинения, любомудро вернули им обеих ханш их, Хоричжин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участво-

вать в походе на Татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы напрасно прождали их шесть дней. Ныне же, на глазах у врагов, они сами стали нашими врагами». С этими словами Чингисхан выступил в поход против Чжуркинцев и совершенно разгромил их при Келуренском Долон-болдаут. Сача-беки и Тайчу с небольшим числом людей бежали, но оба были пойманы посланной им вслед погоней при устье Телету. У схваченных Сача и Тайчу Чингисхан спросил: «Помните, что вы говорили когда-то?»—«Если мы в чем не сдержали своего слова, то докажи!»— отвечали те. Тогда он напомнил им их речи и, уличив их, тут же с ними покончил.

§ 137. Когда он возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собою пленных Чжуркинцев, то среди них оказались сыновья Чжалаирского Тергету-Баяна: Гуун-Ува, Чилаун-Хайчи и Чжебке. Гуун-Ува представил тогда Чингисхану двух своих сыновей, Мухали и Буха, и сказал так:

«У царских ступеней твоих
Рабами пусть будут они.
Шалить-непоседничать станут —
Ты ноги им в сгибе подрежь.
Побег ли замыслят — беда!—
Им печени вырви тогда.
У врат твоих царских они
Рабами пусть будут навек».

(«Да будут они рабами у порога твоего. Если отстанут от порога твоего, пусть перережут им подколенники. Пусть будут они собственными твоими рабами у порога твоего. Если нерадиво отлучатся от порога твоего, выброс ь их вон, вырвав печень».) А Чилаун-Хайчи также представил Чингисхану своих двух сыновей, Тунке и Хаши, с такими словами:

Золотой твой порог
Повели им стеречь.
Золотой твой порог
Коль покинут они,
Смертью лютой казни.

* * *

Им широкие врата твои
Повели открывать.
От широких от врат твоих
Если б к кому отошли,—
Сердце вырвать вели».

(«Я отдаю их с тем, чтобы они были стражей у золотого порога твоего. Если отстанут от золотого порога твоего, выброс ь их вон, лишив жизни».

«Я отдаю их для того, чтоб они поднимали (открывали) для

тебя твои широкие двери. Если самовольно уйдут от широких дверей твоих, выброс ь их, вырвав сердце (раздавив внутренности?)».

Чжебкея же отдали Хасару. Представляясь Оэлун-эке, Чжебке подарил ей маленького мальчика, Бороула, которого он захватил в Чжуркинских стойбищах.

§ 138. Итак, Оэлун-экэ воспитывала в своем доме четверых ребят: 1) Кучу, подобранного в кочевьях у Меркитов; 2) Кокочу, взятого в кочевьях Бесудцев, находившихся у Тайчиудцев; 3) взятого из Татарских стойбищ мальчика, прозванного Шикикан-Хутуху, и 4) найденыша из Чжуркинских кочевий — Бороула. Воспитывала их она и говорила: «Кто же вам заменит ту, которая

Днем —
Недреманное око,
Ночью —
Вся внемлющий слух?»

(«Кто же будет им оком смотрения — днем, ухом слышания — ночью?»)
И потому воспитывала их как мать.

§ 139. Название же «Чжуркинцы» и образование рода-племени Чжуркин пошло вот как. Старшим из семерых сыновей Хабул-хана был Окин-Бархах. У него был сын Сорхату-Чжурки. Когда образовывалось особое Чжуркинское колено, то отец его, как старший сын Хабул-хана, отобрал из своего улуса и отдал ему вот каких людей:

Каждый из мужей искусен,
Силой — могучий борец.
Печень их желчью полна,
Пальцы далеко стрелой поражают,
Сердце их ярость съедает,
Гневом их дышат уста.

(Выбрал и отдал ему людей с печенью, полной желчи; мастеров владеть большим пальцем руки (искусных стрелков); яростных (с полными гнева легкими); отважных сердцем; с устами, исполненными гнева; во всех искусствах сведущих, силою могучих.)
Одним словом, это были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые. Вот почему их и прозвали Чжуркинцами. Таких-то знаменитых людей сокрушил Чингисхан и уничтожил самое имя и род их. Чжуркинцев и народ их Чингисхан сделал своими наследственными рабами.

§ 140. Однажды Чингисхан назначил борьбу Бури-Боко с Бельгутаем. Бури-Боко был между Чжуркинцами. Он обладал такою силой, что мог повалить Бельгутая, действуя только одною рукою и одной ногой. Был он борец на весь улус. И вот Бельгутаю

велено бороться с Бури-Боко. Бури-Боко, притворяясь, будто не в силах сладить с Бельгутаем, упал. Бельгутай же, будучи не в силах его притиснуть к земле и держа его за плечи, взобрался на кожаную повязку на его крупе и дал условный знак Чингисхану, а тот взглянул на него и прикусил нижнюю губу. Бельгутай понял. Он оседлал Бури-Боко, перехватил и зажал оба его вòрота, изо всей силы рванул, упираясь коленями, и переломил ему позвонок. Уже с переломленной спиной, Бури-Боко успел сказать перед тем как испустил последний вздох: «Нет, не Бельгутай меня победил! Я боялся ханского гнева, я нарочно, в шутку упал, и вот поплатился за это жизнью». Переломив противнику позвонок, Бельгутай уволок его труп и выбросил. Из семи сыновей Хабул-хана старший был Окин-Бархах. Следующий за ним по старшинству — Бартан-Баатур, у которого сын — Есугай-Баатур. А следующим по старшинству был Хутухту-Мунлер. Его-то сыном и был Бури-Боко. В борьбе он далеко превосходил сыновей Бартан-Баатура и был в содружестве с отважными сыновьями Бархаха. Так Бельгутай погубил улусного борца Бури-Боко, переломив ему позвонок.

§ 141. После того, в год Курицы (1201), в урочище Алхуй-булах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоех-Чахаан со своими; из Наймана — Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатар и прочие Тайчиудцы. Уговорившись возвести Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по течению реки Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингисхана и Ван-хана. Чингисхан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему об их уговоре воевать. Получив это известие, Чингисхан передал его Ван-хану, а тот немедля поднял войско и прибыл к Чингисхану.

§ 142. По прибытии Ван-хана решили соединенными силами идти навстречу Чжамухе и тронулись вниз по течению реки Келурена. В передовую разведку Чингисхан отрядил Алтана, Хучара и Даритая, а Ван-хан — Сангума, Чжаха-Гамбу и Билге-беки. Эти

разведчики выставили от себя постоянный караул, подальше вперед, на урочище Энегенгуйлету. Еще дальше — другой постоянный караул на Гекчере. И еще дальше, на урочище Чихурху,— третий постоянный караул. Как только наши разведчики Алтан, Хучар, Сангум и прочие, дойдя до урочища Уткия, собрались было здесь расположиться, с караула на урочище Чихурху прибежал вестовой и сообщил о приближении неприятеля. Тогда наши решили не останавливаясь ехать навстречу, чтобы взять языка. Сблизившись, захватив языка и допросив его, узнали, что у Чжамухи передовой разведкой идут четверо: Монгольский Аучу-Баатур, Найманский Буирух-хан, сын Меркитского Тохтоа-беки, Хуту, и Ойратский Худуха-беки. Пока наши разведчики перекликались с неприятельскими, наступил вечер, и наши, в ожидании завтрашнего боя, отступили на ночлег к главным силам.

§ 143. Утром наше войско двинулось и, сблизившись с неприятелем, вступило в бой при урочище Койтен. Теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались. Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: «Видно, мы прогневали небеса».

§ 144. Найманский Буирух-хан отделился от Чжамухи и направился по южному Алтаю к Улух-таху. Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки, двинулся к Селенге, а Ойратский Худуху-беки поспешил к лесам в направлении Шисгиса. Тайчиудский Аучу-Баатур пошел вниз по реке Онону. А Чжамуха, разграбив его же возводивший в ханы народ, стал отступать вниз по течению Эргуне. При таком их разброде Ван-хан обратился к преследованию Чжамухи вниз по течению Эргуне, а Чингисхан к Онону, на Аучу-Баатура. Тайчиудцы Аучу-Баатур и Ходун-Орчин, построив на другой стороне Онона своих отборных смельчаков, ждали, готовые к бою. Подойдя к ним, Чингисхан вступил в бой. Сражались с переменным успехом и с наступлением темноты заночевали на месте боя. Бежавший народ расположился на ночлег тут же в куренях, вместе со своими ратными людьми.

§ 145. В этом сражении Чингисхан получил ранение в шейную артерию[1]. Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка. С заходом солнца расположились на ночлег на виду у не-

---

[1] Далее (§ 147) говорится о саврасом беломордом, который был в этой битве ранен Чжебеем в шейный позвонок. Очевидно, эпизод ранения Чингиса скрывают.

приятеля, на месте боя. Чжельме все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингисхан пришел в себя и говорит: «Пить хочу, совсем пересохла кровь». Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку, и сапоги, и верхнюю одежду. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги Тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги оромный рог кислого молока и притащил его. Само небо хранило его: никто не заметил ни того, как он уходил, ни того, как он вернулся. Принеся рог с кислым молоком, тот же Чжельме сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану. Трижды переводя дух, испил он и говорит: «Прозрело мое внутреннее око!» Между тем стало светло и, осмотревшись, Чингисхан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Чжельме во все стороны отхаркивал отсосанную кровь. «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» — сказал он. Тогда Чжельме говорит ему: «Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях вся-ко приходилось: глотать — так сглотнешь, плевать — так сплюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо». — «А зачем это ты, — продолжал Чингисхан, — зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? Будучи схвачен, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот положении?» — «Вот что я придумал,— говорит Чжельме.— Вот что я придумал, голый убегая к неприятелю. Если меня поймают, то я им (врагам) скажу: «Я задумал бежать к вам. Но те (наши) догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали было стягивать последние штаны, как мне удалось бежать к вам. Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади?

...Только так я смогу утолить жажду моего государя!» — подумал я. Подумал и во мгновенье ока решился». Тогда говорит ему Чингисхан: «Что скажу я теперь? Некогда, когда нагрянувшие Меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз тогда спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни.

Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!» Так он соизволил сказать.

§ 146. С наступлением дня оказалось, что противостоявшее нам войско разбежалось за ночь. А стоявший возле него народ не тронулся с места, не будучи, видимо, в состоянии поспеть за войском, бежавшим налегке. Чингисхан выступил из места кочевки, чтобы задержать беглецов. В это время Чингисхан заметил какую-то женщину в красном халате, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами вопила: «Сюда, Темучжин!» Сам слыша ее вопли, Чингисхан послал человека спросить, что это за женщина так голосит. Посланный отправился, и на его вопросы женщина эта сказала: «Я дочь Сорган-Ширая — Хадаан. Ратники схватили моего мужа и хотели убить. В такой опасности я громко звала Темучжина, чтобы он спас моего мужа». Когда посланный вернулся и передал ее слова Темучжину, тот поскакал к ней. Около Хадаан Чингисхан слез с коня, и они обнялись. Оказалось же, что ее мужа наши ратники перед тем уже убили. Возвратив беженцев, Чингисхан с главными силами расположился на ночлег в том же самом месте. Он пригласил к себе Хадаану и посадил ее рядом с собою. На следующее утро является Сорган-Шира и Чжебе, которые состояли крепостными у Тайчиудского Тодоге. Тогда, обратясь к Сорган-Шира, Чингисхан говорит:

«С шеи моей
Тяжкое древо
Под ноги сбросили вы.
С ворота ж
Древо позорное
Прочь удалили.
Ваше добро —
Благость отцов иль детей.
Что же так поздно пришли?»

(«Вы те, кто сбросил наземь шейное тяжкое древо (мое), кто удалил на вороте засевшее древо-джарбиял (колодку). Такой добрый поступок свойствен лишь отцам или детям. Но почему же так поздно пришли ко мне?»)

На это Сорган-Шира ответил: «Уж давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, Тайчиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью, и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. А вот теперь-то я поторопился наверстать упущенное, и вот являюсь воссоединиться со своим ханом». Чингисхан одобрил его речь.

§ 147. Потом Чингисхан говорит: «Во время сражения при Койтене, когда мы, тесня друг друга, перестраивались, с горного кряжа летели в нас стрелы. Не знаете ли, кто это прострелил тогда

шейный позвонок моему беломордому саврасому боевому коню? С горы-то». На эти слова так отвечал Чжебе: «Это я стрелял с горы! Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место в ладонь. Если же хан на то соизволит, то вот как послужу ему:

Трясины и топи пройду,
С налету бел-камень пробью,
Мне молвишь: громи, на врага!
Синь-камень я в прах сокрушу.
Назад ли прикажешь подать,
Я черный кремень разнесу».

(«Перескочу тинистые воды, с налету разобью бел-камень. По приказу «вперед» — синь-камень сокрушу. По приказу «отбой» — черный камень в прах разнесу».)
Тогда Чингисхан сказал: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть товарищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебе-льгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-чжебе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!» Вот как перешел к нам от Тайчиудцев Чжебе и вступил в Чингисханову дружину.

V. Разгром татар, разрыв с Ван-ханом

§ 148. Чингисхан покарал Тайчиудцев; перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха.

§ 149. Ничугут-Бааринец Ширгуету-эбуген со своими сыновьями Алахом и Наяа поймали Тайчиудского нойона Таргутай-Кирилтуха, который не мог ездить верхом и, по их мнению, собирался скрыться в лесах, чтобы спастись от возмездия; поймали они Таргутая Толстого и посадили в телегу. Когда же Ширгуету-эбуген со своими сыновьями Алахом и Наяа повезли Таргутай-Кирилтуха, то их стали нагонять дети и младшие братья Таргутай-Кирилтуха, с намерением его отбить. Вот настигают они, а Таргутай Толстый, не сумевши соскочить, растянулся на телеге ничком. Тогда Ширгуету-эбуген вскочил на него сзади и, оседлав, выхватил нож и говорит: «Твои сыновья и братья собираются отбить тебя. Мне все равно пропадать. Не убью тебя из страха поднять руку на своего природного хана, так меня убьют все же за поднятие руки на своего хана. А убью — так мне тоже смерть. А раз все равно умирать, так умру-ка лучше на подушке!» И с этими словами он, про-

должая сидеть верхом на Толстом, приставил нож к его горлу, собравшись полоснуть. Тогда Таргутай-Кирилтух громким голосом закричал своим братьям и сыновьям: «Ширгуету зарежет меня! Для чего вы собираетесь отбивать мое мертвое, бездыханное тело? Сейчас же поворачивайте назад! Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был малышом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, и что у него

Во взгляде — огонь,
А лицо — как заря.

Привез я его к себе —

К науке способен — я знал.
И вот пестовал, обучал.
Так учат у нас жеребят,
Двухлеток, коль стоят того.
Меня он сгубить не решится,
Хотя бы сгубить и хотел.
Ведь слышно, что в разум он входит
И мыслию крепнет своей.

(«Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить, я и учил-наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня; говорят, ныне он входит в разум и мысль его проясняется...»)
Нет, Темучжин не погубит меня. Поворачивайте же, детки и братцы, поворачивайте сейчас же назад, а то не убил бы меня Ширгуету!» Стали тогда они совещаться: «Ведь мы затем и поехали, чтобы спасти жизнь отцу. Если же Ширгуету лишит его жизни, то к чему нам одно лишь его бездыханное тело? Не лучше ли поскорее повернуть назад, пока его еще не убили?» И они вернулись домой. Тогда подъезжают и сыновья Ширгуету-эбугена — Алах и Наяа, которые убежали было, настигаемые Тайчиудцами. Когда же они подъехали, все тронулись дальше своею дорогой. Доехали до Хутхулиоутов. Тут Наяа и говорит: «Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингисхан присудит нас к смертной казни. «Они, — скажет он, — наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, скажет он, какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!» — скажет он. И вы думаете, он не снесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргутая, поедем и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингисхану. Что мы схватили было Таргутая и везли сюда, но видим, что не в силах погубить свое-

го природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полною верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!» Родные согласились с предложением Наяа, и с Хутхулноутов же отпустили Таргутай-Кирилтуха. Когда этот самый Ширгуету-эбуген прибыл со своими сыновьями к Чингисхану и тот спросил его, зачем он прибыл, Ширгуету-эбуген говорит Чингисхану: «Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что он нам природный государь, и не решаясь предать его на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингисхану». — «Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана!» — сказал Чингисхан. — Ибо я должен бы был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана, т. е. если б вы вздумали явиться ко мне после того, как наложили руки на Таргутая». И он принял с особою милостью Наяа.

§ 150. После того, когда Чингисхан находился в урочище Терсут, к нему в сотоварищи прибыл Кереитский Чжаха-Гамбу. Общими силами они отразили нападение Меркитов. Тогда они привели в покорность Чингисхану Тумен-Тубеган, Дунхаит, а также и бывший в расселении Кереитский народ. Что же касается до Кереитского Ван-хана, то необходимо пояснить следующее. Прежде, во времена Есугай-хана, живя с ним во взаимном мире, Ван-хан побратился с Есугай-ханом, и они стали андами. И вот по какому случаю они сделались андами. Ван-хан убил младших братьев отца своего Хурчахус-Буируха. Из-за этого он вступил в борьбу со своим дядей Гур-ханом, который принудил его бежать и скрываться в ущелье Хараунхабчал. Он выбрался оттуда с сотнею людей и явился к Есугай-Баатуру. Есугай-Баатур, по его личной просьбе, сам выступил в поход и прогнал Гур-хана в Хашин, а отбитых людей и имущество его отдал Ван-хану. Это и было поводом для заключения ими договора о братстве.

§ 151. После этого Ван-ханов младший брат Эрке-Хара, под угрозой убийства со стороны Ван-хана, бежал и передался на сторону Найманского Инанча-хана. А когда тот послал против Ван-хана свое войско, Ван-хан ушел к Хара-Китадскому Гур-хану, пробравшись к нему через Гурбан-балахат (Троеградие). Оттуда, из-за неурядиц, он пошел через Уйгурские и Тангутские города, и в полном оскудении пришел к озеру Гусеур-наур, так как всю дорогу кормился тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда. Чингисхан же, в силу братского договора с Есугай-ханом, выслал к нему двух послов, Тахай-Баатура и Сукегай-Чжеуна, а потом и сам вышел к нему навстречу с истоков Келурена. Видя, что Ван-хан прибыл в полном изнеможении

от голода, он произвел для него особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет. На эту зиму Чингис-хан расположился в урочище Хубахая, куда постепенно подкочевывал.

§ 152. Между тем Ван-хановы младшие братья и нойоны рассуждали так: «Этот наш хан и старший брат — негодный человек, бродяга, он поступает как человек со смердящею печенью[1]. Погубил своих братьев. То переметывается к Харакитадам, то истязает свой народ. Что нам с ним делать теперь? Если же поминать прошлое, то вот он каков. В семилетнем возрасте его угнали в плен Меркиты, и там он, в кожухе из черно-рябого козленка, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толок ведь просо в Меркитских ступах. Хурчахус-Буирух-хан, отец его, разгромил, однако, Меркитов и спас из плена своего сына. Но вскоре же, когда ему минуло тринадцать лет, его опять увел в плен, вместе с его матерью, Татарский хан Ачжа, увел и заставил пасти своих верблюдов. Прихватив с собой Ачжаханова чабана, пастуха овец, он спасся оттуда бегством и вернулся домой. Потом опять должен был бежать из страха перед Найманцами. Бежал же он к Гур-хану Хара-Китадскому, на реку Чуй, в Сартаульскую землю. Там он не усидел и года, как поднял смуту и ушел. Скитался он по Уйгурским и Тангутским землям, пришел в совершенное убожество и кормился только тем, что кое-как выдаивал досуха пять штук коз да вытачивал верблюжью кровь. Является он к сыну Темучжину, как нищий, на единственном своем чернохвостом буланом коне. Тот собрал для него оброк и содержит на свой счет. Но он и теперь позабудет о том, как к нему отнесся сынок Темучжин, и поступит обязательно так, как поступает человек со смердящей печенью. Что нам делать?» — совещались они. Обо всех этих разговорах взял да и доложил Ван-хану Алтун-Ашух. Он сказал также: «Я и сам был участником этих совещаний, но не решился на измену тебе, своему хану». По причине этого доноса Ван-хан тотчас взял под стражу участников этих разговоров Эльхутура, Хулбари, Арин-тайчжин и других младших своих братьев и нойонов. При этом оказалось, что из всех младших братьев один только Чжаха-Гамбу успел бежать и передаться на сторону Найманцев. Ван-хан приказал привести к себе взятых под стражу, в кандалах, и говорит им: «А что мы говорили друг другу, когда шли по Тангутским землям? И что мне после этого думать о таких, как вы?» И с этими словами, наплевав им в лицо, приказал снять с них кандалы. Тогда, по примеру хана, поднялись и все находившиеся в юрте араты и стали плевать им в лицо.

---

[1] Злобен и злопамятен.

§ 153. Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингисхан положил воевать с Татарами: Чаан-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан-нэмургес, Чингисхан, с общего согласия, установил такое правило: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления[1] все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» В сражении при Далан-нэмургесе мы погнали Татар соединиться в их улусе при урочище Улхуй-шилугельчжит и там полонили их. Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. В нарушение указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи.

§ 154. Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингисхан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет для решения вопроса о том, как поступить с полоненным Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

(Татарское племя — это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке, в отмщение и в воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам.)

Когда, по окончании совета, выходили из юрты, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутая: «На чем же порешил совет?» А Бельгутай говорит: «Решено всех вас предать мечу, равняя по концу тележной оси». Оказалось потом, что Еке-Церен оповестил об этих словах Бельгутая всех своих Татар, и те собрались в возведенном ими укреплении. При взятии этих укреплений наши войска понесли очень большие потери. Перед тем же как наши войска, с трудом взяв Татарские укрепления, приступили к уничтожению Та-

[1] Если (не)приятель вынудит к отступлению.

тар, примеривая их по росту к концу тележной оси, — перед тем Татары уговорились между собою так: «Пусть каждый спрячет в рукаве нож. Умирать, так умрем по крайней мере на подушках (из вражеских тел)». Вследствие этого наши опять понесли очень много потерь. Тогда, по окончании расправы с Татарами, которых примерили-таки к тележной оси и перерезали, Чингисхан распорядился так: «Вследствие того, что Бельгутай разгласил постановление Великого семейного совета, наши войска понесли очень большие потери. А потому в дальнейшем он лишается права участия в Великом совете. Вплоть до окончания заседаний совета он обязуется наблюдать за порядком близ места заседаний, а именно: улаживать ссоры и драки, разбирать дело о воровстве, обманах и т. п. Бельгутай с Даритаем имеют право доступа в совет лишь по окончании его заседаний, после того как выпита чара-оток».

§ 155. В ту именно пору Чингисхан принял к себе Есуган-хатуну, дочь татарина Еке-Церена. Войдя у него в милость, Есуган-хатун говорила ему: «Каган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его каганская милость[1]. Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра, по имени Есуй. Она только что вышла замуж. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?» На эти слова Чингисхан заметил: «Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?» — «С каганского дозволе́ния, — отвечала Есуган-хатун — с каганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу». Тогда Чингисхан отдал приказ о розыске, и ее, вместе с нареченным зятем, наши ратники перехватили при попытке скрыться в лесах и доставили. Есуган-хатун, увидав свою сестру, тотчас же встала и, как и сказала хану раньше, посадила ее на свое место, а сама села ниже. Она очень понравилась Чингисхану, так как была именно такой, как ее описала Есуган-хатун, и он принял к себе Есуй-хатуну и возвел ее в супружеский сан.

§ 156. Однажды, уже после окончания Татарской кампании, Чингисхан сидел на дворе за выпивкой. Тут же, по обе стороны, сидели ханши Есуй и Есуган. Вдруг Есуй-хатун глубоко со стоном вздохнула. Чингисхан сообразил в чем дело и тотчас вызвал Боорчу и Мухали. «Расставьте-ка, — приказал он, — расставьте-ка — приказал он, — расставьте-ка по аймакам всех вот этих собравшихся здесь аратов. Людей, посторонних для своего аймака, выделяйте особо». Все стали по своим аймакам, а отдельно от аймаков остался стоять всего один человек. Это был молодой человек с во-

---

[1] Ханское величество, соизволяете возводить меня в (ханскую) о́собу для хана.

лосами, заплетенными в косу, как у благородных людей. Когда этого человека спросили, кто он такой, он отвечал: «Я нареченный зять дочери Татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас же ведь как будто бы успокоилось, и я пришел. Я был уверен, что меня не опознают среди такой массы народа». Когда Чингисхану доложили эти его слова, он сказал: «Что ему еще здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой!» И ему не замедлили снести голову.

§ 157. Пока Чингисхан был занят Татарским походом, Ван-хан ходил на Меркитов, причем прогнал Тохтоа-беки в сторону Баргучжин-токума, убил его старшего сына Тогус-беки, захватил двух его дочерей и жен его, а двух его сыновей, Хуту и Чилауна, полонил вместе с народом их. Из этой добычи он не дал Чингисхану ничего.

§ 158. Потом Чингисхан с Ван-ханом вдвоем пошли на Гучугудун-Буируха Найманского. Не будучи в силах им противостоять, Буирух-хан двинулся через Алтай из местности Сохох-усун на Улухтахе, где они его настигли. Отсюда они и начали его преследовать. Дали перевалить через Алтай и погнали вниз по течению Хумшигирской реки Урунгу. Здесь наши захватили его нойона, Едитублуха, который шел в караульном охранении. Теснимый нашим караульным отрядом, он пытался было бежать в горы, но у коня его лопнула подпруга. Прогнав Буирух-хана вниз по Урунгу, настигли его у озера Кишилбаш-наур и тут прикончили его.

§ 159. Когда Чингисхан с Ван-ханом тронулись в обратный путь, то оказалось, что Найманский храбрец Коксеу-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир приготовил войско и готовится дать им бой. Решив принять бой, Чингисхан с Ван-ханом построили войско и подошли к расположению противника, но так как уже наступил вечер, они условились переночевать в строю, чтобы утром вступить в бой. Тогда Ван-хан приказал зажечь на своей стоянке огни, а сам в ту же ночь, как это потом выяснилось, ушел вверх по Хара-сеулу.

§ 160. Тогда вместе с Ван-ханом двинулся и Чжамуха. По дороге он стал говорить Ван-хану: «Известное дело, что анда мой, Темучжин, издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь.

О хан, о добрейший мой хан!
Выходит, что верная чайка-то я.
Зато перелетная пташка[1]—
Мой друг, мой анда.

[1] Жалующийся небесам жаворонок **(кит.)**.

«Хан, хан! Я-то вот оказываюсь постоянно пребывающей чайкой, а мой анда — перелетной пташкой-жаворонком». Ясно, что он переметнулся к Найману. Вот и опоздал!» На эти слова Чжамухи возразил Убчихтаев Гурин-Баатур: «Зачем же ты из угодничества так бесчестишь и поносишь своих честных братьев?»

§ 161. А Чингисхан переночевал ночь на том самом месте. Рано утром, готовый уже к бою, он увидел, что Ван-хана нет на его стоянке. Тогда Чингисхан тоже двинулся оттуда, сказав только: «Оказывается, они-то задумали вовлечь нас в беду-пожарище». Он перешел через Эдер-Алтайский расстанок-бельчир и, все время двигаясь в этом направлении, остановился и расположился лагерем в Саари-кеере. Вскоре Чингисхан с Хасаром узнали, каких хлопот наделали Найманцы, но никому об этом не говорили.

§ 162. Дело в том, что Коксеу-Сабрах пустился преследовать Ван-хана. Он захватил Сангумову семью вместе с народом и юртой их, а также угнал с собою и добрую половину тех Ван-хановых людей и скота, которые находились в падях Телегету. Пользуясь таким их несчастьем, сыновья Меркитского Тохтоа, Хуту и Чилаун, забрав людей, отделились от Ван-хана и пошли вниз по течению Селенги на соединение со своим отцом.

§ 163. Разоренный Коксеу-Сабрахом, Ван-хан отправил к Чингисхану посла, сообщая: «Найманы полонили у меня жен и детей. Почему и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатырей-кулюков. Да спасут они мой народ!» Тогда Чингисхан снарядил войско и послал четырех своих богатырей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилауна. Но еще до прибытия этих четырех кулюков Сангум уже вступил в битву при Улаан-хуте. Под ним уже пала его лошадь с простреленной голенью, когда подоспели четыре кулюка и спасли его. Спасли они и народ Ван-ханов и Сангумов, и семьи их. Тогда Ван-хан сказал: «Некогда его благородный родитель точно так же вот спас мне мой окончательно потерянный было народ. Теперь снова принимаю дар от своего сына, который послал своих четырех богатырей-кулюков и спас мой утраченный было навсегда народ. Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности!»

§ 164. И еще говорил Ван-хан: «Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугай-Баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучжин. Эти отец с сыном, собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои — негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына своего Темучжина

старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда — на покой». После этих речей Ван-хан сошелся с Чингисханом в Тульском Темном Бору, и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял в произнесении таких слов:

На врага ли поспешно ударить —
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить —
Как один, общей лавой облавим.

(Ратуя с многочисленным врагом, будем ратовать вместе, как один. Ведя облаву на дикого зверя, будем вести облаву вместе, как один). Затем Чингисхан и Ван-хан дали друг другу вот какое слово: Будем уповать только друг на друга, а потому

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят,—
Мы клевете не поверим.
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам,—
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

(Когда будет терзать нас зубастая змея клеветы, не будем доверять клевете: будем верить только тогда, когда лицом к лицу объяснимся. Когда будет терзать нас клыкастая змея злобы, не будем предаваться злобе: будем верить только тогда, когда в личной беседе удостоверимся).

Произнеся эти обрядные речи, стали жить они во взаимном дружелюбии.

§ 165. Чингисхан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и, в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав повеличаться своею знатностью, сказал такие слова: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога». Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унизить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингисхан внутренно охладел и к Ван-хану, и к Нихла-Сангуму.

§ 166. Об этом охлаждении Чингисхана проведал Чжамуха, и

вот, в год Свиньи (1202), отправились к Нилха-Сангуму на урочище Берке-элет, что на лесистом склоне Чжечжеерских высот, отправились следующие лица: Чжамуха, Алтан, Хучар, Харакидаец, Эбугечжин-Ноякин, Сюйгеетай-Тоорил и Хачиун-беки. Тут Чжамуха первый повел хулительные речи. Он говорил: «Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом.

На словах Темучжин
Все отцом вас честит,
На душе ж у него,
Знать, иное лежит.

(«С языка у него не сходят слова «отец» и «сын», но в душе у него — совсем другое, он таков только на словах».) Ужели вы доверяете ему? Что с вами станется, если только вы не опередите его? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему наперерез.»[1]

Алтан же с Хучаром высказались так: «А мы для вас — Оэлуновых сынков:

Старших —
Перебьем,
Младших —
Изведем».

(А мы для вас убьем старших, прикончим младших сыновей Оэлун-эхэ»). Эбугечжин-Ноякин Хартааг говорил: «Для тебя я ему

Руки руками заплету,
Ноги ногами пригнету».

Сказал тогда Тоорил: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?» Так, оказывается, говорили эти люди. Наконец, Хачиун-беки говорил: «Что бы ты ни задумал, сын мой, Нилха Сангум, а я пойду с тобой

До края далекого,
До дна глубокого».

§ 167. Выслушав эти предложения, Нилха-Сангум послал Сайхан-Тодеена сообщить о них отцу своему Ван-хану. Ван-хан же, известясь об этом, прислал такой неодобрительный ответ: «Зачем вы так судите-рядите о моем сыне, Темучжине? Ведь он доселе служит нам опорой, и не будет к нам благоволения Неба за подобные злые умыслы на сына моего. Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, небылицы ли плетет он — не разобрать!» Тогда Сангум опять послал сказать ему: «Как можно не верить тому,

[1] Во фланг.

о чем болтает уже теперь всякий, у кого только есть рот и язык?» В таком роде еще и еще посылал он к отцу, но все безуспешно. Тогда он самолично, без свидетелей, отправился к отцу и говорит ему: «Уже и теперь, когда ты таков, каков есть, нам ничего не позволяется. Когда же на самом деле ты, государь мой и родитель, «белому покропишь, черному запретишь», нам ли будет вверен улус твой — улус, с такими трудами собранный твоим родителем, Хурчахус-Буирух-ханом? Кому же и как будет передан улус?» На это Ван-хан ответил: «Как могу я покинуть своего сына, свое родное детище? Но ведь в нем доселе была опора наша, возможно ли злоумышлять на него? Ведь мы заслужим гнев небесный». Рассерженный этими его словами, сын его, Нилха-Сангум, хлопнул дверьми и вышел вон. Тогда стало ему жаль Сангума, и Ван-хан велел его опять позвать и говорит: «Я ведь думаю только о том, как бы чего доброго не прогневить нам Неба, но сына-то своего, как же мне оставить своего сына? Это — ваше дело: делайте, что только вам под силу!»

§ 168. Тогда Сангум говорит: «Они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить». На этом решении они и остановились и послали извещение о своем согласии на брак Чаур-беки, вместе с приглашением на сговорный пир. Получив приглашение, Чингисхан поехал к ним с десятком людей. На дороге остановились переночевать у отца Мунлика; отец Мунлик и говорит: «Сами же они только что нас унижали и отказывались выдавать Чаур-беки. Как же это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг соглашались отдавать и сами еще и приглашали? Чистое ли тут дело? Вникнув в это дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней». В виду этих советов, Чингисхан сам не поехал, а послал присутствовать на угощении Бухатая и Киртая. Сам же из дому отца Мунлика повернул назад. Как только Бухатай и Киртай приехали, у Ван-хана решили: «Мы провалились! Давайте завтра же, рано утром, окружим и схватим его!»

§ 169. Пришел к себе домой Алтанов младший брат, Еке-Церен, и стал рассказывать о принятом, таким образом, решении окружить и схватить. «Решено,— говорил он,— решено завтра рано утром окружить его и схватить. Воображаю, чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который отправился бы да передал ему эту весть?» Тогда жена его, Алахчит, и говорит: «К чему ведет эта твоя вздорная болтовня? Ведь крепостные, чего доброго,

примут твою болтовню за правду». Как раз при этом разговоре заходил в юрту подать молоко их табунщик Бадай, который, уходя, слышал эти слова. Бадай пошел сейчас же к своему товарищу, табунщику Кишлиху, и передал ему Цереновы слова. «Пойду-ка и я!— сказал тот.— Авось что-нибудь смекну!» И он пошел к господской юрте. На дворе у дверей сидел Церенов сын, Нарин-Кеень, и терпугом очищал свои стрелы. Сидит он и говорит: «О чем давеча шла у нас речь? Кому бы это завязать болтливый язык?» После этого он обратился к Кишлиху: «Поймай-ка да приведи сюда обоих Меркитских коней: Беломордого и Белогнедого. Привяжите их, ночью чуть свет надо ехать». Кишлих пошел тотчас и говорит Бадаю: «А ведь твоя правда, все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину!» Так они и уговорились. Поймали они, привели и привязали Меркитских Беломордого и Белогнедого, поздно вечером зарезали у себя в хоше ягненка-кургашку, сварили его на дровах из своей кровати, оседлали стоявших на привязи и готовых к езде Меркитских коней Беломордого и Белогнедого и ночью же уехали. Тою же ночью прибыли они к Чингисхану. Стоя у задней стены юрты[1], Бадай с Кишлихом по порядку рассказали ему все: и слова Еке-Церена, и разговор его сына, Нарин-Кеня, за правкой стрел, и приказ его поймать и держать на привязи Меркитских меринов Беломордого и Белогнедого. Речь свою Бадай с Кишлихом кончили так: «С позволения Чингисхана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить!»

VI. Конец Кереитского царства

§ 170. Так он был предупрежден. Вполне доверяя Бадаю с Кишлихом, он в ту же ночь спешно поставил в известность самых надежных и близких людей своих, а сам в эту же ночь бежал, побросав все, что было при себе тяжелого. Направился он северным лесистым склоном Мау-ундурских гор. В Мау-ундурском бору он оставил позади себя заслон и расположил караул под начальством Урянхадайского Чжельме-гоа, на которого полагался вполне, а сам двинулся далее. Идя все в том же направлении, на другой день, когда солнце склонялось уже за полдень, он доехал до Харахалчжин-элет, где и остановился отдохнуть и покормить лошадей. На стоянке табунщик при Алчидайских меринах, Чикитай-Ядир, выпасывая своих меринов, бродил с места на место в поисках лучших кормов. Он-то и заметил пыль неприятеля, кото-

[1] По правилу.

рый подходил следуя через урочище Улаан-бурхат. Убежденный, что это подходит неприятель, он тотчас пригнал своих меринов. Узнав от него о приближении неприятеля, стали всматриваться[1]. Оказалось, что это за ними по пятам следует с погоней Ван-хан, стеля пыль по северному лесистому склону Мау-ундурских высот, через урочище Улаан-бурхат. Чингисхан же, едва увидав пыль, поймал своего мерина, завьючил и уехал. Еще немного — и было бы поздно. Подъехал, оказывается, Чжамуха, который успел присоединиться к Ван-хану. Тут Ван-хан спросил Чжамуху: «А кто у сынка Темучжина в состоянии принять с нами бой?» Чжамуха и говорит: «У него, говорят, Уруудцы с Манхудцами. Эти, пожалуй что, примут бой.

Окружить-забрать —
Им одним под стать.
А подстилку стлать —
В пору помощь звать.
Привыкать ли им?
С малых лет друзья
Для меча, копья.
Береженый сам,
Черно-пестрый стяг
Их хранит в боях».

(«Окружить кого — это им как раз подобает; подстилку стлать — помощь им подобает. Люди — с малых лет привычные к мечу да копью. Знамена у них — черно-пестрые. Этих, пожалуй, не взять врасплох: осторожны».)

«В таком случае,— говорит Ван-хан,— мы бросим против них Хадаги с его Чжиргинскими богатырями. В помощь[2] Чжиргинцам бросим Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь Тубегенцам бросим Олан-Дунхаитов. В помощь Дунхаитам пусть скачет Хоришилемун-тайчжи, во главе тысячи Ван-хановских гвардейцев-турхаудов. А в помощь тысяче турхаудов пойдем уж мы, Великий средний полк». Потом Ван-хан говорит: «Управляй ты, брат Чжамуха, нашим войском!» Чжамуха отъехал немного в сторону и, обращаясь к своим товарищам, говорит: «Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ван-хан, а оказался-то позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде — пусть анда воспрянет духом!» И Чжамуха тайно послал Чингисхану такое уведомление: «Спрашивал меня Ван-хан, кто у сынка Темучжина в состоянии принять бой. А я ответил ему, что передовым отрядом «туму» пойдут

---

[1] Послали разведку.
[2] В затылок.

Уруудцы и Манхудцы. Ввиду этого и они тоже порешили сделать передовым отрядом своих Чжиргинцев и пустить их впереди всех. За Чжиргинцами по уговору назначили Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь Дунхайтам назначили Хоришилемун-тайчжия, начальника Ван-хановской тысячи турхаудов. В тылу же его будет стоять, согласно этому уговору, Ван-ханов Великий средний полк. Потом Ван-хан сказал мне: «Управляй этим войском ты, брат Чжамуха!»— и таким образом возлагал управление на меня. Если в это дело вникнуть, то выходит, что друг-то он на час. Как можно вместе с ним править войском? Я и раньше не мог сражаться с андой. Но Ван-хан пошел, видно, дальше меня. Не бойся же, анда, дерзай!».

§ 171. Получив это известие, Чингисхан сказал: «Что скажешь ты, дядюшка Чжурчедай Уруудский, если тебя назначим передовым?» Не успел еще Чжурчедай и рта раскрыть, как Манхудский Хуилдар-Сечен говорит: «Я сражусь перед очами анды! Воля анды — позаботиться потом о моих сиротах!»— «Нет,— говорит Чжурчедай,— перед лицом Чингисхана будем сражаться мы оба: и Урууд и Манхуд!» И с этими словами Чжурчедай и Хуилдар выстроили перед лицом Чингисхана своих Уруудцев и Манхудцев. Не успели они выстроиться, как подошел неприятель, имея во главе Чжуркинцев. Подошел он, и Урууд с Манхудом ударили на него и смяли Чжуркинцев. Смяли и несутся вперед. Тут ударил на них Тумен-Тубегенский Ачих-Ширун. Ударил и сбил копьем Хуилдара Ачих-Ширун. Отступили Манхудцы и окружили Хуилдара. Чжурчедай же со своим Уруудом несется вперед и сбивает Тумен-Тубегенцев. Сбивает и, устремившись далее, встречает встречный удар Олан-Дунхаита. Поразил Чжурчедай и Дунхаитов. Поразил и принимает встречный удар Хоришилемунова полка турхаудов. Потеснил Чжурчедай и Хоришилемун-тайчжия, потеснил, разбил— и вперед. Тут Сангум, не посоветовавшись даже с Ван-ханом, ударил было навстречу, но, пораженный в румяную щеку, тут же упал Сангум. Видя паденье Сангума, повернули назад все Кереиты и обступили Сангума. Мы все продолжаем теснить, а солнце уже заходит за горные кряжи. Тогда наши повернули назад, взяли Хуилдара, упавшего от раны Хуилдара, и отступили на прежние места. Когда наши отошли от Ван-хана, с места боя, Чингисхан, продвинувшись несколько в темноте, заночевал на новых местах.

§ 172. Стали и расположились на ночлег. С наступлением дня стали считать своих. Оказалось, что нет Огодая, нет Борохула, нет Боорчу. «Вместе с Огодаем,— говорит Чингисхан,— вместе с Огодаем остались и верные Боорчу и Борохул. Почему же все они отстали: живы ли или погибли?» Наши провели ночь при своих

конях, и Чингисхан, стоя в боевой готовности, сказал: «Если вздумают преследовать, примем бой». Вдруг при полном свете дня, видим. подъезжает какой-то человек с тыла. Подъехал — и видим Боорчу. «О, Вечное Небо, твоя воля!»[1] — воскликнул Чингисхан, подозвав Боорчу и обнажая грудь свою. Тут Боорчу стал рассказывать: «Во время боя подо мною был убит конь, и я бежал пеший. Как раз в это время Кереиты обступили Сангума. Тут в суматохе вижу вьючную лошадь, которая стоит с покосившимся своим вьюком. Я срезал у нее вьюк, вскочил на ее вьючное седло и выбрался. Долго я шел по следу нашего отходившего войска. Наконец-то нашел вот!»

§ 173. Прошло немного времени, как опять подъезжает какой-то человек; едет, а ноги у него на весу болтаются. Издали глядеть — будто один, а как подъехали близко, оказывается это — Борохул, а сзади него «сундлатом» (вдвоем) сидит и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелою в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него запекавшуюся кровь, и оттого-то по углам его рта стекала спертая кровь. Как увидел все это Чингисхан, заскорбел душой и слезы полились из глаз его. Он приказал тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огодая. Сам же стоял наготове на случай наступления врага. Тут Борохул и говорит ему: «А неприятельская-то пыль назад стелется. Далеко назад расстилается его пыль по южному склону Мау-удурских высот в сторону Улаан-бурхатов. Он подался туда!» Когда Борохул дошел до этих слов, он все продолжал стоять наготове к бою. Потом он тронулся, говоря: «Раз неприятель бежит, мы нападем на него в обход!» Двинулись затем, пошли вверх по Улхуй-шилугельчжит и вступили в Далан-нэмургес.

§ 174. Но тут с тылу, от Ван-хана, в половину перешел к нам, т. е. без жены и детей, перешел на нашу сторону Хадаан-Далдурхан. Он сейчас же рассказал о Ван-хане вот что: «Когда Ван-ханов сын Сангум упал, пораженный стрелой в румяную щеку, и войско обступило его, Ван-хан и говорит:

«Большого задиру
Много и дерут.
Зачинщику в драке
Первый кнут дают!
За то и сыночку
В румяную щечку
Вбили-таки гвозды!

(Тем, кто чересчур заносист,— чересчур и попадает. Тем, кто занозист, — заноза и попала: вот и милому сынку моему в щеку занозу (гвоздь) загнали».)

[1] Да будет воля Вечного Неба!

Кинемся же выручать сынка!» Тут Ачих-Ширун и говорит ему: «Полноте, хан, государь мой!

Втайне о сыне — ты помнишь?— мечтал,
Жертвы-курения духам ты слал,
Слезно молитвы святые творил
Да неотступно ты «Авва» твердил.

(«Все мы, втайне домогаясь сына, моления и жертвы приносим, «абай-бабай» твердим, вознося усердные молитвы...») Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь по молитвам твоим он родился на свет. Притом же ведь с нами большинство Монголов, с Чжамухой, с Алтаном и Хучаром. А те, Темучжиновцы,— в леса ведь загнали мы их; и потому вот каковы они теперь:

Вся их тяга — конь,
Вся защита — лес!

(«Средством передвижения у них — конь; покровом-плащом— лес...») Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем! «После этих слов Ачих-Шируна Ван-хан молвил: «Ладно. Пусть будет так! Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло!» Сказал и начал отступать с поля сражения.

§ 175. Между тем Чингисхан, двинувшись с Далан-Нэмургеса вниз по течению Халхи, произвел подсчет войска. По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхудцев — по восточному берегу реки. По дороге продовольствовались облавами на дикого зверя. У Хуилдара еще не зажила рана, и сколько Чингисхан его ни удерживал, он все продолжал скакать за зверем. Тут рана его снова открылась, и он скончался. Тогда Чингисхан тут же и предал его прах погребению при реке Халхе на Орнаунском полугорье, в скалах.

§ 176. Зная, что в низовьях Халхи, в том месте, где она впадает в Буюр-наур, кочует племя Терге-Амельтен-Унгират, он отрядил к ним Чжурчедая с Уруудцами и дал такой наказ: «Если они помнят свою песнь:

Мы, Унгиратское племя,
С давних времен знамениты
Красою и статностью дев...—

если помнят, то обойдемся с ними по-хорошему. Если же они выкажут непокорство, то будем биться!» Мирно вступал к ним Чжурчедай и мирно был принят. А потому Чингисхан никого и ничего у них не тронул.

§ 177. После замирения Унгиратов Чингисхан ушел и расположился стойбищем по восточному берегу речки Тунге. Здесь он стал

готовить нижеследующие посольские речи для послов своих Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна: «Стою на восточном берегу речки Тунге. Травы здесь — прекрасные. Кони наши блаженствуют. А хану, отцу моему, говорите так:
«Что это ты, хан и отец мой, вздумал пугать нас во гневе своем? Если уж нужно было кого напугать, так что бы тебе не потревожить сладких снов у дурных ребят своих да у дурных невесток? С чего это ты так пугаешь, что под сиденьем скамьи оседают, а кверху идущий дым в стороны разлетается?

Под сиденьем скамейка разселася,
Кверху дым шел — по ветру развеялся.

Что с тобою, батюшка мой хан?

Иль мутят тебя лукавые,
Иль расстроили неправые?
Иль мутят тебя неистовые?
Иль науськали завистливые?

Помнишь ли, о чем мы говорили с тобой, хан и отец мой?

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят,—
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу лишь веру дадим.

Разве не было такого уговора? А ныне, хан и отец мой, разве ты объяснился со мною к лицу, прежде чем разойтись вот так?

Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам,—
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

Разве не было такого уговора? А теперь разве, хан и отец мой, разве ты переговорил со мною с глазу на глаз прежде чем расходиться со мною? Хан и отец мой! Тебе ведь известен я:

Как ни мал я числом,
Многолюдных не стану молить.
Как я родом ни худ,
Благородных не буду просить.

(«Хоть я мал числом, а не занимать мне многолюдства. Хоть и низок я родом, а не занимать мне благородства...») Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля, — и волу ее не свезти. Не так ли и я был твоею второю оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо,— нельзя на ней ехать. Не так ли и я был у тебя вторым колесом? Начнем с самого начала нашу повесть. После родителя твоего, хана Хурчахус-Буируха, ты, как старший из его сорока сыновей, стал ханом и, утвердившись

на ханстве, ты убил двух своих младших братьев, Тай-Темур-тайчжин и Буха-Темура. Опасаясь за жизнь свою от руки твоей, брат твой Эрхе-Хара бежал и поддался Найманскому Инанча-Билге-хану. Дядя твой Гур-хан ополчился на тебя за твое братоубийство и подошел к твоим пределам. Тогда ты, с сотнею своих людей, искал спасения в бегстве. Ты бросился убегать вниз по Селенге и схоронился в ущелье Хараун-хабчал. Затем, чтобы как-нибудь оттуда выбраться, ты подольстился к Меркитскому Тохтоа, отдав ему свою дочь Хучжауручжин. Когда же ты выбрался из Хараун-хабчала, ты явился к родителю моему, Есугай-хану, и говорил ему: «Спаси мой улус из рук дяди моего, Гур-хана». Приняв тебя и выслушав тебя, находившегося в таком бедственном положении, отец мой, Есугай-хан, снарядил войско и выступил во главе двух отрядов под командою Хунана и Бахарчжи, из Тайчиудцев. Я спасу для тебя твой улус!— сказал он. И, действительно, он спас твой улус и возвратил тебе, прогнав Гур-хана, всего с 20—30 его людьми, из Гурбан-телесутов, где он тогда находился, в страну Хашин. По возвращении из похода вы побратались с отцом моим, Есугай-ханом, в Тульском Темном Бору. И тогда, хан и отец мой, ты так выразил свои чувства признательности и почтения к отцу моему: да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их! Далее Эрхе-хара выпросил у Найманского Инанчи-Билге-хана войско, ополчился против тебя и подступил к твоим пределам. Ты же, спасая свою жизнь, покинул свой улус и бежал в Сартаульскую землю, на реку Чуй, к Хара-Китадскому Гурхану. Не усидев там и одного года, ты поднял вражду с Гурханом, убежав от него, скитался по Уйгурским и Тангутским землям. В это время ты кормился тем, что до капли отдаивал пять коз да вытачивал из верблюда кровь. И вот ты опять явился к отцу на единственном кривом кауром. Узнав о столь бедственном прибытии твоем, хан и отец, я, ради прежнего братского соглашения твоего с отцом моим Есугай-Баатуром, выслал навстречу тебе Тахая и Сюкегая, а потом и сам вышел к тебе навстречу с Келуренского Бурги-эрги и свиделся с тобой на озере Гусеур-науре. Ввиду твоего бедственного положения я произвел сбор с народа и вручил тебе. И разве в то время не состоялся у нас обряд усыновления, в Тульском Темном Бору, по примеру прежнего твоего братания с моим родителем? В ту зиму я включил тебя в свой курень и содержал на свой счет. Минули зима и лето, а осенью мы пошли на Меркитов, на Меркитского Тохтоа-беки. Битва произошла при Муруче-сеуле, у горного кряжа Хадыхлих. Мы прогнали Тохтоа-беки в страну Баргучжинскую и захватили у Меркитов все: и многочисленные табуны, и княжеские юрты, и хлебные запасы. И все это я отдал своему отцу хану.

Не давал я тебе голодать
И до полудня.
Не давал я тебе бедовать
И с полмесяца.

Потом мы с тобой загнали за Алтай из Улух-тахского Сохох-Усуна, загнали Гучугуртай-Буирух-хана. Преследуя его, мы спустились вниз по реке Урунгу, и у озера Кичил-баши захватили и уничтожили его. На обратном пути, в Байдарик-бельчире, поджидал нас, с войском наготове, Найманский Коксеу-Сабрах. Из-за вечернего времени мы отложили сражение на утро и ночевали в строю. Но ты, мой хан и отец, велел зажечь огни на своей стоянке и тою же ночью тронулся вверх по Хара-сеулу. Поутру, убедившись, что на твоей стоянке никого нет и что ты, таким образом, покинул нас, я тоже ушел, промолвил лишь: «Они-то, оказывается, хотели вовлечь нас в беду!» Пройдя затем Эдер-Алтайским Бельчиром, я расположился лагерем в Саари-кеере. Тебя же Коксеу-Сабрах стал преследовать. Он захватил Сангумову семью и весь его народ, да и у тебя, хан и отец, он полонил добрую половину людей и скота, которые находились в Телегетуйских падях. Забрал и ушел. При этом случае находившиеся у тебя, с народом их, сыновья Меркитского Тохтоа — Худу и Чилаун — поднялись и ушли от тебя в страну Баргучжинскую на соединение со своим отцом. Тогда ты, отец и государь мой, прислал ко мне такую весть: «Найманский Коксеу-Сабрах полонил мой народ. Сын мой, пришли на помощь своих четырех витязей-кулюков». Не мысля так, как ты, я тотчас же по твоей просьбе послал к тебе с войском четырех своих витязей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-Баатура. Еще до прибытия этих четырех витязей Сангум завязал было бой в урочище Улан-хуте. Лошадь под ним была ранена в бедро, и его самого уже схватили, когда подоспели эти мои четыре витязя. Они отбили Сангума, отбили его семью и народ, и все это вручили тебе. Тут, хан и отец мой, ты стал выражать свою глубокую признательность. Ты говорил: «Вот я получаю в дар от сына своего Темучжина свой утраченный народ, который спасли присланные им его четыре витязя». За какую же вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия. Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хури и Идургена. Если нельзя двоих, то посылай последнего».

§ 178. Выслушав эту речь, Ван-хан сказал: «О, погибнуть мне!

Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!», и с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну.

§ 179. Чжамухе же, анде своему, Чингисхан наказывал сказать так: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало, тому из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!» А Алтану с Хучаром он велел сказать: «Открыто ли вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжия, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: «Хутулахан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!» — говорили мы. Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим из более высоких по происхождению: «Будьте ханами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-Баатура». Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом и вот правил вами. Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как алгинчи-передовой. И если бы, с божьей помощью, полонил врагов, то вот как я поступал бы:

Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статей высоких
Вам послушный доставлял бы.
При охотничьих облавах
Зверя горного добычу
Я, стегно к стегну прижав,
Вам почтительно сдавал бы.
Зверя, что живет в берлогах,
Я, бедро к бедру прижав,
Вам бы полностью сдавал.
Зверя дикого степного,
Брюхо к брюху приложив,
Вам сдавал бы без изъяна.

* * *

Ныне ж хану и отцу
Верой-правдой вам служить!
Вам, как будто, не к лицу
Нерадивыми прослыть.
Рот заткните болтовне,
Будто суть тут вся во мне.
А Трехречье, у истока,
Стерегите пуще ока».

(«Я предоставлял бы вам прекрасноланитных дев и жен, прекрасных статей меринов. Когда бы вы посылали передовым в облаву на тенетного зверя, то я предоставлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя — предоставлял бы ляжка в ляжку; степного зверя — доставлял бы, притиснув брюхо к брюху. Ныне служите хорошенько отцу моему — хану. Поговаривают о нашей нерадивости. Не допускайте подобных толков: ведь вы родственники джаотхури (т. е. мои). Никому не позволяйте стоять (располагаться кочевьем) у истоков Трех рек»). Такие слова он приказал сказать им.

§ 180. Еще наказывал он передать младшему брату Тоорилу: «Причина прозвания «младший брат» вот какова. Вернулись из похода некогда Тумбинай и Чарахай-Линху, вернулись с пленным рабом по имени Охда. У раба Охдая был сын — раб Субегай. Субегаев сын — Кокочу-Кирсаан. Кокочу-Кирсаанов сын — Егай-Хонтохор. Егай-Хонтохоров сын — ты, Тоорил. Чей же улус надеешься ты получить, что так угодничаешь? Ведь моего улуса Алтан с Хучаром, конечное дело, никому не дадут. Только потому ведь и зовут тебя младшим братом.

Только затем, что прапрадеду нашему
Предок твой был у порога рабом,
Только затем, что и прадеду нашему —
Стал по наследству рабом-вратарем.

Вот это я только и хотел сказать тебе».

§ 181. И еще наказывал он: «А вот что передайте вы другу Сангуму-анде:

Видно, в рубашке на свет я родился.
Ты ж голышом, как и все, появился.

Наш хан и родитель равно заботился об нас обоих. Ты же, друг мой Сангум-анда, ревновал и гнал меня, лишь только я появлялся около отца. Теперь же ты обязан и утром и вечером, и входя и выходя от отца и хана нашего, должен ты веселить, а не терзать его сердце. Не мучь же и не расстраивай хана и родителя нашего, не отвращай лица его своими настойчивыми и неуклонными притязаниями стать ханом еще при жизни родителя!» А после этих слов присовокупите: «Когда ты, друг Сангум-анда, будешь снаряжать ко мне посольство, то шли двоих: Билге-беки и Тодоена. Итак, пусть шлют ко мне по двое от каждого: Родитель-хан, друг Сангум-анда, Чжамуха, Алтан, Хучар, Ачих-Ширун и Хачиун». Такие посольские речи возложил он на Архай-Хасара и Сукегай-Чжуена. Когда же эти речи были выслушаны, Сангум сказал: «Когда это он имел в обычае говорить: хан-родитель? Не именовал ли он отца старым разбойником? А меня-то, когда он называл меня другом-

андой? Не предрекал ли ты мне в будущем закручивать хвосты у туркестанских овец, Тохтоа-боо? Смысл этих его речей понятен, не требует пояснений. Дело идет о войне.[1] Поднимайте же боевое знамя, Бильге-беки и Тодоен! Откармливайте коней — нечего судить-рядить». Тогда Архай-Хасар сейчас же стал собираться уезжать. А у Сукегай-Чжеуна семья, оказывается, находилась здесь, у Тоорила. Не решаясь поэтому уехать, Сукегай-Чжеун отстал от Архая. Архай же приехал и сообщил Чингисхану об этих речах.

§ 182. Тогда Чингисхан тотчас же ушел с речки Тунге и расположился лагерем при озере Балчжуна. Во время здешней стоянки нам добровольно покорились Горлосцы, после того как Горлосский Цоос-Цаган вступил с нами в переговоры. Здесь же на водопое произошла встреча с Туркестанцем Асаном, который на белом верблюде гнал от Онгудского Алахуш-дагитхури тысячу кладеных баранов и попутно скупал соболей и белок у охотников вниз по течению реки Эргуне.

§ 183. На этой же стоянке при водопое подошел к Чингисхану и Хасар. Он бросил у Ван-хана свою жену и троих сыновей — Егу, Есунке и Туху, и с несколькими товарищами ушел. В поисках своего старшего брата Чингисхана он прошел наугад по его следам весь Хараун-чжидунский хребет, но не мог найти его. Далее шел он, питаясь с голоду сухими жилами, пока, наконец, не набрел на него у Балчжуна. На радостях, что с ним теперь Хасар, Чингисхан предложил отправить к Ван-хану посла. И решили они послать Хариудара-Чжауредайца и Чахур-хана-Урянхайца, которым поручили сказать хану-отцу, от имени Хасара, следующее:

«Брата родного я долго искал,
Видом, однако, его не видал.
Следом за ним неустанно следил,
След же его, надо думать, простыл.
Голосом громким к нему я взывал,
Но без ответа мой голос звучал.
Ночью, с рукой в изголовье, лежу,
В небо на звезды печально гляжу.
Если б у хана я милость снискал,
Он бы надежного мужа прислал,
К хану обратно помчался бы я:
Там ведь заждалась родная семья».

[«Я потерял всякий след своего старшего брата, которого выглядывал-высматривал. Искал, но и следа (пути бега) его не мог сыскать. Взывал, но никто не внял моему голосу. Смотря на звезды, лежу я с рукою в изголовье вместо подушки. Жена и дети — у хана-отца. Если бы обрел (от хана) верного мужа, то отправился б к хану-отцу».]

---

[1] Эти слова — начало (голова) войны.

Отправляя с этим поручением Хариудара и Чахурхана, разъяснили им вот что: «Сейчас же вслед за вами выступим и мы. Условным местом встречи будет урочище Аргал-гоуги на Келурене, куда вы и явитесь на обратном пути, по исполнении поручения». После того, пустив передовыми Чжурчедая и Архая, Чингисхан выступил с войском вслед за ними и достиг урочища Аргал-гоуги на Келурене.

§ 184. Хариудар же с Чахурханом прибыли к Ван-хану и от меня, Хасара, передали ему то, что им было наказано. А Ван-хан в ту пору, оказывается, беспечно пировал, воздвигнув себе золотой терем. На речи Хариудара и Чахурхана он ответил: «Раз так, пусть себе Хасар приезжает!» И он приказал послать к нему, по общему согласию, верного человека, Итургена. Тотчас же их всех и отправили. Подъезжая к условленному месту, к урочищу Аргал-гоуги, Итурген сразу заметил там, как будто бы, большое скопление людей и круто поворотил назад, но у Хариудара была быстрая лошадь. Хариудар нагнал его, но, не решаясь схватить его, то забегал ему навстречу, то немного приотставал. Тут-то Чахурхан, у которого лошадь была не так хороша на бегу, выстрелом сзади осадил на круп Итургенову лошадь с золотым седлом. Тогда Хариудар с Чахурханом схватили Итургена и доставили к Чингисхану. Но тот не пожелал с ним разговаривать, а только молвил: «Это — дело Хасара, отведите его к нему!» Отвели к Хасару, и тот, не проронив ни слова, тут же на месте изрубил его.

§ 185. Хариудар же и Чахурхан сказали Чингисхану: «Ван-хан в совершенной беспечности, пирует и веселится в золотом терему. Двигаясь без остановки день и ночь, мы можем накрыть его внезапным налетом». Одобрив это предложение, он послал с передовым отрядом Чжаурчедая и Архая. Не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигайской пади Чжечжеерских высот. Три дня и три ночи шел бой. Наконец, окруженный со всех сторон, неприятель на третий день сдался. Недоумевали, каким образом Ван-хану с Сангумом ночью удалось спастись бегством. Оказалось, что это — дело рук известного храбреца, Чжиргинца, Хадах-Баатура. Сдавшись, Хадах-Баатур явился к Чингисхану и сказал: «Мы бились три дня и три ночи. Увидав своего природного государя, я подумал: «Возможно ли схватить его и предать на смерть?» Нет!— сказал я себе. Я не могу покинуть своего государя. Буду биться еще, чтобы дать ему возможность прорваться, налегке бежать и спасти свою жизнь. Теперь же, если повелишь умереть,— умру, а помилуешь — послужу». Чингисхану понравилась речь Хадах-Баатура, и он соизволил сказать в ответ следующее: «Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, кто сражался для то-

го, чтобы дать ему возможность налегке уйти и спасти свою жизнь? Это — человек, достойный дружбы». И не дозволил его казнить, но милостиво соизволил повелеть: «За жизнь Хуилдара пусть Хадах-Баатур и сто Чжиргинцев служат его семье. И сыновья их пусть служат детям и внукам Хуилдара. А дочерей своих родители, Чжиргинцы, не должны выдавать замуж по своей воле. Пусть они служат членам семьи Хуилдаровой, как предваряя, так и сопровождая их». И повелел при этом Чингисхан, жалуя семью Хуилдара: «За то, что Хуилдар-Сечен раньше всех произнес слова преданности, повелеваю сиротам его, из поколения в поколение, потомственно пользоваться сиротским жалованьем-абулиха за службу Хуилдара».

VII. Кереиты и их монгольские союзники во главе с Чжамухой передаются найманам, смерть Ван-хана. Разгром найманов и меркитов

§ 186. Ниспровергнув таким образом Кереитский народ, он приказал раздавать его во все концы. Одну сотню Чжиргинцев он пожаловал за службу Сулдесцу Таухай-Баатуру. Отдавая дальнейшие распоряжения, Чингисхан отдал Толую Сорхатхани-беки, младшую из двух дочерей Ван-ханова брата Чжаха-Гамбу, а старшую, по имени Ибаха-беки, взял себе. По этой-то причине он не только позволил разорить Чжаха-Гамбу, но милостиво позволил ему, со всеми его наследственными крепостными, служить как бы второю оглоблей своей колесницы.

§ 187. И еще изволил повелеть Чингисхан: «В награду за подвиг Бадая с Кишлихом пусть будут у них сменной стражей, кешиктенами, Ван-хановы Кереиты, вместе с золотым теремом, в котором жил Ван-хан, с Винницей, утварью и прислугой при них. И пусть Бадай с Кишлихом, в роды родов их, пользуются свободным дарханством, повелевая своим подданным носить свой сайдак и провозглашать чару на пирах. Во всяком военном деле пусть они пользуются тою военной добычей, какую только нашли!» И присовокупил: «Благодаря подвигу Бадая с Кишлихом, подвигу, который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг Кереитский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне вечно, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кто совершил подобный подвиг!» Всех вдоволь оделил он Кереитскими пленниками. Тумен-Тубегенцев разобрали дочиста. Целый день разоряли и разбирали Олон-Дунхаитов и все же не по-

кончили с ними. А кровавых разбойников, Чжиргинских богатырей, так и не могли полностью размельчить и разобрать. По таковом истреблении Кереитского племени, зазимовали в ту зиму на урочище Абчжя-кодегери.

§ 188. Непокорные же Ван-хан с Сангумом спасались бегством. Ван-хан, намереваясь напиться, подошел к речке Некун-усун в урочище Дидиксахал и как раз наткнулся на караул Найманов под командой Хорису-бечи. Хорису-бечи схватил Ван-хана. Тот стал уверять его, что он Ван-хан, но Хорису-бечи, не зная его в лицо, не поверил и тут же убил. Чтобы не попасть в Дидик-сахальский Некун-усун, Сангум пошел в обход и забрел в пустыню. В поисках за водой Сангум увидал хуланов, которые стояли, отбиваясь хвостами от оводов. Он стал подбираться к ним. При Сангуме же был только его конюший Кокочу с женой. Только трое их и было всего. Тут-то Кокочу вдруг вскачь повернул домой, уводя с собою и Сангумова мерина. А жена говорит ему:

«Что ж от хана ты бежал?
«Мой Кокчу» тебя он звал.
Сладко ел ты, сладко пил,
Шитый золотом ходил!»

И стала было жена его отставать. «Уж не собралась ли ты спутаться с Сангумом?»— говорит ей Кокочу.--«Пусть же,— говорит она,— пусть я буду по-вашему баба с собачьей мордой, но ты должен вернуть ему хоть золотую чашку его, в чем бы ему воды-то хоть напиться». Тогда Кокочу швырнул назад золотую чашку и поскакал дальше, крикнув лишь: «Получай свою золотую чашку!» Вскоре же они вернулись домой. Явившись к Чингисхану, конюший Кокочу первым делом похвалился, что вот де я вернулся, бросив Сангума в пустыне. Потом он рассказал все, как было. Государь же, взыскав своею милостью жену его, самого Кокочу приказал зарубить и выбросить. «Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?»— сказал Чингисхан.

§ 189. Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: «Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву. Послали к Хорису-бечи, и тот отрезал и доставил его голову, которую и опознали. Разостлали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать перед нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась: «Смеешься!»— сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами. Тог-

да Коксеу-Сабрах и говорит: «Вы же ведь приказывали отрезать голову покойного хана и доставить ее сюда; с чем же это сообразно самим же и попирать ее ногами? Недаром наша собака что-то не к добру начала лаять. Говаривал, бывало, Инанча-Билге-хан:

«Жена молода,
А я уж старик.
Таян же, мой сын,
Мне даром чудесным
Молитвы ниспослан.
Увы! Благодетельным духом
Торлуком ниспосланный сын мой!
И сонмом вельмож знаменитых,
И смердов несметной семьею
Тебе ли, нездешнему, править?»

[«Жена молода, а я состарился. Этого Таяна родила по молитвам. Ах, сын мой, которого произвел на свет Торлук (гений-хранитель). Сможешь ли ты пещись и править благородными, а также и многочисленными холопами-чернью моего улуса?»]
Не к добру что-то стала лаять у нас собака. Прозорливо правит наша государыня Гурбесу. Но ты, хан мой Торлук-Таян, ты больно изнежен. Нет у тебя других ни забот, ни сноровки, кроме птичьей охоты да звериных облав!» Стерпев эти слова, Таян-хан говорит: «Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками древлеславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов!» Тут мать его, Гурбесу, и говорит: «Еще чего не хватало!

Костюм у Монголов невзрачен на вид,
От них же самих нестерпимо смердит.

Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить коров и овец, если только отобрать из них которые получше да велеть им вымыть руки и ноги!»—«Ну, хорошо!— говорит Таян-хан.— Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки».

§ 190. На эти слова Коксеу-Сабрах заметил: «Очень уже надменно вы говорите! Ах, Торлух-хан! Надо бы воздержаться. Приличны ли такие речи?» И долго еще отговаривал его Коксеу-Сабрах, но он отправил к Онгудскому Алахуш-дигитхури посла, по имени Торбидата, с таким сообщением: «Сказывают, что там, на севере, есть какие-то ничтожные Монголы. Будь же моей правой

рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки!» Алахуш-дигитхури ответил: «Я не могу быть твоей правой рукой». Дав ему такой ответ, Алахуш-дигитхури отправил к Чингисхану посла, по имени Ю-Хунана, и сообщил: «Найманский Таян-хан собирается придти и отобрать у тебя сайдаки. Он присылал просить меня быть у него правой рукою, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить. А то, чего доброго, явится он, и не остаться бы тебе без сайдаков!» Как раз в это время Чингисхан охотился в степи Темен-кеери. Когда пришел с вестями от Алахуш-дигитхури его посол Ю-Хунань, облавы шли вокруг урочища Тулкин-чеуд. Тут же на охоте стали совещаться, как быть, причем многие указывали на отощалость наших коней и недоумевали, что теперь делать. Тогда Отчигин-нойон говорит: «Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони — жирны! Уже-ли спокойно выслушивать подобные речи?» Затем слово взял Бельгутай-нойон. Он сказал вот что:

«Жизнь мне нужна ли, если с живого
Снял неприятель сайдак у меня?
Разве не лучше для воина-мужа
В битве погибнуть и кости сложить свои
Рядом с сайдаком и луком своим?
«Царство великое, подданных множество»:
Найманов дерзость вот чем питается!
Если ж на эти надменные речи
Мы им ответим внезапным ударом,
Трудно ли нам их сайдаки отнять?
Выходить надо несметный табун им:
Где же тут в срок к выступленью успеть?
Нужно дворцы да хоромы грузить:
Как же им срока не пропустить?
Разве спасаться в горы высокие
Толпы Найманские не побегут?
Раз попустили мы дерзкие речи,
Что же тут думать, что тут гадать?
Тотчас же на-конь, Монгольская рать!»

[«Если, заживо, попустить «товарищу» отнять свой сайдак, то какая польза и живу быть? Не добро ли рожденному мужем лечь костьми рядом со своим луком и прахом витязей? Найманцы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многолюден. А трудно ли нам у них у самих позабирать сайдаки, выступив в поход не мешкая. Если же выступят они, то не пристанут ли у них кони и не опоздняются ль они? Не опоздняются ль они, взваливая себе на плечи свои юрты-дворцы? Не побежит ли многолюдье их спасаться в высокие (горные) страны? Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней не медля!»]

§ 191. Понравилось это слово Бельгутая Чингисхану. Остано-

вив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочище Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов — ночной охраны и 70 человек турхаудов — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту-дурайн). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингисхан издал такое повеление: «Стрельцы, турхауты, кешиктены, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными кебтеулами и несут караульную службу вокруг». Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе.

§ 193. Выступив, по окроплении знамени, 16-го числа первого летнего месяца, в красный день полнолуния года Мыши (1204), он послал передовыми-алхумчинами Чжебе и Хубилая вверх по реке Келурену. Достигли Саари-кеере, где в истоках Канхархи оказался уже Найманский караул. Начались столкновения караулов, причем Найманам удалось захватить у нашего караула одну пегую лошаденку с плохоньким на ней седлом. Тогда у Найманов пошли разговоры, что де кони у Монголов совсем тощие. Наши же, задержавшись в степи Саари-кеере, стали совещаться, как быть дальше. Тут Додай-черби внес Чингисхану такое предложение:

«Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело кони. А тем временем пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника, зажигается по пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров! Найманов-то, как слышно, много. Но для хана их, который еще никуда из дому не выходил, для хана их и малого довольно. Так мы и Найманов вгоним в пот кострами да и коней своих откормим. А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них. Что скажете на это?» Чингисхан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Тотчас армия широко развернулась по степи Саари-кеере, и каждый человек зажег костры в пяти различных местах. Ночью, с высоты у истоков Канхархи, Найманские дозорные увидали множество огней и говорят: «Не сказывали ль нам, что Монголов мало? А костров-то у них больше, чем звезд!» Представили они тогда к Таян-хану пегую лошаденку с плохоньким седлом и докладывают: «Монгольское войско запрудило уже всю степь Саари-кеере. Не прибывает ли их с каждым днем? Огней у них больше звезд!»

§ 194. Таян-хан находился в Канхайском Хачир-усуне, когда пришло это донесение. Получив его, он послал сообщить своему сыну, Кучулук-хану: «Монгольские кони, как видно, плохи. Но огней у них, доносят, больше звезд. Стало быть, Монголов-то много.

Если с Монголом сейчас нам связаться,
Просто ли будет от них отвязаться?
Если теперь же сойтись и сразиться,
Глазом ведь те не мигнут уклониться:
В щеку коли ты их острым копьем,
Черная кровь потечет с них ручьем —
С места, однако, Монгол не сойдет.
Стоит ли нам в настоящую пору
С диким Монголом в сраженье ввязаться?

[«Если мы теперь же с ними сойдемся, то не будет ли трудно отступить? Стоит ли сейчас связываться с этими свирепыми Монголами, которые глазом не моргнут, когда их рубят в щеку; которые непоколебимы даже и тогда, когда струится их черная кровь?..»]

Известно, что кони у Монголов тощи. Давайте мы сделаем вот что: переправим свой народ на ту сторону Алтая, а сами, подтянувшись и двигаясь налегке[1], будем продвигать войска слева на-

[1] Подсучившись.

право и завлекать их в засаду. Так, вовлекая их в мелкие стычки, мы дойдем до высот южного склона Алтая. За это время наши табуны откормятся. Тогда-то мы, изнурив таким образом Монголов и еще больше истощив их коней, тогда-то мы и ударим[1] им прямо в лицо!» Ознакомившись с этим планом, Кучулук-хан и говорит: «Ну, так и есть![2] Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда это у него появилось множество Монголов? Ведь большинство Монголов с Чжамухой вместе, здесь, у нас!» И велел он через посла ответить ему такою язвительной и обидной речью:

«Разве не трусости ради своей
Так разглагольствует баба Таян,
Та, что подальше еще не ходила,
Нежели до ветру баба брюхатая.
Дальше еще и не хаживал он,
Нежели в поле теленок кружоный»[3].

[«Не из трусости ли прислал ты такое предложение, баба Таян, который не выходил из дому даже на расстояние отхожего места для беременной бабы; не доходил даже на расстояние бега кружоного теленка».]

Выслушав, как его обзывают бабой, Таян-хан и говорит:

«О мой могучий отважный Кучлук!
Пусть он отваги своей не покинет
В день, когда в битве сойдемся с врагом
Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся!» Тут вступил подчиненный Таян-хана, великий нойон Хорису-бечи, и говорит: «Твой родитель, Инанча-Билге-хан, равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу. Что же ты-то нынче теряешь голову перед завтрашним днем? Если б только знали, что ты такой трус, так лучше бы привезли сюда твою мать,— даром, что она женщина! Разве не управилась бы она с войском? Устарел у тебя бедняга Коксеу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска! Разве не видно, что пробил час счастливой судьбы для Монголов? Ах ты, Торлук хан, никчемный ты, видно, человек!» И он ударил по своему сайдаку и, показав тыл, ускакал.

§ 195. Разгневался на эти слова Таян-хан и говорит:

Что смерть,
Что страданья,
Не все ли равно?

Итак — в бой!» И он тронулся с Хачир-усуна, прошел вниз по Тамиру, переправился через Орхон и, следуя нижним склоном Наху-гуна, подошел к Чахирмаутам. Тут приближение Найманов за-

---

[1] Плеснем.
[2] Неисправим, опять за свое!
[3] Телячья «кружоная болезнь», или «вертячка».

метил Чингисханов дозор и тотчас послал ему извещение. Чингисхан выступил против Найманов со словами: «Ведь и вреда же бывает от многих так много; а от немногих — немного!» Наши погнали неприятельский караул. Строясь в боевой порядок, наши ратники говорили друг другу:

«Бегом пробежим хоть по терниям,
А строем построимся хоть и в озере,
Битву же пробьемся хоть долотами!»

[«Будем биться, хотя бы пришлось пролезать по тропам через заросли дикой акации — харагана; хотя бы пришлось строиться среди озера; хотя бы пришлось наносить удары долотом».]
Сам Чингисхан пошел в передовом отряде, Хасару поручил главные силы центра, а Отчигину поручил тыл с заводными конями. Отойдя от Чахирмаудов, Найманы расположились по южному полугорью Наху-гуна. Наш караул, гоня перед собою Найманский караул, вплотную прижал его к их главным силам на полугорье Наху-гуна. Таян-хан, наблюдая за этим преследованием, обратился к Чжамухе, который принимал участие в походе на стороне Найманов: «Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?» На это Чжамуха ответил: «Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они подлетают. гоня перед собою наш караул. Вот они, эти четыре пса:

Лбы их — из бронзы,
А рыла — стальные долота.
Шило — язык их,
А сердце — железное.
Плетью им служат мечи,
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское — походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они!
Да то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четырем?
Первая пара — Чжебе с Хубилаем.
Пара вторая — Чжельме с Субеетаем».

[«У этих четырех псов лбы — бронзовые, морды — как долото, языки — что шила, сердца — железные, а плети — мечи. Питаются росою, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной. Это они!»—«Кто же они,

эти четыре пса?»— спросил хан.—«Это две пары: Джебе с Хубилаем да Джельме с Субеетаем».]

«Ну, так подальше,— говорит Таян-хан,— подальше от этих презренных тварей!»— и, поднявшись выше, остановился на полугорье. Тут заметил Таян-хан, что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их витязи. И спросил Таян-хан Чжамуху:

«Кто же вон те и зачем окружают?
Будто с зарей сосунков-жеребят
К маткам своим припустили.
Маток они обегают кругом,
Жадно к сосцам приникая».

[« А кто эти и зачем окружают их, наподобие жеребят, которые выпущены рано поутру и теснятся вокруг своих маток, приникая к сосцам их».]

И Чжамуха отвечал так:

«То по прозванью Манхуд-Урууд.
Страшной грозой для злодея слывут.
Витязя, мужа с тяжелым копьем,
Им, зааркашив, поймать нипочем.
Витязя ль, мужа с булатным мечом,
Или в крови своих жертв палача
Свалят, нагнав, и порубят с плеча.
Это с восторгом они обступают,
Это, ликуя, они подлетают».

[«Это — так называемые Урууды и Манхудцы, которые, настигая, валят с ног, убивают и ограбляют носящих мечи кровавых грабителей, которые осыпают проклятьями носящих копья: то приближаются они, ликуя и блистая».]

«Лучше всего,— говорит Таян-хан,— лучше всего подальше от этих презренных!— И поднимается еще выше на гору. И спрашивает тут Таян-хан у Чжамухи: «А кто же это позади них? Кто это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол?» Чжамуха же сказал ему в ответ:

«Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин.
Снизу до верха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец.

[«Это подъезжает мой анда Темучжин. Все тело его залито бронзой: негде шилом кольнуть; железом оковано: негде иглою кольнуть. Разве не видите вы, что это он, что это подлетает мой друг Темучжин, глотая слюну, словно голодный сокол...»]

Смотрите же, друзья Найманы. Не вы ль говорили, что только бы

увидать вам Монголов, как от козленка останутся рожки да ножки?» Тогда Таян-хан говорит: «А ну, взберемся-ка по этой пади на гору». И взбирается повыше на гору и опять спрашивает Чжамуху: «А кто это так грузно двигается позади него?» Чжамуха отвечает:

«Мать Оэлун одного из сынков
Мясом людским откормила.
Ростом в три сажени будет,
Трехгодовалого сразу быка он съедает,
Панцирь тройной на себя надевает,
Трое волов без кнута не поднимут.
Вместе с сайдаком людей он глотает:
В глотке у витязя не застревает.
Доброго молодца съест он зараз:
Только раздразнит охоту.
Если ж во гневе — не к часу сказать!—
Пустит, наладив стрелу-анхуа он —
Насквозь пройдя через гору, к тому ж
Десять иль двадцать пронзит человек.
Если ж повздорит он с другом каким —
Будь между ними хоть целая степь —
Кейбур-стрелу, ветряницу, наладив,
Все ж на стрелу он нанижет его.
Сильно натянет — на девять сотен алданов сшибет,
Слабо натянет — на пять он сотен достанет.
Чжочи-Хасар прозывается он.
То не обычных людей порожденье:
Сущий он демон — мангус Гурельгу».

[«Мать Оэлун откормила одного своего сына человеческим мясом. Ростом он в три алдана, маховых сажени. Съедает трехлетнюю корову. Одет в тройной панцирь. Трех быков понукает везти его. Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застревает; съест целого мужика — не утолит сердца. Осердится, пустит стрелу свою, стрелу анхуа, через гору — десяток-другой людей на стрелу нанижет. Поссорится с приятелем, живущим по ту сторону степи, пустит стрелу свою кейбур-ветряницу, так и нанижет того на стрелу. Сильно потянет тетиву — на 900 алданов стрельнет. Слегка натянет тетиву — на 500 алданов стрельнет. Не человеком он порожден, а демоном Гурельгу-мангусом. По прозванью — Хасар. То, должно быть, он!»]

«Раз так,— говорит Таян-хан,— давай-ка поспешим мы еще выше в гору!» Поднялся выше и спрашивает у Чжамухи: «А кто же это идет позади всех?» На это говорит ему Чжамуха:

«Будет, наверное, то Отчигин:
У Оэлуны он наименьший сын.
Смелым бойцом у Монголов слывет,
Рано ложится да поздно встает.
Из-за ненастия не подкачает,
А на стоянку — глядишь — опоздает!»

[«А это — Отчигин, малыш матушки Оэлун. Слывет он смельчаком. Из-за непогоды не опоздает, из-за стоянки отстанет!»]

«Ну, так давайте, мы взойдем на самый верх горы!»— сказал Таян-хан.

§ 196. Наговорив таких слов Таян-хану, Чжамуха отделился от Найманов и, отойдя на особую стоянку, послал передать Чингисхану следующее известие:

«Почти уморил я Таяна словами:
Все выше со страху он лез,
Покуда, до смерти напуган устами,
Он на гору все же не влез.
Дерзай же, анда мой! Ведь тут
Все в горы спасаться бегут.

[«От слов моих падал в обморок, а потом спешил лезть повыше на гору. Разговорами до смерти напуган, на гору лезет. Дерзай, анда! Они на гору лезут...»]

Никакой стыд не вынудит их больше к сопротивлению, почему я ныне отделился от Найманов!» Тогда Чингисхан, ввиду позднего вечера, ограничился оцеплением горы Наху-гун. Между тем Найманы тою же ночью вздумали бежать, но, срываясь и соскальзывая с Наху-гунских высот, они стали давить и колоть друг друга насмерть: летели волосы и трещали, ломаясь, кости, словно сухие сучья. Наутро захватили совершенно изнемогавшего Таян-хана, а Кучулук-хан, который стоял отдельно, с небольшим числом людей успел бежать. Настигаемый нашей погоней, он построился куренем у Тамира, но не смог там удержаться и бросился бежать дальше. На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройства. Тут же сдались нам и все бывшие с Чжамухой: Чжадаранцы, Хатагинцы, Салчжиуты, Дорбены, Тайчиудцы и Унгираты. Когда же к Чингисхану доставили Таян-ханову мать Гурбесу, он сказал ей: «Не ты ли это говоришь, что от Монголов дурно пахнет? Чего же теперь-то явилась?» Гурбесу Чингисхан взял к себе.

§ 197. В том же году Мыши (1204), осенью, Чингисхан вступил в бой с Меркитским Тохтоа-беки при урочище Харадал-хучжаур. Он потеснил Тохтоая и в Сара-кеере захватил весь улус его, со всеми подданными и жильем их. Но Тохтоа, вместе со своими сыновьями Худу и Чилауном, а также с небольшим числом людей, спасся бегством. Когда, таким образом, Меркитский народ был покорен, Хаас-Меркитский Даир-Усун повез показать Чингисхану свою дочь, по имени Хулан-хатун. Встречая на пути всякие препятствия от ратных людей и увидав случайно нойона Бааридайца Наяа, Даир-Усун сообщил ему, что везет показать свою дочь Чингисхану. Тогда нойон Наяа и говорит ему: «Едем вместе и покажем

твою дочь Чингисхану». Задержал он их и продержал у себя три дня и три ночи. При этом задержку эту объяснял Даир-Усуну так: «Если ты поедешь как есть один, то в дороге, в такое-то смутное военное время, не только тебя самого в живых не оставят, но также и с дочерью твоею может случиться недоброе». Когда же потом, Даир-Усун, вместе с Хулан-хатун и нойоном Наяа, прибыли к Чингисхану, он в страшном гневе обратился прямо к Наяа и сказал: «Как ты смел задержать их? Тотчас же подвергнуть его самому строгому допросу и предать суду!» Когда же его стали было допрашивать, Хулан-Хатун говорит: «Наяа сказал нам, что состоит у Чингисхана в больших нойонах. А задерживал нас, объясняя, что поедем, мол, показать свою дочь хагану вместе. Потому что на дороге, говорит, неспокойно. Попадись мы в руки не нойона Наяа, а к другим каким военным, не иначе что вышло бы недоброе. Кто знает? Может быть, встреча с Наяа нас и спасла. Если бы теперь, государь, пока опрашивают Наяа-нойона, соизволил вопросить ту часть тела, которая по небесному изволению от родителей прирождена...» Наяа же на допросе показал:

«Хану всегда я служил от души,
Жен ли прекрасных, иль дев у врага
Только завидев, я к хану их мчу.
Если иное что было в уме,
Я умереть тут всечасно готов».

[«Что говорил при хане, то и сейчас скажу: нет у меня другого лица против того, что было при хане! Когда попадаются иноплеменные красавицы или добрых статей мерина, я всегда мыслю, что они хановские. Если есть что другое, кроме этого, в мыслях моих, то пусть умру я».]

Чингисхану понравились слова Хулан-хатуны. Ее освидетельствовали тотчас же, и все оказалось, как она говорила намеком. Очень пожаловал Чингисхан Хулан-хатуну и полюбил ее. А так как и слова Наяа-нойона оказались справедливыми, то Чингисхан милостиво сказал ему: «За правдивость твою я поручу тебе большое дело».

VIII. Кучулук бежит к Гур-хану Хара-Китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука, а Субеетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи, воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам

§ 198. При покорении Меркитов Огодаю была отдана Дорегене, дочь Худу, старшего сына Тохтоа-беки. У Худу было две доче-

ри: Тугай и Дорегене. Половина же Меркитского улуса, засев в укреплении Тайхая, не сдавалась. Тогда Чингисхан приказал осадить засевших в крепости Меркитов войском Левой руки под командою Чимбо, сына Сорган-Ширая. Сам же Чингисхан выступил преследовать Тохтоа-беки, который бежал со своими сыновьями Худу и Чилауном и небольшим числом людей. Зимовал Чингисхан на южном склоне Алтая. Затем, когда весною, в год Коровы (1205), он перевалил через Алтай и двинулся далее, то у истоков Эрдышской Бухдурмы оказалось стоящим наготове соединенное войско Тохтоа и Кучулука: Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингисхан завязал бой, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой — шибайн-сумун. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе через Эрдыш они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно; Найманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов. А Меркитские Тохтоаевы сыновья, Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие Меркиты, взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов. Возвратясь оттуда через тот же Арайский перевал, Чингисхан расположился лагерем в Ауруутах. Тем временем Чимбо вынудил к сдаче Меркитов, сидевших в крепости Тайхал. Этих Меркитов, по повелению Чингисхана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились. Находившиеся в Ауруутах наши кетченеры-домочадцы подавили это восстание. Тогда Чингисхан приказал пораздавать всех этих Меркитов до единого в разные стороны. «Это им за то,— говорил он,— за то, что мы, ради покорности их, позволили им жить, как раньше жили; а они еще вздумали поднимать восстание!»

§ 199.

В том же, Воловьем, году Чингисхан
Отдал приказ воеводе Субеетаю
Всех сыновей Тохтоая Меркитского —
Гала, Худу с Чилауном — поймать.
Слал он его в колеснице окованной,
Требовал всех беглецов отыскать,

Слово ж в напутствие так говорил:
«Выйдя из боя, бежали Меркиты.
Так иногда и с арканом хулан,
Так и олень со стрелою уйдет.
Пусть же хоть с крыльями будут они,
Пусть в поднебесье высоко летят,
Ты обернись тогда соколом ясным,
С неба на них, Субеетай, ты ударь,
Пусть обернутся они тарбаганами,
В землю глубоко когтями зароются.
Ты обернися тут острой пешней,
Выбей из нор их и мне их добудь.
В море ль уйдут они рыбой проворной,
Сетью ты сделайся, неводом стань,
Частою мрежей слови их, достань.
Ты перережь мне и горы высокие,
Вплавь перейди мне и реки широкие.
Но береги ты коней у служивых,
Помни о дальней дороге-пути.
Так же и харч сберегай им разумно.
Конь обезножет — так поздно жалеть,
Кончится харч — его поздно беречь.
Зверь в изобилии будет в пути.
Ты ж понапрасну народ не томи
И на облавы их зря не гони,
Чаще умом ты вперед забегай.
В меру такую должна быть облава,
К общим котлам чтоб была лишь приправа.
Кроме ж законных облав, не вели
Коням подхвостник к седлу ты вязать:
Люди пусть вольною рысью идут,
Оброти скинув, узду опустив.
Как же иначе ты сможешь скакать?
Если ж такой распорядок уставишь,
То виноватых нещадно ты бей.
Тех же, кто наши указы нарушит,
К нам ты и шли, коли знаем их мы.
Тех же, кто явственно нам неизвестен,
Там же, на месте, ты казнью казни.
Так поступайте, как будто бы вас
Только река от меня отделяет.
Вы и помыслить не смейте о том,
Будто бы горные дали меж нами.
Если же Вечное Синее Небо,
Силу и мощь вам умножа,
В руки предаст вам сынов Тохтоа,
К нам посылать их не стоит труда,
Там же, на месте, прикончить их».
Лично к Субеетаю вновь обратясь,
Молвил ему государь Чингисхан:
«Вот почему посылаю тебя.
Есть три Меркитских рода. Из них
В детстве напуган я был Удуитским:
Трижды он гору Бурхан облагал.

Ныне же враг ненавистный бежал,
Клятвой поклявшись о мщеньи.
Пусть далеко — до конца достигай,
Пусть глубоко он — до дна доставай!
Вот для чего я, в поход снаряжая,
Всю из железа коляску сковал;
Вот для чего я, людей ободряя,
Строгий наказ сего года вам дал.
Так поступай ты у нас за глазами,
Как поступал пред моими очами.
Так же служи ты, отъехав далеко,
Как и вблизи ты служил без упрека.
Будет тогда вам удачлив поход:
Помощь придет к вам с небесных высот!»

[«В том же году Коровы (1205) отдавал Чингисхан приказ. Посылал он Субеетая, посылал в железной колеснице преследовать Тохтоаевых сынов, Худу, Гал, Чилуана и прочих. Посылая же, наказывал Чингисхан Субеетаю: «Тохтоаевы сыны, Худу, Гал, Чилуан и прочие, в смятении бежали, отстреливаясь. Подобны они заарканенным диким коням-хуланам или изюбрам, убегающим со стрелой в теле. Если бы к небу поднялись, то разве ты, Субеетай, не настиг бы, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субеетай, не поймаешь их, обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их, обернувшись сетью-неводом и ловя их. Велю тебе, потом, перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, пока они еще не изнурены. Берегите дорожные припасы, пока они еще не вышли. Поздно беречь коней, когда те пришли в негодность; поздно беречь припасы, когда они вышли. На пути у вас будет много зверя. Заглядывая подальше в будущее, не загоняйте служивых людей на звериных облавах. Пусть дичина идет лишь на прибавку и улучшение продовольствия людей. Не охотьтесь без меры и срока. Иначе, как для своевременных облав, не понуждайте ратных людей надевать коням подхвостные шлеи. Пусть себе ездят они, не взнуздывая коней. Ведь в противном случае как смогут у вас ратные люди скакать? Сделав потребные распоряжения, наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей наших повелений, тех, кто известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам — на месте же и подвергайте правежу. Поступайте так, будто бы нас разделяет только река. Но не мыслите инако и особо, будто бы вас отделяют горные хребты (будто бы вы «за горами-за долами»). Не мыслите один одно, другой — другое. Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки наши Тохтоаевых сыновей. К чему непременно

хлопотать о доставке их к нам? Вы сами прикончите их на месте». И еще наказывал Чингисхан Субеетаю: «Посылаю тебя в поход ради того, что в детстве еще я трижды был устрашаем, будучи обложен на горе Удуитами, из трех Меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до дна глубокого». Так, возбуждая дух его к преследованию, приказал он выковать ему железную колесницу и в год Коровы напутствовал его в поход словами: «Если вы будете поступать и мыслить за глазами у нас так, как бы на глазах наших вдали — как будто бы вблизи, то Вечное Небо будет вам покровительствовать!»]

§ 200. Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Убили как-то, взобравшись на гору Танлу, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: «Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами!» Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингисхану. Приведенный к Чингисхану Чжамуха сказал им: «Приказываю вам доложить государю вот так:

Собралася галка,
Загадала черная
Селезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой,
Чем же наградишь?
Мышеловка[1] серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?»

[«Черные вороны вздумали поймать селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?» На эти слова Чжамухи Чингисхан изволил ответить: «Мыслимо ли

[1] Хуллу — ленивый, заевшийся коршун.

оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тотчас же повелел: «Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!» И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингисхан: «Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в песках Харгальчжит,
Мне, предстоявшей со всем Кереитом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя — первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
Насмерть его своим ртом напугал!»

[«Вот мы сошлись с тобою. Будем же друзьями. Сделавшись снова второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить инако со мною? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить — заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же был ты счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных битв болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни инако мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, когда это было. Во-первых, ты оказал мне услугу во время битвы с Кереитами при Харахалджит-элетах, послав предупредить меня о распоряжениях (перед боем) Ван-хана; во-вторых, ты оказал мне услугу, образно уведомив меня о том, как ты напугал наймана, умерщвляя словом, убивая ртом»].

§ 201. Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

«Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорхонаке,
Братство свое мы скрепили.
Трапезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь, одним одеялом с тобой
Ночью мы дружно делились.

Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
«Мы же от сердца ведь клятвы твердили!»
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадный рукою коснулся.
Думал я: «Клятвой ведь мы незабвенной клялись!»
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,
Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрест замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие же братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлука́
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой,
Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоих

Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.
Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы,—
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний».

[«В далекой юности, на урочище Хорхонах-джубур, в ту пору, когда братались мы с ханом, другом моим, ели мы пищу, которой не свариться, говорили речи, которым не забыться, делились одним одеялом. Но вот подстрекнули нас противники, науськали двоедушные, и мы навсегда разошлись. «Мы ж говорили друг другу задушевные речи!»— думал я, и будто бы кожу содрали с темного лица моего, я не терпел к нему прикосновенья, я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего. «Говорили друг другу незабвенные слова!»— думал я, и будто бы содрана была кожа с моего кроваво-красного лица, я не смог выносить правдивого взгляда проницательного друга моего. Ныне, хан мой, анда, ты милостиво призываешь меня к дружбе. Но ведь не сдружился же я с тобою тогда, когда было время сдружиться. А теперь, друг, теперь ты замирил все окрестные царства, ты объединил разноплеменные народы, тебе присудили и царский престол. К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? Ведь я буду сниться тебе в сновидениях темных ночей; ведь я буду тяготить твою мысль среди белого дня. Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в подоле. Болтлива больно старуха у меня, и в тягость я стал, стремясь мыслью дальше анды. Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца. У друга моего — умная мать, сам он — витязь от роду; братья — с талантами; да стало у тебя в дружине 73 орлюка —73 мерина: вот чем ты победил меня. А я, я остался круглым сиротой с одной лишь женой, которая у меня сказительница старины. Вот почему ты победил меня. Сделай же милость, анда, поскорей «проводи» меня, и ты успокоишь свое сердце. Если можно, мой друг, то, предавая меня смерти, казни без пролития крови. Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это. Моя жизнь одинока с самого рождения, и вот я подавлен Великим Духом (Счастливым Духом) многосемейного друга моего. Не забывайте же сказанных мною слов, вспоминайте и повторяйте их вечером и утром. Ныне поскорей отпустите меня».]

Выслушав эти слова, Чингисхан сказал: «Как ни различны

были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую причину. Скажите ему: «Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Цзереново ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-бальчжут. А теперь—скажите—ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению». Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, «подняли кости его».

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингисхана. Тут же и Мухалия нарекли Го-ваном. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства Чингисхан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в создании государства». И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наяа; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Даир; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчахус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуйдай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Се-

чавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Бухагурген; 82) Курил; 83) Аших-гурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигугурген; 86) Алчи-гурген; 87—89) (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахуш-дигитхури-гурген и 91—95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего, таким образом, Чингисхан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и ханские зятья. Учредив тысячи и назначив нойонов-тысячников, тут же Чингисхан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне нойонов Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!» В юрте же оказался при этом случае один Шиги-Хутуху. Чингисхан и говорит ему: «Сходи, позови!» Тогда Шиги-Хутуху ответил: «А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились,
Больше кого заслужили они?
Чем же и я недостоин награды,
В чем недостаточно я послужил?

* * *

Кажется, я с колыбели
Вот до такой бороды
Рос у тебя за порогом высоким
И своего никогда не помыслил.

* * *

Помню, в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым.
Вот и усами закрылись уста —
Разве роптал на усталость когда?

* * *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня.
Рядом постель постилали,
Братом считая родным.

[«Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не довольно потрудился?

С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется, я не мыслил инако с тобою.

С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами).

На коленях укачивая, вырастили ведь меня здесь, как сына.

Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня, как брата...»] Итак, какую же награду пожалуешь ты мне?» На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!»— сказал он и продолжал: «Когда же, с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй». И затем повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись «Коко Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». Говорил ему Шиги-Хутуху: «Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоугодно ли будет кагану выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?»—«Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!»— ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей, Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел нойонов Боорчи, Мухали и прочих.

§ 204. Тогда Чингисхан, обратясь к Мунлику-отцу, сказал:

«У тебя на глазах я родился,
У тебя на глазах я и рос.
Сколько раз ты покровом мне был,
Благовещий, святой, мой Мунлик.

[«Тот, с которым я, рождаясь, будто бы вместе родился; тот при котором, возрастая, будто бы вместе возрастал,— благовещий, блаженный ты...»]

Напомню же. Не удержи меня ты, Мунлик-отец, когда я заночевал у тебя по дороге к заманившим меня хитростью отцу Ван-хану и другу Сангуму, не отговори меня ты, отец Мунлик, попал бы я,

как говорится, в полую воду да в жаркое полымя. И одну памятную услугу как забыть и потомкам потомков? В память этой-то заслуги буду сажать тебя на самом высоком месте, вот в этом углу, и усердно буду думать о том, какою бы милостью или наградой взыскать тебя сообразно времени года или месяца. Многая лета тебе, исполать!»

§ 205. Потом, обращаясь к Боорчу, Чингисхан сказал: «Ты повстречался мне на дороге после трехдневного преследования ограбивших у нас восьми соловых меринов. Ты сказал тогда: «Я поеду в товарищах, ты ведь и так намучился один». И, не сказавшись даже отцу, ты спрятал в степи свои подойники и кадки, которые служили тебе при подое кобыл, пустил на пастьбу моего куцего светлосолового, посадил меня на своего черногривого белого, сам сел на своего быстрого буланого и, оставив на призвол судьбы свой табун, поспешил со мною. Вместе мы тронулись из степи и еще трое суток шли по следам, пока не подъехали к курению похитителей соловых и не увидали их на краю куреня. Мы отбили их тут же, грабежом, с тобою вдвоем. Ведь отец твой — богач Наху, а ты у него единственный сын. Что такое знал обо мне, что поехал со мною в товарищах? Нет, ты оказывал мне услугу, как рыцарь, как герой. Когда же потом, помня все время об этом, я послал к тебе Бельгутая с предложением моей дружбы, ты и явился ко мне как друг:

На горбуна ты буланого сел,
Серый армяк за седло перекинул.

Как раз в это время пожаловали к нам и три Меркита. Трижды они облагали Бурхан, и ты был в осаде со мною. И еще. Ночевали мы в Далан-нэмургесе, стоя против Татар. День и ночь шел проливной дождь. И вот ночью, чтобы дать мне уснуть, ты, прикрывая меня своим плащом и не давая дождю попадать на меня, как вкопанный простоял до утра и только единственный раз ты переменил ногу. Это ли не доказательство твоего рыцарства! И стоит ли после того перечислять другие твои рыцарские поступки? Боорчу с Мухалием так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули назад, когда я упорствовал в несправедливости своей: это они привели меня к нынешнему сану моему. Сиди же ныне всех выше, и да не вменятся тебе девять проступков. Пусть Боорчу ведает тьмою Правого корпуса, прилегающей к Алтаю».

§ 206. Затем, обратясь к Мухали, Чингисхан сказал ему: «Когда-то, в Хорхонак-чжубуре, мы расположились под тем развесистым деревом, где некогда плясал хан Хутула. По той печати Перста Небесного, которою были запечатлены в ту пору слова Муха-

ли, я вспомнил отца его Гуун-гоа, и вот полностью сбываются слова Мухали. Потому при восшествии на престол и дан ему титул го-ван с тем, чтобы это звание го-вана, т. е. князя языков, усвоялось и потомкам потомков Мухали. Пусть же Мухали Го-ван ведает тьмою Левого корпуса, примыкающей к Хараун-чжидуну».

§ 207. Сказал Чингисхан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, и с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: «Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен». А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!

§ 208. Затем обратился Чингисхан к Чжурчедаю: «Вот главная заслуга твоя. Перед битвой с Кереитами при Харахалчжитэлетах друг Хуилдар произнес обет. Исполнение же его принадлежит тебе, Чжурчедай. Исполняя его, ты, Чжурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех: и Чжиргинцев, и Тубеганцев, и Дунхаитов, и тысячу отборной охраны Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до Главного среднего полка, то стрелою-учумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь. Ведь неизвестно, как повернулось бы дело, если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная заслуга Чжурчедая. После того как мы, отступая оттуда, шли вниз по течению Халхи, я чувствовал себя с Чжурчедаем, как за сенью высокой горы. Далее пришли мы к водопою на озере Бальчжуна-наур. Потом выступая в поход с Бальчжуна-наура, я выслал Чжурчедая с передовым отрядом. В Кереитском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Кереитский народ. Когда же мы, таким образом, выключили из объединения главнейший улус, то Найманы и Меркиты пали духом и не смогли уже оказать нам сопротивления. Они были полностью рассеяны и разорены. В погибельной судьбе Меркитов и Найманов уцелел Кереитский Чжаха-Гамбу с улусом своим, благодаря двум своим дочерям. Но он вторично возмутился и ушел. Чжурчедай же заманил его, искусным движением захватил его и прикончил. Таким обра-

зом улус Чжаха-Гамбу был отвоеван. Вот это — другая заслуга Чжурчедая.

Жизнью он жертвовал в сечах кровавых,
Изнемогал он в боях роковых».

[«За то, что он в смертном бою жертвовал жизнью своей; за то, что в кровавых сечах изнемогал (не щадил живота).»]
И в воздаяние за эти заслуги Чингисхан, отдавая ему супругу Ибаха-беки, сказал ей: «Я не пренебрегал ни разумом твоим, ни красотою. И если я от сонма находящихся у лона моего и подножия ног моих отдаю тебя, как высшую милость мою к нему, отдаю тебя Чжурчедаю, то это потому, что я памятую о великом долге благодарности. Ведь Чжурчедай

В дни боевые
Щитом мне служил,
А для врагов
Невидимкою был.
Разъединенный народ
Он воедино собрал,
А раздробленный народ
Он в одно те́ло спаял.

[«В дни битв был щитом моим, был щитом моим против врагов; разделенное царство соединил, разъединенное царство собрал...»]
И вот за эти заслуги и памятуя о законе долга, я и отдаю тебя ему. В грядущие дни сядут на престол мой потомки мои. Пусть же помнят они об этих заслугах, пусть помнят о законе долга и да будут нерушимы мои слова! Сан Ибахи никогда не должен пресекаться!» Потом Чингисхан обратился лично к Ибахе: «Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе в приданое двух поваров — Ашик-Темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!» И он принял этот подарок. Потом Чингисхан сказал Чжурчедаю: «Вот я отдал тебе свою Ибаху. Не тебе ли и начальствовать над четырьмя тысячами своих Уруутов?» И он соизволил отдать об этом приказ.

IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии

§ 209. Потом говорил Чингисхан, обратясь к Хубилаю:

«Сильным ты шею сгибал,
Борцов на лопатки ты клал.

[«Сильным ты пригнетал выю, борцам пригнетал ягодицы...»]
А этих вот четверых моих дворовых псов — Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, когда бывало отправлял в поход, то

Им молвишь: «Вперед, на врага!»
И кремень они сокрушат.
Назад ли прикажешь подать —
Хоть скалы раздвинут они,
Бел-камень с налету пробьют,
Трясины и топи пройдут.

[«Скажешь: «кюр!» (вперед, нападай) — кремень сокрушали. Скажешь «гар!» (выходи, отбой) — скалы разделяли, бел-камень дробили, топи пересекали...»]

И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов, Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими Уруутами и Мангутами,— Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?»— сказал он и дал повеление. «А Бедууном,— продолжал он,— Бедууном я недоволен за его упрямство, и потому не дал ему тысячи. Вразуми его ты сам, и пусть под твоим руководством начальствует над тысячью, а потом мы посмотрим!»

§ 210. Генигесскому же Хунану Чингисхан сказал так: «Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалием и прочими нойонами, как и для вас Додай с Дохолху и прочими чербиями:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем — черным вороном станет.
Коли стоянка — не тронется с места,
Коли поход — остановок не знает.
Перед высоким — не знал лицемерья,
Как откровенности — перед врагом.

[«Черною ночью — черным вороном; белым днем — волчьим кобелем оборачивался. Кочевать — так не отдыхал; отдыхать — так не кочевал. С гордым (знатным) человеком — в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком-врагом — лица не ронял...»]

А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Коко-Цосом!»— сказал он и продолжал: «Чжочи — мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо — Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном — из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят».

§ 211. Обратился тогда Чингисхан к Чжельмею и сказал: «При самом моем рождении спустился к нам с Бурхан-халдуна Чжард-

чиудай-Евген, с кузнечным мехом за плечами и со своим Чжельмеем, малюткой от колыбели. Он подарил для меня собольи пеленки. Вступив в дружину мою вот с каких пор, Чжельме,

Рабом при пороге,
Моим вратарем ты служил.

И много заслуг у Чжельме!

О, счастья предвестник святой,
В собольих пеленках рожден.
Родиться — со мной ты родился,
Расти — так со мною ты рос.
За девять проступков взысканья
Минуют тебя, мой Чжельме!»

[«О блаженный, счастливый Чжельме, родившийся в собольих пеленках! Когда родился я — и ты родился; я рос — и ты рос вместе. Будь же ты свободен от взысканий за девять проступков!»]

§ 212. Затем, обращаясь к Тулуну, Чингисхан сказал: «Зачем вам, отцу с сыном, ведать отдельными тысячами? Ведь в собирании государства ты трудился словно второе крыло у отца твоего. За собирание царства ты и получил сан чербия. Ныне из тех людей, что стяжал ты своими трудами, составилась тысяча. Тебе и править ею общим советом с Туруханом». Сказал и отдал повеление.

§ 213. Потом сказал Чингисхан Онгуру-кравчему: «Ты ведь был со мною одним куренем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чаншиутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. Ты, мой Онгур,

В туман не терял ты дороги,
А в смуту был верен ты мне.
Со мною ты мокнул в ненастье,
Со мною в мороз коченел.

[«В туман — не терял дороги, в схватках не отставал ты. В мокроть — мокнул вместе со мной, в стужу — мерз вместе со мной...»]

Какую же ныне награду ты хочешь?» — «Если мне дозволено,— отвечал Онгур,— если мне дозволено выбирать, то дозволь мне собрать воедино братьев моих Баяутов, которые разбросаны и разметаны по всем концам».—«Хорошо,— изволил он повелеть,— разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником». И еще сказал Чингисхан: «Когда вы, двое моих кравчих Онгур и Бороул, так раздаете яства направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и

налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками». И он сам указал им место.

§ 214. Обратился потом Чингисхан к Борохулу: «Четверо вас у матери моей: Шиги-Хутуху с Борохулом да Кучу с Кокочуем.

Вас четверых на полу подобрали.
Мать же баюкала вас на коленях,
Словно родных сыновей пестовала.
За ворот каждого кверху тянула —
К людям равнять все старалась, родная.
За плечи каждого кверху тащила —
К мужам равнять все старалася, болезная.

[«С полу поднятых на коленях своих нянчила; как родных детей пестовала. За шею тянула — с людьми равняла; за плечи тащила — с мужами равняла...»]
Воспитывала же вас она с надеждою, что станете вы для ее сыновей дружеской сенью. За то и отблагодарили же вы мою мать! И вот каким другом был ты мне, Борохул:

В дальних походах ли,
В ночи ль ненастные
Лечь натощак не давал.
Враг ли напротив нас —
Супу не выпивши
Ты мне уснуть не давал.

[«В спешных походах, в ненастные ночи не оставлял меня на ночь голодным. Стояли лицом к лицу с неприятелем, и ты не оставлял меня на ночь без похлебки-шолюна...»]

Потом, когда мы сокрушили ненавистных врагов Татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси, тогда спасся и скитался одиноким бродягой татарин Харгил-Шира. Но и его голод загнал к нам. Вошел он в материнскую юрту и говорит: «Лишь подаянья прошу я». А мать говорит ему: «Раз ты просишь подаянья, то сядь там». И по ее указанию он сел на край скамьи, стоявшей направо, у дверей. В это время вошел со двора пятилетний Толуй. Когда же потом он стал опять выбегать на двор, Харгил-Шира встал, схватил ребенка под мышку, выскочил и, пошарив на ходу, выхватил нож. А Борохулова жена Алтани в ту пору сидела в материнской юрте, слева. Не успела мать вскрикнуть «погубит ребенка», как Алтани выскочила, бросилась за Харгил-Шираем, догнала и, ухватив его сзади за косу, другою рукой так рванула его за руку, заносившую нож, что нож выпал. В это время Чжетай с Чжельмеем за юртой резали, распялив, черную комолую корову. Услыхав крики Алтани, Чжетай с Чжельмеем бросились к ней на помощь с топорами в окровавленных руках. Тут же топорами и ножами своими они

прикончили Харгил-Ширая. И заспорили тут все трое — Алтани да Чжетай с Чжельмеем. Заспорили о том, кто главный виновник спасения ребенка. Чжетай с Чжельме говорят: «Не будь нас да не подоспей мы прибежать и уложить его, что могла бы поделать с ним одна женщина, одна Алтани? Ясно, что он успел бы сгубить ребенка. Заслуга-то, выходит, наша!» Алтани же и говорит им: «Не услышь вы моего крика о помощи, чего бы вам и бежать было? А вот если бы я не догнала его да не вцепилась ему в косу, да не рванула за руку, так, что выпал уже занесенный нож, то он непременно успел бы погубить ребенка раньше, чем подоспели бы Чжетай с Чжельмеем». В конце концов заслугу спасения ребенка оставили за Алтани. Итак, Борохулова жена, его вторая оглобля, спасла жизнь Толую. Далее, в битве с Кереитами при песках Хара-халчжит упал раненный в шейную артерию Огодай. Спешившись около него с отрядом, Борохул стал отсасывать у него из раны запекавшуюся кровь. Он провел ночь около раненого, а утром, так как Огодая невозможно было посадить на коня одного, он сел с ним вместе сундлатом. Обнимая Огодая сзади, он все время отсасывал запекавшуюся кровь, пока благополучно не доставил его на место, издали краснея окровавленными углами своего рта. Так, в благодарность за труды и заботы моей матери, он спас жизнь двоим моим сыновьям! И был он мне таким другом, который не медлил откликнуться на призыв или вопль о помощи. Пусть же не вменяются в вину Борохулу девять проступков!»

§ 215. Затем он обещал пожаловать награды также и женщинам, членам ханского рода.

§ 216. Потом сказал Чингисхан, обратясь к старцу Усуну: «Усун, Хунан, Коко-Цос и Дегай — из таких людей, которые не скрывают и не таят слышанного и виденного и говорят то, что думают. По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки. В таковой возводятся потомки старшего сына Бодончара, Баарина. Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки — старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!»

§ 217. Потом Чингисхан повелел: «За то, что друг Хуилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его!»

§ 218. Сказал затем Чингисхан Нарин-Тоорилу, сыну Чаган-гоа: «Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь пред моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие». Тогда Тоорил и говориг: «Как изволит то ведать госу-

дарь, мои братья — племя Негус — рассеяны по всем концам. Не будет ли мне оказана милость — собрать воедино моих братьев — племя Негус?» — «Быть по сему»,— отвечал Чингисхан. «Не подобает ли тебе и править наследственно собранными воедино твоими братьями, племенем Негус» — сказал и отдал повеление.

§ 219. Потом Чингисхан обратился к Сорхан-Ширaю и сказал ему: «В юности моей я был схвачен братоненавистником Таргутай-Кирилтухом. Зная, что я схвачен из-за братской зависти и ненависти, Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, спрятал меня, поручив заботам своей дочери Хадаан. Об этой услуге, об этом вашем благодеянии я не забываю ни темною ночью— во сне, ни белым днем — наяву. Вы же поздновато перешли ко мне от Тайчиудов. Какая же награда вам будет теперь по душе?» Тогда Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, сказал: «Не благоволишь ли разрешить пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге? Если же и другая какая милость будет,— на то воля государя Чингисхана». На это Чингисхан сказал: «Занимайте же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших и приказывайте носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток. Будьте свободны от взысканий за девять проступков». И затем Чингисхан обратился с милостивым словом к Чилауну и Чимбо: «Как мне отблагодарить вас, Чилаун и Чимбо, за те незабвенные слова, которые вы сказали когда-то, Чилаун и Чимбо! Если когда вам понадобится высказать мне свои пожелания, если когда вам придется попросить меня о какой нужде своей, никогда не обращайтесь ко мне через посредников. Сами лично приходите ко мне и сами лично с глазу на глаз высказывайте мне желания свои и просите о нуждах своих!» Так он повелел и присовокупил: «Дарханствуйте же вы, Сорхан-Шира, как и Бадай с Кишлихом, а посему получайте в свое единоличное и нераздельное пользование всю ту добычу, которую найдете в походе ли на врага или в облавах на дикого зверя. Кто был Сорхан-Шира? Крепостной холоп, арат у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кишлихом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы — мои приближенные. Благоденствуйте же в вашем дарханстве, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток».

§ 220. Потом обратился Чингисхан к Наяа и сказал: «Когда Ширгету-Евген схватил, вместе со своими сыновьями Алахом и Наяа, схватил Таргутай-Кирилтуха и вез его к нам, то по дороге, в Кутухулноудах, Наяа сказал: «Как можно ехать со схваченным нами же природным своим ханом?» И вот, по его совету, отпусти-

ли Таргутая, не причинив ему никакого зла. А когда затем Ширгету-Евген явился ко мне со своими сыновьями, Наяа-бильчиур сказал: «Мы наложили, было, руки на своего хана Таргутая-Кирилтуха и везли его к тебе, но потом отпустили его, не смея причинить ему зла, а сами вот пришли предложить свою службу государю Чингисхану». Тогда я сказал ему: «Если бы только вы пришли ко мне со своим ханом, на которого сами же наложили руки, то что́ бы иное можно было сказать про вас, кроме следующего: какое может быть доверие к крепостным людям после того, как они сами наложили руки на своего природного государя? Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Еке-Торе». И я обещал тогда поручить тебе какое-нибудь дело. Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса — Мухалию, коему присвоил звание го-ван. Ведай же ты, Наяа, Центральною тьмою». И он отдал повеление.

§ 221. «Пусть равно также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которое они стяжали своими собственными трудами»,— сказал он.

§ 222. Тысячу же поручил также и в ведение овечьего пастуха Дегая, приказав набрать ее с разных концов.

§ 223. Потом недоставало людей для плотника Гучугура. Тогда собрали по разверстке с разных концов и просто присоединили их к Мулхалху из племени Чжадаран. «Пусть Гучугур начальствует тысячей общим советом с Мулхалху»,— приказал он.

§ 224. Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойных этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингисхан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кабтеулсунов и 70 турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора изо всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингисхана относительно избрания и пополнения кешиктенов: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сот-

ников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников, вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей». Так гласил указ, и далее: «Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие состоять при нас, то в таковых случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правежу и ссылать с глаз долой в места отдаленные». Так повелевалось с присовокуплением: «Никоим образом не удерживать направляющихся к нам крепостных — аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас».

§ 225. Во исполнение указа Чингисхана произвели набор от тысяч, отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов — ночной стражи. Теперь их число довели до 800, а затем повелено было пополнить их до 1000. При этом повелено никому не возбранять вступления в кебтеулы. Командующим гвардейским полком кешиктенов ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктенов-стрельцов, хорчи-кешиктенов. По сформировании их командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым

сыном, Бугидаем. При этом было повелено: «Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов — Есунтее; во вторую — Бугидай; в третью — Хорхудак и в четвертую — Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнить до 1000 и передать под команду Есунтее».

§ 226. «Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью — чербию Додаю; четвертую — чербию Дохолху; пятую — родичу — Чжурчедая — Чанаю; шестую — Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком — гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей». Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы-турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи — кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего — отряд в 10 000 человек — тьма кешиктенов. Чингисхан повелеть соизволил: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком».

§ 227. Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингисхан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими — Буха; во вторую — Алчидай, в третью — Додай-черби и в четвертую — Дохолху-черби. По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: «Вступив в дежурство, дежурный начальник делает перекличку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказать тридцатью и семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства во-

преки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения, над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получат возмездие: за палки — палки, а за кулаки — кулаки же!»

§ 228. И еще повелел государь Чингисхан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянно́й моего-кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников».

§ 229. И еще повелел государь Чингисхан: «Ко всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы — свои сайдаки, а повара-бавурчины — свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шолюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы — к своим сайдакам, турхауты — к своим помещениям, бавурчины — к своей посуде. По этому правилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи и плечи наотвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказаться об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не

дозволяется также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одетым на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш Элчжигидай».

X. Гвардия Чингисхана. Похвала гвардии. Покорение уйгуров и лесных народов. Распределение уделов. Расправа с Волхвом Теб-Тенгрием

«Тучами небо ночное закрыто,
Ты ж на посту, моя верная стража:
С дымником юрту мою стережешь ты,
Плотным ее облегаешь ты кругом —
Сон навеваешь на вежды мне крепкий.
Ты ведь и в сан возвела меня царский.

*

Звездами небо ночное горит.
Ты же мой сон безмятежный в постели
Чутко блюдешь, моя стража ночная,
Юрту-дворец мой кругом обступая.
К сану высокому ныне меня
Ты, благовещая стража, взнесла!

* * *

Сетью ль сплетутся дожди в непогоду,
Иль все живое мороз цепенит,
Ливень ли льет непрерывным потоком —
Ты ж — все вокруг моей юрты сетчатой,
О, благоверная стража ночная.
Сердцу ты радость, моя легкокрылая,
Стража ночная моя, Кебтеул!
В радостный сан ты меня вознесла.

* * *

В бурю-невзгоду военную
Юрту с подóлом мою окружала
Ты, во мгновение ока встающая,
Верная стража моя, Кебтеул!

* * *

Берестяного сайдака
Только рукою коснись —
Вся во мгновение ока встает
Бодрая стража моя, Кебтеул.

* * *

Звучным колчаном из ивы
Только ударь еле слышно —
Медлить не станешь ты,
Быстрая стража моя,
О, благовещий ты мой, Кебтеул!

* * *

Славьте же старою стражей ее!
И турхаутом великим зовите
Семьдесят тех турхаутов, что вместе
С чербием Оголе в службу вступили.

* * *

Славьте же старыми богатырями
Богатырей под началом Архая!
Также Хорчином Великим зовите
Есунтее с Бугидаем стрельцов!»

[«В пасмурнооблачные ночи юрты мои, имеющие дымники, кругом облегала ты, крепко убаюкивала меня во дворце, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня.

В звездные ночи дворцы мои кругом облегала, на постели моей не давала метаться в тревоге, благословенная стража моя. На высокий престол возвела меня ты!

В переплетающиеся дожди, в трескучие морозы, в проливные дожди решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднималась, верная стража моя, упокоившая сердце. Ты и на радостный трон возвела меня.

Среди коварных врагов, окружая юрты мои с подолами, ты во мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!

На малейший стук берестяного колчана немедлительно откликавшаяся стража моя!

На едва заметный стук березовых луков не запаздывавшая, быстроходная стража моя, благословенная стража моя!

Называйте ж ее старою стражей, называйте Великим Турхаутом — тех 70 турхаутов, которые вступили в службу вместе с Оголе-чербием.

Называйте же старыми богатырями Архаевых богатырей. Зовите великими стрельцами Есунтеевых и Бугидаевых стрельцов!»] Так он изволил говорить.

§ 231. «Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут занимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десятитысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяноста и пяти тысяч, чтобы состоять лично при мне. Разве не превыше добрых гениев-хранителей были мне эти десять тысяч кешиктенов!» Так он изволил говорить.

§ 232. Еще говорил Чингисхан: «В ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи — темечины и коровьи пастухи — хукерчины; на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят кебтеулы. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом кебтеулы имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. При раздаче питья и кушаний стрельцы-хорчины обязаны начинать раздачу с кебтеулов, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению кебтеулов. Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул, около самой юрты. Двое из кебтеулов состоят при Великой виннице. От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и кебтеулы, оставляя, однако, известную часть кебтеулов, соображаясь с обстоятельствами и временем, при юртовых телегах».

§ 233. И еще говорил Чингисхан: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таковом нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну кебтеулы? Прежде всего потому, что именно кебтеулы пекутся о нашей златой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом Аурухе и во время кочевок, и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей, обремененных столь сложными и многоразличными обязанностями. Быть по сему!»

§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чингисхан: «Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцирей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-хорчинов и Дневной стражи турхаутов с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Бугидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву Дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются турхауты Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны за-

нимать пост перед дворцом. Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешиктенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, «отбросом питается, конским пометом отопляется».

§ 235. Нойону Хубилаю было повелено отправиться к Харлуутам. Харлуутский хан Арслан явился к Хубилаю с выражением покорности. Взяв с собою Арслан-хана, Хубилай-нойон представил его государю Чингисхану. Во внимание к его добровольной покорности, Чингисхан милостиво принял его и обещал выдать за него дочь.

§ 236. Преследуя по повелению государя сыновей Тохтоа Меркиткого — Худу, Чилауна и других, Субеетай, в своей кованной из железа колеснице, настиг их на реке Чуй, уничтожил и возвратился.

§ 237. Чжебе, преследовавший Найманского Кучулук-хана, настиг его в Сарик-хуне, уничтожил и возвратился.

§ 238. Уйгурский Идуут прислал к Чингисхану посольство. Через послов Аткираха и Дадая он извещал: «С великой радостью слышу я о славе Чингисханова имени! Так ликуем мы, когда расеются тучи и явит себя матерь всего — солнце. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются вновь воды реки. Не пожалует ли меня государь Чингисхан. Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей багряницы. Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!» На эти речи послов Чингисхан милостиво соизволил передать такой ответ: «Дочь за него отдам, и быть ему пятым сыном моим. Пусть Идуут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканой парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей». Обрадованный такою милостью к нему, Идуут набрал золота, серебра, жемчугов, перламутров, шелков, златотканой парчи, штофов узорчатых и, явившись, представился Чингисхану. Чингисхан пожаловал Идуута и выдал за него Ал-Алтуну.

§ 239. В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-

дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов Лесных народов и, представив Чингисхану, велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями. За то, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген. Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата — Торельчи, а царевну Алаха-беки отдали в замужество к Онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи, Чингисхан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство». И повелел так.

§ 240. Борохул же был послан против Хори-Туматского племени. Хори-Туматами правила, по смерти своего мужа, Дайдухул-Сохора — Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон, с тремя людьми, пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке, Туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингисхан очень разгневался и стал сам собираться в поход на Туматов. Насилу его отговорили Боорчу с Мухалием. Тогда он послал Дорбетского Дорбо-Докшина и наказал ему: «В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить Туматское племя». Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами. Когда же и лучшие из ратников стали колебаться, он приказал отборным ратникам нести наготове по десяти прутьев для понукания отстающих. Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их.

§ 241. Тут же, у Ботохой-Толстой, в плену у Туматов находились и Хорчи-нойон с Худуха-беки. Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингисхан разрешил ему взять себе в жены тридцать самых красивых Туматских девушек. Он и

поехал за Туматскими девушками. Тогда покорившиеся было перед тем Туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингисхан послал к Туматам Худуху как хорошего знатока Лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно Туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки.

§ 242. Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингисхан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созиданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». Ввиду этого он, выделяя уделы, дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю —8000, Огодаю —5000, Толую —5000, Хасару —4000, Алчидаю —2000 и Бельгутаю —1500 юрт. Потом говорит: «А Даритай (-отчигин) был на стороне Кереитов. Долой его с глаз моих! Истребить». Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали говорить ему: «Это ли не значило бы угашать свой собственный очаг или разрушать свой собственный дом! Ведь он единственный дядя твой и завстная память твоего блаженного родителя. Уничтожить его — как можно допустить подобное? Прости же неразумному, и пусть вьется дымок над детским кочевьем твоего блаженного родителя!» Долго они уговаривали его, один за другим, и так горячились и сокрушались, что дым шел из ноздрей. Наконец, вспомнил он своего блаженного родителя и, успокоенный речами Боорчу с Мухалием, сказал: «Ну пусть будет так!»

§ 243. Чингисхан продолжал: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10 000 юрт, я приставляю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжунсая и Аргасуна. К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю — троих: Харачара, Мунке и Идохудая». И еще говорил Чингисхан: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его и утром и вечером». К Огодаю он приставил двоих: Илугея и Дегея. К Толую — Чжедая и Бала и к Алчидаю — Чаурхана.

§ 244. У Хонхотанского Мунлик-эчиге было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв. Эти семеро Хонхотанцев стакнулись как-то и избили Хасара. Тот пал на колени перед Чингисханом и стал ему жаловаться. Но попал он как раз под сердитую руку, и говорит ему Чингисхан: «Слывешь непобедимым, а вот и оказался побежденным». Роняя слезы, Хасар поднялся и ушел. В сердцах он три дня не был у Чингис-

хана, а тем временем Теб-Тенгри говорит Чингисхану: «Вечный Тенгрий вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться». Под влиянием этих наговоров Чингисхан в ту же ночь выехал, чтобы схватить Хасара. Но Гучу с Кокочуем предупредили об этом мать, и она тотчас же, следом за ним, выехала в крытом возке, запряженном белым верблюдом. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингисхана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингисхан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом и, не в силах унять своего раздражения, присела на корточки, расстегнулась и, выложив обе груди на колени свои, говорит: «Видите? Вот груди, которые сосали вы. О, пожиратели материнской утробы, о, братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар — меткой стрельбой и силой.

Кто в перестрелку вступал,
Тех покорял он стрельбою.
Тех, кто робел перед битвой,
Выстрелом вверх забирал!

Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов!» Успокоив мать, Чингисхан сказал: «Страшно и стыдно мне материнского гнева. Давай уедем!» И они уехали. Однако потом он, тайно от матери, отобрал у Хасара людей, оставив ему только 1400 юрт. Но мать узнала, и огорчение этим поступком ускорило ее кончину. А Чжалаирский Чжебке с испугу бежал в страну Баргузинскую.

§ 245. После этого случая стали собираться к Теб-Тенгрию и подданные всех девяти языков. Тут и от Чингисхановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении. Тогда Отчигин отправил своего Сохора потребовать обратно своих беглых холопов. Но Теб-Тенгрий, всячески надругавшись над послом Сохором, отослал его обратно пешком, заставив нести на спине свое седло, и сказал при этом: «Будешь послом как раз под пару Отчигину». Вынужденный принять обратно своего посла в таком уничижении, Отчигин на другой же день отправился к Теб-Тенгрию сам и сказал: «Посла Сохора вы с поношением отправили обратно пешим. Требую своих крепостных!» При этих словах

семеро Хонхотанцев обступили его со всех сторон и говорят: «А в праве ты был посылать своего посла Сохора?» В страхе, как бы они чего над ним не сделали, Отчигин-нойон ответил: «Да, я тут поступил неправильно, виноват!»—«А раз виноват, то проси прощения на коленях!» И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрия. Крепостных, конечно, ему не отдали, и Отчигин на следующее утро чуть свет отправился к Чингисхану. Когда он вошел, Чингисхан еще лежал в постели. Отчигин пал на колени и со слезами сказал: «К Теб-Тенгрию стали стекаться крепостные всех девяти языков. И вот я послал к Теб-Тенгрию своего посла Сохора потребовать обратно своих собственных крепостных. Когда же он, всячески оскорбив моего посла Сохора, выслал его обратно пешим с седлом на спине, я сам отправился требовать их. Но семеро Хонхотанцев обступили меня со всех сторон и заставили просить прощения у Теб-Тенгрия, стоя сзади него на коленях». Рассказывая все это, он рыдал. Чингисхан не успел еще произнести ни слова, как Борте-учжин привстала на постели и села, прикрывая грудь свою концом одеяла. Слезы закапали у нее из глаз, как только увидала она, что Отчигин в самом деле плачет. И она заговорила: «Что же это они делают, эти Хонхотанцы! Только на днях стакнулись и избили Хасара, а теперь опять. Как смеют они ставить позади себя на колени Отчигина? Что это за порядки такие? Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, подобных лиственницам или соснам. Ведь несомненно, что долго ли, коротко ли:

Падет как увядшее древо
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством смятенным твоим?
Столпом сокрушенным падет
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством разбитым твоим?

[«Когда, подобно высохшему дереву, падет твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится разметанной конопле? Когда, подобно колонне, обрушится твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится стае птиц».] Как дадут они мне, худо-бедно, вырастить трех-четырех малюток моих, эти люди, способные извести даже и братьев твоих, подобных лиственницам или соснам? Что же это такое творят Хонхотанцы! И как можешь ты спокойно смотреть на такое обращение с своими же братьями?» После этих слов Борте-учжины Чингисхан сказал Отчигину: «Теб-Тенгрий ужо явится. Я разрешаю тебе поступить с ним по своему усмотрению». Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей. Вскоре же является Мунлик-отец со своими семерыми сыновьями. Все вхо-

дят, причем Теб-Тенгрий усаживается справа от Винницы. Но тут же Отчигин хватает его за ворот: «Вчера ты,— говорит он,— вчера ты заставлял меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!» И, держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри, в свою очередь, схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингисхан и говорит: «Ступайте меряться силами на дворе!» Отчигин потащил Теб-Тенгрия, а тем временем стоявшие наготове, в сенях за порогом, трое борцов переняли у него Теб-Тенгрия, выволокли на двор и, разом переломив ему хребет, бросили у края телег на левой стороне двора. Отчигин же вернулся в юрту и говорит: «Теб-Тенгрий заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребья: притворяется лежачим. Видно, что друг он на час!» Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его, и он говорит: «Нет у Великой Матери Земли-Этуген столько камьев, нет у моря и рек столько ручьев, сколько было моих дружеских услуг!» При этих словах шестеро его сыновей, Хонхотанцев, загородив дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более теснимый ими Чингисхан, со словами «Дай дорогу, расступись!», вышел вон. Тут Чингисхана обступили стрельцы и дневной караул гвардии. Он увидал Теб-Тенгрия, который валялся с переломленным хребтом с краю телег. Приказав принести с заднего двора запасную серую юрту, он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, укочевал с этого места.

§ 246. Людям было приказано сторожить юрту, поставленную над Теб-Тенгрием, закрыв дымник и заперев двери. И вот в третью ночь, на рассвете, дымник раскрылся, и он вознесся телесно. Стали дознаваться по приметам и дознались, что тут дело в его волховстве. Чингисхан сказал при этом: «Теб-Тенгрий пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что Тенгрий невзлюбил его и унес не только душу его, но и самое тело!» Потом Чингисхан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: «Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головой Теб-Тенгрия. Давно бы с вами было поступлено по образу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!» Долго бранил он отца Мунлика, а под конец и говорит: «Было бы недостойно и стыдно утреннее слово менять вечером, а вечернее слово менять утром. Так уж и быть: данное слово крепко!» И уже милостиво присовокупил: «Кто мог бы равняться с Мунликовой породой, не будь у нее таких широких замашек». Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы присмирели.

XI. Покорение северного Китая, Си-ся, Туркестана, Багдадского Халифата и Руси

§ 246. Затем, в год Овцы, Чингисхан выступил в поход против народа Китад. После занятия Фу-чжоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека. Достигнув Чабчияла (Цзюй-юн-гуань), который оказался сильно укрепленным, Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фуского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингисхан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья. Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингисхан расположился лагерем в Ширадеке (совр. Нанькоу). Он осадил Чжунду (совр. Пекин или Бей-пин), а для осады других городов послал особые отряды. Чжебе был отряжен для осады Дун-чана (Дун-Цзин, т. е. Восточная столица). Подойдя к Дун-чану и осадив его, Чжебе ввиду невозможности его прямого захвата, отступил на расстояние в шесть суток пути, внезапно повернул назад и, пройдя это расстояние ускоренным ходом, при заводных конях, захватил город Дун-чан внезапным нападением.

§ 248. По взятии города Дун-чана, Чжебе возвратился обратно и присоединился к Чингисхану. Во время осады Чжунду Алтан-хановский вельможа, Вангин-чинсян, представил своему государю такой доклад: «Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части Хара-Китадские, Чжурчедские и Чжуинские и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско и оно опять будет разбито Монголами, то, несомненно, рассеется по своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с Монголами. А когда Монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи. Кстати же у Монголов, как слышно, и люди и

лошади сильно страдают от непривычно жаркого климата. Дадим же их хану царевну, а военачальникам и ратным людям золота, серебра, тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные предложения?» Одобрив и утвердив этот доклад Вангин-чинсяна резолюцией «Быть по сему», Алтан-хан вступил с Чингисханом в мирные переговоры. Он отправил к Чингисхану для ведения переговоров Вангин-чинсяна, выслав с ним из Чжунду царевну, или гун-чжу, для Чингисхана, а также золота, серебра, тканей и всяких товаров для войска в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою. Согласившись на эти мирные предложения, Чингисхан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел, причем Вангин-чинсян провожал его до мыса, называемого Мочжоу-Фучжоу. Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже вьюки перевязывали шелковыми кипами.

§ 249. В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингисхана царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингисхана правой рукой. Кроме этого, Бурхан сообщал: «Ужасались мы слухом о славном имени Чингисхана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдать? Кочуем мы недалеко[1], а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам;
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно.

[«Когда случатся спешные походы или жаркие боевые схватки, то мы в спешном походе — не в силах угнаться, а в жарких схватках — не в силах противостоять...»]
А потому вот о чем мы, Тангуты, просили бы соизволения государя Чингисхана:

Сделай-ка нас ты своею прислугою.
Много верблюдов тебе мы пригоним,
Вырастив их на ковыльных просторах.
Сукон и тканей тебе мы доставим,
Со́колов будем прилежно учить мы,
Лучшую птицу к тебе высылая».

---

[1] То есть, живем мы оседло.

[«Среди высоких дересунов-ковылей откормим и пригоним тебе множество верблюдов; будем служить у тебя оруженосцами — хя, будем ткать для тебя сукна и прочие ткани; будем добывать ловчих птиц, обучать их и наилучших поставлять тебе».]
Так докладывал Бурхан. И он сдержал свое слово: собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам.

§ 250. В один поход были приведены к покорности Китадский Алтан-хан, с которого взято множество тканей, и Хашинский Бурхан, доставивший нам множество верблюдов. Итак, в год Овцы (1211) Чингисхан, покорив Китадского Алтан-хана, по имени Ахутая, и Тангутского Илаху-бурхана, расположился кочевьем в Саари-кеер.

§ 251. Затем Чингисхан вторично выступил в поход против Китадского Алтан-хана Ахутая за то, что он учинил препятствия нашему посольству во главе с Чжубханом, посланному для мирных переговоров с Чжоа-Гуанем (т. е. государем династии Сун, по фамилии Чжао). Он говорил: «Как смели они, находясь с нами в мире, не пропускать нашего мирного посольства к Чжао-Гуаню?» Выступив в поход, Чингисхан направился к Тунгуаньскому проходу, а Чжебея отрядил через Чабчиял. Узнав, что Чингисхан намерен пройти через Тунгуаньскую заставу, Алтан-хан возложил командование войсками на трех военачальников: Иле, Хада и Хобегетура. Выслав передовой заслон под командою Улаан-дегиленя, он приказал Иле, Хадаю и Хобегетуру идти спешным походом и, таким образом, не допустить взятия Тунгуаньского прохода и перехода Монголов через его перевал. Китадские войска подоспели как раз к тому времени, как мы подходили к Тунгуаньскому проходу. Тогда Чингисхан вступил в бой с войсками Хадая, Иле и Хобегетура и потеснил Иле и Хадая. Тулуй же с Чугу-кургеном ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Улаан-дегиленя. Тесня войска Иле и Хадая, наши разбили их, началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжунду в Наныгин (Бянь-лян, т. е. Южная столица). Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо. «Толуй с Чугу-кургеном действовали прекрасно!»— сказал Чингисхан и оказал обоим великие милости.

§ 252. Остановившись в Хэ-си-ву,[1] Чингисхан расположил войска в Шара-кеере, близ Чжунду; Чжебе же, разрушив Чабчияльские укрепления и взяв Чабчиял, отвел войска и присоединился к Чингисхану. Оказалось, что, покидая Чжунду, Алтан-хан оставил

[1] По П Кафарову, местечко между современным Пекином и Тяньцзинем.

в нем своим наместником «Лю-шоу» вельможу Хадая. Чингисхан отправил в Чжунду Онгура-бавурчи, Архай-Хасара и Шиги-Хутуху, поручив им подсчитать наличность золота и серебра, а также поштучно проверить наличность тканей. Когда они подъезжали, Хада вышел к ним навстречу, захватив с собою из Чжундуских кладовых шитые узорчатые ткани для встречных подношений. Тут Шиги-Хутуху сказал Хадаю: «Раньше эти вещи, как и самый Чжунду, были ведь Алтан-хановы. А ныне Чжунду — Чингисханов. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингисханово добро?» И сказав так, Шиги-Хутуху не принял подарков, а Онгур-бавурчи с Архай-Хасаром приняли. Проверив поштучно наличность запасов, все трое вернулись, и когда Чингисхан стал спрашивать у Онгура, Архая и Хутуху, не дарил ли им чего Хада, то Шиги-Хутуху и говорит: «Он принес и одаривал нас златотканными травчатыми шелками. Но я сказал ему: «Прежде этот Чжунду был Алтан-ханов, а теперь — Чингисханов. Зачем же ты, Хада, крадучись как вор, раздаешь Чингисханово добро?» И я не принял подарков, но Онгур с Хасаром приняли его подношения». Тогда Чингисхан сделал очень строгий выговор Онгуру с Архаем, а Шиги-Хутуху милостивейше соизволил сказать: «Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу — Еке-Йосу. Не ты ли, Шиги-Хутуху,— око смотрения моего и ухо слышания моего!»

§ 253. Вступив в Наньгин, Алтан-хан отправил к Чингисхану посольство, униженно прося мира и выслав своего сына с сотнею дружины его для службы в гвардии Чингисхана. Приняв его мирные предложения, Чингисхан, предполагая сам возвратиться через Чабчиял, отрядил Хасара с войском Левого корпуса, дав ему такое поручение: «Следуя вдоль по берегу моря, привести к покорности город Бегин (Да-дин-фу, т. е. Северная столица). Далее следовать через земли Чжурчедского Фухано и, в случае его сопротивления, покарать, а в случае миролюбивого приема пройти мимо его пограничных городов, направиться по берегу рек Ула и Нау, затем перейти в ее верхнем течении реку Таоур и присоединиться к главным силам, в Великом Аурухе». Вместе с Хасаром из нойонов были отряжены Чжурчедай, Толун-черби и Алчи. Приведя к покорности город Бегин, замирив Чжурчедского Фухано путем переговоров, Хасар, покорив попутные города, перешел в верховьях реку Таоур и соединился на стоянке с Великим Аурухом.

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингисхановым послом Ухуна, государь Чингисхан сказал: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли поз-

волить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшенья моих златоцарственных поводьев?» Перед тем как ему выступить в поход, ханша Есуй обратилась к нему с таким словом: «Государь, каган!

О благе народном все мысли твои:
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.

Но в мире не вечно ведь все, что родилось.

Как семя, народ твой развеется,
Когда упадешь ты, владыко,
Как падает в бурю высокое древо.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, пошатнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?

[«Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышлял ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц?..»]

Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоем для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас, недостойных. Да будет на то твое царское изволение!» Когда она так представила государю, Чингисхан соизволил сказать: «Даром что Есуй — Женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!

Сам же я, видно, забылся.
Будто за предками мне не идти!
Сам же я, видно, заспался,
Будто бы смерть и меня не возьмет!

[«А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!..»]

Итак,— продолжал он,— итак, старший мой сын — это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!» Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?»[1]

[1] Трудно передаваемый намек иносказанием.

При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадая за ворот, говорит: «Родитель-государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех? Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за вороты, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадая и разнимают. А Чингисхан — ни слова. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: «Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было:

Небо звездное, бывало,
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,
Все добычей поживлялися.
Мать широкая земля
Содрогалася —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал,
Вольной волею никто не живал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать?
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы-матери!
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною!
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало?
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?
Вас под сердцем своим она выносила!
Коли мать прогневишь,
То ничем не согреть
Охладевшей души.
Всех вас чревом своим породила она!
Коли мать огорчишь,
Не развеять ничем
Материнского горя.
Родитель твой, царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил,
Черную кровь свою ведрами лил;
Черных очей никогда не смежая,

Тонких ушей на подушку не клал,
На рукаве он при нужде дремал,
Жажду слюною своей утоляя,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался.
В те поры, как государь подвизался,
Вместе трудилась и мать ваша с ним.
Высоко, бывало, причешется,
Пояс повыше подтянет.
Плотно, бывало, причешется,
Пояс потуже затянет.
Вот как, бывало, растит она вас:
Что взглотнуть бы самой —
В рот половину вам сунет.
В рот положить бы себе —
Все вам одним отдаст.
Голодом ходит, бывало.
Дума-забота одна у нее:
Как бы за плечи вас вытянуть,
С мужами вровень поставить,
Как бы за шею вас вытянуть,
Людям в обиду не дать вас.
Мыла все вас она, чистила,
Крепко вас на ноги ставила.
До молодецких плечей дотянула,
К конской стати пригнала.
Наша священная мать и царица
Светлому солнцу душою подобна,
Мыслью ж, как море, она широка».

[«Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать — надо было вместе дело делать. Некогда было бежать — надо было вместе биться. Некогда было миловаться — приходилось смертным боем биться. Ты же так говоришь, что у своей матери убавляешь масло ее благоволения; так говоришь, что у священной государыни сквашиваешь молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладеет к вам, и никогда того не исправить. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеять. Государь ваш родитель вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не щадил(?), черную кровь свою щедро лил(?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал,

со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался. В упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же ваша: плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насильно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить — половину вам отдаст; что кусок откусить — то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала-обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и нагляжусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой — словно солнце, широка мыслию — словно озеро».]

Так сказал Коко-Цос.

§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингисхан: «Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: «Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парою служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!» На эти слова Чингисхан заметил: «А ты, Чжочи, что скажешь?» Чжочи говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!»—«К чему же,— говорит Чингисхан,— к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам — для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними сталось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!» Так сказав, он обратился к Огодаю: «А ты, Ого-

дай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится, «хоть ты их травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут!» Не выйдет ли тогда дело по пословице: «Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!» Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!» «Вот это дело говорит Огодай,— сказал Чингисхан.— Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал: «А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингисхан одобрил его слова и так повелеть соизволил: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгутая. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?» Так он соизволил повелеть.

§ 256. Собираясь в поход, Чингисхан отправил к Тангутскому Бурхану посла с такой просьбой: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои златые бразды». Не успел еще Бурхан дать ответа, как Аша-Гамбу и говорит: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!» И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингисхан сказал: «Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу? За подобные речи что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!»

§ 257. Вслед за тем, в год Зайца (1219), Чингисхан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханш Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата, Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем — отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, ми-

нуя пределы Солтана, так, чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингисхану. В передовом отряде Чингисхана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик погеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингисхану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут, в реке Шин, погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингисхан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Экегорохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемилостивейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!» Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингисхан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингисхан отправил Чжочи, Чаадая и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингисхану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командою им состоять, Чингисхан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.

§ 259. Тем временем, покорив город Отрар, Чингисхан двинулся оттуда и осадил город Семисгяб. А отсюда пошел осаждать город Бухар. Затем, в ожидании прибытия Бала, он проводил лето в летней резиденции Солтана, в горах у речки Алтан-горохан. Оттуда он послал Толую извещение: «Время жаркое. Расположи должным образом войска, а сам присоединяйся к нам». Как раз

в эту пору Толуй взял города Иру, Исепур и другие. Разгромив город Систен, он громил город Чухчерен, когда прибыл посол с этим известием. Разрушив город Чухчерен, он вернулся на стоянку и присоединился к Чингисхану.

§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингисхана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингисхан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадая, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингисханово: и взятый город Орунгечи, и взявшие его и делившиеся царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь осознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за благо, государь, принять теперь царевичей!» Когда они так доложили, Чингисхан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принялся их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих: до того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингисхану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью, наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром, и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть, говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингисхан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидайцу Хонхаю и Долунгирцу Хонтохору оставаться при нем, а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана.

§ 261. Затем он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад.

§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, по-

велевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура.

§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингисхан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингисханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Йосун. Посему он и поручил сыну его, Масхуту Хурумшию, совместно с нашими даругачинами, ведать городами Бухар, Семисген, Урунгечи, Удан, Кисхар, Уриян, Госендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

§ 264. Среди Сартаульского народа Чингисхан провел семь лет. Тут он дождался возвращения Чжалаиртайского Бала, который, переправясь через реку Шин, преследовал Чжалалдин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингисхану. Тогда государь Чингисхан вернулся на родину, проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах, в Тульском Темном Бору — Хара-тун.

XII. Смерть Чингисхана. Царствование Огодая

§ 265. Порешив идти на Тангутов по окончании зимнего периода того же года, Чингисхан провел новый переучет войска и осенью года Собаки (1226) выступил в поход на Тангутов. Из ханш за государем последовала Есуй-хатун. По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингисхан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат. Прошла ночь, а наутро Есуй-хатун

сказала царевичам и нойонам: «У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение». Тогда царевичи и нойоны собрались на совет, и Хонхотайский Толун-черби подал такое мнение: «Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища? Ужели они решатся бросить свои насиженные места? Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении государя от недуга, снова выступить в поход». Все царевичи и нойоны одобрили это мнение. Когда же представили его на усмотрение государя, Чингисхан сказал: «Тангуты, чего доброго, подумают, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее чем пошлем к Тангутам посла и тут же, в Цоорхатах, дождемся от них ответа и сообразим его». Тут же он продиктовал послу следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета». На это послание Бурхан отвечал послу: «Оскорбительных слов я не произносил!» Но тут вмешался Аша-Гамбу и говорит: «Это я произнес оскорбительные слова! А теперь если вы, Монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся мы. Если же вам нужны золото с серебром да ткани с товарами, то идите в Эрихай (Нин-ся), в Эричжоу (Си-лян)». Такой ответ он дал послу. Когда этот ответ доложили Чингисхану, он, все еще больной, сказал: «Довольно! Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова. За них и идем. Да будет воля Вечного Неба!» Стремительно двинувшись на Алашай, он разбил в сражении Аша-Гамбу, загнал в Алашайские горы и там захватил его самого и в прах развеял и полонил его народ с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами. Истребив Тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих Тангутов на поток и разграбление войску.

§ 266. Проводя лето в снежных горах, Чингисхан, разослав отряды, приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы. Боорчу с Мухалием он при этом милостиво разрешил брать, сколько хватит сил. Сверх того

повелеть соизволил: «Я жаловал Боорчу с Мухалием, но еще не давал им доли из Китадской добычи. Разделите же вы между собою пополам Китадских Чжуинцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте служить сенными девушками при женах ваших. Ведь Харакиданьские Чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у Китадского Алтан-хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!»

§ 267. Из снежных гор Часуту Чингисхан двинулся к городу Урахай и осадил его. Выступив же из Урахая, он предпринял осаду города Дормехай (Ли-чжоу), когда явился к нему просить аудиенции Бурхан. Готовясь к представлению Чингисхану, Бурхан подобрал для подношения государю, подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей в девятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей с девушками, меринов с верблюдами и, во главе всего этого, золотые кумирни. И вот, разрешив ему представиться, государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингисхан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингисхан соизволил повелеть: «Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингисхан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!» Когда Толун-черби доложил государю, что он наложил руки на Илуху и покончил с ним, Чингисхан соизволил повелеть: «Когда я шел потребовать отчета у Тангутского народа и по дороге предпринял известную облаву на Арбухайских хуланов, то никто иной, как Толун-черби подал мнение о необходимости прежде всего излечить мою болезнь. Так он болел душою о моем здоровье! Ныне Вечное Небо умножило мои силы и предало в руки мои такого друга, который прислал мне яду в речах своих. Мы совершили свое отмщение. Пусть же возьмет Толун себе в дар тот походный дворец, вместе со всею утварью, который доставил сюда Илуху».

§ 268. Разгромив Тангутский народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: «Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули-мусхули угай болган, то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: «Мухули-мусхули угай!» Дважды ополчаясь на Тангутский народ за нарушение данного слова, Чингисхан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи (1227). Из Тангутской добычи он особо щедро наградил Есуй-хатун при самом отшествии своем.

§ 269. В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингисхан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего — кабтеулов, стрельцов и 8000 турхаутов: «Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов». Точно таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра).

§ 270. Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешиктенов и Центральною частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингисхане. Точно так же он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингисхане, а именно — народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кеибе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья». При этом Огодай-хан присовокуплял: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи.

Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всею ревностию к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие».

§ 271. Затем Огодай-хан послал испросить совета у старшего своего брата Чаадая, которому сообщал: «Воспринял я все уготованное родителем Чингисханом. И спрашивается: ради каких же достоинств своих? Посему я испрашивал бы совета и согласия у брата своего Чаадая, не выступить ли мне в поход на Китай, так как государь наш батюшка оставил незаконченным дело покорения Алтан-хана Китадского». Одобряя это намерение, Чаадай отвечал: «Зачем откладывать дело в долгий ящик? Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте, а я пошлю войско отсюда». Тогда Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды — Еке Ордос.

§ 272. Сам же Огодай-хан, в год Зайца (1231), выступил в поход на Китай. Чжебе был отправлен передовым. Огодай-хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчияльский перевал и разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов. Но тут Огодай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали китадских шаманов и приказали им ворожить. Ворожба показала, что это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень. Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа-дзолик — золота с серебром или скота и всякого съестного. Но было отвечено, что на этих условиях не только не успокоятся, но еще сильнее будут неистовствовать день и ночь. Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и попросил воды. Выпил он и спрашивает: «Ну, что же вышло?» Тогда шаманы доложили ему: «Духи, владыки Китадских земель и вод, жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашаются перестать только за выкуп родным человеком, а иначе угрожают поднять еще более свирепое неистовство. Докладываем об этом на усмотрение его величества». Когда они так доложили, государь спросил: «А кто при мне из царевичей?» Был же при нем Толуй, который и сказал ему: «Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингисхан, выбрав тебя, старший брат мой

и царь, выбрав, как выбирают мерина, и ощупав, как ощупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и на твое величество возложил всенародное бремя. А мне ведь повелено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И если б теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все Монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы — ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!» Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит, посидев немного молча: «Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой, побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я сказал. Опьянел!» И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толуя) не последовало.

§ 273. Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку — Сяосы, т. е. половой, прислужник. Набрав золота, серебра, златотканых узорчатых штофов, тканей и товаров, коней и прислуги, поставив всюду разведчиков — алгинчинов и воевод — баскаков-танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину и поселился в Хара-хоруме.

§ 274. Между тем Чормахан-хорчи привел к покорности Багдадский народ. Получив известия, что тамошняя земля хороша и славится хорошими товарами, Огодай-хан повелел Чормахан-хорчину оставаться там в должности баскака-танмачи и ежегодно поставлять ему следующие местные произведения: желтое и литое золото, златотканые парчи и штофы с золотыми вышивками, жемчуга, перламутры, длинношеих и длинноногих западных коней, темно-гнедых верблюдов-элеут, павлинов, верблюдов-кичидут, вьючных мулов-хачидут и обыкновенных мулов-луусут. Посланные в помощь Субеетаю царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы Канлин, Кипчаут и Байжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину. Относительно Есудер-хорчина, который был послан в помощь Чжалаиртай-хорчину, уже давно находившемуся в похо-

де против Чжурчжетских Солонгосцев, относительно Есудер-хорчина последовало повеление о назначении его тамошним баскаком танма.

§ 275. Из Кипчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!» Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!» Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».

§ 276. Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата[1]. Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя танмачином-воеводой да велю взбираться на стены крепко кованные, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодяй! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да, скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своем. Что касается до Бури, то сообщить Батыю, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!»

§ 277. Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, нойон Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие нойоны и сказали: «По

[1] Бату — старший сын Чжочи, старший двоюродный брат Гуюка.

указу твоего родителя, государя Чингисхана, полагалось полевые дела и решать в поле, а домашние дела дома и решать. С вашего ханского дозволения сказать, хан изволил прогневаться на Гуюка. А между тем дело это полевое. Так не благоугодно ли будет и передать его Батыю? Выслушав этот доклад, государь одобрил его и, несколько смягчившись, позвал Гуюка и принялся его отчитывать: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингисхана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна? То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодари ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхотай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!» И с этими словами он отослал его, а Бури передал в распоряжение старшего брата Чаадая.

§ 278. Затем Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингисхана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенов, а именно: хорчины и турхауты по-прежнему несут свою дневную службу на установленных постах, каковые передают еще засветло кебтеулам и ночуют вне дворца. Ночью кебтеулы занимают посты вокруг нашего дворца. После заката солнца кебтеулы задерживают на всю ночь всех прохожих. Кебтеулы, которые остановят человека, пытающегося проникнуть самовольно за ограду дворца в то время, когда все люди уже разошлись по домам, обязаны срубить тому человеку голову по самые плечи. Если кто придет ночью по спешному делу, то обязан, сказавшись предварительно кебтеулам, говорить свое дело в присутствии их, стоя с задней стороны юрты. За входом и выходом из дворца наблюдают, совместно с кебтеулами, ясаулы Хонхортай и Ширахан с товарищами. Надежен только тот кебтеул, который ни на шаг не отступает от слов приказа. Как ни был верен Эльч-

жигидай, но все же был схвачен кебтеулами за то, что вечером проходил мимо кебтеулов! Не дозволяется расспрашивать о числе кебтеулов. Не дозволяется проходить мимо кебтеулов или между ними. Подлежит задержанию всякий, кто попытается пройти мимо или через кебтеулов. У того, кто будет расспрашивать о числе кебтеулов, отбирается кебтеулами лошадь с седлом и обротью, а также и платье. Никто не смеет помещаться выше кебтеульских постов. Кебтеулы заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые юрты-телеги. Когда мы не выступаем в поход, то без нас не должны выступать и кебтеулы. Когда мы отправляемся на соколиную охоту или звериную облаву, с нами отправляется и известная часть кебтеулов, оставляя при дворцовых юртах-телегах потребное количество кебтеулов, смотря по обстоятельствам. Распорядители кочевьями, из числа кебтеулов, отводят места для стоянки Двора государева. У дверей дворца дежурят кебтеулы-дверники. Все кебтеулы находятся под ведением Хадаана-тысячника. Порядок кебтеульских очередей устанавливается следующий: в первую очередь вступают на дежурство и располагаются равными частями, справа и слева от дворца, Хадаан с Булхадаром, во вторую очередь — Амал с Чанаром, которые располагаются так же, в третью — Хадай с Хори-Хачаром, располагаясь в том же порядке, в четвертую — Ялбах с Хариударом — в том же порядке. Первые две очереди — Хадаана с Булхадаром и Амала с Чанаром — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся слева от дворца, а вторые две очереди — Хадая с Хори-Хачаром и Ялбаха с Хариударом — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся справа от дворца. Всеми этими четырьмя очередями кебтеулов ведает Хадаан. Располагаясь постами вокруг дворца, кебтеулы имеют особое наблюдение за дверьми. Хорчины-стрельцы Есунтея, Бугидая, Хорхудаха и Лаблахая, также составляя четыре очереди, вступают в дежурство совместно с подлежащими четырьмя командами турхаудов для ношения сайдаков. Точно так же по-прежнему распределяются и очереди назначенных на прежних основаниях из принцев крови старейшин турхаудских дежурств, а именно: в первую очередь вступают в дежурство со своими турхаудами старые командиры Алчидай с Хонгор-Тахаем, по взаимному соглашению; во вторую очередь, в таком же порядке,— Темудер с Гучжеем. Мангутай, имея в своем подчинении запасную команду, вступает со своими турхаудами в третью очередь. Во главе всех нойонов стоит Элжигидай, распоряжениям которого подчиняются все. Дежурный, пропустивший дежурство, согласно прежнему указу, наказуется тремя палочными ударами. Тот же дежурный, пропустивший дежурство во второй

раз, наказуется семью палочными ударами. Тот же дежурный, в третий раз пропустивший дежурство без разрешения старейшины или не по болезни, а по другим, не заслуживающим уважения причинам, признается нежелающим служить у нас и, по отбытии наказания в тридцать и семь палочных ударов, подлежит высылке в места отдаленные, с глаз долой. Если пропуск дежурства произошел вследствие несоблюдения дежурными старейшинами правила об обязательной перекличке, то ответственность падает на старейшину. Старейшины обязаны в каждую третью очередь, при смене, объявлять кешиктенам настоящий приказ. Законному взысканию подлежат лишь те провинившиеся кешиктены, которые слушали приказ. За необъявление же приказа несут ответственность старейшины. Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств по отношению к ровесникам нашим кешиктенам, не доложив нам. О привлечении виновных к ответственности они обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертною казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил. Но те лица, которые, уповая на свое высокое положение, вместо доклада нам, будут прибегать к рукоприкладству, те получат должное возмездие: за кулак — кулак и за палки — палки. Мой кешиктен по положению своему выше армейского нойона-тысячника, а котчин-оруженосец кешиктена — выше армейских нойонов-сотников и десятников. Поэтому подлежит ответственности всякий тысячник, который вздумает тягаться с моим кешиктеном».

§ 279. Затем Огодай-хан сообщил на одобрение брата Чаадая о нижеследующем: «Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингисханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки — на земле. Получив все готовое от государя-родителя, введем порядки, не обременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность — шулен — будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу неимущих и бедных. Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае взимается и питьевая натуральная повинность — ундан — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подой; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком. Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для

этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — балагачинов и интендатских смотрителей — амучинов. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов — землеустроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе — Цоль гачжар — ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем там на широком просторе могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на нунтуучинов, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов и послы едут медленно, и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины; в определенных местах устанавливаются станции — ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаная и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаадая и на его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными». Все эти предложения брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: «Так именно и сделайте». При этом он присовокупил с своей стороны: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов».

§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: «Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князья Левой руки; царевны и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность— шулен — для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов, а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов. Ввиду

этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность, со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных. Учреждается выдел кобыльего стада и прикрепление к нему унгучинов — надсмотрщиков за молодняком. Учреждаются должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждой яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого недостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа».

§ 281. Огодай-хан говорил: «Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрейшей доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и наконец, учредив должности алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя. Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприняв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в беззаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах моих? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе. Наконец, есть и еще вина. Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь, который плодится изволением Неба и Земли, как бы этот зверь не перебежал к моим

братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев. Итак, я прибавил четыре дела к деяниям государя-отца и в четырех же делах погрешил».

§ 282. Написано во время пребывания Дворца в урочище Долоан-болдах Келуренского Кодее-арал'а, что между двумя урочищами (?) Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши (1240), во время происходившего там Великого сейма — Хурил.

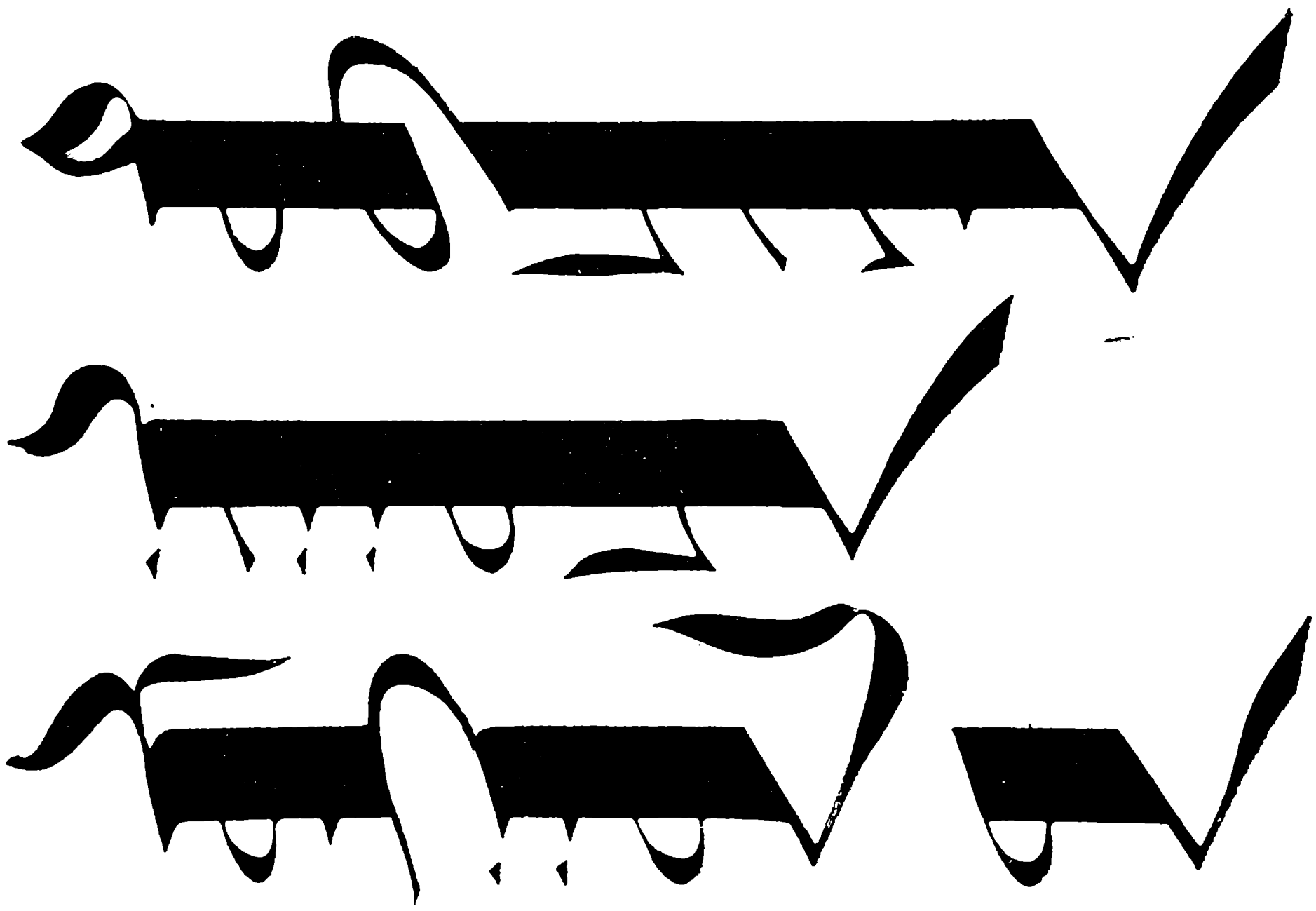
СОДЕРЖАНИЕ

Памятник мировой литературы. М. Хомонов 5

МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК 12

I. Родословная и детство Темучжина (Чингиса) 12
II. Юность Чингиса 22
III. Разгром меркитов. Наречение Темучжина Чингисханом . 35
IV. Борьба с Чжамухой и Тайчиудами 48
V. Разгром татар, разрыв с Ван-ханом . 58
VI. Конец Кереитского царства 69
VII. Кереиты и их монгольские союзники во главе с Чжамухой передаются найманам, смерть Ван-хана. Разгром найманов и меркитов . 81
VIII. Кучулук бежит к Гур-хану Хара-Китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука, а Субеетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи, воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам 92
IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии . . 105
X. Гвардия Чингисхана. Похвала гвардии. Покорение уйгуров и лесных народов. Распределение уделов. Расправа с Волхвом Теб-Тенгрием 115
XI. Покорение северного Китая, Си-ся, Туркестана, Багдадского Халифата и Руси 124
XII. Смерть Чингисхана. Царствование Огодая . 135

Улаан-Үдэ
Буряадай номой хэблэл
1990

МОНГОЛ НҮҮДЭЛ ТОЙМ

Ч.-Р. НАМЖИЛОВАЙ
оршуулга

82.3(2Бу)
М 77

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ

(на бурятском, русском языках)

Редакторы *В. Б. Намсараев, Н. Н. Ильина*
Научный редактор *Л. Д. Шагдаров*
Художник *Д. Г. Пурбуев.*
Художественный редактор *В. А. Савельев*
Технический редактор *С. Ф. Ванчикова*
Корректоры *З. З. Арданова, Е. Ш. Пинтаева, М. А. Хогоева*

ИБ № 2191

Сдано в набор 30.03.90. Подписано в печать 26.06.90. Формат 60×84 1/16. Бум. офс. № 2 книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,60. Усл. кр.-отт. 20,46. Уч.-изд. л. 23,98. Тираж 40 000. Заказ № 325. Цена 4 руб.

Бурятское книжное издательство, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Республиканская типография Государственного комитета по печати Бурятской АССР, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

© Пер. с монг. Ч.-Р. Намжилова, 1990
© Пер. на рус. яз. С. Козина, 1990
© Оформление Д. Пурбуева, 1990
© Предисловие: Л. Шагдаров, Ц. Дамдинсурэн, М. Хомонов, 1990

М $\frac{4703020500-020}{М\ 122(03)-90}$ 026—90

82.3(2Бу)

ISBN 5—7411—0355—3

ТУСХАЙТА РЕДАКТОРһАА

Нэгэ хүндэ шүтэн һүгэдэлгын, мүн хүгжэлтын зогсонги жэлнүүдтэ буряад болон бусад монгол арадуудай урданай түүхэ, хэлэн болон литературада хабаатай зарим шухала асуудалнууд алдуутайгаар харагдадаг байһан гээшэ. Һүүлэй үедэ, илангаяа хубилган шэнэдхэлгын, шэнэ политическэ бодомжын мандаһан жэлнүүдтэ эдэ асуудалнууд ондоогоор, шэнээр харагдадаг боложо байнхай.

Буряадай түүхэ тушаа байһан алдуу тухай Ч.-Р. Намжилов «Оршуулагшаһаа» гэһэн үгэдөө зүб бэшэнэ. Тиин буряадуудые бусад монгол угсаатанһаа таһалжа, амяарлан хараха гээшэ буруу гэжэ түүхын мэргэжэлтэд мүнөө тоолодог болоно. Тусхайлбал, Буряадай АССР-эй түүхые шэнээр хэблэхэдээ, Ород гүрэндэ орохын урда тээхи Буряадай байдалые яажа хараха хэрэгтэйб гэжэ хэлэхэ зуураа түүхын эрдэмэй доктор Т. М. Михайлов иигэжэ бэшэнэ: «Ородһоо урда тээхи үедэ Забайкали хадаа Халха-Монголой нэгэ хубинь байгаа. Тиимэһээ ёһо заншал, соёл культурань нэгэн байһан юм»[1].

Юрэ олонхи түүхэшэдэй тухайламжаар, бүри эртэ анхан сагта монгол угсаатад Үргэнэ мүрэнэй эхинэй дайдаһаа наашаа, Байгал тээшэ һунаһан зурууд газар эзэлжэ байһан, харин мүнөөнэй Монголой, Байгал шадарай ехэнхи газарые тюрк угсаатад эзэлжэ байһан гэдэг. Тиин анхандаа тиимэ багашаг газар эзэлжэ байһан хадань мүнөөнэй монгол хэлэнүүдтэ айхабтар ехэ илгаанууд бии болоогүй юм гэжэ проф. Г. Д. Санжеев тоолоно. Саашадаа хунну, сяньби, жужань гэхэ зэргын монгол угсаатанай нэгэдэлнүүд мүнөөнэй Монголой, Забайкалиин, Байгалай баруун тээхи үргэн ехэ дайдые эзэлжэ дэлгэрһэн байна. Тэдээнһээ буряад, халха, хальмаг гэхэ зэргын ерээдүйн монгол арадууд эхи абаһан байгаа. Жэшээнь, буряад арадай үндэһэ һуури болоһон булгад, эхирэд, хори, барга обогтон манай ээрын 500-аад онуудһаа бүрилдэжэ эхилһэн гэдэг. Монгол угсаатан тухай олонхи бэшэг баримтанууд XII—XIII зуун жэлһээ эхилжэ үлдэнхэй юм. Тэдэнэй эгээл шухалань «Нюуса тобшо» болоно. Тиин тэрэ үеын бу-

[1] Актуальные проблемы Бурятии. Улан-Удэ, 1987, С. 25.

ряадай элинсэгүүд тухай мэдээжэ түүхэшэн Г. Н. Румянцев иигэжэ бэшэнэ: «...Эртэнэй бэшэмэл эшэ баримтанууд сохом юу харуулнаб гэхэдэ, XII—XIII зуунай үедэ хори-түмэд, ихирэс, бархун (барганар), булагачин, кэрэмүчин ба ойрад угсаатан нэгэ арад болоодүй, нэгэ нэрэгүй байһан байна. Тэрэ үедэ элдэб обог угсаатанай тон бэхи бэшэ саг зуурын холбоонууд лэ байгаа гэжэ хэлэхэ үндэһэ эшэ баримтанууд олгоно. Тухайламжаар, тэрэ үедэ отог обогуудай иимэ холбоонууд байһан бололтой: 1) хори-түмэдүүд (мүнөөнэй хори-буряадай элинсэгүүд), 2) барганар ба 3) буряадууд. Эдэ буряадуудайнь бүридэлдэ булагачин, кэрэмүчин, магад, икиресууд ородог байжа болоо»[1]. Иишэ тиишээ нүүжэ зөөжэ байдагшье һаа, эдэ угсаатад Байгал нуур шадар байрладаг байһан. 1985 ондо гараһан «Совет энциклопедическэ словарьта», 181-дэхи нюурта буряад обог угсаатан Забайкали болон Прибайкалиие XIII зуунай эхеэр эзэлһэн юм гэнэ. Теэд энэ хэблэгдэжэ байгаа «Нюуса тобшоһоо» үзэхэдэ, Чингис хаанай ехэ хүбүүн Зүчи 1207 ондо ойрад, буряад барга, урсууд болон ойн бусад иргэн зониие мэдэлдээ оруулһан байна (§ 239). Мүн лэ тэрэ үеэр Чингисэй хэдэн баатарнууд удаа дараагаар эльгээгдэжэ, ойн иргэнэй тоодо ородог хори-түмэдүүд Чингис хаанай мэдэлдэ оруулагдаһан байна (§ 240, 241). Ушар иимэһээ тэдэ иргэн зон Байгал шадар тэрэ сагһаа урид һуурижаһан бололтой. Зарим түүхэшэд энэнь IX зуунай үеэр, харин нүгөө зариман V зуунһаа эхилэн болоо юм гэдэг. Яаба хээбэшье, тэрэ үедэ буряадай элинсэгүүд нэгэн арад үшөө болоодүй, хэлэниинь ниитэ монгол хэлэнэй хойто талын угсаатанай нютаг хэлэнүүд болодог байгаа гэжэ проф. Г. Д. Санжеев бэшэнэ[1]. Халха, буряад, хальмаг зэргын мүнөөнэй ехэ монгол хэлэнүүдтэ гол грамматическа категоринуудынь (үгын зохилдол, тоо, мүн саг, залог, наклонени гэхэ мэтэ глаголой категоринууд) нэгэн адли байна. Тиимэ хадаа эдэ бүгэдэ нэгэн ниитэ монгол хэлэнэй үедэ бүрилдэһэн байна гэжэ манай мэдээжэ эрдэмтэн Ц. Б. Цыдендамбаев бэшэнэ[2]. XIII зуунай түрүүшын хахадта бэшэгдэһэн «Нюуса тобшо» тэрэ үеын ниитэ монгол хэлэнэй байдал харуулжа, мүнөө халха, буряад, хальмаг гэхэ зэргын хэлэнүүдэй түүхэ шэнжэлхэ тон шухала эшэ баримта боложо үгэдэг. Проф. Т. А. Бертагаев энээнэй хэлэниинь буряад хэлэндэ олон талаар адли гэжэ бэшэһэн байдаг. Үнэхөөрөөшье энэ зохёол яряанай хэлэнэй маягаар бэшэгдэһэн байна.

---

[1] Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962, С. 139.

[1] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953, С. 53.

[2] Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.

Тиимэ хадаа энэмнай бүхы монгол угсаатанай **хэлэнэй ниитэ дурасхалта бэшэг** (памятник) болоно гээшэ. Бэеэ даанан буряад арадай ба тэрэнэй хэлэнэйнь бүрилдэлгэ нилээд удаан сагта болоһон, тиин тэдэнэй XVII зуун жэлдэ Ородой гүрэндэ ороһон сагһаа хойшол түгэсэһэн юм. «Буряад» гэһэн нэрэ түрүүн мүнөөнэй баруун буряадуудта бии болоод, элинсэгэймнай Ород гүрэндэ ороһонойнь һүүлээр хори болон бусад угсаатанда шэлжүүлэгдэн, ниитэ нэрэмнай болоһон юм гэжэ буряадай угай бэшэгүүдтэ хэлэгдэдэг. Харин «Совет энциклопедическэ словарьта» бэшэгдэһэнэй ёһоор, «Халха (МНР-эй монголнууд), КНР-эй монголнууд, дунсян, ту гү, али монгорнууд, дагуурнууд, буряадууд, хальмагууд болон монгол хэлэнүүд дээрэ хэлэдэг бусад бүхы арадуудай түүхэтэ нэрэнь «монголнууд» гэһэн үгэ юм» (826-дахи н.). Тиин энээниие хараада абан, манай аха эрдэмтэд болон тэрэ үеын олониитэ хубисхалай һүүлээр халха-монгол, буряад-монгол гэхэ зэргын нэрэ үргэнөөр хэрэглэжэ, «Буряад-монгол» гэһэн үгэ манай республикын хуулита нэрэнь байтараа, үнөөхи зогсонги үедэ арад зонһоо асуулташьегүй, гэнтэ дээрэһээ «аймаг» гэжэ элинсэгэймнай хэр угһаа хэрэглэһэн үгэтэй хамта этэрэгдэшоо һэмнэй. Энэмнай угаа уһанда хаяһан зоной замда ороһонтой адлишуу ябадал болоо.

Мүнөө гадаадын томо эрдэмтэд монгол хэлэтэ зон бүхы дээрээ «монголнууд» гэжэ нэрлэгдэхэ, харин доторoо халха-монгол, ордос-монгол, харчин-монгол, ойрад-монгол, буряад-монгол гэхэ мэтээр илгаруулагдаха ёһотой гэжэ тоолодог. Жэшээнь, 50-яад онуудта Монголой нэгэ хэлэмэршэ эрдэмтэн бэшэхэдээ, 30-аад онуудта зохёогдожо, олон удаа дахяад хэблэгдэһэн Ш. Лувсанванданай хуушан монгол хэлэнэй грамматика монгол хэлэнэй түрүүшын грамматика байгаа гэжэ бэшэһэн юм. Энээниень буруушаан, Монголой томо эрдэмтэн академик Ц. Дамдинсүрэн иигэжэ бэшэнэ: «Лувсанванданай зохёоһон грамматикын һайн зохёол болоһониинь лабтайшье һаа, тэрэ монгол хүнэй зохёоһон монгол хэлэнэй анханай грамматика бэшэ юм. 1924 ондо буряад Цэбэгэй Гомбожабай зохёоһон монгол хэлэнэй грамматика Улаан-Үдэдэ хэблэгдэһэн бэлэй... Гомбожаб бол халха хүн бэшэ болобошье, монгол хүн шуу. Гомбожабай зохёоһон грамматика бол жэнхэни эрдэм шэнжэлгээнэй бүтээл юм»[1].

Буряад арад хубисхалай урда үзэг бэшэггүй арад байһан, тиин хэлэниинь «балшар бэшэгтэй» (младописьменный) хэлэн гээшэ гэжэ тэрэ һүгэдэлгын ба зогсонги жэлнүүдтэ албан ёһоор тоологдодог байгаа. Тиихэдэ хуушан монгол «хаан ваангуудай

---

[1] Дамдинсүрэн Ц. Соёлын өвийг (угай баялигые) хамгаалъя. Улаан-Баатар, 1959. Н. 35.

хэлэн», тэрээн дээрэ бэшэгдэһэн зохёолнууд шажан мүргэлэй үзэлөөр нэбтэрһэн, арадта харша зүйл гээшэ гэжэ тэрэ шүтэн һүгэдэлгын, мүн зогсонгишье жэлнүүдтэ тоолодог һэн. Харин монголшо эрдэмтэд хадаа буряадууд хэдэн зуун жэлэй бэшэгтэй юм гэдэг. Тусхайлбал, проф. Г. Д. Санжеев буряадуудай ород гүрэндэ орохоһоо урид хуушан монгол хэлэн болбол «тэрэшэлэн буряад ба ойрад отог угсаатаниие хангадаг ниитэ литературна хэлэн байһан юм»[2] гэжэ бэшэнэ. Үнэхөөрөөшье XVII зуунһаа урда бэшэгдэһэн зохёолнуудые ямар нэгэн тусхай монгол отог-тондо хабаадуулхын аргагүй, гол монгол угсаатанай бүгэдөөрөөл хэрэглэжэ байһан зохёолнууд юм. Тиимэһээ тэдэ бүхы монгол угсаатанай ниитэ дурасхал бэшэгүүд гэжэ тоологдохо ёһотой. Мүн «Нюуса тобшын» эгээл анханай эхэ-бэшэг хуушан монгол бэшэгээр бэшэгдэһэн байгаа бээ гэһэн һанамжа бии. Тиихэдээ энэ зохёолшье бүгэдымнай ниитэ түүхын-литературна дурасхал бэшэг гээшэ. Тиимэһээ тэрэ үеын хүнүүдэй байдал һуудалые зураглан харуулхадаа, буряадай хулинсагайшье байдалые харуулна бшуу. Үйлэ ябадалнуудынь Цэгцэрэй шара талада, Эхэ Ононой эрьедэ, сэнхирлэн урдагша Хэрлэн, Сэлэнгэ мүрэнүүдэй эрьедэ болоно. Үүр сайжа байһан талада адуу морид бэлшэжэ, хүнүүдэй гүүгээ һаажа байһан амгалан үе, мүн байлдаанай газар болоһон тала газар харуулагдана.

Иимэ зураглалгануудые уншахада, түрэл һайхан талымнай хангал анхилһан шэнги. Үдэшын боро хараан болон үглөөнэй бүрүүл, һалхин, наран болон харанхы һүнинүүд, сэнхир хаданнуудаар хүбөөлэгдэһэн заха хизааргүй уужам таланууд тэрэ үеын орьёлмо үйлэ хэрэгүүдэй айхабтар үргэн оршонгынь боложо үгэнэ. Эдэ бүгэдын ашаар монгол угсаатанай уняартама талаараа нүүжэ ябадаг тэрэ үеын байдалые нюдөөрөө хараһан шэнги болоно. Хожомынь манай литературада үргэнөөр хэрэглэгдэдэг болоһон уран арганууд (метафора, зэргэсүүлгэ, параллелизм г. м.), оньһон хошоо үгэнүүд, литературын жанрнууд (дуун, магтаал, һургаал, юрөөл г. м.) энэ зохёолдо элбэгээр хэрэглэгдэнэ. Тиимэһээ «Нюуса тобшо» буряад арадайшье эртэ урдын **уран зохёолой памятнигынь** болоно.

«Нюуса тобшо» буряад арадайшье эгээл эртэнэй **түүхын дурасхалта бэшэг** яахадаа болоноб гэхэдэ, манай элинсэг хулинсагай эртэ урда сагай түүхэ эгээл эндэ тон түрүүшынхиеэ бэшэгдэнэ бшуу. Гансал манай элинсэгэй XIII зуунай эхиндэ Чингис хаанай мэдэлдэ орогон тухай бэшэ, харин урдахи байдал тухайнь хэлэгдэнэ. Тусхайлбал, «Нюуса тобшо» иигэжэ эхилнэ: «Чингис хаанай уг изагуур гэхэдэ, дээдэ тэнгэриһээ заяатай түрэһэн Бүр-

[2] Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964. С. 8.

тэ-чино өөрынгөө һамган Гуа-Маралтай хамта уһан далайе гаталжа ерээд, Онон мүрэнэй эхиндэ Бурхан халдун уулада нютаглажа, Батцагаан гэдэг нэгэ хүбүүтэй болоһон юм».

Батцагаанһаа эхилэн үшөө хэдэй гараһыень удаа дараалан тоолоод, Дува-Сохор Добу-мэргэн хоёр аха дүүдэ хүрэхэдөө, хоритүмэдэй ноён Хорилардай мэргэн һамган Баргажан-гуаһаа гараһан Алан-гуа басаганай яажа Добу-мэргэнэй һамган болоһон тухай, тиигээд тэрэнэй одхон хүбүүн Бодончарай ехэ хүбүүдһээ Чингис хаанай гараһан борджигин обогой бии болоһон тухай хэлэнэ. Һүүлээрнь «Нюуса тобшодо» Чингис хаанай угай хүнүүд дэлгэрэнгыгээр тоологдожо, Алан-гуа Чингис хаан хоёрой хоорондо арбан үе үнгэрһэн байна. Нэгэ үеын наһан дунда зэргэнь 25 жэл гэжэ тоолобол, Алан-гуагай ажаһууһан үень IX зуунай һүүл баг болоно. Харин Хорилардай эсэгэнь бүри урда һууһан ааб даа. Тиимэ болоходоо, Монгол уласай ехэ дайнуудһаа 3—4 зуун жэл урда һууһан манай хулинсаг тухай эндэ хэлэгдэнэ бшуу.

Тиигээд «Нюуса тобшодо» мүндэлһэн түүхын ба уран зохёолой уг заншалнууд «Алтан тобшо», Сагаан Сэсэнэй түүхэ мэтын ондоо зохёолнуудаар дамжан, буряадайшье угай бэшэгүүдтэ үргэлжэлүүлэгдэһэн гээшэ. Энэ уг заншалнуудай эгээл гол шэнжэнь юуб гэхэдэ, болоһон юумые хазагайруулангүй, үлүүсэ магтан, муушалангүй, байһань соонь хэлэдэг заншал юм.

20-ёод онуудай эхеэр, Буряад-Монголой автономито республикын тогтохо үеэр, шэнэ буряад литературна хэлэмнай ямар байха ёһотойб гэһэн асуудалаар хурса үгэ буляалдаан болоо һэн. Тэрэ үеын элитэ монголшо эрдэмтэд академик Б. Я. Владимирцов, профессорнүүд Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадин, Г. Ц. Цыбиков болон бусад энэ асуудал ниитэ монголой хэмжээгээр шиидхэгдэхэ ёһотой гэһэн байна. Тиихэдээ олонхидынь хуушан монгол хэлээ байлгаха ёһотойбди, энэмнай мүнөө бүхы монгол угсаатаниие нэгэдхэдэг зүйл гээшэ, тиигээд энээн дээрэ олон зуун жэлэй туршада элинсэгэймнай бии болгоһон бүтээлнүүдэй бэшэгдэһэн тула тус хэлэн зуун жэлнүүдэй манан соо харагдахаяа болин ошоһон үбгэ эсэгэнэрыемнай ерээдүйдэ эбхэрэн ерэхэ үенүүдтэй холбохо зүйл гээшэ гэдэг һэн. Тиигээд хубисхалай һүүлээр хуушан монгол хэлэн амжалтатайгаар хүгжөөгдэжэ, халха-монголтоёо дүтэ бэшэгэй хэлэн бии болгогдон, арад зоной дунда айхабтар түргэнөөр таража байтарынь, гушаад онуудай эхеэр, шүтэн һүгэдэлгын эхилхэ үеэр, тэрэ хэлэмнай хатуугаар шүүмжэлэгдэн хаягдажа, лата үзэгтэ ороод, 30-аад онуудай һүүл багаар, үнөөхи шоро муута һүгэдэлгын түлэг пүшэгэнэжэ байхада, ород алфавидта ороһон гээшэбди. Үгын сан ба грамматикын талаар литературна хэлэмнай түрүүн халха-монгол хэлэндэ хандуулагданхай байһан аад, һүүлээрнь сонгоол-сартуулай гэхэ гү, али Бу-

ряадай урда зүгэйнь сааладаг нютаг хэлые үндэһэн болгоод, 1936 ондо хори-буряадай нютаг хэлэндэ ороһон гээшэбди. Эдэ мэтын элдэб олон һэлгэлтэ хубилалтын болоходо, улад зомнай тархи толгойгоо эрьежэ, литературна хэлэн зоной дунда ехээр дэлгэрхэеэ болишоһон юм. Тиигээд шэнэ байгуулһан литературна хэлэмнай ниитын балай ехэ олон үүргэгүй, наада захань тэрээн дээрэ дээдэ, дунда ба тусхай дунда эрдэмшье олохын аргагүй юм. Гэбэшье эгээл муунь юун бэ гэхэдэ, элинсэг хулинсагаймнай олон зуун жэлэй туршада хуушан монгол хэлэн дээрэ байгуулһан угаймнай ехэ баялиг долоон уулын саана орхигдожо, арад зомнай тэрээнһээ таһаршаһан байна. Мүнөө, шэнэ политическэ бодомжын үедэ, иимэ байдал тэсэшэгүй гэжэ харагдаад, улад зондоо, илангаяа залуушуулдаа тэрэ хэлэеэ шудалуулха, угайнгаа оюун бүтээлнүүдые мүнөөнэй буряад литературнашье, хуушан монголшье хэлэн дээрэ гаргажа эхилхэ гэһэн ябуулга хэгдэжэ байнхай. Тиин энэ ехэ хэрэгые 750 жэлэй урда мүндэлһэн, монгол угсаатанай гайхамшаг дурасхал бэшэг бологшо «Нюуса тобшоһоо» эхилһэмнай ехэл үлзытэй, дэмбэрэлтэй байна. Энээнһээ хойшо урданай түүхын бусад зохёолнуудтай танилсахаһаа гадна, мүнөөнэй монгол угсаатанай хэлэ зохёол, уран бүтээлнүүдыень улам һайнаар үзэхэ танилсаха ёһотойбди. Тиигэбэл угайнгаа баялигые бүри һайнаар шэнгээн абажа, үндэһэн хэлэ, соёлоо улам амжалтатайгаар хүгжөөхэбди. Энэ бодолые монгол угсаатанай элитэ ехэ эрдэмтэн, уран зохёолшо Ц. Дамдинсүрэн уран гоёор иигэжэ зураглаһан байдаг: «Һалаалан ургахань модондо һайн байбашье, хэлэндэ һайн бэшэ байна. Уһа гол һалаалан урдахадаа, холо ябахагүй хатаха, харин ниилэлдэн урдабал, ехэ мүрэн боложо, аласай замые туулажа, ехэ далайда хүрэжэ шададаг байна. Тэрэшэлэн олон монголшууд хүсэеэ ниилүүлэн, хамтын хүсөөр соёл болбосоролоо хүгжүүлээд, нэгэдэмэл хэлэ бэшэгтэй соёлжоһон үндэһэтэн боложо, дэлхэйн бүхы олон үндэһэтэнөөр хамта ниигэм журам ба эб хамтын ниигэмдэ шэлжэжэ ороно». Тиихэтэеэ хамта хойто ба урда тээмнай һуудаг агууехэ хоёр арад түмэнһөө хүндырхэ замаар ябахагүй, харин тэрэ арад түмэнүүдтэй харилсаа найрамдалаа улам зузаадхаха замаар ябажа, тэрэ хоёр арад түмэнэй мандаһан соёлой шэмые улам ехээр амсажа, өөһэдын соёл болбосоролые хүгжөөхэ ёһотойбди гэжэ Ц. Дамдинсүрэн бэшэһэн байдаг. Үнэхөөрөөшье һүүлэй үедэ монгол арадай һайхан дуунууд, уран зохёолнууд Буряад орондо улам үргэнөөр дэлгэржэ, монгол ба буряадуудай олоороо харилсан ажаллаха, уулзаха, ушарха ябадал улам олошорно. Мүн Үбэр Монголдо хуушанайшье, шэнэшье зохёөлнууд айхабтар ехээр, һайнаар хэблэгдэжэ, харилсаамнай улам нягтаржа байнхай. Тиин эдэ монголнуудаар харилсахадаа, бидэнэр манай ороной нацинууд хоорондохи ха-

рилсаанай хэлэн болоһон ород хэлэнһээ гадна, хоорондоо холимог монгол-буряад хэлээр ярилдадаг болонхойбди. Энээнһээ уламжалан, литературна хэлэндэмнай монгол үгэнүүд элбэгээр хэрэглэгдэдэг болоно. Мүн «Нюуса тобшыешье» монгол хэлэнһээ буряад болгоходоо, Ч.-Р. Намжилов нилээд олон монгол үгэнүүдые зарим газарта тайлбарилан үлөөһэн байна. Энэнь зүйтэй.

«Нюуса тобшые» дэлхэйн томо монголшо эрдэмтэд шэнжэлжэ эхилһээр үнинэй. Хитадай эрдэмтэд Ван Гуван, Зан Му, Цай Шан, Чжан Му гэгшэд «Нюуса тобшые» монгол хэлээр аад, хитад үзэгүүдээр бэшэгдэһэн эхэһээнь хитад хэлэндэ оршуулһан, хэдэн дахин хэблүүлһэн байна. Япон эрдэмтэд Найта, Нака, Такаширу, Курикиши, Ширатори, Озава, Мураяма гэгшэд лата үзэгөөр транскрипци хэжэ, мүн түрэл хэлэндээ оршуулжа гаргаһан байха. Энэ зохёолые анха түрүүн оложо, Европын эрдэмтэдтэй танилсуулха хэрэгые ород эрдэмтэд бэелүүлээ. Эндэ Палладий Кафаров, академик С. А. Козин гэгшэд илангаяа ехэ юумэ хээ. Гадна немецүүд Е. Хениш, француз П. Пелльо, бельгиец А. Мостэрт, венгр Л. Лигети, чех П. Поуха, англи хэлэтэ эрдэмтэд Д. Стрит, В. Ханг болон бусад тус зохёол ниитэлээ. МНР-эй академигүүд Ц. Дамдинсүрэн, Б. Ринчен, Үбэр Монголой эрдэмтэд Хэшиг-бата, Бүхэхэшиг, Алтаночир, Элдэндэ, Оюндалай гэгшэд «Нюуса тобшые» шэнэ ёһоор шэнжэлнэ, ниитэлнэ, тэрэнэй толи гаргана. Мүнөө үедэ энэ дурасхалта бэшэг мүнөөнэй монгол хэлэнһээ гадна, ород, немец, француз, венгр, чех, япон, түүрэг, англи хэлэн дээрэ оршуулагданхай юм.

Буряад хэлэн дээрэ тэрэнэй мүнөө хүрэтэр ниитэлэгдээгүй байһанай шалтагаан хадаа үнөөхил тэрэ хатуу хэсүү үе сагтай холбоотой. Энэ зохёолой удха шанарынь гүйсэд мэдэрэгдэдэггүй, харин халтад гэбэл хархис зохёол тээшэ абаашаха һэдэлгэ хэгдэдэг байгаа. Энээнһээ байха монгол арадуудай мүн лэ хамтын баялиг болохо жэнхэни арадай зохёол «Гэсэртэшье» гар хүрэдэг һэмнэй.

Мүнөө «Нюуса тобшо» «Буряад үнэн» газетэдэ, «Байгал» журналда толилогдожо, үшөө номой хэблэлээр хэблэгдэхэнь гээшэ. Тиихэдээ газетэ, журналда С. А. Козиной ород оршуулга гол болгогдоо, харин Ч.-Р. Намжилов ном болгожо гаргахадаа, Ц. Дамдинсүрэнэй монгол оршуулгые шэлэбэ. Тиин буряад хэлэн дээрэ гараһан эдэ хоёр текстын аб адли бэшэ байхань, илгаа һэлгүү гарахань элитэ. Ц. Дамдинсүрэн «Нюуса тобшын» ёһотой эхые хэблэхын урда тээ Монголой олон һонирхогшодто танилсуулха зорилгоор тус зохёолой удхыень алдуулангүй, хэлэ найруулгынь онсо шэнжые гээгдүүлхэгүйе оролдон, тэрэниие мүнөөнэй хэлэн дээрэ болгоһон байнаб гэжэ бэшэнэ. Ц. Дамдинсүрэнэй оршуулгые

олониитэ зон һайшаа һан байна. «Урид хэлэгдэхэ үгэ соогоо» Ц. Дамдинсүрэн «Нюуса тобшын» удха шанарые, энээн соо эртын монголшуудай ажа амидарал, сэдьхэл хүсэлые, мүн хоорондоо саг үргэлжэ тэмсэлдэжэ байһан монголшуудай бутархай жэжэ аймагуудые эсэргүүсэжэ, нэгэдэһэн улас болгохо гэһэн үйлэ хэрэгүүдые тодорхойгоор харуулһаниинь энээниие түрүү зэргын дурасхалта бэшэгүүдэй тоодо оруулна гэжэ бэшэнэ. «Энэ «Нюуса тобшо» гэдэг зохёол тэрэ сагай Монголой һайн муу хоёр талыень хэтэрхэй һайшаан магтангүй, хэтэрхэй далдалан нюунгүй — сохом үнэн руунь уран һайхан хэлээр бэшэһэн эрхим зэргын зохёол юм» гэжэ тэмдэглэнэ.

С. А. Козин Ц. Дамдинсүрэн хоёрой оршуулгые зэргэсүүлээд үзэхэдэ, илгаанууд яһала гарадаг. Эдэнэй хэниинь зүб гээшэб гэжэ хэлэхэнь заримдаа бэрхэтэй байдаг. Венгриин элитэ мэдээжэ монголшо эрдэмтэн акад. Л. Лигетиин 1971 ондо лата үзэгөөр гаргаһан «Нюуса тобшын» транслитераци Пекиндэ хадагалагдажа байдаг, хитад үзэгөөр аад, монгол хэлээр бэшэгдэһэн эхэ-бэшэгтэнь эгээл дүтэ юм гэжэ тоологдодог. Тиин дурсагдаһан оршуулгануудай илгааень Л. Лигетиин транслитерацитай зэргэсүүлжэ үзэхэдэ, ехэнхидээ С. А. Козин зүйтэй хэһэн шэнги байха юм.

Жэшээнь буряадай түүхэдэ угаа шухала 9-дэхи параграфта тиимэ илгаанууд үзэгдэнэ:

Козин	*Дамдинсүрэн*
По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями, Хорилартай-Мэргэн решил выделиться в отдельный род-обок, под названием Хорилар. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и пододвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-халдуна.	Хорилардай мэргэн, хорь түмдийн газарта булга, хэрэм зэрэг ан гөрөөс агнахаа хориглон булаалдаж харилцан муудалцаад салж, хорилар овогтон болоод Бурхан халдун ууланд ан гөрөөс элбэг гэж сонсож, Бурхан халдуны эзэн бурхан босгосон Шинч баян урианхай — тай уулзахаар нүүж ирсэн ажээ.

Л. Лигетиин транслитерацида иимэ: Хорилартай-мэргэн Хори-Түмэд-ун гаджар-тур-ийан булуган кэрэмүн гөрөөтэй гаджар-ийан хорилалдуджу мавулалдуджу Хорилар обогту болджу Бурхан-халдун-ну гөрөөсүн гөрүүли сайиту гаджар сайин кээн Бурхан-халдун-ну эджэт Бурхан-босхагсан Шинчи-баййан Урийангхай-тур нэвүджү айисун аджуу.

Козин Лигети хоёрой текст адли хэбэртэй. Дамдинсүрэн «Шинч баян урианхайе» хүн болгоно, зүгөөр урда хоёр эрдэмтэдэй текстһээ харахада, энэмнай хадын нэрэ, харин дээрэнь Бурхан-халдунай эзэд болохо бурхад табигдаһан байгаа ха юм.

Эдэ мэтын илгаануудые тоолохо болоо һаа олон. Теэд эрдэм шэнжэлэлгын хүдэлмэри бэшэ хадань, иимэ илгаа бүхэндэ тогтожо тайлбарилангүйгөөр, энэ оршуулгаяа Дамдинсүрэнэй текстэйл адли болгохо гэһэн гол зорилго урдаа табиһан байнабди. Тиигээдшье Козиной текстые бүхыдөө зүб гэхын аргагүй. Жэшээнь, 270-дахи параграфта «Бату хан» гэхэ аад, «Бүри» гэжэ бэшэһэн байна. Тиимэһээ саашадаа мүнөөнэй буряад үзэгөөр «Нюуса тобшын» һайн эхэ-бэшэг гаргахые оролдохо, тиигээд тэрэнэй үндэһөөр буряад хэлэн дээрээ бүри һайн текстгэй болохо зэргэтэйбди.

Л. Д. Шагдаров,
хэлэ бэшэгэй эрдэмэй доктор

УРИД ХЭЛЭГДЭХЭ ҮГЭ

Хүн түрэлтэнэй соёл хадаа бэшэг, зохёолтой гүн ехэ холбоотой. Алишье яһатанай ажахы, соёлойнь хүгжэлтэ ургамал мэтээр үдэжэ ерэхэдээ, эшэдэнь хумиһан тобшо бии боложо, тэндэһээнь уран зохёолой сэсэг мүндэлэн дэлбэрдэг. Үндэһэтэн бүридэ иимэ уран зохёолой анханай сэсэг, дурасхаалта бэшэг байдаг.

Ород оронда X зуун жэлэй үедэ зохёогдоһон «Игориин хорооной үгэ» гэдэг уран һайхан зохёол бии. Грузидэ XII зуунай үеэр Шота Руставелиин зохёоһон «Барасай арһа нэмэрһэн баатар» гэдэг шүлэглэмэл зохёол бии. Францида «Роландын дуулал» гэдэг агууехэ Карл хаанай байлдаанай түүхые абажа бэшэһэн зохёол бии. Грецидэ Илиада, Одиссея гэдэг хэдэн мянган жэлэй урда зохёогдоһон гоё һайхан үльгэр бии.

Тэрэшэлэн манай монгол үндэһэтэнэй анханай түүхэтэ дурасхалай зохёол гэхэдэ, «Монголой нюуса тобшо» гэдэг зохёол мүн. «Нюуса тобшые» олон үндэһэтэнэй эртэнэй уран зохёолой нэрэтэ дурасхалай бэшэгүүдтэй зэргэсүүлэн табижа, жэшээлэн хэлсэжэ болохоор байна. Тэрэ эртэ холын сагта Монголой арад түмэнэй дотор уран үгые холбожо, түүхэтэ ехэ ябадалые найруулан бэшэхэ сэсэн бэлигтэй, гэгээн болбосоролтой хүнүүд байһан байгаа. «Нюуса тобшые» зохёоһон хүнэй нэрэ мэдэгдэдэггүй. Энэ зохёолой дэбтэрэй тоо хубааринь тодорхой бэшэ. 15 гү, али 12 дэбтэр байһан янзатай. 1908 ондо Хитадай нэгэ эрдэмтэн Ей Дэ-хуй гэгшын орошол бэшэжэ гаргаһан Юань улысай үеын дарамал «Нюуса тобшын» эхэ бэшэгтэ 12 дэбтэр байгаа. Энэнь сохом үнэн хубааринь мүн хэбэртэй. Түрүүшынь арбан дэбтэр урид зохёогдоһон ба һүүлдэнь нэмэһэн хоёр дэбтэр болоно. Энэ нэмэлтэ хоёр дэбтэртэ Үгэдэй хаанай үеын ябадал бэшэгдэнэ. Нүгөө эхинэйнь арбан дэбтэртэ Монголой анханай уг гарбалһаа абаад Чингис хаанай эсэс хүрэтэр болоһон үйлэ хэрэгүүд харуулагдана. Бүлэгүүдынь иимэ:

1. Тэмүүжинэй уг гарбал, бага наһанайнь үе.
2. Чингисэй эдир наһан.
3. Мэргидые һүнөөһэниинь, Тэмүүжиндэ Чингис хаан соло олгогдоһониинь.
4. Жамууха ба тайчуудтай тэмсэһэниинь.

5. Татарые һүнөөһэн ба Ван хаантай эбээ таһарһаниинь.
6. Хэрэйд уласай мүхэһэниинь.
7. Ван ханай һүнөөгдэһэниинь.
8. Хүчүлүүгэй зугадаһан ба Жамуухын дарагдаһаниинь.
9. Шадар хишигтэн сэрэгые байгуулһаниинь.
10. Уйгур ба ойн эрхэтэниие эзэлһэниинь.
11. Хитад, Тангад, Турк, Багдад ба Оросые эзэлһэниинь.
12. Чингисэй наһа бараһан ба Үгэдэйн хаан болоһониинь.

Эдэ тоологдоһон бүлэгүүдһээ харахада, Чингисэй үеын тодорхой түүхэ мэтэ болобошье, үнэндөө тиимэ бэшэ. Арадай аман үльгэр дээрэ үндэһэлһэн аад, тэрэ сагай арадай дуун, сэсэн үгэ, шүлэглэлые үргэнөөр орууланхай. Бүлэг бүридэнь хори-гушан шүлэг байна. Хүнэй яряа, хэлэһэн үгэ бүхэниинь шахуу шүлэгөөр хэлээтэй. Энэ зохёолдо эртэнэй монгол хэлэнэй аялга нугалбариие хэрэглэжэ шүлэглэһэн ба үргэлжэлһэншье зохёолой жэшээнүүд элбэг олон.

«Нюуса тобшо» XIII зуунай үедэ Монголой ехэ уласай мандаха сагта орон дотор болоһон үйлэ хэрэгүүдые үнэн зүбөөр гаргажа бэшэһэн ушарһаа түүхын ёһото баримта бэшэг болонхой. Энэ зохёолдо Монголой доторой үйлэ ябадалые гол түлэб харуулһан байна. Харин монгол сэрэгэй газаа тээшэнь добтолжо байлдаһан тухай тиимэ дэлгэрэнгыгээр бэшэгдэнэгүй. Тиихэ зуура Монголой сэрэгэй баруун зүг руу добтолжо байлдаһан ябадалые тэрэ үеын Иран уласай ехэ сайд эрдэмтэн Рашид Эд-динэй зохёоһон «Монголой түүхэ» хүсэлдүүлжэ үгэнэ. Рашид Эд-дин энэ түүхые XIV зуунай үедэ монгол сайд Болод чансан ба бусад хэдэн монгол хүнүүдтэй хамтаржа, Иранай монгол хаанай номой санда байһан олон монгол номуудые хэрэглэжэ зохёоһон байна. Мүн Монгол-Хитадтай холбоотой түүхэтэ ябадалнууд «Нюуса тобшо соо» хуряангыгаар гараһаншье һаа, энээн тухай Хитадай түүхэшэ эрдэмтэдэй дэлгэрэнгыгээр бэшэһэн хада хүсэлдүүлэгдэхэ байна. Юань уласай′ мүхэһэнэй һүүлээр Хитадай Мин уласай′ үедэ Монголой түүхын талаар Юан ши гэдэг ехэ судар бэшэгдэһэн ба ондоошье олон зүйлэй Монголой түүхын бэшэгүүд хитад хэлэн дээрэ бии.

«Нюуса тобшые» монгол хүнэй Монгол нютагта байгаад зохёоһон хадань гадаадын түүхэшэ эрдэмтэдэй зохёолнуудһаа онсо илгаатайшье, шухала холбоотойшье болоно. Ородой эрдэмтэн Владимирцов «Монголой ниитын байгуулалта» гэжэ номойнгоо 6-дахи нюурта иигэжэ бэшэһэн юм: «Дундада зуунай үедэ нэгэшье үндэһэ яһатан Монголтой адляар түүхэшэдэй анхаралые таһаагүй гэжэ хэлэжэ болохо юм. Баһа «Нюуса тобшотой» адляар бодото амидаралые тодорхойгоор дүрсэлэн харуулһан дурасхал-

та бэшэгые нэгэшье нүүдэлшэ үндэһэ яһатан үлдээгээгүй гэжэ тэмдэглэжэ болоно».

Энэ зохёол Монголой түүхын ёһото баримта болохоһоо гадна, монгол арадай оюун бэлигые гэршэлһэн гайхамшаг уран зохёол мүн. «Нюуса тобшые» XIII зуунай үедэ найруулагдаһан ганса уран зохёол гэжэ үзэжэ болохогүй. Жэшээлэн хэлэхэдэ, халсагай хуудам газарта ганса үндэр нарһан ургадаггүй, үндэр нарһан ехэ ойн дунда, үндэршье, набтаршье олон нарһадтай зэргэлээд ургадаг бэшэ гү. Тэрээндэл адляар үндэр һайхан нарһан мэтэ һүндэрлэһэн' «Нюуса тобшо» гэдэг зохёол тэрэ урда сагта байһан ирагуу һайхан олон зохёолой нэгэнь мүн гэжэ бодожо болоно. Теэд бэшэ олон зохёолынь яаһан бэ гэжэ асуубал, гээгдэжэ, сагай урасхалда хиидэжэ ошоо гэжэ харюусахада буруу бэшэ. Манай нүүдэлшэн монголшуудта юумэеэ хадагалха таарамжатай байшан, һаба байгаагүй. Олон удаа дайн байлдаанай хүлдэ орожо байһан ушарһаа ном бэшэгээ бэлээр үригдүүлдэг байһан юм. Монголой арад түмэнэй түүхэтэ үни удаан хугасаа соогоо бии болгоһон уран бүтээлэйнь үнэтэ зүйлнүүдэй зарим нэгэнэйнь харамсалтайгаар гээгдээ үригдээшье һаа, хуушан үеһөө «Нюуса тобшо», «Гэсэр», «Жангар» гэдэг гурбан һайхан зохёол соёлоймнай угай баялиг боложо үлдэһэн байгаа.

«Нюуса тобшо», «Жангар», «Гэсэр» гурбые Монголой хуушан зохёолой гурбан үндэр орьёл гэбэл зохино. Эдээн соо монголшуудай ажа амидарал, сэдьхэл, хүсэл бүрин элирэн гарана бшуу. Баруун Монголдо бии болоһон Жангарай туужа гэдэг арбан бүлэгтэй үльгэр соо арад зоной жаргаланта байдал ерүүлхые хүсэһэн һанал бодол тодорхойгоор гараһан юм. Гэсэрэй туужада дарлагша анги, ноёд, ламанарые эсэргүүсэһэн арад олоной һанал эли тодоор үзэгдэбэ. Монголой «Нюуса тобшодо» хоорондоо саг үргэлжэ тэмсэлдэжэ байһан түрэл гаралай холбоотой феодалай бутархай жэжэ аймагуудые эсэргүүсэжэ, нэгэдэһэн улас байгуулха гэһэн хүсэл тодоор харагдана. Түрэл обогой байгуулалтаһаа феодалай ниигэмдэ шэлжэхэ ба жэжэ бутархай феодалай ёһонһоо нэгэдэһэн улас болохо ябадалынь түүхын шатын талаар нэгэ алхам урагшаа дэбжэһэн хэрэг ха юм.

«Нюуса тобшодо» Чингисэй нэгэдэһэн уласые байгуулжа, монгол үндэһэтэниие хамтаруулан захирһан ябадалые һайшаан магтахаһаа гадна, Чингисэй дошхон хэрзэгы талые нюугаагүй. Сохом тэрэ сагайнгаа олоной байдалые нюдэнэйнгөө үмэнэ элеэр хараһан мэтэ тодорхойгоор бэшэһэн байна. Тэрэ сагай Монгол оронда нэгэдэһэн улас байгаагүй, олон жэжэ изагуурган ноёд хэһэг хэһэг аймаг, отогые зонхилоод, хоорондоо саг үргэлжэ хёморолдон тэм-

сэжэ байгаа. Бэе бэеэ алалсаха, дээрмэдэлсэхэ ябадал юрын тогтоһон заншал болоһон байгаа бшуу.

«Нюуса тобшо» дотор тэрэ сагай Монголой байдал тухай иигэжэ бэшэгдэнэ:

«Одотой тэнгэри эрьежэ,
Олон улад байлдажа,
Орондоо унтаха забгүй
Олзолон буляалдажа байба.
Хүрьһэтэ дэлхэй хүрбэжэ,
Хүбшын улад хёморолдожо,
Хүнжэлдөө унтаха забгүй
Хүжэдөө тэмсэжэ байба.
(«Нюуса тобшын» 254-дэхи зүйл.)

Иимэ эб найргүй, шуудайда хэһэн олон эбэр мэтэ ёдойлдон зүг шэгээ алдажа, хуби хубияа хаража тэмсэһэн Монголой олон обогой аймагые нэгэ улас гэр болгожо ниилүүлһэн бодомжотой ябадалые «Нюуса тобшо» соо магтажа бэшэнэ. Һүүлээрнь Чингис хаан түрүүтэй Монголой изагууртанай газаашаа үнгэлзэжэ, зэргэлээ һууһан тэрэ сагай соёлжоһон уласуудые һүйдхэһэн хэрзэгы ябадалыень харуулна.

Чингис хаан ба тэрэнэй үрлэгүүдэй′ дошхон түримхэй ябадалыень «Нюуса тобшодо» иигэжэ бэшэнэ:

«Шэрэм түмэр магнайтай,
Шэбээ хурса хэлэтэй,
Ган түмэр зүрхэтэй,
Гадаһа һүүшэн хушуутай
Галзуу дүрбэн нохой
Түмэн амитаниие хюдахаар
Түмэр гэнжэһээ мултаржа,
Шууд барижа эдихээр
Шүлһөө һабируулан ерэбэ.
Шүүдэрээр унда хэжэ,
Шүлһөөр хоол хэжэ,
Һалхяар унаа хэжэ,
Һаадагаар нүхэр хэжэ ябадаг.
Зэбэ, Хубилай түрүүтэй,
Зэлмэ, Сүбээдэй дахуултай
Тэмүүжин андын тэжээһэн
Тэрэ дүрбэн ноход
Тэмүүлэн хүрэжэ ерэбэ».

Энэ «Нюуса тобшо» гэдэг зохёол тэрэ сагай Монголой һайн муу хоёр талыень хэтэрхэй һайшаан магтангүй, хэтэрхэй далдалан нюунгүй — сохом үнэн руунь уран һайхан хэлээр бэшэһэн эрхим зэргын зохёол юм. Шэнэ Монголой хубисхалта соёлые байгуулхадаа, монгол арадай хэдэн зуун жэлдэ бии болгон абажа ябаһан уран һайханай баялигые хэрэглэнгүй байжа болохогүй. Энэ бая-

лигай боломжотой һайн талыень ашаглан абажа хэрэглэхэ гээшэ мүнөө үеын бидэнэй шухала үүргын нэгэн юм. Одоо монгол арад олоной урдань бүтээһэн, байгуулһан габьяа зүдхэлые бүрин шэнжэлэн үзэжэ, монгол арадай уран зохёолые хүгжөөхын тула эрхим һайн зүйлнүүдыень ашаглан хэрэглэхэ зорилго табигдана. Ушар иимэһээ эгээн түрүүлэн монгол арадай түүхэ-зохёолой дурасхалта бэшэг «Нюуса тобшые» анхаралтайгаар үзэхэ зэргэтэйбди.

Энэ зохёолой хуушан монгол үзэгөөр бэшэгдэһэн эхэнь мүнөө хүрэтэр олдоогүй. Гансахан хитад үзэгөөр монгол хэлэн дээрэ бэшэгдэһэн эхэнь (оригинал) Хитадай газарһаа олдонхой. Анхан хитад үзэгөөр бэшэгдэһэн юм гү, али уйгар-монгол үзэгөөр бэшэгдэһэн байгаа гү, мэдэгдэнэгүй. XIII зуунай үедэ монголшууд хитад үзэгые хэрэглэжэ байһан юм гэһэн мэдээ бии тула энэ зохёолые шууд хитад үзэгөөр монгол хэлэн дээрэ зохёоһон байжа болохо юм. Үгы һаа уйгар-монгол үзэгөөр бэшэгдээд, хожомынь хитад үзэгөөр буулгажа бэшэһэниинь олдоһон байжа магад. Тиихэдээ монгол үзэгөөр зохёогдоһон анханайнь эхэ′ төөригдэһэн байжашье болоо. Юуншье болоо һаа, эртынь монгол эхэ мүн гэжэ лаб баримталхаар бэшэг байхагүй тула хитад үзэгөөр бэшэгдэһэн эхыень гол болгобол зохино.

«Нюуса тобшотой» нягта холбоотой хоёр ном монгол хэлэн дээрэ энээнһээ урда хэблэгдэһэн юм. Нэгэнь «Чингисэй цэдэг» гэдэг ном, нүгөөдэнь — «Алтан тобшо». «Чингисэй цэдэгые» манай уласай шэнжэлхэ ухаанай Хүреэлэнһээ түлбэрииень даажа, Бээжинэй монгол хэблэлээр 1925 ондо хэблүүлэгдээ юм. Нүгөө «Алтан тобшые» 1937 ондо Улаан-Баатар хотодо хоёр дэбтэр болгон хэблээ бэлэйбди. «Чингисэй цэдэгтэ» «Нюуса тобшоһоо» абаһан бага сага зүйлнүүд бии. Харин «Алтан тобшонь» гол түлэб «Нюуса тобшоһоо» буулгажа абтаһан байна. Дундахи ба һүүлэйнь хубиһаа бага зэргэ хороонхой. Энэ «Алтан тобшые» урдань Судар бэшэгэй хүреэлэнгэй дарга байһан Жамьян гуай хуушанай Сан бэйсын хушуунай юншиебү обогой нэгэ тайжаһаа оложо ерэһэн юм. «Нюуса тобшо» 282 зүйлһөө бүридэдэг, харин «Алтан тобшодо» тэрэнэйнь 233 зүйл оронхой. Тиихэ зуура энэ хэблэгдэһэн «Алтан тобшодо» зарим үгэ, зарим үзэгыень буруу ойлгожо хубилгаһан, буулгажа бэшэхэдээ алдуу хэһэн зүйлнүүд бии. Баһа «Шара туужа», «Алтан тобшо», «Эрдэниин эрхи» зэргын нэрэтэй монгол түүхэнүүдтэ «Нюуса тобшоһоо» абаһан бололтой хэһэгүүд оронхой. Тэрэ бүрииень эндэ тоолоод яахаб. Тиихэтэй хамта эдээниие баримта болгон хинаа һаа, Монголой хуушанай түүхэшэд, зохёолшодой гарта «Нюуса тобшын» уйгар-монгол үзэгөөр бэшэһэн эхэнь байжа болоо гэжэ хэлэмээр.

«Ехэ Юань уласай Чингис тайзу хаанай улас аймагые абаһан сэрэгэй тобшооной′ он жэл, һара үдэрэй бүдүүн хуряангы

тэмдэглэлэй дэбтэр» гэдэг нэрэтэй ном 1945 ондо Үбэр Монголhоо олдобо.

Тэрээн дотор Монголой түүхын арбан гурбан шэнэ бэшэгые тэмдэглэhэн байна:

« 1. Түбэдhөө оршуулжа абаhан Чадагчийн эрхитэ цадиг.
2. Чадагчийн цадиг.
3. Залуушуулай хурим.
4. Хүхэ сударын.
5. Чингисэй шастир.
6. Юанай түб ехэ сударын.
7. Изагуурай түүхэ.
8. Алтан үрэhэтэнэй тобшо.
9. Да Юанай Чин Си бэшэг.
10. Санан сэсэнэй сэдьхэлэй сэнгэл.
11. Алтан урагтанай дүтэ түүхэ.
12. Богдо Чингисэй hула туужа.
13. Ган му сударын.

Энэ 13 болоно» гэбэ.

Энээн соо дурдагдаhан «Хүхэ сударын», «Чингисэй шастир», «Изагуурай түүхэ», «Алтан үрэhэтэнэй тобшо», «Алтан урагтанай дүтэ түүхэ», «Богдо Чингисэй hула туужа» зэргын номууд «Нюуса тобшотой» холбоотой байжа магад.

«Нюуса тобшын» хитад үзэгөөр бэшэгдэhэн эхэ зохёолойнь Европодо мэдээжэ болоhоор нэгэ зуу шахуу жэл үнгэрбэ. Ородой эрдэмтэн Кафаров Бээжиндэ ажаhууха сагтаа хитад хэлэ бэшэгтэ hайтар hуралсажа, хитад олон сударын номhоо шухала зүйлнүүдые hонирхон үзэhэн юм. «Монголой нюуса түүхэ» гэдэгые Манжын Богдо хаанай номой санhаа нэгэ танил эрдэмтэнээр hэмээхэн абхуулhан байгаа. Тиигээд тэрэниие хитад оршуулгаhаань ород хэлэн дээрэ дам оршуулаад, 1866 ондо хэблэн гаргажа, олон газарай эрдэмтэдэй үзэхэ шудалха замые нээhэн юм. Hүүлээрнь монгол үгыень ород үзэгөөр буулган бэшэжэ, тус бүриинь доро ород оршуулгые хитадhаа абажа хадаад, шэнжэлжэ үзөөд хэблэхээр забдан байтараа, далайн аянда ябаад наhа бараа бэлэй. Тэрэнэй гаргахаяа hанаhан дэбтэр Зүблэлтэ Уласай Шэнжэлхэ Ухаанай Академиин харьяата Дорно зүгые шэнжэлхэ газарта бэшэмэл зүйлнүүдэй санда′ хадагалагдажа байдаг. Тэрээнhээ фото-буулгабари хүүлэжэ манай Шэнжэлхэ Ухаанай Хүреэлэндэ асаруулhаниинь энэ манай оршуулха ажалда тулгуур боложо, ехэ туhа хүргэбэ.

Энэ Кафаров эрдэмтэ хитадша байhан аад, монголшо бэшэ hэн тула үүдхэн хэжэ байhан оршуулгые, хитад эхынь бодотые өөрынгөө танил залуу монголшо Позднеевтэ үгэhэн байгаа. Тэрэнь 1883 ондо удхыень тобшолhон бишыхан дэбтэр болгоод гаргаа бэлэй.

Һүүлээрнь 1897 он багта «Монголой уран зохёолой түүхэ» гэжэ нэрлэһэн дэбтэр хэблэхэдээ хабсаралта болгожо, «Нюуса тобшын» эхинэй 96 зүйлые шулуун бараар ород, монгол үзэгөөр бэшэжэ гаргаһан байна.

Баһа энэ зохёолые шудалха ябадалда нэгэ онсо амжалта гэхэдэ, Зүблэлтэ уласай эрдэмтэн Козин тус зохёолые арбан табан жэл шэнжэлэн шудалаа юм. Тиигээд 1941 ондо «Нюуса тобшын» эхэ зохёолые ба ород хэлэн дээрэ болгоһон оршуулгые шэнжэлэлтэтэйнь нэгэ дэбтэр болгожо хэблээ бэлэй.

«Нюуса тобшын» эхинэй гурбан бүлэгые оршуулһан хойноо бидэ Козиной хэблүүлһэн «Нюуса тобшын» эхэ ба оршуулгын нэгэ дэбтэрые оложо абаад, саашанхи ажалдаа эшэ баримта болгожо хэрэглэбэбди. Франци уласай мэдээжэ хитадша эрдэмтэ Пелльо 1913 онһоо эхилэн энэ түүхые шэнжэлэн, һонирхолтой ажаглалта, мэдээнүүдые хэһэг хэһэгээрнь хэблэнхэй. Һүүлэй үедэ тэрээнтэй холбоотой бэшэгүүдтэй сасуулан үзэжэ, шэнжэлгэ хээд, зургаан бүлэгэйнь оршуулгые эхэ зохёолтойнь хамта хэблэжэ гаргаһан байна.

Германиин Хениш гэдэг хитадша мэргэжэлтэн энэ түүхые шэнжэлжэ, хэдэн зүйлые 1931 ондо гаргаад, Хитадай эрдэмтэн Ей Дэ-хуйн 1908 ондо хэблүүлһэн гансахан эхэ зохёолые баримталжа латин үзэгөөр буулгажа бэшээд, энэ түүхэдэ ороһон үгэнүүдэй толитой хамта хэблүүлээ. Дундада уласта (Хитадта) маһай энэ һонирхоһон бүхы түүхые ехэ эртэ, Юань уласай мүхэһэнэй һүүлээр, Мин уласай Хун у хаанай үедэ оложо, 1382 ондо хитад хэлэн дээрэ Жан Юан-зи, Маш-их хоёр оршуулһан юм гэжэ Кафаров хитад түүхэһээ эшэ татажа мэдээсэнэ. Энэ «Нюуса тобшые» дэлхэйн олон ороной эрдэмтэд, илангаяа Зүблэлтэ уласайхид ехэ хүсэ гаргажа шудалан шэнжэлжэ, оршуулан хэблүүлжэ байдаг. Харин манай Монголдо олоной уншахаар зорюулжа хэблэһэн ном мүнөө хүрэтэр үгы. Тэрээнһээ байтагай, монгол үзэгөөр буулгажа бэшэһэн олигтой эхэ зохёолыншье байхагүй. Гансахан байһаниинь Цэнд гүнэй оршуулһан эхэ Шэнжэлхэ Ухаанай Хүреэлэндэ хадагалагдажа байдаг. Автономито уласай үедэ гүн Цэнд Хитадай эрдэмтэн Ей Дэ-хуйн хэблүүлһэн эхэ зохёолые баримталжа, монгол үзэгөөр буулгажа бэшэһэн ба монгол хэлэн дээрэ оршуулһан юм. Цэнд гүн гээшын буулгажа бэшэлгэ оршуулга хоёр алинииншье һаа юрэ һонирхон үзэгшэдэй хэһэн ажал гээшэ ааб даа. Тиигэбэшье мүнөө үедэ ондоо монгол үзэгөөр бэшэһэн эхэ зохёолой байхагүй хада тэрэнииe хинажа үзөөд хэблэхэ гэһэн шиидхэбэри абтаһан юм. Гэхэтэй хамта энэ буулгабариньь Зүблэлтэ Уласай Академидэ бии. Нүгөө оршуулгань бидэнэй гарта байбашье, нягта бэшээр хэгдэнхэй, ехээр хуряангы болгогдоһон байна. «Нюуса тобшодо» хэдэн зуун шүлэг байха аад, энэ ор-

шуулгада нэгэшье шүлэг байхагүй, тэдэнэй заримыень үргэлжэлһэн зохёол (прозо) болгонхой, ехэнхииень юрэ орхижорхиһон байна. Мүнөө үедэ эрдэмтэд Кафаров, Хениш, Козиной шэнжэлгэ, буулгабариие бидэ гартаа барижа байгаад, Цэнд гүнэй дутуу, нягта бэшэ оршуулгые хэблэхэдэ сэдьхэлдэ тэгшэ бэшэ байха тула бидэ монгол үзэгөөр буулгажа, оршуулга хэхэ гэжэ шиидээ бэлэйбди.

«Нюуса тобшые» хуушан монгол хэлэнһээ мүнөөнэй монгол хэлээр оршуулан бэшэхэдээ хэрэглэһэн бэшэг номуудые тоолое.

1. Козиной хэблүүлһэн «Нюуса тобшын» эхэ ба ород хэлэндэ оршуулһан дэбтэр: С. А. Козин. Сокровенное сказание, том 1, 1941.

2. Лувсанданзанай зохёоһон бэшэмэл «Алтан тобшо».

3. Кафаровай хэһэн «Нюуса тобшын» буулгабари ба хадамал оршуулга (фото зураг).

4. Баһа Кафаровай хитад хэлэнһээ ород хэлэндэ оршуулһан бэшэг. Архимандрит Палладий (Кафаров). «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане».

5. Хенишэй 1935—1939 онуудта хэблүүлһэн «Нюуса тобшын» буулгабари ба толи.

6. Рашид Эд-динэй зохёоһон Монголой түүхэ: Березинэй ород хэлэн дээрэ оршуулһан дэбтэр.

7. Хитад хэлэнһээ монгол хэлэн дээрэ Баргын Цэнд гүнэй оршуулһан «Нюуса тобшын» эхэ бэшэмэл хоёр дэбтэр.

8. «Чингисэй цэдиг», «Алтан тобшо», Монголой олон зүйлэй түүхэ, толи бэшэг, Позднеевэй «Нюуса тобшын» хахад буулгабари, Алтан-Очирой «Нюуса тобшын» буулгабари, Хенишэй «Нюуса тобшын» хахад оршуулга, Владимирцовой зохёоһон «Монголой ниитын байгуулалта» зэргын олон номые зэргэлүүлэн хэрэглэбэб.

Эдэ номуудые гол баримта болгожо, «Нюуса тобшын» бүдэхи ойлгогдохогүй үгэ бүхэндэ тайлбари зүүжэ, хуушан монгол хэлээрнь хуушан монгол үзэгөөрнь буулгажа бэшэгдэбэ. Һүүлээрнь энэ буулгабарияа баримталжа, мүнөөнэй монгол хүндэ ойлгогдохогүй болоһон үгэ, үгүүлбэриие ойлгомжотой тодоор найруулан, энэ үеын хэлээр оршуулан бэшэбэбди. Долоон зуун жэлэй урдахи монгол хэлэн мүнөөнэй монгол хэлэнһээ нилээд ондоо тула хуушан хэлээр хэблээ һаа үсөөн тэды сэхээтэн′ үзэхэһөө бэшэ, олон ниитэдэ ойлгогдохогүй болоно. Тиимэһээ «Нюуса тобшын» ёһотой эхые хэблэхын урда тээ Монголой олон һонирхон уншагшадта танилсуулха зорилготойгоор удхыень алдуулангүй, зохёолой хэлэ, найруулгын онсо шэнжые гээгдүүлхэгүйе гол болгожо бэшэһэн энэ оршуулгые мүнөө хэблэбэбди.

Долоон зуун жэлэй урда энэ зохёол анха зохёогдохо үедөө

уншагшадта али зэргэ уран һайхан, һонирхолтой байгаа һэм, мүн одоо сагташье Монголой уншагшадта баһа тэрэ зэргэ уран һонирхолтой болгожо үзэхые шармайгаа бэлэйбди. Оршуулагша би өөрөө монгол арадай аман зохёолоор хүмүүжэжэ, аман зохёолые дууряан шүлэг бэшэжэ оролдодог һэн туладаа «Нюуса тобшые» оршуулхадаа, илангаяа тэрэнэй шүлэгые оршуулхадаа үнэн зүрхэнһөө сэдьхэлээ хүдэлгэжэ, сохом тааруу һайхан үүргэ гэжэ оролдон гүйсэдхэбэб.

Монгол хэлэнһээ монгол хэлэндэ оршуулха гэһэн үгэ баахан аягүйгөөр һанагдажа болохо байна. Тиигэбэшье бидэнэй бүтээһэн ажал сохом оршуулгын шанартай байгаа. Жэшээлхэдэ, энэ зохёолой 156-дахи зүйлдэ иигэжэ хэлэгдэнэ: «Мүнхү дайсу сэтхижү оорчаг болжун ябужу. Эдеэ яу хүрүрэ ирэюү. Инү мэтүси чиантур үлибэ. Яу саарамуй. Нидуну эчинэ хэдхүн гэв. Түдүйхү мохориулба». Энээниие оршуулхада иимэ болоно: «Хорото сэдьхэл һанажа гансаараа тэнэһээр эндэ юундэ ерэбэш? Тэрэ мэтэ этэгээдые хэды үни тэнхлэгтэй′ сасуулжа хюдаа бэшэ гүбди. Юундэ бусахабибди. Нюдэнһөө далда болго гэхэдэнь, тэрэниие дары алаба».

Гадаадын эрдэмтэдэй ажаглалта, тайлбари оршуулгые гол болгоошье һаа, зарим зүйлые нягталан үзэжэ, нилээд олон үгэ, үгүүлбэриин удхые өөһэдынгөө үзэмжөөр бэшээ бэлэйбди. Жэшээлхэдэ, энэ эхэ зохёолой 70-дахи зүйлдэ иимэ үгэнүүд бии: «Тэдүй атала, тайчууд-ун Хирилтуг тургауд-иян удуритчу, «Хоругад гоожижуу, шилүгэд шибэрижүү!» хээн ирэжүү». Энээн соо-һоо Хирилтугай хэлэһэн үгые эрдэмтэд элдэб янзаар тайлбарилан хэлэнэ. Лувсанданзанай «Алтан тобшо соо» энэ үгые «хулхад хучичи, шилүгэн шибэрчихү ирэжүхүй» гэжэ бэшэнхэй. Эдэ «хулхад хучичи, шилүгэн шибэрчихү» гэдэг үгэнүүдые Хирилтугтай хамта ерэһэн дүрбэн хүнэй нэрэ гү, али Хирилтугай ерэһэн газарай нэрэ мэтэ болгоһониинь үнэхөөр эндүүрһэн хэрэг болоно. Ёһотой удхань иимэ: Тайчууднар Тэмүүжин, Оэлүн эхые хаяжа нүүһэнһээнь хойшо хэдэн жэл үнгэрөө. Тэмүүжинэй талынхид нилээд тэнхэрһэн ушарһаань гэдэргээ добтолхоо ерэхэдээ хэлэһэн үгэнь ха юм. Иимэ хадаа «Тэмүүжинэйхид тэнхэрбэ» гэһэн удхатай үгэ байха зэргэтэй. Энээниие Цэнд гүн иигэжэ оршуулһан байна: «Түүнһээ тайчуудай Хирилтугайхид хэлсэбэд: тиихэдэ орхиһон Тэмүүжинэй эхэ, хүбүүд иигээд ниидэхэ шубуунай дэгдээхэй мэтэ жэгүүр үдэ ургаа. Гүрөөһэнэй зулзага мэтэ шүдэ, хюмһа ургаа гэжэ нүхэдөө абажа ерэбэ». Кафаровай оршуулһаниинь баһал иимэ хадань хитад оршуулгада лаб иимэ удхатай байһан болоно.

Бидэ дээрэхи оршуулгануудай аляаниинышье зүбшөөнгүй орхижо, өөһэдынгөө һаналаар иигэжэ оршуулбабди: «Тайчуудай

Таргудай Хирилтуг шадар нүхэдөө дахуулжа: «хурьганай үһэн гуужаба. Түлгэнэй бэе түлжэбэ» гээд добтолхоор ерэбэ. «Үһэн», «бэе» гэдэг үгые нэмэлтэ тайлбари болгон оруулаабди. «Хуругад, шилүгэд» гэдэг үгые «хурьгад, түлгэд» гэһэн үгэ гэжэ һанана-бди. «Шилүгэ» гэжэ мүнөөнэй зарим нютагай яряанай хэлэндэ хоёр наһатай хониие хэлэдэг.

Баһа 105-дахи зүйл соо Тэмүүжинэй Жамуухада хэлүүлһэн үгын эхиие, мүн Цэнд гүнэй оршуулгые манай оршуулгатай хамта харуулая:

Эхэ зохёолдонь иигэжэ байна:

«Гурбан мэргид-тэ ирэжү...
Үрэ-бан һүгтэрхүү болгогдаа би.
Үнэр ниган тан бусуд-у бида?
Үсүл-иоп хэр үсэхүн?
Эбүр-иен һэндүлдээ би.
Һэлигэнү уруг бусуд-у бида?
Һачи-иян хэр һачилахуп бида?»

Цэнд гүнэй оршуулһаниинь:

«Эм хүүхдээ Мэргидэд булаагдсан учрыг хэлж бид уулаас нэгэ угсааны хүн, энэ зэрэг үшөө хорыг яахин хариулах бэ?»

Бидэнэй оршуулһан иимэ:

«Үһөөтэй мэргид ерэжэ,
Үрыемни үбдэхөөбэ.
Үбэрыемни хооһолбо.
Үнэхөөр түшэг болохо
Үнэр түрэлэй таанарни
Үһөөем абажа үгэхэ гүт.
Эльгэ зүрхэмни
Үбдэжэ байна.
Эльгэп садан таанарни
Үһөөем абажа үгыт».

Бидэ «Нюуса тобшын» хитад үзэгһөө дам латин ба ород үзэгөөр буулгаһан бэшэгүүдые баримталжа оршуулхадаа, баһа Лувсанданзанай «Алтан тобшо», Рашид Эд-динэй зохёоһон «Монголой түүхэ» зэргэһээ энэ эхэ зохёолдо үгышье һаа, баймаар зүйлнүүдые нэмэжэ оруулһан ушар бии. Жэшээ болгон, «Нюуса тобшын» 86-дахи зүйлые «Алтан тобшотой» зэргэсүүлэн үзэжэ бэшэһэнээ харуулая: «Гурбадахи үдэртөө (дүнгэтэй' хүн хаана холодохо һэм? А. то.) Тэрэниие манайхин нюугаа бэзэ. Өөһэдөө ябажа нэгжэе» гэжэ айл бүриие нэгжэһээр Сорхон-шарында ерэбэ. Гэр тэргэдэнь орожо оро, дэрэ доогуурнь хараад, хойнонь байһан нооһотой бүтүү тэргэдэнь ошожо, амһарайнь нооһые татасагаажа, Тэмүүжинэй хүлдэ хүрэхэдэнь, Сорхон-шар хэлэбэ:

«Иимэ халуун сагта нооһон соо амиды хүн яажа тэсэхэ юм? (Сэдьхэлээ ханатар бэдэрэгты.» А. то.) Тиихэдэнь нэгжэһэн хүнүүд саашаа ябаба.

Энэ зүйл соо «дүнгэтэй хүн хаана холодохо һэм? Сэдьхэлээ ханатар бэдэрэгты» гэдэг хоёр мэдүүлэл үнэхөөр байбал зохимоор туладань Лувсанданзанай «Алтан тобшоһоо» абажа, «Нюуса тобшын» эхэдэ нэмэжэ оруулаа бэлэйбди. Бодоходо, хитад үзэгөөр монгол хэлэн дээрэ бэшэгдэһэн «Нюуса тобшын» эхэнь «Нюуса тобшын» анхан зохёогдоһон эхэ бэшэ, харин дам уламжалан буулгаһан эхэ мүн бэзэ. Лувсанданзанай «Алтан тобшодо» баһа «Нюуса тобшоһоо» буулгажа абаһан олон зүйлнүүд бии гэжэ дээрэ дурдаа бэлэйбди. Рашид Эд-диндэ баһа «Нюуса тобшын» нэгэ эхэ зохёол байһан бололтой.

«Нюуса тобшын» хитад үзэгөөр бэшэгдэһэн эхые эдэ түүхэ бэшэгүүдтэй ниилүүлэн үзэжэ, сохом баймаар зүйлнүүдыень нэмэжэ оруулхань зүйтэй гэжэ бодонобди. Тиимэһээ нилээд үгэ, үгүүлбэриие абаһан байнабди. Иихэдээ нэмэһэн үгэ, үгүүлбэри бүхэниие дүрбэлжэн хаалтада хэжэ, ямар номһоо абтаһыень тэмдэглэбэбди. Тэмдэглэхэдээ номой нэрые хуряангы болгожо Лувсанданзанай «Алтан тобшые» — «А. то» гэжэ бэшэжэ, «Чингисэй Цэдигые» — «Чи. цэ» гэжэ тэмдэглэбэбди. Рашид Эд-диниие тэрэ хэбээрнь бэшэбэбди.

Түгэсхэлдэнь «Нюуса тобшын» зохёогдохо үедэ Монголой ниислэл байһан Хүдөө арал, Долоон болдог, Ауруг гэдэг гурбан газар тухай үсөөн үгөөр тайлбарилан хэлэхые хүсэнэб.

Монголой нютаг ой, тала, гоби гэһэн гурбан бүһэ боложо хубаагдадаг. Мал ажахы эрхилхэдэ тала хээрынь бүһэ үлэмжэ таарамжатай юм. Ой модоор бүрхөөгдэһэн үндэр хадалиг бүһэһөө тала хээрын нютаг руу шургажа орожон ууланууд оршон тойроной набтар газарһаа үлүү ехэ шииг нойтотой ушарһаа үбһэ ногоо, бэлшээри һайтай байдаг. Иимэ хээрэ газарай ууланууд мал бэлшээхэдэ аргагүй шухала нөөсэ болодог юм. Хэрлэнэй Баян Улаан уула эгээл тиимэ газарай нэгэниинь гээшэ. Энэ уула дэлхэйн 109-дэхи уртрагта (долготада) ба 47,5 үргэрэгтэ (широтада) оршоно. Эндэ үбһэ уһаар ехэ элбэг, малай бэлшээридэ тааруу зохид ушарһаа ойро тойронхи малшадай үбэлжөө газар болодог. Илангаяа бэрхэшээлтэй хэсүү зуд болоходо, энэ уула айл, малаар дүүрэдэг. 1945 оной ехэ зудай үедэ ойро дүтын арбаад сомоной малшадай энэ уулада ерэжэ үбэлжэхыень бидэ өөһэдөө нюдөөрөө хараһан байнабди. Эндэ ерэһэн айлнуудай мал ехээр үхөөгүй, гарза хохидолдо ороогүй шахуу үнгэрөө һэн. Харин саһа шуурганда һаатажа, энэ уулада ерэжэ шадаагүй хүн зонойнь мал адуу-һа ехээр туража үхөө бэлэй.

Хэрлэн голой Хэнтэйһээ гаража баруун урагшаа урдаад, зүүн тээшээ эрьехэдэнь, тэрээн доторхи нэгэ ехэ тохойдонь энэ уула оршодог. Тэрэнэй зүүн һугаар Цэнхэрэй гол (урдын Сэнхүр горхон) урдажа урагшаа ябаһаар Хэрлэндэ шудхаран ородог хадань

энэ уулые нэгэ ехэ аралай хэлбэритэй болгодог. Иимэ ушарһаа «Нюуса тобшын» анха зохёон бэшэгдэһэн «Хүдөө арал» гэдэг газарынь Баян Улаан уула мүн бололтой юм.

«Нюуса тобшын» эсэсэй 282-дохи зүйлдэ энэ зохёолые хэдыдэ, хаана бэшэһэн тухай тодорхой мэдээ байдаг. Эндэ тэрэниие дурдая: «Ехэ хуралдаан боложо хулгана жэлэй хуран һарада′ Хэрлэнэй Хүдөө аралай Долоон болдог Шилгэнцэг хоёрой забһарта хаанай ордоной буужа байхада бэшэжэ түгэсхэбэ». Эндэ дурдагдаһан хулгана жэл 1240 он мүн гэжэ эрдэмтэд, мэргэжэлтэд тодорхойлон оложо тогтооһон юм. Харин Хэрлэнэй Хүдөө арал хаана байгаа юм гэжэ эрдэмтэд лаб һайса оложо шадаагүй бэлэй. Хэрлэнэй Хүдөө арал гээшэнь мүнөөнэй Баян Улаан уула мүн аа гү гэһэн минии һаналые түүхэшэ эрдэмтэн Х. Пэрлээ дэмжэжэ бэшэһэн байна. (Монголой Шэнжэлхэ Ухаанай Академиин мэдээ, № 3, 1962 он, 78—82-дохи нюурнуудта).

1951 ондо би өөрөө Хэрлэнэй Баян Улаан уулада ошожо, хүндэлэн утаашань ябажа, газар нютагайнь байдалтай танилсаа бэлэйб. Баян Улаан гээшэ хайша хайшаа 70—80 тухай километр зайтай ой модотой үндэр һайхан уула юм. Баян Улаанай үбэртэ хайша хайшаа 70—80 тухай километр үргэн тала бии. Тэрэниие Хара тала гэжэ нэрлэдэг. Хэрлэн мүрэнэй зүүн һалаа Хара ус (Үргэн ус) гэдэг гол Долоодой үбэрөөр зүүн урагшаа урдажа, гушаад километр ябаад Хэрлэндэ ниилэдэг. Энэ хоёр голой хоорондо үргэн арал байна. Баян Улаанай Хара талада Тосон, Замагта нуур, Хүдөө нуур зэргын хэдэн нуур уһан бии.

Баян Улаанай баруун урда үзүүртэ Хэрлэн руу шургажа орожон долоон жэжэшэг толгой байна. Эдэ долоон толгойе энэ нютагай хүн зон Долоод гэжэ нэрлэдэг. Долоод гээшыень «Нюуса тобшодо» бэшэгдэһэн Хэрлэнэй Хүдөө аралай Долоон болдог мүн гэжэ бодонобди.

Эдэ долоон толгойнь иимэ нэрэтэй:

1. Дүрбэлжэн.
2. Һүүл.
3. Ехэ Улаанай толгой.
4. Бага Улаанай толгой.
5. Олон обоо.
6. Тахилгата.
7. Гацаа.

Мүнөө иигээд Аврага Тосон гэһэн нэрэ тухай тогтоё. Тосон гэдэг жэжэ нуур эртэ урданһаа мүнөө хүрэтэр арад олоной аршаан болгон хэрэглэһээр ерэһэн минеральна дабһалиг нуур юм. Жэл бүри август һарын үеэр Тосон нуурай эрьеэр олон гэр майхан барижа, хүн зон энэ нуурта орожо бэеэ аргалдаг.

Тосон нуурһаа зүүн урагшаа 5 километрын газарта Аврагын

гол гэдэг булаг баруун урагшаа шэглэн, Тооно уулын араар урдана. Аврагын голой эрье хүбөө дээрэ Хэнтэйн аймагай Дэлгэрхаан сомоной түб һуурин оршодог. Дэлгэрхаан сомоной түбһөө баруун урагшаа Аврагын аршаан гэдэг гашуубтар уһатай булаг бии. Энэ аршаан булагай арын тэбсэг дээрэ эртэ урданай хотын һуури бии. Эдэ бүгэдые би 1951 ондо ябажа үзөөд, мүнөөнэй Аврага гэдэг нэрэ XIII зуунай үедэ байһан Монголой ордон Аураг мүн байгаа бэшэ гү гэһэн һанал дурадхаа бэлэйб. Ауруг гэһэн үгын хуушарһан ушарһаа Монголой ярянай хэлэндэ хубилагдан, агуу ехэ гэдэг удхатайгаар «абарга» болоһон байна. Абаргын аршаан булагай хойто тэбсэг дээрэхи бутархай һандархайе 1969 ондо археолог Х. Пэрлээ малтажа үзөөд, XIII зуунай үеын хотын үлэгдэл гэжэ тогтоогоод, Чингисэй Ауруг ордоной һуури мүн гэжэ бэшэһэн байгаа. (МНР-эй Шэнжэлхэ Ухаанай Академиин мэдээ, № 1, Улаан-Баатар, 1970 он). Энэ хотодо уран дархашуул һуудаг һэн, томо ордон, һүмэ зэргын барилганууд байгаа. Тэдэ уран дархашуулай гудамжаһаа шэрэм хайлуулдаг байгаа гэһэн баримта мэдээ олдоо юм. Мүн тэндэһээ 10,4 см үргэн нүхэтэй тэргын голой түмэр бүхэлэлтэ, залгалаатай шулуун бахана зэргын зүйлые түүхэшэд Д. Майдар, Т. Майдар оложо, тэдээн тухайгаа «Монголой эртэнэй түүхэ, соёлой зарим асуудал» гэһэн ном соогоо бэшэһэн юм, Улаан-Баатар, 1972 он, 151—156 нюурнуудта. Тэдэнэр залгалаатай шулуун бахана хэхэ арга техникээр ехэтэ һонирхожо, тэрэ холын сагта барилгын шадабариин үндэр дээдэ шатада гараһыень тэмдэглэһэн юм.

Монголой Ауруг гэдэг ордон анхандаа нүүдэлээр ябадаг байһан аад, һүүлдэ һуурижаһан бололтой. «Нюуса тобшын» 136-дахи зүйлдэ бэшэгдэнэ: «Чингис хаанай ара гэр Ауруг Харилт нуурта байһан юм. Жүрхинэйхид Чингисэй ара гэртэ үлдэһэн хүнүүдтэ добтолжо, табин хүнэй хубсаһыень тоноод, арбан хүниие алаба. Жүрхинэйхид иигэжэ һүйдхэбэ гэжэ ара гэртэ үлөөшэд Чингис хаанда дуулгаба... Чингис хаан жүрхиндэ морилбо. Жүрхинэйхидэй Хэрлэнэй Хүдөө аралай Долоон болдогто байхада добтолбо» гэжэ хэлэгдэнэ. Энээнһээ харахада, тэрэ үедэ жүрхинэйхид Хэрлэнэй Хүдөө аралай Долоон болдогто нютаглажа байһан болоно. Чингисэй Ауруг ордон Харилт нуур гэдэг газарта байгаа. Энэ Харилт нуурынь Рашид Эд-динэй мэдээсэһэн ёһоор Халил нуур мүн бололтой, энэнь Цэнхэрэй голой эхин багта байгаа. Тиихэдээ Чингисэй Ауруг ордониинь Хэрлэнэй Хүдөө аралда һуурижаһан бололтой. 1189 оной үедэ Чингис хаан Жамуухаһаа һалаад, Сэнхүр горхоной (Цэнхэрэй голой) Хар зүрхэнэй Хүх нуурта нүүжэ ерэһэн тухай «Нюуса тобшын» 122-дохи зүйлдэ бэшэгдэһэн юм, мүн энэ зохёолой 123-дахи зүйлдэ Чингисые хаан болгон үргэмжэлбэ гэжэ хэлэгдэнэ. Цэнхэрэй голой эхиндэ Хүх нуур ба Хар

зүрх гэдэг уула мүнөөшье тэрэ нэрэтэеэ зандаа байгаа юм. Эндэ бэшэһэнһээнь харахада, Чингисые Цэнхэрэй голой Хар зүрх гэдэг уула шадар хаан болгон үргэмжэлһэн шэнги боложо байна. Гэбэшье «Нюуса тобшоһоо» бусад түүхэнүүдтэ Чингисые Хар зүрхэндэ бэшэ, тэрэнэй урда залгалаа болохо Хэрлэнэй Хүдөө аралда хаан болгон үргэмжэлһэн юм гэжэ байдаг. Жэшээнь, Сагаан сэсэнэй «Эрдэниин тобшодо» иигэжэ хэлэгдэнэ: «Тэмүүжин хаан хүбүүн хорин найман наһандаа шарагшан тахяа жэл (1189) Хэрлэн мүрэнэй Хүдөө аралда хаан шэрээдэ һууһан» гэнэ. Галдан туслагчийн «Эрдэниин эрхи» гэдэг түүхэдэ Чингис хаанииe Хэрлэн мүрэнэй Хүдөө аралда хаан һууһан юм гэжэ бэшэһэн байна.

XIII зуунай үедэ Хархорумһаа гадна Чингис хаанай гурбан ордон байһан юм, тэдээнииe тусхай ноёд харгалзан захиржа байһан байна. Японой түүхэшэ Янай Ватариин тухайламжын ёһоор, эдээнэй нэгэ ордониинь Хэрлэн мүрэндэ шудхадаг Цэнхэрэй голой ойро Долоон болдог Шилгинцэг хоёрой хоорондо байгаа. Энэ ордониие «Богдо баатарай бэеэрээ хэһэн тэмдэглэл» гэдэг зохёолдо «Чингис хаанай ехэ ордон» гэжэ нэрлэһэн байна. Эдэ дүрбэн ордониие Хубилай хаанай хүбүүн Номгон зэргын ехэ ноёдой захиржа байһанһаа харахада, нүүдэлээр ябадаг хэдэн гэр байгаагүй, нилээд түбхинэһэн байра һууритай томо хото байһан юм гэжэ хэлэжэ болоно. Чингис хаанай Ауруг ордониинь Хэрлэн голой шадар анхандаа нүүжэ ябаһан аад, һүүлдэ Хэрлэнэй Хүдөө аралда һуурижаһан бололтой. Тэрэ Ауруг ордоной үлэгдэл мүнөөнэй Баян Улаанай Хара талада Абарга Тосонһоо урагшаа 10 километрын зайда байгаа хотын һандарһан һуури мүн гэжэ бодонобди.

Урдын Ауруг гэдэг үгэ хубилгагдаад, мүнөө Абарга болоо гэжэ баһа таамаглахаар байна. Ауруг гэжэ нэрэ уг гарбалаараа абарга ехэ, агуу ехэ гэһэн үгэ бэшэ юм. Ауруг гэдэг үгын үндэһэнь мүнөөнэй монгол хэлэндэ байгаа агуурс, уурхай (агуурхай), агуулах, амбаар, склад гэһэн удхатай үгэ бололтой. XIII зуунай үедэ хаанай ордоной дэргэдэ ямаршье һаа хүнэһэ тэжээл, эд бараа хадагалха амбаар байшан байдаг ушарһаа хаанай ордон, түб газараа Ауруг гэжэ нэрлэһэн бололтой. Баруун Монголдо «уурх» гэжэ элдэб юумэ хадагалдаг нүхэ гү, али һабые нэрлэнэ.

Хэрлэнэй Хүдөө арал гэдэгнай иигэхэлээрээ Баян Улаан уула мүн, Хүдөө аралай Долоон болдог гээшэнь Долоод болоно. Хэрлэнэй Ауруг гээшэмнай мүнөөнэй Аврага мүн гэһэн гурбан һаналые дурадхажа байнабди.

Ц. Дамдинсүрэн, академик

I. Тэмүүжинэй уг гарбал, бага наһанайнь үе

1. Чингис хаанай уг изагуур гэхэдэ, дээдэ тэнгэриһээ заяатай түрэһэн Бүртэ-чино өөрынгөө һамган Гуа-Маралтай хамта уһан далайе гаталжа ерээд, Онон мүрэнэй эхиндэ Бурхан халдун уулада нютаглажа, Батцагаан гэдэг нэгэ хүбүүтэй болоһон юм.

2. Батцагаанай хүбүүн Тамача, Тамачын хүбүүн Хоричар мэргэн, Хоричар мэргэнэй хүбүүн Уужам буурал, Уужам бууралай хүбүүн Сальхачау. Сальхачаугай хүбүүн Ехэ нюдэн, Ехэ нюдэнэй хүбүүн Шинсочи, Шинсочын хүбүүн Харчу.

3. Харчугай хүбүүн Боржигидай мэргэн байһан юм. Боржигидай мэргэнэй һамган Монголжин гуа, тэрээнһээ түрэһэн хүбүүн Торголжин баян. Торголжин баян Борогчин гуа һамгатаяа, Боролдайсуялби гэдэг залуу зарсатай, дааритай боро хоёр хүлэг моритой һэн. Торголжин баянай хүбүүн Дува сохор, тэрэнэй дүү Добу мэргэн байһан юм.

4. Дува сохор магнай дээрээ ганса нюдэтэй аад, гурбан нүүдэлэй газар харадаг байгаа.

5. Нэгэ үдэр Дува сохор Добу мэргэн дүүтэеэ Бурхан халдун уула дээрэ гараба. Дува сохорой Бурхан халдун дээрэһээ харахадань, Түнхэлэг горхо руу нэгэ бүлэг хүнүүд сүлөө забгүй нүүжэ ябаа һэн.

6. Дува сохор хэлэбэ: «Эдэ нүүдэлшэдэй дунда тэргэ дээрэхи бүхөөгэй урда тээ нэгэ сэбэрхэн басаган һуужа ябана. Хүнэй һамган болоогүй байгаа һаань, Добу мэргэн дүүмни, шамдаа нүхэр болгохомни» гээд, тэрэниие харахыень Добу мэргэн дүүгээ тэрээ руу эльгээбэ.

7. Добу мэргэн тэрэ нүүдэлшэдтэ хүрэжэ, үхиниие хараба. Үнэхөөр алдар нэрэ ехэтэй һайхан басаган, үшөө хүнэй һамган болоогүй. Нэрэнь Алун-гуа гэнэ.

8. Энэ үхин хори түмэдэй ноён Хорилардай мэргэнэй һамган Баргужин гуаһаа хори түмэдэй (хори буряадай) нютаг — Ариг ус гэдэг газар түрөө. Тэрэнэй эхэ Баргужин гуа холо газарай Баргужин түхүмэй эзэн Баргудай мэргэнэй үхин. Тэдэ бүлэг хүнүүд Хорилардай мэргэнэйхид байба.

9. Хорилардай мэргэн хори түмэдэй газарта булга, хэрмэ зэр-

гын ан гүрөөһэ агнахые хориходонь буруушаан муудалсажа, тэндэһээ һалажа, хорилар обогтой болоод, Бурхан халдун уулада ан гүрөөл элбэг гэжэ дуулахадаа, тэндэхи эзэн бурхан бодхоһон Шинч баян уряанхайтай уулзахаяа нүүжэ ерэһэн юм. Энэ хори түмэдэй ноён Хорилардай мэргэнэй үхин, Ариг усанда түрэһэн Алун-гуае гуйжа, Добу мэргэнэй һамган болгоһон ушарынь тиимэ юм.

10. Алун-гуа Добу мэргэндэ ерээд, Бүгүнүтэй, Бэлгүнүтэй гэжэ нэрэтэй хоёр хүбүүдые түрэбэ.

11. Дува сохор ахань дүрбэн хүбүүдтэй байгаа. Дува сохорой үхэһэн хойно тэрэнэй дүрбэн хүбүүд Добу мэргэниие абга гэжэ тоохоёо болин доромжолжо, һалажа нүүхэдээ, дүрбэд обогтон болобо.

12. Тэрэнэй һүүлээр нэгэ үдэр Добу мэргэн Тогоцог үндэр дээрэ агнажа ябатараа, ой соо нэгэ уряанхай хүнэй гунжан буга алаад, хабһа, соройень шаража байхадань уулзаба.

13. «Шараһан мяханһаа намда үгыш» гэжэ Добу мэргэнэй хэлэхэдэ, тэрэ хүн уушха зүрхыень, арһыень өөрөө абаад, бэшэ үлөөшынь Добу мэргэндэ үгэбэ.

14. Добу мэргэнэй тэрэ бугынгаа мяха абаашажа ябатар харгыдань хүбүү хүтэлһэн нэгэ ядуу хүн ушарба.

15. «Ши юун хүмши?» гэжэ Добу мэргэнэй асуухада, тэрэ хүн хэлэбэ: «Би Малиг баяуд обогой хүмби. Мүнөө ехээр ядаржа ябанаб. Энэ гүрөөһэнэйнгөө мяханһаа намда үгыш. Би энэ хүбүүгээ шамда үгэһүү».

16. Добу мэргэн зүбшөөжэ, бугын үрөөһэн гуяые тэрэ хүндэ үгөөд, хүбүүень гэртээ абаашажа зарса болгобо.

17. Тиигэжэ байтар Добу мэргэн үгы болобо. Добу мэргэнэй үхэһэнэй һүүлээр тэрэнэй бэлбэһэн һамган Алун-гуа Буха хатаги, Бухату салжи, Бодончар мунхаг гэдэг нэрэтэй гурбан хүбүүдые түрэбэ.

18. Урдань Добу мэргэнэй амиды мэндэ байха сагта түрэһэн Бэлгүнүтэй, Бүгүнүтэй гэдэг хоёр хүбүүдынь Алун-гуаһаа нюусаар иигэжэ хөөрэлдэбэ: «Манай эхэ ойро түрэлэйшье хүнгүй, эрэшьегүй һаа эдэ гурбан хүбүүдые түрөө. Гэртэмнай гансал Малиг баяуд обогой зарса хүн байна. Эдэ гурбан хүбүүд тэрэнэй гээшэ бэзэ». Иигэжэ нюусаар хэлсээшэнь Алун-гуада дуулдаба.

19. Хабарай нэгэ үдэр хониной хатаһан мяха шанажа, Бэлгүнүтэй, Бүгүнүтэй, Буха хатаги, Бухату салжи, Бодончар мунхаг табан хүбүүдтээ эдюулээд, тэдээнээ зэргэлүүлжэ һуулгамсаараа, нэгэ нэгэ нариихан мүшэр хухалагты гэжэ үгэбэ. Тэдэнь бэлээр хухалжархиба. Удаадань баһал тиимэ табан мүшэрые ниилүүлжэ баглаа болгоод, хухалагты гэжэ үгэхэдэнь, табуулаа удаа дараалан туршабашье, хухалжа шадабагүй.

20. Тиихэдэнь Алун-гуа эхэнь хэлэбэ: «Бэлгүнүтэй, Бүгүнүтэй, та хоёр намайе энэ гурбан хүбүүдые яажа түрэбэб, хэнэй хүбүүд бэ гэжэ һэжэглэн хөөрэлдэнэт. Һэжэглэхэтнайш зүб.

21. Теэд таанар ушарыень мэдэхэгүй байнат. Һүни бүри сагаан шара хүн гэрэймнай үрхэ, тотогоор гэрэл туяа сасаруулһаар нэбтэрэн орожо минии хэбэлые эльбэхэдэнь, элшэнь орожо шэнгэдэг һэн. Тэрэ хүн һара наранай туяарха үеэр шара нохой мэтэ шарбалзаһаар гаража ошодог бэлэй. Дэмы яахадаа таанар хэлсэнэбта. Тэрээнһээ бодобол, тэнгэриин хүбүүд болоно бэзэ. Хара толгойтой хүнтэй адлидхажа яажа болохоб. Хамагай хаашуул болохо сагта жиирэй хүн һаял ушарые мэдэдэг» гэбэ.

22. Баһа Алун-гуа табан хүбүүдээ һурган иигэжэ хэлэбэ: «Таанар табан хүбүүдни минии нэгэл хэбэлһээ түрэһэн бэшэ гүт. Таанар ганса гансаараа һалаа һаа, нэгэ нэгэ мүшэр шэнгеэр хүндэ бэлэхэнээр диилдэхэт. Таанар эбтэй эетэйгээр нэгэдэбэл, тэрэ баглаа болоһон табан мүшэр мэтээр бүхэжэжэ, хэндэшье бэлээр диилдэхэгүй болонот» гэбэ. Тиигэжэ байтараа Алун-гуа эхэнь үгы болобо.

23. Эхэ Алун-гуагай үхэһэнэй һүүлээр аха дүүнэр табуулаа адуу малаа хубааха боложо, Бэлгүнүтэй, Бүгүнүтэй, Буха хатаги, Бухату салжи дүрбүүлээ зөөриеэ хубаажа абаад, дүү Бодончар мунхагаа ураг түрэл гэжэ тоолонгүйгөөр адуу малһаа хуби хүртээбэгүй.

24. Бодончар ураг түрэл гэжэ тоологдохогүйдөө, «эндэ юу хэжэ һуухабиб» гээд, голдоо дааритай, годли һүүлтэй орог-шонхор морёо унажа, «үхөө һаа үхүүжэб, амидараа һаа амидаруужаб» гээд, Онон мүрэн руу зорижо ошобо. Тэндэ Балжиин арал гэдэг газар хүрэжэ, үбһэн шохогор гэр барижа һууба.

25. Тиигэжэ байтараа хара хура шубууе боро харсагын барижа эдихые үзэжэ, голдоо дааритай, годли һүүлтэй һаарал мориной-нгоо хилгааһаар урьха хэжэ, тэрэ боро харсагые барижа асарба.

26. Бодончар эдихэ юумэгүй тула шонын жалгада туужа оруулһан гүрөөһэ маряажа харбан алажа эдидэг гү, али шонын эдиһэн һэеые оложо гэдэһээ дүүргэһээр, харсагаа тэжээһээр он жэл гаргаба.

27. Хабар боложо, нугаһанай ерэхэ сагта харсагаа һойжо табяад, галуу, нугаһа олоор алажа эдижэ үл залгадаг болобо.

Мүшэр бүриһөө
Мүсэ гуя үлгэжэ,
Хуурай гозуулиһаа
Хоёр гурбан шубуу үлгэһэниинь илзарха болобо.

28. Бүтүү модотой уулын саанаһаа нэгэ бүлэг хүнүүд Түнхэлэг горхо руу нүүжэ ерэбэ. Бодончар харсагаа табин үдэр бүри тэдэ хүнүүдтэ ошожо сэгээ гуйжа уугаад, һүни үбһэн шохогор гэртээ ерэжэ хонодог байба.

29. Тэдэ хүнүүдэй Бодончарай харсагые эрихэдэнь үгэбэгүй. Ерэһэн улад Бодончарые хэн юун хүн бэ гэжэ асуунагүй, Бодончар баһа тэдэ уладые юун зомта гэжэ һурадаггүй байба.

30. Гэхэ зуура Буха хадаги ахань Бодончар мунхаг дүүгээ энэ Онон мүрэн руу ошоо гэжэ бэдэрһээр Түнхэлэг горхондо нютаглаһан тэдэ уладта хүрээд, тиимэ моритой, тиимэ хүн үзэгдөөгүй гү гэжэ һурагшалба.

31. Тэдэ хүнүүд хэлэбэ: «Үдэр бүри нэгэ хүн манда ерэжэ сэгээ уугаад ошоно. Тэрэ хүн, унаһан мориниишье шинии һурадагтай адли байна. Тэрээндэ нэгэ харсага бии. Тэрэнэй һүниндөө хаана хонодогые мэдэнэгүйбди. Баруун хойноһоо һалхинай үлеэбэл, тэрэнэй харсагаараа барюулһан нугаһа, галуунай үдэ һодонь саһан мэтээр бутаржа хиидэн ерэдэг. Тухайлхада, тэрэнэй гэр холо бэшэ бэзэ. Одоо тэрэнэй ерэдэг хаһа болоо. Ойр зуура тэсэжэ хүлеэ» гэбэ.

32. Удангүй Түнхэлэг горхо өөдэ нэгэ хүнэй яаран ябахань харагдаба. Хүрэжэ ерэхэдээ Бодончар мүн байба. Буха хатаги ахань танижа абаад, Онон мүрэн өөдэ дахуулан дабхиба.

33. Бодончар Буха хатаги ахынгаа хойноһоо дахан хатаруулхадаа хэлэбэ: «Ахаа, аха, хүн ахатайдаа, дэгэл захатайдаа һайн». Ахань энэ үгыень хайхарбагүй.

34. Бодончар энэ үгэеэ хоёрдохи удаагаа дабтаба, ахань харюу үгэбэгүй. Үгэеэ гурбадахяа хэлэхэдэнь, ахань харюусаба: «Ши энэ үгэеэ юундэ дахин дахин дабтанабши?».

35. Бодончар урдаһаань хэлэбэ: «Һаяын тэрэ Түнхэлэг горхоной хүн зон эзэнгүй, ехэ бага, һайн муу илгаагүй, толгой бүхэниинь нэгэн адли сасуутан байна. Иимэ хялбар хүнүүд хадань тэдэниие бидэ эзэлжэ абая».

36. Ахань хэлэбэ: «За, тиимэ һаань гэртээ хүрэжэ, аха дүүнэртэйгээ зүблэжэ, тэдэ уладые эзэлээ» гэбэ.

37. Гэртээ хүрөөд, аха дүүнэртээ хэлсэжэ мордобод. Түрүүлэн хинагшадые, мүн Бодончарые ябуулба.

38. Бодончар түрүүлэн ябажа нэгэ жэрмэһэн эхэнэрые барижа: «Ши юун хүмши?» гэжэ асуухадань, тэрэнь урдаһаань: «Би жарчиуд аданхан уряанхайн хүнби» гэбэ.

39. Тэндэһээ аха дүүнэр табуулаа тэдэ уладта добтолжо, адуу малыень абаад, хүн зонииень зарсанар болгобо.

40. Тэрэ жэрмэһэн эхэнэр Бодончарта ерэжэ, хүбүү түрэбэ. Тэрэниие хари обогой хүбүүн гэжэ Жажардай гэжэ нэрлэбэ. Жадаранай үбгэн эсэгэнь тэрэ болобо. Тэрэ Жажирдайн хүбүүн Ту-

гудай нэрэтэй һэн. Тугудайн хүбүүн Бурьбулчиру. Бурьбулчиругай хүбүүн Хархадаан. Хархадаанай хүбүүн Жамууха. Жадаран обогтон тэдэ болобо. (Жада гэдэгынь хари бусад гэһэн үгэ болоно).

41. Тэрэ эхэнэр Бодончарһаа нэгэ хүбүү түрэбэ. Тэрэнииe барижа абаһан эхэнэрэй хүбүүн гээшэ гэжэ Бааръдай гэжэ нэрлэбэ. Бааринай үбгэ эсэгэнь тэрэ болобо. Бааръдайн хүбүүн Зүтгэлбүхэ. Зүтгэлбүхын олон һамга абаһан тула манан мэтэ элбэг хүбүүд түрэбэ. Манан баарин обогтон тэдэ болобо.

42. Бэлгүнүтэйһээ бэлгүнүд обогтон, Бүгүнүтэйһээ бүгүнүд обогтон болобо. Буха хатагиһаа хатагин обогтон, Бухату салжиһаа салжид обогтон болобо. Бодончарһаа боржигин обогтон болобо.

43. Бодончарай түрүүшын һамганһаа гараһан хүбүүн Барим ширату Хабич нэрэтэй һэн. Тэрэ Хабич баатарай эхын энжэдэ ерэһэн эхэнэрые Бодончар хуулита бэшэ гэргэн болгожо, нэгэ хүбүү түрэхэдэнь, Жаурьдай нэрэ үгэбэ. Бодончар амиды байха сагтаа Жаурьдайе тайлга тахилгада орохо эрхэтэй болгобо.

44. Бодончарай үгы болоһон хойно тэрэ Жаурьдайе гэртэ гансал аданхан уряанхадай хүн байһан тула тэрэнэй хүбүүн гэжэ тайлгаһаа үлдэжэ гаргаба. Тэрэ Жэүрэдэй үбгэ эсэгэ болобо.

45. Хабич баатарай хүбүүн Мэнэн тудун. Мэнэн тудунай хүбүүд Хачи хүлүг, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харалдай, Начин баатар долоон байһан юм.

46. Хачи хүлүгэй хүбүүн Хайду, Намулун эхэһээ түрэһэн юм. Хачинай хүбүүн Ноёгидай. Ноён шэнги абари зантай тула ноёхон обогтон болобо. Хачаугай хүбүүн Баруладай нэрэтэй һэн. Томо бэетэй, эдеэ хоол барихадаа хомхой хобдог тула Барулас обогтон болобо. Хачулагай хүбүүн баһа эдеэ хоол барахадаа хобдог тула ехэ барула, бага барула гэдэг хошон нэрэтэй боложо, саашадаа эрдэмтэ барула, тодойн барула түрүүтэй барулас обогтон болобо. Харалдайн хүбүүд будаа мэтэ эхи захагүй худхалдадаг тула будаад обогтон болобо. Хачиунай хүбүүн Адар-хидай. Аха дүүнэрэй дунда адаряатай, хэрүүлтэй байдаг тула адархин обогтон болобо. Начин баатарай хүбүүд Уруудай Мангудай хоёр. Урууд, мангуд обогтон болобо. Начин баатарай түрүүшэ һамганһаа гараһан хүбүүд Шижуудай Доголдай хоёр һэн.

47. Хайдугай хүбүүд Байшинхор дошхон, Чирхай лянхуа, Чаужин үртэгэй гурбан. Байшинхор дошхоной хүбүүн Тумбинай сэсэн. Чирхай лянхуагай хүбүүн Сэнгүн билэг, амбагайтан тайчууд обогтон болобо. Чирхай лянхуа ахынгаа гэргэнээр һамга хэжэ, нэгэ хүбүү түрүүлбэ. Нэрэнь Бэсүдэй гэнэ. Бэсүд обогтон болобо. Чаужин Үртэгэй зургаан хүбүүдтэй, нэрэнь: Оронар, Хонхотан,

Арулад, Сонид, Хабтурхас, Хэнигис гэдэг тула иимэ обогтон болобо.

48. Тумбинай сэсэнэй хүбүүд Хабул хаан Сэмсэчүлэ хоёр. Сэмсэчүлын хүбүүн Бүлтэхү баатар. Хабул хаан долоон хүбүүдтэй. Тэдэнэй нэрэнь: Охинбархаг, Бартан баатар, Хутугту Монхор, Хутула хаан, Хулан, Хадаан, Тодойн отчигин гэнэ.

49. Охинбархагай хүбүүн Хутугту Жүрхи. Хутугту Жүрхиин хүбүүд Сэчэбэхи Тайчу хоёр. Тэдэ жүрхи обогтон болобо.

50. Бартан баатарай хүбүүд Мэнгиту хиан, Нэгүүн тайжа, Есүхэй баатар, Даридай отчигин эдэ дүрбэн. Хутугту Монхорой хүбүүн Бүри бүхэ. Онон мүрэнэй шугыда хуримаа хэжэ байхадань (Чингисэй дүү) Бэлгүтэйн мүрые тэрэ taha сабшаhан юм.

51. Хутула хаанай хүбүүд Зочи, Хирмау, Алтан гурбан. Хулан баатарай хүбүүн Ехэ Чэрэн. (Ехэ Чэрэнэй богоол) Бадай Хишлиг хоёр (Чингисэй үедэ) Дархадай ноёд болобо. Хадаан Тодойн хоёр үрэ хүүгэдгүй байгаа.

52. Хамаг Монголые Хабул хаан захиржа байба. Хабул хаан долоон хүбүүдэйнгээ байhаар байтар Сэнгүн билгээгэй хүбүүн Амбагайе хамаг Монголой хаан болгохоор хэлэhэн байгаа.

53. Буйр Хүлэн хоёр нуурые холбожо урдаhан Оршуун мүрэндэ айргууд, буйргууд обогой татаар аймаг нютаглана. Тэдэндэ Амбагай хаан үхинөө үгэжэ, өөрөө басага хүргэжэ ошоод, татаарта баригдаба. Татаарнууд Амбагай хааниие барижа, Хитадай Алтан хаанда хүргэбэ. Бэсүд обогой Балхачи гэдэг хүниие элшэ болгожо, Амбагай хаанай хэлэhэниинь: «Хабул хаанай долоон хүбүүдэй дундахи Хутулада, минии арбан хүбүүдэй дундахи Хадаан тайжада ошожо хэлэ. Хамагай хаан, уласай эзэн болоод байхадаа нам шэнги басагаяа өөрөө үдэшэжэ хүргэхээ сээрлэгты! Би татаар аймагта баригдабаб. Табан хурганайнгаа хюмhанай хэмхэртэр, арбан хурганайнгаа барагдатар минии түлөө үhөөгөө абахые оролдогты» гэжэ эльгээбэ.

54. Тэрэ үедэ Есүхэй баатар шубуу агнажа ябаха зууpаа олхоноуд аймагhаа hамга абаад бусажа ябаhан мэргидэй ехэ Чилэду гэдэг хүнтэй уулзажа, тэрэнэй эхэнэрые тонгойжо харахадань, үзэсхэлэнтэ hайхан хатан байба. Есүхэй баатар гэртээ дабхижа ерээд, аха Нэгүүн тайжа, дүү Даридай отчигин хоёроо дахуулан мордожо, ехэ Чилэдүүе хүсэжэ ошобо.

55. Тэрэнь айжа хурдан ухаа моринойнгоо гуяые ташуурдажа, уулын үбэрөөр зугадаба. Тэрэниие гурбуулаа субалдаhаар намнахадань, саашаа тэрьедэhээр нэгэ хушуу тойроод, эрьежэ тэргэдээ хүрэжэ ерэхэдэнь Оэлүн үжин (фүжин гэжэ хитадаар хатаниие хэлэнэ) иигэжэ хэлэбэ: «Тэрэ гурбан хүнэй бодолые ши мэдэбэ гүш? Тэдэнэй шарай hэжэглэмээр байна. Шинии аминда хоро хүргэжэ болохо. Амиды мэндэ үлдөө hаа, эхэнэрые олоходо бэр-

хэтэй бэшэ. Мухалай бүхэндэ үхид бии. Тэргэ бүхэндэ хатад бии. (Нам шэнги сэбэр эхэнэр олдохо. «Алтан тобшоһоо»). Хэрбээ намайе һанаа һаа, дахин абаһан һамгаяа минии нэрээр нэрлээрэй. Одоо амияа аршала. Минии үнэрые үнэрдэжэ ябаарай» гээд үмдэжэ ябаһан самсаа тайлажа үгэбэ. Ехэ Чилэдү тэрэ самсыень морин дээрэһээ тонгойжо абахатайнь адли, нүгөө гурбан тэрэ хушууе тойрон дүтэлжэ ябаба. Чилэдү хурдан ухаа моринойнгоо гуяые ташуурдажа яаран Онон мүрэн өөдэ зугадаба.

56. Тэрэниие гурбуулаа хойноһоонь намнажа, долоок дабаа дабатараа үлдөөд, Оэлүн үжиниие абажа, Есүхэй баатар жолоодон хүтэлжэ, аха Нэгүүн тайжа түрүүлжэ, дүү Даридай отчигин хажуудань дахажа (тэмээень туужа. «Алтан тобшоһоо») ябаба. Энэ үедэ Оэлүн үжин хэлэбэ: «Минии эрэ Чилэду,

Һэрюун һалхинда
Һэбхэгэр үһэеэ хиидхэжэ,
Хээр хүдөөдэ

Хэрхэн үлэдэжэ яажа зобохобши? Одоо би хоёр һэбэрхэй үһэеэ хойшо урагшань унжуулжа яажа ошохобиб?» гээд Онон мүрэнэй долгилтор, ой шугын ганхатар ехэ шангаар уйлахадань, [Даридай отчигин хажууһаань иигэжэ хэлэбэ:

«Тэбэрихэ хайрата эрэшни
Тэрэ саадахи дабаа дабаба.
Уйдажа һанаха эрэшни
Уһан голые гаталба.
Хайлажа уйлабашье,
Хаража шамайе шадахагүй.
Хайшаашье бэдэрээ һаа,
Хаалга замынь олдохогүй.
(Гурбан гол гаталба.
Гурбан гурба дабуулба.
Хайбал мүргүй,
Харабал бараагүй,
Хайлабал шэмээгүй. Чи. Цэ).
Дуугай боло»

гэжэ ойлгуулба Оэлүн үжиниие Ехүсэй баатар тиигэжэ гэртээ абаашажа, һамган болгоһон ушарынь иимэ байгаа.

57. Амбагай хаан баригдаад, Хадаан Хутула хоёрой нэрые зааһан хадань хамаг монгол, тайчууднар Онон мүрэнэй Хорхонагай хүнды гэдэг газар сугларжа хэлсээд, Хутулые хаан болгобо. Монголой жаргалан-хатар зугаа, хурим наада хэбэ. Хутулые хаан болгон үргэмжэлөөд, Хорхонагай һаглагар модод доро хабирга газарай халсартар, үбдэг газарай үлтиртэр хатар наада хэжэ зугаалбад.

58. Хутула хаан болоод, Хадаан тайжатай хоюулаа татаар уладһаа үһөөгөө абахаар мордобод. Татаарай Хотон бараг Жали буха хоёртой арбан гурба удаа байлдабашье, Амбагай хаанай үһөөе һайса абажа шадабагүй.

59. Тэрэ үедэ Есүхэй баатар татаарай Тэмүүжин-үгээ, Хорибуха зэргын татаар уладые барижа ерэхэдэнь, жэрмэһэн байһан Оэлүн үжин Ононой Дэлюун болдог гэдэг газарта Чингис хааниие түрэбэ. Чингис түрэхэдөө, баруун гартаа шагайн шэнээн нүжэ адхаад гараһан юм. Татаарай Тэмүүжин-үгээе барижа ерэхэ сагта тохёолдожо түрэһэн хадань Тэмүүжин нэрэ үгэбэ.

60. Есүхэй баатарай Оэлүн үжинһөө Тэмүүжин, Хасар, Хачиун, Тэмүгэ дүрбэн хүбүүд түрэбэ. Баһа Тэмүлүн нэрэтэй нэгэ үхин гараба. (Есүхэй баатарай нүгөө һамган Сочигэл эхэһээ Бэгтэр Бэлгүтэй хоёр хүбүүд түрэһэн юм. «Алтан тобшоһоо»). Тэмүүжинэй юһэн наһатай байхада Зочи-Хасар долоон наһатай, Хачиун алчи табан наһатай, Тэмүгэ отчигин (одхониинь галай хаан, гуламтын эзэн гэһэн үгэ болоно) гурбан наһатай, Тэмүлүн үлгытэй байһан юм.

61. Есүхэй баатар Тэмүүжинэй юһэн наһатай байхада, Оэлүн эхынь түрхэм олхуноуд угай айлда хүбүүнэй нагасанарһаа үхин гуйя гэжэ Тэмүүжинине абаад ошобо. Ябаха замдаа Цэгцэр Чихургу гэдэг газарай хоорондо Хонгирадай Дэй сэсэнтэй уулзаба.

62. Дэй сэсэн һураба: «Есүхэй худа, хаана хүрэхөөр зорижо ябанабта?» Есүхэй баатар хэлэбэ: «Минии хүбүүнэй нагаса олхуноуд иргэнһээ үхин гуйха гэжэ ябанабди». Дэй сэсэн хэлэбэ: «Энэ хүбүүншни нюдэндөө галтай, нюуртаа гэрэлтэй хүбүүн байна.

63. Есүхэй худа, би энэ һүни нэгэ зүүдэ харабаб. Сагаан шонхор шубуун нара һара хоёрые адхан ниидэжэ ерээд, минии гар дээрэ бууба» гэжэ зүүдэлээб. Нара, һарые бидэ нюдөөрөө харадаг гээшэлди. Гэбэшье нара, һарые шонхор шубуун адхажа минии гар дээрэ буухань гайхалтай. Ямар һайхан ушар тохёолдохо болобоб. Би бусадта дуулгааб. Есүхэй худа, хүбүүгээ дахуулжа ерэһэншни үнэхөөрөө минии зүүдэнэй тайлбари болобо. Танай хиад аймагай һүлдэ ерэжэ, зүүдээр дохёо үгэбэ гээшэ бэзэ.

64. Манай хонгирад хэдынһээ хойшо бусадай нютаг, хүниие буляан тэмсэлдэдэггүй.

Хариин уладые добтолонгүй,
Хасар һайхантай үхидөө
Хасаг тэргэдэ һуулгажа,
Хара буура хүллэжэ,
Хатаруулан абаашажа,
Хаан болоһон таанарай

Хатан һуурида дэбжүүлжэ
Хамта һуулгадаг,
Өөрэ эрхэтэнтэй тэмсэнгүй,
Үнгэ һайхан үхидөө
Һандалитай тэргэдэ һуулгажа,
Һаарал буура хүллэжэ,
Үүсхэн абаашаад,
Үндэр һуури эзэлэгшэдэй
Үрөөлэ хани болгодог.

Манай хонгирад хэзээнһээ хойшо хасар һайхан хатадтай, үнгэ һайхан үхидтэй тула зээгэй зүһөөр, үхидэй үнгөөр ябадаг.

65. «Нугын хүүгэд нютагаа эзэмшэхэ. Үхин хүүгэд үнгэ шэлэгдэхэ. Есүхэй худа, минии гэртэ ошо. Намда бишыхан үхин бии. Та ошожо харагты» гэжэ Дэй сэсэн хэлээд, Есүхэйе гэртээ дахуулан абаашаба.

66. Есүхэй худа үхинииень хаража, нюуртаа гэрэлтэй, нюдэндөө галтай үхин байхадань һанаандань таараба. Тэрэнэй нэрэ Бүртэ гэнэ. Тэмүүжинһээ нэгэ наһа аха, арбатай байба.

Дэй сэсэнэй гэртэ хоноод, үглөөндэнь үхинииень гуйхадань, Дэй сэсэн иигэжэ хэлэбэ: «Олон удаа гуйлгажа үгэбэл эрхимдэ сэгнэгдэхэ, үсөөн удаа гуйлгажа үгэбэл доромжологдохо гэдэгшье һаань, үхин хүнэй заяа түрэһэн үүдэндээ үтэлхэгүй тула үхинөө үгэе. Ши хүбүүгээ хүрьгэн болгожо манай гэртэ үлөө» гэбэ. Тиихэдэнь Есүхэй баатар иимэ харюу үгэбэ: «Би хүбүүгээ орхихоб. Минии хүбүүн нохойһоо сошомхой юм. Эрхим худа, ши минии хүбүүе нохойһоо бү сошоогоорой!» гээд хүтэлжэ ябаһан морёо бэлэг үгэжэ, Тэмүүжинээ орхёод, Есүхэй баатар бусаба.

67. Есүхэй баатар Цэгцэрэй шара талада ябажа байтараа, татаар уладай хурим хэжэ байхадань дайралдаад, амаа сашгаад ябаһан тула тэндэ бууба. Татаарнууд Есүхэйе танижа, «Эрхим Есүхэй ерэбэ» гэлдэжэ хуримда һуулгаад, урдын дайлагдаһан үһөөгөө һанажа, нюусаар хэлсэн, хоол соонь хоро холижо үгэбэ. Есүхэй тэндэһээ мордожо ябаха замдаа бэень муудажа, гурбан хоног арай гэжэ ябаад, гэртээ хүрэбэ.

68. Есүхэй хэлэбэ: «Минии зосоо муу байна. Дэргэдэмни хэн байнаб?» гэжэ асуугаад, «хонхатанай Чирха үбгэнэй хүбүүн Мэнлиг ойрошни байна» гэхэдэнь, тэрэнииe дуудажа захиба: «Хүбүүмни, Мэнлиг, ши соносо. Минии хүбүүн балшар ябана. Тэмүүжин хүбүүгээ урагтань орхёод ерэхэ замдаа татаарнуудта хорлогдобоб. Зосоомни муу байна. Үншэн үлдэһэн дүүнэрээ, ахынгаа бэлбэһэн һамгые харалсахаяа мэдээрэй. Тэмүүжин хүбүүе ошожо түргөөр асара! Хайратай Мэнлигни!» гээд наһанһаа нүгшэбэ.

II. Чингисэй эдир наһан

69. Мэнлиг Есүхэй баатарай захиһан ёһоор Дэй сэсэндэ ошоод хэлэбэ: «Есүхэй аха Тэмүүжинииe ехээр һанажа хараха хүсэлтэй байхадань абаашахаяа ерэбэб» гэбэ. Дэй сэсэн иимэ харюу үгэбэ: «Худынгаа хүбүүн тухайгаа һанаата болоо хадань ябуулая. Харин удангүй гэдэргэнь ерүүлхэ хэрэгтэй» гэбэ. Энэ үгыень дуулаад, Мэнлиг Тэмүүжинииe гэртэнь абажа ерэбэ. (Есүхэй баатарай тэнгэридэ ошоһондонь Тэмүүжин газарта хэбтэжэ байгаад гасалхадань, хонхотанай Чирха тэрэнииe һэргээхэ гэжэ идхан иигэжэ ойлгуулба:

«Тула загаһан мэтэ юундэ
Тулгардан гасална гээшэбши?
Торгон сэрэгээ бэхилэе гэжэ
Томоотой үгээ хэлсэһэмнай дээрэ гү?
Уһанай загаһан мэтэ юундэ
Уяран гасална гээшэбши?
Улас түрэеэ байгуулая гэжэ
Ушартай үгые хэлсэһэмнай дээрэ гү?» гэжэ хэлэхэдэнь, уйлахаяа болиһон гэдэг. «Алтан тобшоһоо»).

70. Тэрэ хабар Амбагай хаанай хатан Орбай Сохатай хоёр ехэшүүлэй газарта (үбгэдэй хүүрые хүдөө табидаг газар) тайлгын эдеэ үргэхэдэ, Оэлүн үжинэй хожомдожо ошоһон тула тайлгын эдеэнэй хубаариһаа хүртээбэгүй. Орбай Сохатай хоёрто Оэлүн үжин хэлэбэ: «Есүхэй баатарые үхэбэ гэжэ, хүбүүемни балшар гэжэ тайлгын хэшэгэй архи һархагһаа хүртээбэгүй гээшэ гүт? Нюдөөрөө уулзахадаа үгэхэгүй, нүүжэ ошоходоо хэлэхэгүй болобо хаяат таанар».

71. Тэрэ үгэдэнь Орбай Сохатай хоёр хатан иигэжэ харюу үгэбэ:

«Урижа шамда үгэхэ ёһогүйбди,
Ушарбал ши эдихэ ёһотойш!
Хүргэжэ шамда үгэхэ ёһогүйбди,
Хүртэбэлынь ши эдихэ ёһотойш!

Амбагай хаан үхөөд, Оэлүндэ иимээр хэлэгдэхэ болобобди.

72. Мүрыень оложо, эдээнэй эхэ, хүбүүдыень нютагтань орхижо нүүе. Бү абажа ябая» гэбэ. Тэрэнэй үглөөдэр тайчуудай Таргудай—Хирилтуг, Тодойн—Гиртэнэр Онон мүрэн руу зөөжэ гараба. Оэлүн үжин хүбүүдтэеэ хамта орхигдоходонь, хонхотанай Чирха үбгэн нүүжэ ябагшадта ошожо, бурууень ойлгуулхые оролдобо. Тиихэдэнь Тодойн Гиртэ:

«Сээлэй уһан шэргэбэ,
Сэгээн шулуун хахарба» гээд, Чирха үбгэнэй үгые

хайхарангүй, саашаа нүүжэ, «Ши иигэжэ идхахабши!» гэжэ тэрэ үбгэнэй зоо нюрга руу жадаар хадхан намнаба.

73. Чирха үбгэн шархатай боложо гэртээ ерээд зобожо хэбтэхэдэнь, Тэмүүжин уулзахаяа ерэбэ. Хонхотанай Чирха үбгэн Тэмүүжиндэ хэлэбэ: «Һайн эсэгыншни суглуулһан уладай таража нүүхэдэнь ойлгуулха гэжэ ябаһаар иигэжэ жадаар хадхуулбаб» гэхэдэнь, Тэмүүжин уйлажа гараба. Оэлүн үжин өөрөө туг барижа мордоод, орхижо нүүһэн хүнүүдэй заримыень бусаажа асарба. Гэбэшье бусажа ерэһэн уладууд баһа тогтоогүй, тайчуудай хойноһоо нүүбэ.

74. Иигэжэ тайчууд аха дүүнэр бэлбэһэн Оэлүн үжиниие бишыхан хүбүүдтэйнь хамта нютагтань орхижо нүүһэн юм.

Оюун ухаатай Оэлүн эхэ
Оёдолто дэгэлээ тааруулан үмдэжэ,
Охотор хормойгоо шуун бүһэлжэ
Онон мүрэниие үгсэжэ уруудажа,
Үлир мойһо түүжэ ябажа,
Үрбэгэрхэн хүбүүдээ хайрлан тэжээжэ
Үдэр һүниие аргаа олон үнгэрүүлбэ.
Шадалтай түрэһэн үжин эхэ
Шаантагтай гаһана барин ябажа,
Сабшахаар газарые үгсэжэ уруудажа,
Һүдэ гэшэгэнээнэй үндэһэ малтажа,
Һүни үдэрые хатуужан үнгэрүүлжэ
Суута хүбүүдээ тэжээн үсхэбэ.
(Хатан түрэһэн үжин эхэ
Хайлааһан шоро барин ябажа,
Халдун уулые үгсэжэ уруудажа
Хабиин мангирые малтан түүжэ,
Хаашуул хүбүүдээ хайрлан тэжээжэ
Ханатар садатар эдюулжэ үсхэбэ. «Алтан тобшоһоо»).

75. Гоё түрэһэн Оэлүн эхэ
Гохо дэгээ барин ябажа,
Гол газарые үгсэжэ уруудажа,
Гоогол мангирые түүн ябажа
Гомдолгүй хүбүүдээ тэжээжэ үсхэбэ.
Заршамтай түрэһэн үжин эхын
Залаатай түмһөөр тэжээһэн хүбүүд
Засагтан сайд боложо үдэбэ.
Гоё түрэһэн үжин эхын
Гоогол мангираар тэжээһэн хүбүүд
Хутагтан сайд боложо үдэбэ.
Эхэ үжинэй тэжээһэн хүбүүд
Эзэн сайд болон үдэжэ,

Эршэ зориг түгэлдэр боложо,
Эхэ Ононойнгоо эрьедэ һуужа,
Үлгүүр гохо уһанда хаяжа,
Үймэһэн загаһа шүүн барижа,
Үргэһэн эхэеэ тэжээхэ болобо.
Заршамта үжинэй тэжээһэн хүбүүд
Засагта эрэшүүл болон үдэжэ,
Замагтай уһые шүүрдэн байжа,
Загаһа жараахай гоходон барижа,
Заяата эхэеэ тэжээхэ болобо.

76. Нэгэ үдэр Тэмүүжин, Хасар, Бэгтэр, Бэлгүтэй дүрбүүлэн хамта һуужа, загаһа гоходоходонь, нэгэ сайбар загаһан гоходонь торобо. Тэмүүжин Хасар хоёрһоо Бэгтэр Бэлгүтэй хоёр тэрэ загаһые буляажа абаба. Тэмүүжин Хасар хоёр гэртээ ерэжэ үжин эхэдээ хэлэбэ: «Нэгэ сайбар загаһа гоходо орохониинь Бэгтэр, Бэлгүтэй аха дүүнэр хоюулаа буляажа абаба» гэхэдэнь, үжин эхэнь хэлэбэ: «Таанар нэгэ эсэгын хүбүүд байтараа, юундэ тиигэжэ химаралданабта? Одоо һүүдэрһээ ондоо нүхэргүй, һүүлһээ ондоо ташуургүй байһанаа мэдэнэ бэзэт. Иимэ байхадаа, бидэ тайчууднарһаа яажа үһөөгөө абажа шадахабибди? Урдын Алун эхын табан хүбүүд мэтэ яагаад эб эегүй болобобта? Таанар бэтэгэй тиигэгты» гэбэ.

77. Тэндэһээ Тэмүүжин Хасар хоёр буруушаан иигэжэ хэлэбэ: «Үсэгэлдэр нэгэ булжамуур харбажа алаһамнай тэдэ буляажа абаа һэн. Энэ үдэр баһа дахин буляагаа. Иимэ хадань эдээнтэй хамта яажа амидархабибди» гээд гэрэйнгээ үүдые шангаар хаяад гаража ошобо. Бэгтэрэй добо дээрэ юһэн шарга моридоо харюулжа һуутар, Тэмүүжин хойноһоо, Хасар урдаһаа нюусаар номоёо дэлижэ байхадань, Бэгтэр обёороод хэлэбэ: «Тайчууд аха дүүнэрэй хоро шарые үзөөд, үһөөгөө дууһан абажа шадаагүй байтараа, таанар намайе яажа нюдэнэй һорьмоһон, аманай бөөлжэһэн болгохо гээбта? Одоо һүүдэрһээ ондоо нүхэргүй, һүүлһээ ондоо ташуургүй байтараа юундэ иигэжэ байнабта? Гуламтыемни бү һандаргагты, Бэлгүтэйе бү хорлогты» гээд забилан һуужа тэсэмгэй хүлеэбэ. Тэмүүжин Хасар хоёр хойно урдаһаань харбажа алаад ошобо.

78. Тэмүүжин Хасар хоёрой гэртээ ерэжэ ороходо, үжин эхэ хоёр хүбүүдэйнгээ шарай харамсаараа, дары ушарыень мэдэжэ хэлэбэ:

«Ханияа хорлогшод,
Эжэлээ эдигшэд
Халуун хэбэлһээ гарахадаа
Хара нүжэ адхан түрөө бэлэйт.
Хабиргаа хазаха

Хара нохой мэтэ,
Хадада добтолхо
Харсага шонхор мэтэ,
Ууpаа даран ядаха
Омог арсалан мэтэ,
Амидые залгиха
Аюулта мангас мэтэ,
Һүүдэртээ добтолхо
Һүрхэй араатан мэтэ,
Шүүрэн залгиха
Сурхай загаһан мэтэ,
Ботого торомой
Борбиие хазаха
Уурлаһан буура мэтэ,
Бороото үдэр
Добтолон халдаха
Үлэн шоно мэтэ,
Нилха үрэеэ
Тэсэн ядажа
Низалан эдихэ
Нүгэлтэ ангир мэтэ,
Хэбтэрииень хүдэлгэбэл
Гэдэргэ добтолхо
Хэрзэгы шоно мэтэ,
Барижа эдихэ
Барас арсалан мэтэ
Балмад амитад гүт.
Һүүдэрһээ ондоо нүхэргүй,
Һүүлһээ ондоо ташуургүй
байхада, тайчууднарай хоро шарые даагаад, үһөөгөө хэн яажа абахаб гэжэ байхада, таанар юундэ иимэ хэрэг хэбэбта?» гэжэ эртэнэй үгые эшэ татажа, үбгэдэй үгые үндэһэн болгожо, хүбүүдээ ехэтэ буруушаан зэмэлбэ.

79. Тиигэжэ байтар тайчуудай Таргудай—Хирилтуг шадар нүхэдөө дахуулжа, «хурьганай үһэн гуужаба, түлгэнэй бэе түлжэбэ» (Оэлүнэй хүбүүн тэнжэбэ) гэжэ добтолхоёо ерэбэ. Тэдээнһээ айжа, Оэлүн үжин хүбүүдтэеэ хамта ой шугы руу зугадаба. Бэлгүүтэй модо хухалжа, шэбээ бариба. Хасар харбан байлдажа, Хачиун Тэмүгэ Тэмүлүн гурбаһай уулын хабшалда хоргодоод байхада, тайчууд хашхаран хэлэбэ: «Тэмүүжин ахаяа гаргажа үгэгты. Бэшэнтнай хэрэггүй» гэжэ дуулахадаа, Тэмүүжиниие һэмээхэн хоргодуулан ой руу ябуулба. Энээнииень тайчууд мэдээд бэдэрхэдэнь, Тэмүүжин Тэргүүн үндэрэй шугыда шурган оробо. Тайчууд нэбтэрэн орожо шадангүй, хүреэлээд һахиба.

80. Тэмүүжинэй шугы соо гурба хоноод, одоо хария гэжэ морёо хүтэлөөд ябахадань, моринһоонь эмээлынь мултаран унаба. Эрьежэ харахадань, эмээлэйнь олом, хүмэлдэргэ хэбээрээ аад, мултарһан байба. «Олом мултаржа болохошье һаа, хүмэлдэргэ яагаад мултархаб? Тэнгэри һаатуулжа байгаа болобо гү?» гэжэ баһа гурбан хоног хүлеэбэ. Дахин гараха гэжэ ябахадань, шугыһаа гараха замыень гэрэй шэнээн сагаан шулуун бүглөөд хэбтэжэ байба. «Тэнгэри һаатуулжа байгаа болобо гү?» гэжэ бусаад, баһа гурба хонобо. Хамта юһэн хоног хоолгүй байжа, «иигэжэ дэмы үхэнхаар, эндэһээ гарая» гээд, зам бүглэн унаһан гэрэй шэнээн сагаан шулууе тойрон гаража, һаад болоһон модые хутагаараа отолоод, морёо хүтэлжэ гарамсаарнь, тайчууд угтаад барижа абаба.

81. Тэмүүжиниие Таргуудай-Хирилтуг барижа, өөһэдынхидтээ абаашаад, зонхилон шиидхэжэ, айл бүхэндэ нэгэ-нэгэ хонуулан зайлгажа ябаба. Зунай түрүүшын һарын арбан зургаанай улаан тэргэд үдэр тайчууд Ононой эрье дээрэ найр наада хэжэ, нара шэнгэхэдэ тараба. Тэрэ найр нааданай үедэ Тэмүүжиниие нэгэ хилбар дорой хүбүүн асараад һахижа байба. Нааданда сугларһан зоной тарамсаарнь, тэрэ ахир дорой хүбүүнэй толгойе модон дүнгөөр нэгэ удаа сохёод гүйжэ, «Ононой шугы соо хэбтэбэл олдохо бэзэб» гэжэ тогтомол татуур уһан соо ороод гэдэргээ хаража, тэрэ дүнгөө уһа руу урадхан, гансал нюураа бултайлгаад хэбтэбэ.

82. «Баригдаһан хүниие алдабаб» гэжэ тэрэниие һахижа байһан хүнэй ехэ шангаар хашхархада, тараһан тайчууд сугларан ерэжэ, үдэр шэнги һаруул һүни Ононой шугы соогуур бэдэрбэ. Татуур уһан соо хэбтэжэ байһан Тэмүүжинтэй сүлдүсэнэй Сорхон-шар гэнтэ сэхэ дайралдаад хэлэбэ: (Уһанда оро сараагүй, огторгойдо мүргүй һэн туладань иигэжэ хэбтэхэ зүб байна. «Алтан тобшоһоо»). «Ши иимэ аргатай, нюдэндөө галтай, нюуртаа гэрэлтэй хүн хадашни тайчууд шамда атаархана бшуу. Ши иигээд хэбтэжэ бай. Би шамайе заажа үгэхэгүйб» гээд үнгэрэн ошобо. Саашаа яажа бэдэрхээе тайчууднарай зүблэхэдэ, Сорхон-шар хэлэбэ: «Хүн бүхэн ябаһан мүрөөрөө гэдэргээ ябажа, оршон тойрониие дахяад шалгажа үзээе» гэхэдэнь, булгадаа «заа» гэжэ зүбшөөгөөд, хүн бүри ябаһан мүрөөрөө ябажа бэдэрбэ. Баһа Сорхон-шар Тэмүүжиниие дайража: «Аха дүү тайчууднар ама шүдөө бүлюудэжэ мэгдүүтэй байна. Ши тэсэмгэйгээр хэбтэжэ бай» гээд үнгэржэ ошобо.

83. Тайчууднарай бэдэрээд олоогүй тула дахяад саашаа яаха тухай зүблэхэдэнь, Сорхон-шар хэлэбэ: «Тайчуудай хүбүүд, бидэнэр гэгээн сагаан үдэр дунда бүхэли хүниие алдаад, одоо харанхы һүни яажа олохо зонбибди. Хүн бүхэн ябаһан мүрөөрөө дахин

нэгэ удаа таража ябаад, маргааша сугларжа бэдэрэе. Тэрэ дүнгэтэй хүн хаана холо ошохо юм?» гэхэдэнь, бүгэдөөрөө «заа» гэлдэжэ, бусажа бэдэрхээр ябаба.

Сорхон-шар baha Тэмүүжиндэ ерээд хэлэбэ: «Мүнөө нэгэ удаа таража бэдэрээд, маргааша ерэхэ гэлсэбэ. Бидэнэй тарамсаар, эхэ, дүүнэрэйнгээ зүг руу яба. Хэрбээ хүнтэй дайралдаа haa, намайе харааб гэжэ бү хэлээрэй» гээд ябашаба.

84. Тэдэнэй тарахалаар, Тэмүүжин зосоогоо иигэжэ бодоно: «hаяын хэдэн үдэр айл хэсэжэ ябахадаа, Сорхон-шарын гэртэ хоноhомни, тэрэнэй хүбүүд Чимбай Чулуун хоёр намайе ехээр хайрлажа, hүни гэнжэ дүнгыемни мулталаа бэлэй. Мүнөө baha Сорхон-шар намайе хараашье haa, заажа үгэнгүй үнгэрбэ. Тэдэ намайе абарха бэзэ» гэжэ Сорхон-шарын гэрые шэглэн, Онон мүрэн руу ябаба.

85. Сорхон-шарын гэрэй тэмдэгынь гэхэдэ, бүхэли hүни үүрэй сайтар hү hамаржа, айрагаа бүлэдэг айл. Тэрэ тэмдэгээр тухайлжа, бүлүүрэй шэмээгээр ошоходонь, Сорхон-шар хэлэбэ: «Шамайе эхэ, дүүнэрэйнгээ зүг шэглээд яба гэжэ хэлээ бэшэ аалби? Ши юундэ ерээбши?» гэбэ. Тэрэнэй хүбүүд Чимбай Чулуун хоёр хэлэбэд: «Булжамуур шубуунай харсагаhаа тэрьедэжэ шэбэрэй оёор руу хоргодобол, шэбэр тэрэниие хамгаалжа абардаг. Теэд манайда хүнэй хоргодожо ерэхэдэ, тиигэжэ хэлэжэ яажа болохоб» гэжэ эсэгээ буруушаажа, дүнгыень эбдэжэ галда түлөөд, зэргэлээ байhан ноohотой бүтүү хара тэргэдэ хоргодуулба. Тэмүүжиниие энэ тэргэдэ байна гэжэ «амитан хүндэ бү хэлээрэй» гэжэ Хадаан гэжэ нэрэтэй дүү басагандаа хаража харгалзажа байхыень даалгаба.

86. Гурбадахи үдэртөө (дүнгэтэй хүн хаана холодохо hэм. «Алтан тобшоhоо». «Тэрэниие манайхин нюугаа бэзэ. Өөhэдөө ябажа нэгжэе» гэжэ айл бүриие нэгжэhээр Сорхон-шарында ерэбэ. Гэртэнь орожо оро дэрэ, түшэлгэтэй hандали доогуурнь хараад, газаа байhан ноohотой бүтүү тэргэдэнь ошожо, амhарайнь ноohые татасагаажа, Тэмүүжинэй хүлдэ хүрэхэдэнь, Сорхон-шар хэлэбэ: «Иимэ халуун сагта ноohон соо амиды хүн яажа тэсэхэ юм?» (Сэдьхэлээ ханатар бэдэрэгты. «Алтан тобшоhоо»). Тиихэдэнь нэгжэhэн хүнүүд болижо, саашаа ябаба.

87. Тэрэ нэгжүүлэй ошоhон хойно Тэмүүжиндэ Сорхон-шар хэлэбэ: «Намайе ши үнэhэн болгон хиидхүүлэн алдабалши. Одоо түргөөр эжы, дүүнэрэйнгээ зүг баряад яба» гэжэ ама сагаан hубай хулагша гүүгээ унуулжа, (хоёр эхэ хүхэдэг тарган) тэлеэ хурьганай мяха шанажа, унданай тулам, нэгэ номо, хоёр hурша үгэжэ, эмээл, хэтэгүйгөөр ябуулба.

88. Тэмүүжин тэндэhээ гаража, урдань шэбээлhэн газартаа ерээд, үбhэнэй гэшхүүлhэн мүрөөр мүшхэжэ, Онон мүрэн өөдэ

ябажа, хойноһоо урдадаг Химурга горхондо хүрэбэ. Тэрэ горхон өөдэ үгсэжэ, Бэдэр хушуунай Хорчухуй болдог гэдэг газар хүрэжэ, эхэ, дүүнэртэеэ ушарба.

89. Тэндэ булталаа ниилэжэ, Бурхан халдунай үбэрөөр — Хүрэлхөөр урдадаг Сэнгүр горхоной (Цэнхэрэй голой) Хара зүрхэнэй Хүхэ нуур гэдэг газар нютаглаад, тарбага, зумбараа алажа эдижэ амидарба.

90. Нэгэ үдэр гэрэйнь газаа байһан найман шарга агтые дээрмэшэд ерэжэ, нюдэн дээрэнь туужа абаашахадань, Тэмүүжин дүүнэртэеэ ябаган тула харагаар гээгдэбэ. Бэлгүтэй набтар хонгор морёо унажа, тарбага агнахаар ябашаһан байгаа. Үдэшэлэн нара шэнгэһэн хойно набтар хонгор мориндоо даажа ядатарынь тарбагадые ашаад, ябагаар хүтэлжэ ерэбэ. «Шарга агтануудыемнай дээрмэшэд абаад ошоо» гэхэдэнь, Бэлгүтэй «Би нэхэжэ ошохом» гэбэ. Хасар хэлэбэ: «Ши шадахагүйш, би ошоһуу» гэбэ.

Тэмүүжин хэлэбэ: «Таанар шадахагүйт, би нэхэһүү» гэжэ, набтар хонгороо унаад, шарга агтануудаа үбһэнэй найгаһан мүрөөр мүшхэн гурбан хоног ябаад, нэгэтэ үглөө олон адуунда хүрэхэдэнь, нэгэ шуумар хүбүүн гүү һаажа байба. Тэрээнтэй уулзажа, шара агтануудаа һурахадань, тэрэ хүбүүн хэлэбэ: «Энэ үглөөгүүр нара гарахаһаа урид найман шарга моридые энээгүүр туужа гараа. Би мүрыень заажа үгэһүү» гээд набтар хонгорыень табюулжа, орог һаарал мори Тэмүүжиндэ унуулба. Өөрөө хурдан ухаа мори унажа, гэртээ харингүй, хүхүүр, һаба һуулгаяа хээрэ боожо орхибо. Тиигээд хэлэбэ: «Нүхэр, ши ехэл мэгдэжэ ябаа байнаш. Эрын бэрхэшээл нэгэн адли юм. Би шамда нүхэр болоһуу. Минии эсэгэ Наху баян гэдэг. Би тэрэнэй ганса хүбүүнби. Минии нэрэ Боорчи» гээд, хоюулаа мордожо, шарга моридой мүрөөрнь мүшхэжэ, гурбан хоног ябаба. Нэгэ үдэшэ наранай тонгойжо уулын хажуу бэеэр тудаха үеэр нэгэ хашаада хүрэхэдэнь, найман шарга моридынь тэрэ хүреэнэй захада үбһэ эдижэ байба. Тэмүүжин хэлэбэ: «Нүхэр, ши эндээ бай. Манай шарга морид тэрэ байна. Би тэдэниие туугаад ерэһүү» гэхэдэнь, Боорчи хэлэбэ: «Би шамда нүхэр боложо ерээд, эндэ яажа үлдэхэбиб» гээд, хоюулаа хамта добтолжо ороод, шарга моридые намнажа гаргаба.

91. Хойноһоонь олон хүн субалдан гүйлгэбэд. Тэдэнэй дундаһаа нэгэ сагаан моритой (улаан дэгэлтэй. «Алтан тобшоһоо») хүн ургa барижа гансаараа хүсэжэ ерэхэдэнь, Боорчи хэлэбэ: «Нүхэр, ши номо һуршаяа намда үгэ. Би харбалдаһуу» гэбэ. Тэмүүжин тиихэдэнь иигэжэ харюусаба: «Минии түлөө ши тулалдаад яахашниб. Би өөрөө харбалдаһуу» гэжэ эрьежэ һуршаяа табиба. Тэрэ сагаан моритой хүн ургатаяа бүхыһөөр үлэбэ. Хойтохи нүхэдынь дабхилдаһаар хүсэжэ ерээшье һаа, наранай уулын саа-

гуур шэнгэжэ, бүрэнхы болоһон тула тэдэнэр яахашье аргагүй гээгдэбэ.

92. Тэмүүжин Боорчи хоёр моридоо туугаад тэрэ һүниндөө һэтэ ябаад, гурбан үдэр, гурбан һүниие гаталан, Боорчиин гэртэ ойртоходоо Тэмүүжин хэлэбэ: «Би шамгүй һаа эдэ моридоо яажа абажа шадаха байгаабиб? Ши хэдыень абахабши?» гэхэдэнь, Боорчи харюусаба: «Би һайн нүхэр шамайгаа һандаржа ябана гэжэ туһалхаяа хамта ябааб. Би олзо бэдэрээгүйб. Би Наху баянай ганса хүбүүнби, минии эсэгын хуряаһан хүрэнгэ зөөри намда элбэг хүрэхэ» гээд юушье абабагүй.

93. Хоюулаа Наху баянай гэртэ хүрэбэд. Хүбүүгээ алдааб гэжэ нюһа нулимса боложо байһан Наху баян хүбүүгээ харахадаа, нэгэ уйлажа, нэгэ уурлажа: «Хүбүүмни юун болоһыень хэлэ» гэбэ. Боорчи иигэжэ харюусаба: «Энэ һайн нүхэрэйнгөө һандаржа ябахые хараад, хамта ошолдоо һэм. Мүнөө ерээбди» гээд мордожо, хээрэ табяад орхиһон һаба һуулгаяа абажа ерэбэ. Тэмүүжиндэ тэдэ тэлеэ хурьга хүнэһэ болгон бэлэдхээд, баһа ганзагалха тулам үгэбэ. Наху баян хэлэбэ: «Хоёр залуушуул энээнһээ хойшо һайханаар нүхэсэгты, бэе бэеэ бэтэгэй орхигты» гэбэ. Тэндэһээ Тэмүүжин мордожо, гурбан үдэр, гурбан һүни ябаад, Сэнгүр горхондо байгаа гэртээ хүрэбэ. Тэмүүжинэй ерэхэдэ, Оэлүн эхэ, Хасар болоод дүүнэрэйнь һанаанай зоболон тайлагдажа сэдьхэлынь баясаба.

94. Урдань Бүртэ үжинии ю һэн наһатай байхадаа хаража ерэһэнһээ хойшо Тэмүүжин дахин тэрээнтэй уулзаагүй байба. Одоо Тэмүүжин Бэлгүтэй хоёр Бүртэ үжинии бэдэрхээ Хэрлэн мүрэн руу ошобо. Цэгцэр Чихургу хоёрой забһарта Хонгирадай Дэй сэсэн нютаглажа байдаг һэн. Дэй сэсэн Тэмүүжинии харахадаа, маша ехээр баясажа хэлэбэ: «Аха дүү тайчууднарай шамда атаархан хоролхохые мэдэхэ тула би сэдьхэлээ зобожо, сүхэрхэдэ хүрэжэ байгаалби. Одоо шамтай уулзабаб» гээд Бүртэ үхинөө Тэмүүжиндэ үгэбэ. Тэмүүжинэй Бүртэ үжинөө абажа хамта бусахадань, Дэй сэсэн үдэшэжэ ябаад, Хэрлэнэй Ураг сүл гэдэг газар хүрэжэ, (халуунда ядараад, «Алтан тобшоһоо») Хэрлэн руугаа гэдэргээ бусаба. Дэй сэсэнэй һамган Цотан гэдэг Бүртэ үхинөө үдэшэжэ, Хүрэлх доторхи Сэнгүр горхондо хүрэжэ ерэбэ.

95. Цотаниие хүргөөд, Боорчиие нүхэсэе гэжэ урижа, Бэлгүтэйе эльгээбэ. Бэлгүтэйн ошоходо, Боорчи эсэгэдээ хэлэнгүйгөөр бүхэтэр хонгороо унажа, боро субаяа хэдэрээд, Бэлгүтэйтэй хамта ерэбэ. Боорчиин Тэмүүжинтэй нүхэсэһэн ёһон иимэ.

96. Тэмүүжин дүүнэртэеэ Сэнгүр горхонһоо нүүжэ, Хэрлэн мүрэнэй эхин Бүргиин эрьедэ буужа нютаглаба. Тиигээд Цотан эхын үмэдхэл гэжэ асарһан хара булган дахые абажа, Тэмүүжин Хасар Бэлгүтэй гурбуулаа Есүхэй эсэгынь үнинэй унаган нүхэр

Ван хантай уулзахаар ошобо. Эсэгынь дүтын нүхэр хадаа эсэгэ мэтэ гэжэ Ван ханай Туула голой шугыда нютаглажа байхада хүрэжэ ошоод Тэмүүжин хэлэбэ: «Эсэгымни хуушан анда нүхэр, та минии эсэгэтэй адли ха юмта даа гэжэ, би һамга абаад байхадаа, энэ үмэдхэл — хара булган дахые танда асарбаб» гэжэ булган дахаяа үгэбэ. Ван хан маша ехээр баясажа хэлэбэ:

«Хара булган дахыншни харюуда
Хахасаһан уладыешни
Хамтадхажа үгэе.
Булган дахыншни харюуда
Бутарһан уладыешни
Суглуулжа үгэе.
Бөөрэнь бүгсэндөө байг,
Сэрынь сээжэдээ байг,
(Аха захатай болог)» гэбэ.

97. Тэндэһээ Бүргийн эрьедэ нютаглажа байхадань, Бурхан халдунһаа Жарчиудай үбгэн түмэршэ дарханай хөөргэ үргэлжэ, Зэлмэ нэрэтэй хүбүүгээ дахуулжа ерэбэ. Тиихэдээ хэлэбэ: «Түрүүшээр Ононой Дэлюун болдогто Тэмүүжин шинии түрэхэдэ, булган үлгы үгөө һэм, би энэ хүбүүн Зэлмэеэ шамда үгэһэншье һаа, бага балшар ушарһаань абаашаһан хүм. Одоо ши минии Зэлмээр:

Эмээлээ тохуула,
Үүдэеэ һэхүүлэ» гээд үгэбэ.

98. Хэрлэн мүрэнэй эхин Бүргиин эрьедэ нютаглажа байтарнь, нэгэ үглөө эртэ үүрэй сайжа байхада, Оэлүн эхын гэртэ зарса байһан Хуагчин эмгэн бодожо хэлэбэ: «Эхэ, эхэ, үтэр бодо. Газар дэлбэрхэ мэтэ абяа шэмээ гаража, моридой түбэрөөн соностоно. Аймшагтай тайчууд ерэжэ ябана бэшэ бэзэ? Эхэ, түргөөр бодо» гэбэ.

99. Оэлүн эхэ «хүбүүдые түргэн һэрюулэгты» гээд, өөрөө дары бодобо. Тэмүүжин дүүнэртэеэ бушуу бодоод моридоо барижа, Тэмүүжин, Оэлүн эхэ, Хасар, Хачиун, Тэмугэ отчигин, Бэлгүтэй, Боорчи, Зэлмэнэр тус бүреэ нэгэ нэгэ мори унаба. Тэмүлүниие Оэлүн эхэ урдаа эмээл дээрээ һуулгаба. Нэгэ мориндо юумэеэ ашажа хүтэлбэ. Бүртэ үжиндэ морин дутаба.

100. Тэмүүжин аха дүүнэртэеэ мордожо, үүрээр Бурхан халдунай зүг шэглэбэ. Хуагчин эмгэн Бүртэ үжиниие нюуя гэжэ бүхээгтэй тэргэдэ бөөрөөрөө алаг сар хүллөөд уулые үгсэжэ Түнхэлэг горхон хүрэбэ. Һая үүр сайжа, бүрэг-бараг гэжэ байхада урдаһаань сэрэгэй хүнүүд хатаралдан ерэжэ: «Ши юун хүмши?» гэжэ асуухадань, Хуагчин эмгэн хэлэбэ: «Би Тэмүүжинэй харьяатанби. Ехэ гэртэ хони хиргахаар ерээ һэм. Одоо ноохо тээгээд гэртээ харижа ябанаб» гэбэ. Тэдэ сэрэгүүд хэлэбэ: «Тэмүүжин

гэртээ бии гү, али үгы гү? Гэрынь хаана байнаб?» гэхэдэнь, Хуагчин эмгэн иигэжэ харюусаба: «Гэрынь ойро байна. Тэмүүжинэй бии үгые би мэдэнэгүйб, өөрөө хойто гэрһээ гаража ерээб» гэбэ.

101. Тэдэ сэрэгүүд хатаргалдан ошобо. Хуагчин эмгэнэй бөөрөөрөө алаг сараа гуя руунь шабхадан яаража ошохо гэхэдэнь, тэргынь гол хухарба. Иимэ ушарһаа ябагаар ой руу зугадажа орохо гэжэ байтарынь, хойноһоонь үнөөхи сэрэгүүд Бэлгүтэйн эхые һундалдажа, хоёр хүлынь һанжуулан дабхижа ерээд, «Энэ тэргэ соошни юун байнаб?» гэжэ асуухадань, Хуагчин эмгэн хэлэбэ: «Нооһон бии» гэжэ. Тэдэ сэрэгүүдэй ахалагшань захирба: «Дүүнэр, буужа харагты». Хаалтатай тэргынь үүдэ нээхэдэнь, зосоонь хатан эхэнэр һуужа байба. Тэрэниие тэргэ соо һоонь шэрэжэ гаргаад, Хуагчинтайнь хоюулайнь һундалдуулжа, Тэмүүжинэй хойноһоо үбһэнэй найгаһан мүрөөр мүшхэжэ, Бурхан халдун өөдэ гараба.

102. Тэмүүжиниие бэдэржэ, Бурхан халдуниие гурба тойробошье олобогүй. Урагша хойшоо ябажа харахадань, намаг шабар, нэлэнхы ой дайралдажа, садхалан могойн шургаха забһаргүй бүтүү тула Тэмүүжиниие мүрдэжэ оложо шадабагүй. Энэ добтолһон сэрэгүүдынь гурбан мэргидүүд байһан юм. Удуйд мэргидэй Тогтоа, Увас мэргидэй Дайр-Усун, Хаад мэргидэй Хаатай Дармала гурбуулан нэгэдэжэ, тиихэдэ урдань Чилэдүүһээ Оэлүн эхые буляажа абаһанайнь түлөө үһөөгөө нэхэжэ ерэһэн байгаа. Мүнөө тэдэ мэргидүүд хэлэбэ: «Оэлүнэй буляалгаһанай түлөө үһөөгөө абахаар ерээд, одоо эхэнэрнүүдыетнай буляажа абабабди. Үбгэ эсэгынгээ үһөөе иигэжэ абаабди» гэжэ гэртээ бусаба.

103. (Тэдэнэр Бүртэ үжиниие абаашаад, Чилэдүүгэй дүү Чилэгэр бүхэдэ үгэбэ. «Алтан тобшоһоо»). Тэмүүжин: «Тэдэ гурбан мэргидүүд гэртээ хариба гү? Уулада хоргодохонь гү? Гурбан хоног дахажа ябаад мэдэжэ ерэгты» гэжэ Бэлгүтэй Боорчи Зэлмэ гурбые эльгээбэ. Тэмүүжин өөрөө Бурхан халдунай оройдо гараад үбсүүгээ сохин зальбаржа хэлэбэ:

«Һолонго мэтэ һэргэлэн
Һоргог Хуагчинай
Һонорой хүсөөр,
Үен мэтэ хёрхо
Үнэншэ Хуагчинай
Үрдиһэнэй ашаар,
(Аюулта дайсанһаа
Амжан зугадажа)
Бүтэн бэээ
Бүглэн нюужа,
Бүдэхи замые
Мүрдэн дахажа,

Бугын мүрые
Мүшхэн ябажа,
Бургаахан гэртэ
Бухан нюугдажа
Бурхан халдунда
Амияа абарбабди.
Хариин дайсанай
Халдан добтолходо,
Харсагаһаа хулжаһан
Булжамуур мэтэ,
Хандагай бугын
Мүрые дахажа
Хадын хабшалай
Һүбые бэдэржэ,
Халдун уулада
Зугадажа ерээд,
Хальһа холтоһоор
Гэр барижа,
Халуун амияа
Хамгаалбаб.
Бүглүү ойтой
Бурхан уула
Бөөһэнэй шэнээн амиием
Бөөмэйлэн абаржа,
Бөөрын шэнээн бэеым
Бүтэн мэндэ үлдээбэ.
Үһөөтэ дайсанһаа
Үршөөн абаржа,
Үншэн бидэнэй
Түшэг болоһон
Үндэр дээдэ
Бурхан халдун шамайе
Үглөө бүри шүтэжэ байя!
Үдэр бүри тахижа байя!
Үеын үедэ
Һүгэдэн тахижа,
Үетэн бүхэн
Үргэлжэ шүтээе!»

Иигэжэ хэлээд, бүһээе хүзүүндээ эрхи мэтээр үлгэжэ, малгайгаа гартаа һэлдэржэ, гараараа үбсүүгээ даража, наран өөдэ хаража, Бурхан халдунда юһэн удаа һүгэдэжэ, үгээе хэлэжэ, үргэлөө үргэбэ.

III. Мэргидые һүнөөһэниинь, Тэмүүжиндэ Чингис хаан соло олгогдоһониинь

104. Тэндэһээ Тэмүүжин, Хасар, Бэлгүтэй гурбуулаа ябажа, Туула голой Хара шугыда нютаглажа байһан Ван хан Тоорилдо ошожо хэлэбэ: «Һанамсаргүй байтарнь, гурбан мэргид добтолжо, эхэнэр, хүүгэдыем буляажа абаба. Хаан эсэгэмни, эхэнэр, хүүгэдыем абаржа үгыт гэжэ ерэбэб» гэбэ. Ван хаан Тоорил иигэжэ харюусаба: «Би нёдонон жэл шамда хэлээ бэшэ гүб. Эсэгэдэм адли эсэгэ гэжэ булган даха асаржа үгэһэн тухайшни иигэжэ хэлээ бэлэйб:

«Булган дахыншни харюуда
Бутарһан уладыешни
Бөөгнэрүүлжэ үгэе.
Хара булган дахыншни харюуда
Хахасаһан уладыешни
Хамтадхажа үгэе.
Сэрээ сээжэдээ байлга,
Бөөрөө бүгсэндөө байлга.
(Аха захатай байг)»
Гэжэ хэлээ бэлэйб.
Мүнөө тэрэ үгэдөө хүрэжэ,
Булган дахыншни харюуда
Бүгэдэ мэргидые
Бүдэрөөн добтолжо
Бүртэ үжинииешни
Бусаажа үгэе.
Хара булган дахыншни харюуда
Хамаг мэргидые
Хамха сохижо,
Хатан Бүртыешни
Харюулжа асарая.

Ши Жамууха дүүдэ мэдээ хүргэ. Жамууха дүү Хорханаг Жубур гэдэг газарта байха. Би эндэһээ хоёр түмэн сэрэг абажа, **баруун гар** болон мордохоб. Жамууха дүү хоёр түмэн сэрэг абажа, **зүүн гар** болон морилог. Бидэнэй уулзаха болзоое Жамууха **тогтоогуужан» гэбэ.**

105. Тэмүүжин, Хасар, Бэлгүтэй гурбуулаа Тоорил хаанайхиһаа гаража гэртээ ерээд, Тэмүүжин Жамуухада Хасар Бэлгүтэй хоёроо эльгээгээд, иигэжэ захиба:

«Үһөөтэй мэргид ерэжэ
Үрыемни үбдэхөөбэ,
Үбэрыемни хооһолбо.

Үнэхөөр түшэг болохо
Үнэр түрэлэй таанарни
Үһөөем абажа үгэхэ гүт.
Эльгэ зүрхэмни
Үбдэжэ байна.
Эльгэн садан таанарни
Үһөөем абажа үгыт» гэбэ.

Баһа Хэрэйдэй Тоорил хаанай үгые Жамуухада дамжуулан иигэжэ хэлэбэ: «Эртэ урдань эсэгэ хаан Есүхэйтэй эб нэгэтэй ябаһанаа һанажа, одоо хоёр түмэн сэрэг абажа, баруун гар болон мордохомни. Жамууха дүү хоёр түмэн сэрэг абажа, зүүн гар болон морилог лэ. Хамтарха болзоогоо Жамууха дүү мэдүүжэн» гэһэниень дамжуулба. Эдэ бүгэдые соносожо дүүрээд, Жамууха хэлэбэ:

«Энэ Тэмүүжин андын
Эды зоболон бэрхэшээлдэ
Үнэхөөр ороһыень дуулаад,
Үрэ зүрхэмни
Үбдэжэ байна.
Эльгэмни хүмэрижэ
Энэрэн шагнабаб.
Үһөө хороёо нэхэжэ,
Үнөө мэргид аймагые
Эбдэн мүхөөжэ,
Эхэнэр Бүртые
Эрьюулжэ асарая.
Хамаг хаашуул мэргидые
Хамха сохижо,
Хатан Бүртые
Харюулжа абая.
Дабирха дүрөөбшын шэмээе
Дайнай хэнгэргын дуун гэжэ
Дальдаран зугадагша Тогтоа
Дайда Буур—хээрэдэ
Дабшалан һуугаа бэзэ.
Дабхар хормоонгын амһарай
Дарбалзан нэрьехэдэ,
Дайн тулалдаан болобо гэжэ
Дайганан зугадагша
Дайр—Усун мүнөө
Дабалгата Орхон, Сэлэнгын
Талхуун аралда
Дальдаран һуугаа бэзэ.
Хамхуул үбһэнэй хиидэхэдэ,

Халдаха дайсан ерэбэ гэжэ
Харанхы ой шэглэжэ
Хашхаран зугадагша муу
Хаатай Дармала одоо
Харжын талада
Хашалгүй байгаа бэзэ.
Һайхан Хёлго мүрэндэ
Һахал үбһэн ехэ гэнэ
Һахал үбһэ холбожо,
Һала хэжэ болодог гэнэ.
Үнэн ашагтайень бодожо,
Үбһөөр һала хэжэ,
Үргэн Хёлго мүрэниие
Үнгэржэ хүндэлэн гараад,
Өөдэгүй муу һайн мэргидэй
Үнөөхи муу Тогтоагай
Үрхэ үүдыень эбдэжэ,
Үдьхэлэн сүмэ дайраад,
Үнгэтэй эдыень олзолжо,
Үбэртэлхэ эхэнэрыень буляажа,
Үдэхэ үрэнэрыень хюдажа,
Үһөө хороёо абая!
Хутагта дээдэ шүтээниень
Хуха татан эбдээд,
Хубхай болгон хаяя!
Харатан тэдэ уладай
Хоохон болоторнь добтолоё!» гэбэ.

106. Жамууха баһа Тэмүүжин анда, Тоорил хаан аха хоёрто хэлүүлһэниинь: «Одоо би
Хараа ехэтэ (холоһоо харагдаха)
тугаа тахижа,
Хара бухын арһаар бүриһэн
Харьяха дуутай хэнгэргээ дэлдэжэ,
Хатан булад жадаяа барижа,
Халха хуягта дэгэлээ үмдэжэ,
Хадхаха зэбэтэй һуршаяа онолжо.
Хара хула морёо унажа
Хадхаха зэбэтэй һуршаяа онолжо.
Хамаг олон сэрэгээ [illegible]лжа,
Хараалта мэргидтэ халдан добтолжо,
Хадхалдан байлдахаар мордобоби.
Үзэмжэтэй һайхан тугаа тахижа,
Үхэрэй арһан хэнгэргээ дэлдэжэ,
Үргэлжэ хэлхеэ хуягаа үмдэжэ,

Үзүүр хурса илдээ барижа,
Үнэхөөр мэргэн һуршаяа онолжо,
Үлэмжэ һайн мориёо унажа,
Үй түмэн сэрэгээ дахуулжа,
Үхэмэр муу һайн мэргидтэй
Үхэлтэ тэмсэлдэ сэхэ мордобоб.

Тоорил хаан аха мордожо, Бурхан халдунай үбэрөөр Тэмүүжин андые дайража абаад, Онон мүрэнэй эхин Ботохан-бооржи гэдэг газар ерэгты. Би эндэһээ нэгэ түмэн сэрэг абажа мордоод, замдаа Онон мүрэндэ нютаглажа байһан Тэмүүжин андын харьяатанһаа үшөө нэгэ түмэн сэрэг абажа, бүгэдэ хоёр түмэн сэрэгтэй болоод, Ботохан-бооржидо ошожо нэгэдэе» гэжэ эльгээбэ.

107. Жамуухын эдэ үгэнүүдые Хасар Бэлгүтэй хоёрһоо Тэмүүжин дуулаад, Тоорил хаанда дамжуулба. Тоорил хаан Жамуухын үгые соносохотоёо адли хоёр түмэн сэрэг абажа мордоод, Бурхан халдунай үбэрөөр Хэрлэнэй Бурги эрьеые шэглэн ябаба. Энээниие Тэмүүжин дуулаад, Бурги эрьеһээ хүдэлжэ, Бурхан халдунай үбэрөөр Түнхэлэг өөдэ нүүжэ, Тана горхондо ошожо бууба. Тоорил хаан нэгэ түмэн сэрэгтэй, Тоорил хаанай дүү Жаха хамбу нэгэ түмэн сэрэгтэй Химурга горхоной Айл харгана гэдэг газар буужа, Тэмүүжин сэрэгээ абажа ошожо бултадаа нэгэдэбэ.

108. Тэмүүжин Тоорил хаан Жаха хамбу гурбуулаа ниилэн хүдэлжэ, Ононой эхин Ботохан-бооржи гэдэг газар хүрэжэ ерэбэ. Эндэ Жамууха урид ерээд гурбан хоног хүлеэжэ байба. Тэмүүжин, Тоорил, Жаха хамбын сэрэгүүдые Жамууха хараад, хоёр түмэн сэрэгээ жагсааба. Тэмүүжин Тоорил хан Жаха хамбу гурбан баһа сэрэгүүдээ абажа ерээд ниилүүлжэ танилсуулба. Жамууха хэлэбэ: «Бороо тохёолдоошье һаань, болзорһоо хожомдохогүй, хура тохёолдоошье һаань, хуралһаа һаатахагүй гэжэ монгол үгөөр хэлсэжэ, «заа» гэжэ тангариглаһан бэшэ гүбди? «Заа» гэһэн сагһаа хожомдоһон этэгээдые зэргэ соохоо гаргаха гэлсэһэн бэшэ гүбди?» гэхэдэнь, Тоорил хаан хэлэбэ: «Тогтоохон болзорһоо гурбан үдэрөөр хожомдоһон ушарһаам торгожо буруушаахаяа Жамууха дүүмни өөрөө мэдэ» гэбэ. Болзоонһоо хожомдоһон тухай иимэ үгэ ярилдажа үнгэрбэ.

109. Ботохан-бооржиһоо бүгэдөөрөө хүдэлжэ Хёлго мүрэндэ хүрэжэ, һала уяжа гаталаад, Буур-хээр гэдэг газар ошожо,Тогтоа бэхиин үрхэ дээрэһээ нүмэрэн буужа, эрхим шүтээниень эбдэн бутаргажа, эхэнэр, хүүгэдыень эзэлэн буляаба. Хутагта һахюуһыень хуха татажа, хото байрыень хүреэлэн добтолжо, хоохон болгобо. Тогтоа бэхиин унтажа байхада добтолон барижа болохо байгаа. Харин Хёлго мүрэндэ нютаглаһан загаһашад, булга агнагшад, ангуушад «дайсан ерэжэ ябана» гэжэ тэрэ һүниин дунда Тогтоа бэхидэ мэдээ хүргэбэ. Энэ мэдээе дуулаад Тогтоа,

мүн Увас мэргидэй Дайр-Усун хоёр хамтаржа, үсөөхэн нүхэдтэеэ Сэлэнгэ уруудажа, Баргужин оронд зугадажа ошобо.

110. Мэргидэй улад сошордожо, тэрэ һүни Сэлэнгэ уруудан зугадахадань, манай сэрэгүүд тэрьелһэн мэргидые дахажа, добтолон дээрмэдэн ябаба. Тэмүүжин зугадажа ябаһан хүнүүдэй дунда «Бүртэ, Бүртэ» гэжэ дуудан бэдэржэ ябаба. Тэдэ хүнүүдэй дунда байһан Бүртэ үжин Тэмүүжинэй дууе соносожо таняад тэргэһээ буужа, Хуагчин эмгэнтэй хоюулаа гүйжэ ерээд, Тэмүүжинэй жолоое барижа абаба. Тэмүүжин һүниин һаруулда хаража, Бүртэ үжин мүн байхадань тэбэрилдэн уулзаба. Тэмүүжин энэ һүни Тоорил хаан Жамууха анда хоёрто хүниие эльгээжэ хэлүүлбэ: «Бэдэрһэн хүнөө олоһон тула энэ һүни добтолхоо зогсожо, эндээ бууя» гэбэ. Тэрьедэжэ ябаһан мэргидүүд энэ һүни хаана хүрэһэн байгааб, тэрэ газараа буужа хонобо. Бүртэ үжинэй мэргидэй гарһаа гаража, Тэмүүжинтэй уулзаһан ушар иимэ байгаа.

111. Урда Удуйд мэргидэй Тогтоа бэхи, Увас мэргидэй Дайр-Усун, Хаад мэргидэй Хаатай Дармала гурбуулаа гурбан зуун хүниие дахуулжа, Тогтоа бэхиин дүү Ехэ Чилэдүгэй гэргэн Оэлүниие Есүхэй баатарта буляалгаһанай үһөө абаха гэжэ тэрэ нэгэ үглөө мордоһон байгаа. Тэрэ үедэ Тэмүүжинэй Бурхан халдунда зугадахада, гурба дахин нэгжээд, Тэмүүжиниие олоогүй һэн. Харин Бүртэ үжиниие барин абажа, Чилэдүгэй дүү Чилэгэр бүхэдэ үгэжэ харууһалуулһан юм. Тэрээнһээ хойшо Бүртэ үжин Чилэгэр бүхын гэртэ байдаг бэлэй. Одоо Чилэгэр бүхэ зугадажа гараад, гэмшэжэ хэлэбэ:

«Хара муу хирээ
Хальһа холтоһо эдихэ заяатай байтараа,
Хара алаг галууе эдихээр
Халдан тэмсэһэн мэтэ,
Харюугүй муу Чилэгэр би
Харин ехээр һанажа
Хатан дангинада халдажа,
Хамаг мэргид иргэниие
Хашагдаха аюулда оруулжа,
Халха нэмэргэгүй болгожо,
Харанхы һүни зугадан гаражаа,
Хадын хабшалда хоргодон,
Хайран амияа гээхэ
Хара толгойгоо алдаха болгобоб.
Хулгайша муу шубуу
Хулгана охотоно эдихэ заяатай байтараа,
Хун галууе эдие гэжэ
Хушуугаа бүлюудэһэн мэтэ,
Хубхай муу Чилэгэр би

Хутагта һайхан хатаниие
Хубидаа абажа ерээд,
Хотол олон мэргидтэ
Хоро тодхор хэбэб.
Хог муу Чилэгэр би
Хохимой ядуу толгойгоо
Хоргодуулха газаргүй болобоб.
Хорголой сэнтэй амияа
Аршалха аргагүй болобоб.
Харанхы хабшалда шургахам гү,
Хадын забһараар орохом гү,
Хаана ошохо бэлэйб?»

гээд зугадаһан юм.

112. Хаатай Дармалые барижа, хабтагар дүнгэ үмэдхүүлжэ, Халдун уулада ябуулба. Бэлгүтэйн эхэ тэрэ айлда бии гэхыень дуулаад, Бэлгүтэй эхэеэ абая гэжэ ошоод, гэрэй баруун үүдээр ороходонь, тэрэнэй эхэ набтагар нэхы дэгэлтэй, гэрэй зүүн үүдээр гаража, тэндэ байһан хүнүүдтэ хэлэбэ:

«Хайрата хүбүүдэйнгээ
Хаашуулай зэргэдэ хүрэжэ байхада,
Харин би эндэ
Хара муу хүндэ
Харшалуулжа ябанаб.
Хаан хүбүүдэйнгээ нюурые
Хаража яажа үзэхэ бэлэйб?»

гээд гүн шугыда гүйжэ ороходонь, хойноһоонь ошожо бэдэрээд олобогүй. Энэ үедэ Бэлгүтэй ноён мэргид обогой хүниие харабал, «эхыемни асара» гээд харбаха байгаа. Бурхан халдунда Тэмүүжинэй хүнүүдтэ добтолһон гурбан зуун мэргидые

Үрынь үрэ хүрэтэр
Үнэһыень хиисэтэр хюдажа,
Үлдэһэн эхэнэр, хүүгэдыень
Үүдэнэй зарса болгожо,
Үзэсхэлэн һайхан заримыень
Өөһэдтөө шэлэжэ абаба.

113. Тоорил хан Жамууха хоёрто Тэмүүжин баясан хэлэбэ:

«Эсэгэ хан Тоорил,
Эрхим анда Жамууха таанар,
Эб хүсэеэ нэгэдхэжэ,
Эрхэтэ тэнгэриин үршөөлөөр,
Эхэ дэлхэйн ашаар
Эртэнэй үһөөтэй мэргидэй
Эльгэ зүрхыень харбажа,
Эрьехэ түрэлыень һүнөөжэ

Эзэмшэхэ гэрыень хоохолжо,
Эдлэхэ зөөрииень олзолбобди».

Мэргид иргэниие иигэжэ дайлажа бусаба.

114. Удуйд мэргидэй зугадажа арилһан хойно тэдэнэй нютаг дээрэ булган малгайтай, бугын арһан гуталтай, булган хөөмэй дэгэлтэй, нюдэндөө галтай, нюуртаа согтой, Хүчү гэдэг нэрэтэй, табан наһатай хүбүүе манай сэрэгүүд оложо асараад, Оэлүн эхэдэ бэлэг болгон үгэбэ.

115. Тэмүүжин Тоорил хаан Жамууха гурбуулаа ниилэжэ,

Олон мэргидэй
Огсогор гэрые эмдэжэ,
Олигтой эхэнэрыень олзолжо,
Орхон Сэлэнгэ хоёрой
Ой, талаһаа бусаба.

Талхун аралһаа хүдэлжэ, Тэмүүжин Жамууха хоёр Хорхонаг Жубурые шэглэн ябаба. Тоорил хан Бурхан халдунай хяраар Үхэрт шугые дайран Гацуурт (Гацууртай) сувчид, Улиат (Улиастай) сувчид гэдэг газараар хүрэжэ, ан гүрөөл хэһээр Туула голой Хара шугыда бусажа ошобо.

116. Тэмүүжин Жамууха хоёр Хорхонагай хүндыдэ ниилэн буужа, эртэнэй анда бололсоһоноо дурдажа, улам дүтэ болохоор хэлсэбэ. Анха урда анда бололсоходоо Тэмүүжин арбан нэгэн наһатай байгаа бэлэй. Тэрэ үедэ Жамууха нэгэ гурын шагайе Тэмүүжиндэ үгэжэ, Тэмүүжин нэгэ шудхамал шагайе Жамуухада үгэжэ, Ононой мүльһэн дээрэ тэдэнээ дээшэнь хаяад тодожо наадаһаар нүхэсөө бэлэй. Тэрэнэй хойто хабар модон номоор харбажа байхадаа, Жамууха буруугай хоёр эбэрые няагаад нүхэлжэ хэһэн дуутай годли Тэмүүжиндэ үгэжэ, Тэмүүжин арса модон годли Жамуухада үгэжэ анда бололсобо. Хоёр удаа анда бололсоһон ушарынь иимэ байгаа.

117.

Аха дээдэшүүлэй үгые соноособол,
Алибаа хүн харилсан
Анда нүхэр бололсобол,
Ами бэедээ
Аршалалта боложо,
Али алиндаа
Түшэг боложо
Амараглан ханилха ёһотой.

«Одоо бидэ амараглан ябая» гэжэ, Тэмүүжин мэргидэй Тогтоаһаа олзолжо абаһан алтан бүһэеэ Жамууха андадаа бүһэлүүлжэ, Тогтоагай һубай халюуниие Жамууха андадаа унуулба. Жамууха харюудань Увас мэргидэй Дайр-Усунһаа олзолжо абаһан

алтан бүһэеэ Тэмүүжиндэ бүһэлүүлжэ, Дайр-Усунай эбэртэ эшэгэн сагаан мориие Тэмүүжиндэ унуулба. Иигэжэ анда бололсожо:

Хорхонаг Жубурай хүндыдэ
Хулдагар хуһанай үбэртэ
Һаглагар модоной доро
Һайхан хурим хэжэ,
Һанаа сэдьхэлээ нэгэдэжэ,
Һайса бүжэглэн наадажа,
Һайн нүхэд болоод,

Һүни нэгэ хүнжэлдэ орожо хоноһон юм.

118. Тэмүүжин Жамууха хоёр ехэ эбтэй эетэй байжа, нэгэ жэл хахад хамта һуужа, нэгэ үдэр тэрэ нютагһаа нүүе гэлсэжэ, зунай эхин һарын арбан зургаанай улаан тэргэд (дүхэриг һаратай) үдэр нүүбэ. Тэмүүжин Жамууха хоёр тэргэнүүдэйнгээ урда ябажа байтараа, Жамууха хэлэбэ:

«Тэмүүжин анда аа!
Уулада шахан бууя,
Адуушанда гэр болтогой!
(Ай зүб гү? «Алтан тобшоһоо»)
Голдо шахан бууя,
Хонишон хурьгашадта
Хоол болтогой!
(Хориггүй бэшэ гү? «Алтан тобшоһоо») гэбэ.

(Хахадынь адуунай бэлшээриие татажа уулада бууя, хахадынь хониной бэлшээриие татажа голдо бууя гэһэн удхатай бололтой). Тэмүүжин Жамуухынгаа энэ үгые ойлгожо ядажа, харюу юушье хэлэнгүй, нүүдэлэй тэргые хүлеэжэ, Оэлүн эхэдээ хэлэбэ:

«Жамууха анда намда хэлээ:
Уулада шахан бууя,
Адуушанда гэр болтогой!
Ай зүб гү?
Голдо шахан бууя,
Хонишон хурьгашадта
Хоол болтогой!
Хориггүй бэшэ гү?

Би энэ үгыень ойлгожо ядажа, харюу юушье хэлэбэгүйб. Эхэһээ асууя гэжэ ерэбэлби» гэбэ. Оэлүн эхын үгэ хэлэжэ амжаагүй байтар Бүртэ үжин хэлэбэ: «Жамууха анда бэлээр уйдадаг гэдэг бэлэй. Одоо бидэнһээ уйдаха сагынь болоо бэзэ. Тугаар Жамууха андын хэлээшэнь бидэниие дайраһан үгэ бэшэ аал? Бидэ бү бууя. Энэ хүдэлһөөр шулуунаар Жамуухаһаа хахасажа, һүниндөө һэтэ ябая» гэбэ.

119. Бүртэ үжинэй үгые зүбшөөжэ, буунгүйгөөр һүниндөө һэтэ

ябажа, зууpандаа тайчуудые дайраба. Тайчууд айжа, тэрэ һүни зайлажа, Жамуухын зүг руу ошобо. Тайчуудай бэсүдэй нютаг дээрэ Хүхэчү нэрэтэй нэгэ бишыхан хүбүүнэй гээгдэшэһые манайхин оложо абаад, Оэлүн эхэдэ үгэжэ тэжээлгэбэ.

120. Тэмүүжинэй хүнүүд тэрэ һүни унтангүй ябаба. Гэгээ орохолоор харахадань, жалайр аймагай Хачиун-Тохураун, Хархай-Тохураун, Харалдай-Тохураун аха дүүнэр гурбуулаа һүниндөө һэтэ нүүжэ дахалдан ерэбэ. Дархад аймагай Хадаан, Далдурхан аха дүүнэр табуулаа, баһа Мүнхэт хаанай хүбүүд Үнгүрнэр чаншиут, баяуд хамаатанаа дахуулжа ерэбэ. Барулас аймагһаа Хубилай, Худус аха дүүнэр ерэбэ. Мангуд аймагһаа Жатай, Доголху чэрби аха дүүнэр хоюулаа ерэбэ. Боорчиин дүү Үгэлэн чэрби, Арулад аймагһаа хахасажа, аха Боорчидоо ниилэжэ ерэбэ. Зэлмын дүү Чаурхан, Сүбээдэй баатар Урианхай аймагһаа һалажа, Зэлмэдэ ниилэн ерэбэ. Бэсүд аймагһаа Дэгэй, Хүчүгүр аха дүү хоёр ерэбэ. Сүлдүс аймагһаа Чилэгүтэй-Тахи, Тачиудай аха дүүнэр ерэбэ. Жалайр аймагһаа Сэцэ-Домог, Архай Хасар-Бала хоюулаа хүбүүдээ дахуулжа ерэбэ. Хонхотанһаа Сүйхэтү чэрби ерэбэ. Сүхэгэнһээ Жигэй хондгарай хүбүүн Сүхэхэй-Жаун ерэбэ. Нэүдэйн Цагаан гуа ерэбэ. Олхуноуд аймагһаа Хингиадай, Горлос аймагай Сэчиүр, Дүрбэд аймагай Мүчи бүдүүн ерэбэд. Ихирэс аймагай Буту, эндэ хүрьгэн боложо байһан тула хамта ерэбэ. Ноёхон аймагай Жунсо ерэбэ. Оронар аймагһаа Зургаан ерэбэ. Тиигээд Барулас аймагһаа Сохо сэсэн Харачар хүбүүнтэйгээ ерэбэ. Баһа Баарни аймагай Хорчи Усун үбгэн, Хүхүчүс, Мэнэн баарингаа дахуулжа, нэгэ хүрээ боложо ерэбэ.

121. Хорчи ерэжэ хэлэбэ: «Бидэ Бодончар богдын барижа абаһан эхэнэрһээ түрэһэн тула Жамуухатай хэбэл нэгэтэй, хэлхеэ бүхэтэй хүнүүд бэлэйбди. Иимэ тула Жамуухаһаа хахасажа болохогүй. Гэбэшье заарин тэнгэри ерэжэ, нюдэндэмни заагаад иигэжэ хэлээ: ухаагшан үнеэ ерэжэ Жамуухые тойрон ябажа, Жамуухые ба гэр тэргыень мүргэһөөр үрөөһэн эбэрээ хухалжа далюу болоод, «Эбэрыемни үгэ» гэжэ Жамуухын зүг руу хараад мөөрэжэ, шорой сасалан байна. Баһа нэгэ мухар ухаа үхэрые ехэ гэртэй тэргэдэ хүллэбэ. Тэрэ үхэр гол замаар Тэмүүжинэй хойноһоо зүдхэн ябажа мөөрэн иигэжэ хэлээ:

«Тэнгэри газартай зүблэжэ
Тэмүүжиниие уласай эзэн болог лэ гэжэ
Тээжэ хүргэжэ ябанаб» гэжэ мөөрэнэ.

Иимээр минии нюдэндэ заарин тэнгэри ерэжэ заажа үзүүлбэ.

«Тэмүүжин, ши уласай эзэн болобол, минии урид заажа хэлэһэн хадамни, хэр жаргуулхабши?» гэжэ асуухадань, Тэмүүжин хэлэбэ: «Үнэхөөр би уласай эзэн болоо һаа, шамайе түмэнэй ноён болгохоб» гэбэ. Хорчи хэлэбэ: «Эды ехэ түрын үйлые урдаһаа

заahан намайе түмэнэй ноён болгоходонь, ямар ехэ жаргалан бэ? Намайе түмэнэй ноён болгоод, бүхы уласhаа гоё hайхан гушан үхидые шэлэжэ абаад эхэнэр болгохо эрхэ олго. Баhа минии хэлэhэн үгэ бүхэниие анхаржа соносо!» гэбэ.

122. Хунан түрүүтэй Гэнигис нэгэ хүрээ боложо, баhа Даридай отчигин нэгэ хүрээ боложо ерэбэ. Жадаран аймагай Мулхалху ерэбэ. Үнжин сахайт нэгэ хүрээ боложо ерэбэ. Жамуухаhаа тиигэжэ hалажа худэлөөд, Химурга горхоной Айл-харгана гэдэг газар хүрэжэ бууба. Тэрэ үедэ Жамуухаhаа hалажа, Жүрхинэй Соорхату-Жүрхиин хүбүүн Сачи-бэхи Тайчу хоёр нэгэ хүрээ боложо, Нэгүүн тайжын Хучар бэхи нэгэ хүрээ боложо, Хутула хаанай хүбүүн Алтан отчигин нэгэ хүрээ боложо, Жамуухаhаа hалажа худэлөөд, Тэмүүжинэй Химурга горхоной Айлхарганада буужа байхада ниилэн ерэбэ. Тэмүүжинэйхид тэндэhээ нүүжэ, Хүрэлх доторхи Сэнгүр горхоной Хара зүрхэнэй Хүхэ нуурта ошожо бууба.

123. Алтан, Хучар, Сача-бэхи бүгэдөөрөө зүблэжэ, Тэмүүжиндэ хэлэбэ: «Шамайгаа хаан болгоё. Тэмүүжин шамайгаа хаан болгожо, бидэ

Олон дайнда
Оройлон ябажа,
Онсо сэбэр
Үхидые олзолжо,
Ордон hайхан
Гэрые абажа,
Олоной хаан
Тэмүүжиндэ үгэе.
Хариин иргэндэ
Халдан добтолжо,
Хасар hайхан
Хатадые олзолжо,
Хатар hайтай
Агтые оложо
Асаржа үгэе.
Орёо гүрөөhые
Абалха сагтань
Отожо ойртуулжа
Үгэе бидэ.
Ойн гүрөөhые
Агнаха сагтань
Оложо гаргажа
Үгэе бидэ.
Хээрын гүрөөhые
Гэтэжэ абалхада,

Хэбэлэйнь ниилэтэр
Шахажа үгэе.
Гуунай гүрөөһые
Агнаха сагтань
Гуяынь ниилэтэр
Шахажа үгэе.
Хадхалдаха дайнай
Болохо сагта
Хаан Тэмүүжин шинии
Хатуу зарлигые
Хайхарангүй ябабални
Хатан эхэнэрһээмни
Хахасуулан һалгажа,
Хамаг юумыемни
Хаман абажа,
Хара толгойемни
Хаяжа ошогты.
Энхэ сагта
Эзэн Тэмүүжин шинии
Эетэй зарлигые
Эсэргүүсээ һаамни,
Эзэлһэн арадаа абажа,
Эхэнэр, хүбүүдыень буляажа,
Энэ бэеымни
Эзэгүй газарта
Хаяжа орхёоройт» гэбэ.

Иимэ үгэ хэлэжэ, иигэжэ ама алдажа, Тэмүүжиниие Чингис хаан гэжэ нэрлэжэ хаан болгобо. (Чингис хаан гэхэдээ, Тэнгис хаан, Далай хаан гэһэн үгэ бололтой).

124. Чингис хаан болоод, Боорчиин Үгэлэн чэрби, Хачиун-Тохураун ба аха дүү Жэтэй, Доголху дүрбэндэ хормоонго зүүлгэбэ. Үнгэр, Сүйхэтү чэрби, Хадаан-Далдурхан гурбан хэлэбэ:

«Үглөөнэй зоогые
Үрьдэжэ оһолтуулхагүй,
Үдын ундые
Үлөөжэ таһалдуулхагүй
бэлдэжэ байя» гэһэн хадань, тогоошод болгобо.

Дэгэй хэлэбэ:

«Алаг һайхан хонидые
Араар дүүрэн бэлшээжэ,
Хонин олон һүрэгые
Хотоор дүүрэн үдхэжэ,
Хобдог түрэһэн бишни

Хото гэдэһэндэ хүртэжэ,
Хошхоног мяха эдижэ
Үдэр тудам үнжэхэгүй,
Хоног бүри хожомдохогүй
Шэлэһэн эрье алажа,
Шэмэтэй шүлэ шанажа
байя» гэһэн хадань, Дэгэйгээр хони адуулгаба. Тэрэнэй дүү Гүчүгүр хэлэбэ:
«Суургатай тэргын
Суурга сүйе
Сусаха эбдэрхэгүй болгожо,
Тэнхлэгтэй тэргые
Тэрээгүүрхи замда
Тээглэн һаатахагүй болгожо,
Тэргэ гэрэй ажалые
Тэгшэлэн заһажа ябая»
гэһэн хадань, Гүчүгүрые тэргэшын тушаалда томилбо. Гэр доторхи гэргэн, хүүгэд ба зарасанарые Додай чэрбидэ даалгаба. Хасарай захиралта доро илдэ зүүлгэжэ ябахаар Хубилай, Чилгутай, Хархай-Тохураун гурбые томилжо:
«Хүсэрхэн түримхэйлэгшэдэй
Хүзүүень хянгардажа,
Омог ехэтэнэй
Оморюуе отолжо яба» гэбэ.

Бэлгүтэй Харалдай-Тохураун хоёрые: «Агта харюулаг. Агташан болог» гэбэ. Тайчуудай Хуту, Моричи, Мулхалху гурбые: «Адуу адуулаг» гэбэ. Архай Хасар, Тахай, Сүхэхай, Чаурхан дүрбые «Холын холбоошо, ойрын оторшо (холо ойрын мэдээ үгэхэ газарша) болог» гэбэ. Сүбээдэй баатар хэлэбэ:
«Хулгана охотоно мэтэ
Хуряаһан хүрэнгые хадагалжа,
Хара хирээ мэтэ
Хамаг юумые харамнажа,
Нүмэрхэ эшэгы мэтэ
Нүхөөһэ бамбай боложо,
Гэр ороноо хамгаалха
Хашаа бүреэһэ болоё».

125. Тэндэһээ Чингис хаан хаан боложо, Боорчи Зэлмэ хоёрто хэлэбэ:
«Һүүдэрһээ бэшэ
Нүхэргүй байхадам,
Һүүдэрни боложо,
Һүүлһээ бэшэ
Ташуургүй байхадам,

Һүүлни боложо,
Сэдьхэлыем һэргээжэ,
Һанааем амаруулһан
Зүрхэнэйм дүтын нүхэд

Та хоёр хамагһаа урид ерэжэ нүхэсэһэн тула бүгэдые ахалхат» гэбэ. Баһа Чингис хаан хэлэбэ: «Тэнгэридэ үршөөгдэжэ, газарта хайрлуулжа, Жамуухаһаа һалажа намайе шэлэжэ нүхэсэе гэжэ ерэһэн анханай үлзытэ нүхэдни алинһаашье үлүү хүндэтэй байха ушартай тула иигэжэ таанараа зохихо зохихо тушаалда томилбоб» гэбэ.

126. Чингисые хаан болгобо гэжэ Хэрэйдэй Тоорил ханда Тахай Сүхэхай хоёрые эльгээхэдэнь, Тоорил хан хэлэбэ: «Тэмүүжин хүбүүниием хаан болгоһониинь маша зүб.

Монголшууд хаангүй байжа яажа болохоб.

Энэ шиидэбэриеэ эбдэхэгүй,
Эб зангилаагаа таһалхагүй,
Эхи захаяа алдахагүй —
Хэзээдэ журамтай байя» гэбэ.

IV. Жамууха ба тайчуудтай тэмсэһэниинь

127. Архай-Хасар Чаурхан хоёрые Жамуухада элшэ болгожо ябуулхадань, Жамууха хэлэбэ: «Алтан Хучар хоёрто ошожо хэлэ: Алтан, Хучар таанар Тэмүүжин анда бидэ хоёрой хоорондо һүбээе һэтэлжэ, хабиргые хадхажа юундэ һалгабабта? Тэмүүжин бидэ хоёрой хамта байхада, тэрээниие хаан болгоогүй аад, одоо ямар һанаагаар тэрээниие хаан болгобобта? Алтан Хучар та хоёр хэлэһэн үгэдөө хүрэжэ, Тэмүүжин андын сэдьхэлые амаруулжа, андада һайн нүхэр боложо ябагты» гэжэ хэлүүлбэ.

128. Тэрэнэй хойно Жалама уулын үбэртэ Үлгы-булаг гэдэг газар нютаглан һуугаа Жамуухын дүү Тайчар, Саарь-хээр гэдэг газар байгаа манай Жочи-Дармалын адууе дээрмэдэхээр ябажа, Жочи-Дармалын адууе Тайчар дээрмэдэн абаашаба. Тиихэдэнь Жочи-Дармала адуугаа дээрмэдэгдээд, нүхэдэйнгөө зүрхөө шантаржа ябахагүйн тула Жочи-Дармала өөрөө гансаараа нэхэжэ һүни адуунайнгаа захада хүрөөд, моринойнгоо дэлһэн дээрэ эльгээрээ хэбтэжэ ошоод, Тайчарай нюргые хуха харбан алажа, адуугаа бусаажа абаад ерэбэ.

129. «Дүү Тайчараа алуулба гэжэ Жамууха Жадаранай арбан гурбан отогые нэгэдхэн хүтэлжэ, гурбан түмэн сэрэгые абажа, Алагууд, Тургагууд уулые дабажа, Чингис хаанда халдахаар гараба» гэжэ Ихирэс обогой Мүлхэ-тотаг Боролдой хоёр Чингис хаанай Хүрэлхэдэ байхада хэлэжэ ерэбэ. Энэ мэдээе абаад, Чин-

гис хаан арбан гурбан хүрээнһээ гурбан түмэн сэрэгые абажа, Жамуухые угтажа мордоод, Даланбалжуд гэдэг газар байлдаба. Чингис хаан Жамуухада шахагдажа, Онон мүрэнэй Зээрэн гэдэг хабшалда шургажа оробо. Иихэдэнь Жамууха хэлэбэ: «Ононой Зээрэн хабшалда тэдэниие бидэ шургуулаабди» гэжэ бусахадаа, чинос обогой залуушуулые далан тогоондо бусалгажа, Нэүдэй сагаан гуагай толгойень отолжо, мориной һүүлдэ шэрээд ошобо.

130. Жамуухын бусаһанай һүүлээр тэндэһээ Урууд аймагай Жүрчидэй, Мангуд аймагай Хуйлдарнар харьяата зоноо дахуулжа Жамуухаһаа һалаад, Чингис хааниие түшэжэ ерэбэ. Хонхотанай Мэнлиг эсэгэ Жамуухые дахажа байһан аад, одоо долоон хүбүүдээ дахуулан Жамуухаһаа хахасажа, Чингис хаанда ниилэн ерэбэ. Жамуухаһаа эды олон уладай һалажа, Чингистэ өөртэнь ерэбэ гэжэ баясажа, Чингис хаан, Оэлүн үжин, Хасар, Жүрхинэй Сача бэхи, Тайчуунар Ононой шугыда ниилэжэ хурим хэбэ. Чингис хаан, Оэлүн үжин, Сача, Хасар бэхинэртэ түрүүлэн нэжээд хундага бариба. Дараань Сача бэхиин бага эхэнэр Эбэхэйдэ түрүүлэн хундага барихадань, Хорижин хатан Хуурчин хатан хоёр уурлажа: «Бидэндэ түрүүлэн барихагүй, яахадаа Эбэхэйдэ эхилэн хундагалбабта?» гэжэ тогоошо Шихүрые сохибо. Тогоошо Шихүр наншуулаад, «Есүхэй баатар Нэгүн тайжа хоёрой үгы байһан тула иигэжэ зодуулбаб» гэжэ ехэ шангаар уйлаба.

131. Тэрэ хуримые манай талаһаа Бэлгүтэй эмхилээд, Чингис хаанай мориие барижа байба. Жүрхинһээ Бүрибүхэ тэрэ хуримые эмхилжэ байба. Тиигэтэр хатагин обогой нэгэ хүн бидэнэй мориной уяанһаа жолоо хулгайлжа абаад баригдаба. Бүрибүхэ тэрэ хүниие үмөөржэ, Бэлгүтэйтэй хэрэлдэбэ. Бэлгүтэй үргэлжэ барилдадаг тула баруун хамсыгаа шамажа, гараа нюсэгэн гаргаад байба. Бэлгүтэйн нюсэгэн мүрые Бүрибүхэ илдээр хаха сабшаба. Бэлгүтэй иигэжэ сабшагдаашье һаа, огто ажаггүй, шуһаа һабируулжа ябахыень һүүдэртэ һуугаад найрлажа байһан Чингис хаан хараад, гаража ерээд һураба: «Хэндэ иигэжэ сабшуулбабши?» Тиихэдэнь Бэлгүтэй хэлэбэ: «Үглөөгүүр иимэ ушар болоо. Минии түлөө аха дүүнэр муудалсажа болохогүй. Би гажархагүйб. Минии шарха хүнгэн. Аха дүүнэр һая эжэллэн найрлажа байһан тула минии түлөө аха бэтэгэй муудалса, жаахан хүлеэ» гэбэ.

132. Чингис хаан Бэлгүтэйн аргадажа хэлэһэн үгые хайхарангүй, хоёр талынхид модоной гэшүүһэ һуга татажа, айрагай бүлүүрые һугалжа абаад зодолдобо. Жүрхинэйхидые диилэжэ, Хорижин хатан Хуурчин хатан хоёрые буляажа абаба. (Хасар харбаха бүреэ нэгэ хүниие унагаажа байба. Бэлгүтэй хүхүүртэй айрагаар сохилдожо ябаба. Тайчууднар Бэлгүтэйе барижа абаад, хасаг тэргэһээ хүлижэ табиба. Унтаһан хойнонь Бэлгүтэй тэргыень үр-

тэлөөд ерэбэ. «Алтан тобшоһоо»). Жүрхинэйхидэй эбтээ ороё тэһэниие бидэ зүбшөөжэ, Хорижин хатан Хуурчин хатан хоёрые бусаажа үгэбэбди. Тэрэ сагта Хитадай Алтан хаан Татаарай Мэгүжин-һүүлтые эб таһалжа һалахагүйдэнь, Вангин чансанда сэрэг үгэжэ, тэдээнтэй дары байлда гэжэ ябуулба. Вангин чансан, Мэгүжин-һүүлтэ түрүүтэй Татаартай байлдажа, Улз гэдэг газар өөдэ адуу малтайнь хамта түргэн намнажа ябана гэһэн мэдээ абаба.

133. Тэрэ мэдээ абаад Чингис хаан хэлэбэ: «Хэдынһээ хойшо Татаарнууд бидэнэй эсэгэ үбгэдые алаһан үһөөтэ дайсад бэлэй. Одоо энэ алалдаанда хабсаран оролсоё» гээд Тоорил хаанда элшэ эльгээбэ. «Алтан хаанай Вангин чансан Мэгүжин-һүүлтэ түрүүтэй Татаарые Улз өөдэ түрижэ ябана гэнэ. Эсэгэ үбгэдыемнай хорлоһон үһөөтэ Татаартай байлдая. Тоорил хан эсэгэ дары ерэгты» гэжэ захиба. Энэ захяаень абаад, Тоорил хан хэлэбэ: «Хүбүүмни (Чингис) зүб үгэ хэлэжэ ерүүлээш. Бидэ хамтаран байлдая» гээд, гурбадахи үдэртөө сэрэгээ суглуулжа мордоод, Тоорил хан дары Чингисые угтан хүрэжэ ерэбэ. Чингис хаан Тоорил хаан хоёр Сача бэхи түрүүтэй жүрхинэртэ иигэжэ хэлүүлбэ: «Энэ байлдаанда хабсаржа, эртэнэй үбгэ эсэгэдыемни хорлоһон Татаартай байлдахаар хамта мордоё» гэжэ элшэ ябуулаад, зургаан үдэр хүлеэбэшье, тэдэ ерэбэгүй. Хүлеэжэ ядаад Чингис хаан Тоорил хаан хоёр сэрэгээ абажа, Вангин чансантай хабсархаар Улз өөдэ ябажа ошоходонь, Улзын Хусуту шитүэн, Нарату шитүэн гэдэг газар Татаарай Мэгүжин-һүүлтэ түрүүтэй Татаарнууд хорёо бүхэлэлтэ бариһан байба. Чингис хаан Тоорил хаан хоёр тэрэ Мэгүжин-һүүлтынхидые бүхэлэлтэ соонь барижа, Мэгүжин-һүүлтые тэндэнь алаад, мүнгэн үлгы ба тана эрдэни хүнжэлыень Чингис хаан олзолон абаба.

134. Мэгүжин-һүүлтые алаба гэжэ Чингис хаан Тоорил хаан хоёрой мэдээсэл гаргахадань, Вангин чансан дуулаад, маша ехээр баярлажа чаутхури (хитадаар хүсэтэ ноён) гэдэг соло олгобо. (Энэ үгые иигэжэ Рашид Эддин тайлбарилһан юм).

Хэрэйдэй Тоорилдо ван соло олгогдобо. Вангин чансанай ван соло үгэһэнһөө хойшо Тоорилые ван гэжэ нэрлэдэг болобо. Вангин чансан хэлэбэ: «Мэгүжин-һүүлтые хамтаран алажа, таанар Алтан хаанда ехэ туһа хүргэбэт. Энэ туһыетнай би Алтан хаанда хэлэхэб. Чингис хаанда энээнһээ үлүү соло олгохоёо Алтан хаан мэдэнэ бээ» гэбэ. Вангин чансан тиигэжэ баяртай бусаба. Чингис хаан Ван хан хоёр Татаарые хубаажа абаад, гэртээ харижа бууба.

135. Татаарай хоргодожо байһан Нарату шитүэнэй нютаг дээрэ нэгэ жаахан хүбүүнэй орхигдоһые манай сэрэгүүд олобо. Харахадань, сахаригтай алтан ээмэг зүүһэн, булгаар доторлоһон

торгон хантааз үмдэһэн байба. Тэрэ хүбүүе Чингис хаан асаржа, Оэлүн эхэдээ бэлэг болгон үгэбэ. Оэлүн эхэнь хэлэбэ: «Һайн хүнэй хүбүүн бэзэ. Изагуур һайтай хүнэй ураг садан бэзэ. Табан хүбүүдэймни удаада зургаадахи хүбүүн болгоё» гээд Шигихутуг гэдэг нэрэ үгэбэ.

136. Чингис хаанай ара гэр (анханайнь гэр) Харилт нуурта байһан юм. Жүрхинэйхид Чингисэй ара гэртэ үлдэһэн хүнүүдтэ добтолжо, табин хүнэй хубсаһыень тоноод, арбан хүниень алаба. Жүрхинэйхид иигэжэ һүйдхэбэ гэжэ бидэнэй ара гэртэ үлөөшэд Чингис хаанда дуулгаба. Тиихэдэнь Чингис хаан маша ехээр уурлажа хэлэбэ: «Жүрхинэйхид бидэниие яахадаа иигэжэ байха болоо юм. Ононой шугыда хурим хэжэ байхадамнай, тогоошо Шихүрые тэдэ наншаба. Баһа Бэлгүтэйн мүрые сабшаба. Эблэрэе гэхэдэнь, бидэ Хорижин хатан Хуурчин хатан хоёрые бусаажа үгөөбди. Тэрэнэй хойно эсэгэ үбгэдыемнай хорлоһон эртэнэй үһөөтэ Татаарые хамһажа сохиё гээд жүрхинэйхидые зургаан үдэр хүлеэһэмнай ерээгүй. Одоо баһа дайсанай хажуугаар баһа дайсан бии болобо» гээд Чингис хаан Жүрхинтэй байлдахаар морилбо. Жүрхинэйхидэй Хэрлэнэй хүдөө аралай Долоон болдог гэдэг газар байхада дайлан ороходомнай, Сача бэхи Тайчу хоёр үсөөн хүнүүдээ абажа зугадаба. Хойноһоонь намнажа, Тэлэтү Ам гэдэг газар хүсэжэ, Сача бэхи Тайчу хоёрые барибабди. Баряад Чингис хаан Сача Тайчу хоёрто хэлэбэ: «Урда бидэ юун гэжэ хэлсээ бэлэйбди?» Тиихэдэнь Сача Тайчу хоёр хэлэбэ: «Бидэнэй хэлэһэн үгэдөө хүрөөгүй һаа, үгэдэмнай хүргэ» гэбэ. Тэдэнэй урид хэлэһэн үгыень һануулжа, хэлэһэн үгэдэнь хүргэжэ, тэдэниие алаба.

137. Сача Тайчу хоёрые дараад, Жүрхинэй хүн зониие хүдэлгэжэ ерэхэдэ, тэдээн дотор Жалайрай Тэлэгэтү баянай. хүбүүн Гун гуа, Чулуун хайч, Зэбгээ гурбан байба. Гүн гуа Мухулай (Мухули) Буха хоёр хүбүүдээ Чингистэй уулзуулжа хэлэбэ:

«Богоһыншни
Богоол болтогой!
Богоһоһоошни
Будхажа зайлабалынь,
Борбииень отолоорой!
Үүдэнэйшни
Үмсэ болтогой!
Үүдэнһээшни
Үнгэрэн зайлабалынь,
Эльгыень хобхолоорой!» гэбэ.

Чулуун хайч Түнгэ Хаши хоёр хүбүүдээ уулзуулан үгэжэ хэлэбэ:

«Алтан богоһыешни
Алдангүй һахижа байг.

Алтан богоһоһоошни
Алад ошоо һаань,
Амииень таһалжа алаарай.
Үргэн үүдыешни
Үргэжэ үгэжэ байг,
Үүдэнһээшни
Үнгэрэн зайлаа һаань,
Үрыень гэмтээжэ алаарай» гэбэ.

Зэбгээе Хасарта үгэбэ. Зэбгээ Жүрхинэй нютагһаа Борохул нэрэтэй хүбүүе оложо абаһанаа Оэлүн эхэдэ үгэбэ.

138. Оэлүн эхэ мэргидэй нютагһаа оложо абаһан Хүчү нэрэтэй хүбүү, тайчуудай бэсүдэй нютагһаа оложо абаһан Хүхүчү, Татаарай нютагһаа оложо абаһан Шигихутуг, Жүрхинэй нютагһаа оложо абаһан Борохул — эдэ дүрбэн хүбүүдые гэр соогоо үндылгэжэ байба. Оэлүн эхэ хүбүүдтээ хэлэбэ: «Эдээниие үдэртөө хараха нюдэн, һүниндөө шагнаха шэхэн болгоё» гэбэ.

139. Жүрхин обогой уг гарбалынь Хабул хаанай долоон хүбүүдэй ахань Охинбархаг байһан юм. Тэрэнэй хүбүүн Соорхату Жүрхи, Жүрхинэй эсэгэ, Хабул хаанай хүбүүдэй ахань байһан тула харьяата иргэнэй дундаһаа

Эрхиидээ эршэтэй,
Эльгэндээ шүүһэтэй,
Уушхандаа ууртай,
Уралдаа хилэнтэй
Хүсэтэ бүхэ ба
Эрдэмтэй эрэшүүлые

илгажа хүбүүндээ үгэбэ. Иигэжэ ууртай омогтой, хатуу зүрхэтэй хүнүүд ниилэһэн тула Жүрхин гэжэ нэрлэгдэһэн юм. (Эрын эрэ түрэһэн «Алтан тобшоһоо»). Чингис хаан иимэ омогтой жүрхинэйхидые доройтуулан даража, олон арадыень өөрын иргэн болгобо.

140. Чингис хаан нэгэ үдэр Бүрибүхэ Бэлгүтэй хоёрые барилдуулая гэбэ. Бүрибүхэ Жүрхиндэ байһан бэлэй. Бүрибүхэ урдань Бэлгүтэйе үрөөһэн гараараа барижа, үрөөһэн хүлөөрөө ташажа унагаагаад, хүдэлгэнгүй даража шададаг һэн. Бүрибүхэ уласай алдарта бүхэ байгаа. Энэ удаа Бүрибүхэ Бэлгүтэй хоёрые барилдуулхадань, Бүрибүхэ диилдэхэгүй хүн байтараа унажа үгэбэ. Бэлгүтэй Бүрибүхые арай үгэжэ ташаалдин даража, һур бүһыень тулаад, Чингис хааниие нюдөөрөө хялам гэжэ харахадань. Чингис хаан доодо уралаа зууба. Бэлгүтэй энээниень ойлгожо, Бүрибүхые аг бажуужа, сээжэ, бүгсэһөөнь угзаран татажа нюргыень хухалба. Бүрибүхэ нюргаа хухалуулхадаа хэлэбэ: «Бэлгүтэйдэ би диилдэхэгүй һэм. Харин айжа

аргадажа зорюута унаад, амияа алдабаб» гээд үхэшэбэ. Тэрэнэй нюргые Бэлгүтэй хухалжа, шэрэжэ абаашаад хаяба. Хабул хаанай долоон хүбүүдэй ахамадынь Охинбархаг, хоёрдохинь Бартан баатар байһан юм. Тэрэнэй хүбүүн Есүхэй баатар. Гурбадахинь Хутугт Монхор. Тэрэнэй хүбүүн Бүрибүхэ. Бүрибүхэ барилдахадаа, Бартан баатарай хүбүүдһээ үлүү аад, Бархагай зоригто хүбүүдтэй нүхэсэжэ ябадаг байгаа. Уласай бүхэ Бүри иигэжэ Бэлгүтэйдэ нюргаа хухалуулжа үхэбэ.

141. Тэрэнэй хойно, тахяа жэл (1201 ондо) хатагин салжиуд хамтаараа, Багу чорхи түрүүтэй хатагинайхид, Чирхитэй баатар түрүүтэй хатагин салжиуднар, Дүрбэнэй татаартай найрамдаһан Хачиун бэхи түрүүтэй дүрбэнэйхид, Алчи, Жали буха түрүүтэй татаарнууд, Түгэ маха түрүүтэй ихирэсүүд, хонгирадай Тэрхэг Эмэл Алхуйнар, Чоёг цагаан түрүүтэй горлосууд, найманай Гүчүд, найманай Буйруг хан, мэргидэй Тогтоа бэхиин хүбүүд Хуту, ойродой Хутуг бэхи, тайчуудай Таргудай Хирилтуг, Ходун орчан, (Монголой «Алтан тобшоһоо») Аучу баатарнууд, бусад тайчууднар Алхуй булаг гэдэг газар суглажа, жажирдай обогой Жамуухые хан болгон үргэмжэлхөөр хэлсэжэ, азарга гүүе алажа ама алдан тангариглаад, тэндэһээ Эргүнэ мүрэн руу нүүжэ, Эргүнэдэ шудхадаг Хаан мүрэнэй шанаагай Агуу нугада Жамуухые гүр хан (бүгэдын хан) болгожо үргэмжэлбэ. Жамуухые бүгэдын хаан болгон үргэмжэлөөд, Чингис хаан Ван хаан хоёртой байлдахаар мордоё гэлсэбэ. Иигэжэ байлдаха гэһэниень горлосой Хоридой гэдэг хүн Чингис хаанай Хүрэлх гэдэг газар байхада ерэжэ хэлэбэ. Энэ һурагые Чингис хаан мэдээд, Ван хаанда дуулгаба. Ван хаан соносоод, сэрэгээ абажа дары Чингис хаанда хүрэжэ ерэбэ.

142. Ван хаанай ерэхэтэй адли Чингис хаан Ван хаан хоёр хамтаржа, Жамуухын урдаһаа байлдахаар морилоё гэжэ Хэрлэн мүрэн руу мордожо, Чингис хаан Алтан Хучар Даридай гурбые түрүүндэ ябуулба. Ван хаан Сэнгүн, Жаха хамбу, Билгэ бэхи гурбые манлайда ябуулба. Энэ түрүүлжэ ябагшадай урда тээ баһа харуул гаргажа, Энэгэн Гүйлтү гэдэг газар нэгэ һуурин харуул табиба. Тэрэнэй саана Чихурху гэдэг газар баһа нэгэ һуурин харуул табиба. Тэрэнэй манлай боложо түрүүлэн ябаһан Алтан, Хучар, Сэнгүннэр Утхияа гэдэг газар хүрэжэ бууя гэжэ байтарнь, Чихурхуда табиһан харуулһаа хүн дабхин ерэжэ, «Дайсан ерэжэ ябана» гэжэ мэдээсэбэ. Тэрэ мэдээ абаад дайсанһаа тодорхой мэдээ абая гэжэ буунгүйгөөр угтан ябажа, дайсанай түрүүн ябагшадтай уулзажа, «Хэн бэ?» гэжэ асууба. Жамуухын манлай болгожо ябуулһан Монголой Аучу баатар, найманай Буйруг хаан, мэргидэй Тогтоа бэхиин хүбүүн Хуту, ойродой Хутуг бэхи эдэ дүрбэн ябажа байба. Бидэнэй манлай тэдээнтэй хаш-

харалдан хэлсэжэ, маргааша байлдая гэжэ хэлсээд, үдэшэ болоходо бусажа голдо ниилэн буужа хонобо.

143. Тэрэнэй үглөөдэр хоёр дайсан этэгээд Хүйтэн гэдэг газар ушаржа, бэе бэеэ шахалсан дабшаха, сухариха зэргээр байлдажа байба. Мүн Буйруг хаан Хутуг хоёр хура оруулха, шуургалуулха аргые мэдэхэ байгаа. Тэрэ хоёрой үүдхэһэн арга тэдээн дээрэ буужа, шабар шабха болоод урагшаа ябаха аргагүй болоходонь, «Бидэндэ тэнгэриин уур хилэн хүрэбэ» гээд таража зугадашаба.

144. Найманай Буйруг хаан Алтайн үбэр Улугтаг гэдэг газар руу зорин һалажа хүдэлбэ. Мэргидэй Тогтоагай хүбүүн Хуту Сэлэнгые шэглэн хүдэлбэ. Ойродой Хутуг бэхи ой модо руу орохоор Шисгисые зорин хүдэлбэ. Тайчуудай Аучу баатар Онониие шэглэн хүдэлбэ. Жамууха өөрөө тэрэниие хаан болгон үргэмжэлһэн иргэдые дээрмэдээд Эргүнэ руу бусахаар гараба. Тэдэнэй тиигэжэ бутархада, Ван хаан Эргүнэ руу Жамуухые нэхэжэ шэглэбэ. Чингис хаан Ононой зүг руу тайчуудай Аучу баатарые нэхэбэ. Аучу баатар уладтаа хүрөөд, тэдэниие үймүүлжэ хүдэлгөөд, Аучу баатар Ходун орчан хоёр үлдэһэн шэлэмэл сэрэгээ заһажа, Ононой саана байлдахаар хүлеэжэ байба. Чингис хаан хүрэһөөр тайчуудтай байлдаба. Зууралдан ехээр тулалдажа, үдэшэ болоходо мүн байлдаһан газартаа хонобо. Үймэргэгдэһэн айлнууд байлдаһан сэрэгүүдтэй хамта хүреэ боложо хонобо.

145. Чингис хаан тэрэ байлдаанда хүзүүнэйнгээ һудаһа руу шархатажа, шуһань тогтонгүй ядаран зобожо, нара ороходо энэ байлдаанайнгаа газарта бууба. Чингисэй бүлинтэһэн шуһые Зэлмэ амаараа шэмэжэ (уралаа шуһадажа, ондоо хүндэ этигэнгүй, өөрөө һахижа һууһаар һүни дууһаха болобо. Шуһыень амаараа дүүрэн балгажа адхаһаар һүни үнгэрхэ багта Чингис хаанай ухаан һэргэжэ хэлэбэ: «Шуһамни хатаха болоо. Ундамни ехээр хүрэнэ» гэбэ. Энэ үедэ Зэлмэ малгай, гутал, дэгэл хубсаһаа бултыень тайлажа, шараа нюсэгөөр гансахан дотор үмдөөрөө эсэргүү дайсанай дунда гүйжэ ороод, саана хүреэлжэ байһан иргэдэй тэргэ дээрэ абиржа гараад, сэгээ бэдэрээд олобогүй. Ушарынь үймэжэ нүүһэн айлнууд гүүнүүдээ һаангүй табиһан байгаа. Сэгээ олдохогүйдэнь, нэгэ ехэ хүхүүртэй тараг тэргэ дээрэһээ хулгайлжа абаад үргэжэ ерэбэ. Зэлмэ иигэжэ ошохо ерэхэдээ нэгэшье хүндэ мэдэгдэбэгүй. Тэнгэри үршөөгөө бэзэ. Хүхүүртэй тарагаа асараад, Зэлмэ өөрөө хаанаһаашьеб уһа оложо, тарагаа зуураад Чингис хаанда үулгаба.

Чингис хаан гурба удаа амаржа уугаад хэлэбэ: «Зосоомни һаруул болобо» гээд үндыжэ һуутарнь, үүр сайжа гэгээ ороо бэлэй. Зэлмын шэмэжэ адхаһан шуһан тэдэнэй һууһан тэрэ багай газарые намаг болгоһон байба. Энээниие Чингис хаан хаража хэ-

лэбэ: «Энэ юун бэ? Холо адхахаяа яагаабта?» гэбэ. Тиихэдэнь Зэлмэ харюусаба: «Шинии зобожо ядаржа байхада, холо ябахаһаа айжа һандаржа залгихыень залгяад, адхахыень адхаад байгаа бэлэйлби. Гэдэһэндэмни баһа ехээр ороо» гэбэ. Чингис хаан баһа хэлэбэ: «Минии иимэ болоод хэбтэжэ байхада, ши юундэ нюсэгөөр гүйжэ ошообши? Ши баригдабал, намайе эндэ иигэжэ хэбтэнэ гэжэ хэлэхэ байгаа бэшэ аалши?». Энээндэнь Зэлмэ харюусаба: «Би иигэжэ бодоо һэм. Нюсэгэн ябаад, хэрбээ баригдаа һаа, би тэдээндэ иигэжэ хэлэхэ байгааб: би танай талада орохо дуратай ябааб. Гэтэр манайхин энээниие мэдээд, намайе барижа алая гэжэ хубсаһыем дуунан тайлажа, ганса үмдөөрөө үлөөд байтараа, би мултаржа танда зугадажа ерэбэб гэхэ һэм. Минии үгэдэ үнэмшэжэ, тэдэ намда хубсаһа үгэхэ байгаа. Би тиихэдэнь нэгэ мори оложо унаад хүрэжэ ерэжэ шадаха байгаа бэшэ аалби? Би иигэжэ бодоод, хаанай зобоһон бэеые амаруулая гэжэ нюдэ сабшаха зуура шиидэжэ ошоо бэлэйлби» гэбэ. Чингис хаан хэлэбэ: «Би одоо юун гэхэбиб. Минии урдань гурбан мэргидтэ намнуулжа, Бурхан халдунда хоргодожо, гурба дахин нэгжүүлхэдэмни, ши минии амиие нэгэ абаржа гарааш. Одоо баһа ши тогтонгүй гаража байһан шуһыемни амаараа шэмэжэ, амииемни үшөө нэгэ аршалбаш. Баһа сангажа ядаран байхадамни, бэеэ хайрлангүй, хараа байса дайсанай дунда орожо, унда асараад, ами оруулбаш. Энэ гурбан ашыешни би хэзээдэшье мартахагүйб» гэжэ айладхаба.

146. Үдэр болоходо харахалаарнь, байлдахаар бэлэн хоноһон дайсанай сэрэгүүд һүниндөө бутаран зугадаһан байба. Харин хүреэлжэ бууһан уладууд сэрэгтэй хамта түргөөр нүүжэ шадахагүй ушарһаа хүдэлэнгүй гээгдэбэ. Үймүүлэгдэһэн уладые суглуулжа асарая гэжэ Чингис хаан хоноһон газарһаа мордожо, тараһан уладые хуряажа ябахадань, нэгэ улаан дэгэлтэй эмэгтэй хүн «Тэмүүжин, Тэмүүжин» гэжэ ехэ шангаар уйлаха бархирхыень Чингис хаан өөрөө сонособо. «Ямар хүнэй эхэнэр иигэжэ уйлажа байнаб?» гэжэ асуулгахаар хүниие эльгээбэ. Тэрэ хүнэй ошожо асуухадань, үнөөхи эхэнэр хэлэбэ: «Би Сорхон-шарын үхинби. Хадаан гэжэ нэрэтэйб. Үбгыемни эндэ сэрэгүүд алаха гэжэ байна. Үбгыемни абаржа үгыш гэжэ Тэмүүжиниие дуудажа байнаб» гэбэ. Тэрэ хүн бусажа ерээд Чингис хаанда тэрэнэй үгыень хэлэхэдэнь, Чингис хаан соносоод, дабхин ошожо моринһоо буугаад, Хадаантай тэбэрилдэбэ. Гэхэ зуура үбгыень манай сэрэгүүд тэрэ хоорондо алажархиһан байба. Тэдэ уладые суглуулаад, Чингис хаан ехэ сэрэгтээ хамта тэндэ буужа хонобо. Хадааниие дуудан ерүүлжэ, хажуудаа һуулгаба. Маргааша үдэрнь Түдэгэгэй харьяатан байһан Сорхон-шар Зэбэ хоёр хүрэжэ ерэбэ. Чингис хаан Сорхон-шарда хэлэбэ:

«Хүзүүндэмни углаһан
Хүндэ модые
Хүсэртэ хаяһан,
Захадамни углаһан
Заадаһа дүнгые
Зайлуулжа үгэһэн
Эсэгэ мэтэ ашата
Эрхим аха та
Иигэжэ юундэ хожомдожо ерээбта?» гэбэ.

Сорхон-шар хэлэбэ: «Би шамда зосоогоо аргагүй этигэһээр ябанаб. Яараад яаха бэ? Хэрбээ яаража урид ерэбэлни, тайчуудай ноёд минии байрадаа үлэһэн эхэнэр, хүбүүд, адуу малыемни үнэһэн болгон хиидхэжэ магад байһан тулань би яараагүйб. Одоо хаандаа ниилэжэ ерэбэб» гэбэ. Энэ үгыень соносожо Чингис хаан «Зүб» гэбэ.

147. Баһа Чингис хаан хэлэбэ: «Хүйтэн гэдэг газар урагшаа дабшаха, сухариха зэргээр байлдажа байхадамни, уула дээрэһээ харбажа, минии байлдаанай ама сагаан хула моринойм амаргал хүзүүе хэн шархатуулаа һэм?». Тэрэ үгыень соносоод, Зэбэ хэлэбэ: «Уула дээрэһээ харбаһан хүн би байгааб. Одоо хаан намайе

Алая гэбэл ала.
Альганай шэнээн газарые
Алаг болгожо үмхирхэ
Алда бэе байна.
Абарая гэжэ һанаад
Амииемни хайралбалш,
Халда гэһэн газарташни
Харайжа ошоод би
Хара уһанай салгидатар,
Хадын шулуунай хэмхэртэр
Хариин дайсаниие добтолжо,
Хаан шамда туһалхаб.
Сээлэй уһанай салгидатар,
Сэгээн шулуунай хамхартар
Шэн зоригоо гаргажа,
Чингис шамда туһалхаб.
Хүрэ гэһэн газарташни
Хүрэжэ ошоод би
Хүр шулууе хэмхэлхэб,
Хүнэй зүрхые шандаруу болгохоб!» гэбэ.

Чингис хаан хэлэбэ: «Дайсанай хүн дайлажа хорложо ябаһанаа нюужа, худалаар хэлэдэг. Гэхэ зуура ши дайлаһан хорлоһоноо нюунгүй, сэхэ хэлэжэ байнаш. Иимэ хүнтэй нүхэсэжэ бо-

лохо. Шинии Зургаадай нэрые һэлгүүлжэ, байлдаанай ама сагаан хула мориноймни амаргал хүзүүе зэбээр харбаһанайшни түлөө Зэбэ гэжэ нэрэ үгэе. Минии дэргэдэ зэбэ мэтэ хамгаалжа яба» гэжэ зарлиг буулгаба. Тайчуудһаа Зэбын ерэжэ нүхэсэһэн ушар иимэ бэлэй. (Чингис өөрынгөө шархатаһаниие далдалжа, морёо шархатуулһан мэтээр хэлэжэ байһан бололтой).

V. Татаарые һүнөөһэн ба Ван хаантай эбээ таһарһаниинь

148. Чингис хаан тэндэ тайчуудые добтолжо, Аучу баатар, Ходун орчан, Худуудар зэргын тайчуудай изагууртаниие ураг үндэһэндэнь хүрэтэр үнэһэн тоборог болгожо хюдаба. Улад иргэниень нүүлгэжэ, Чингис хаан Хубахаяа (Ухаа хаяа) гэдэг газар ерэжэ үбэлжэбэ.

149. (Суута богдо Чингис хаан заха нютагта нютаглажа ябаха сагтаа нэгэ үдэр дүтынгөө юһэн сайдые абажа мүр мүшхэжэ, юумэнэй бараа хаража ябаад иимэ зарлиг буулгаба: «Алишье зүгһөө ямаршье дайсан ерэжэ магадгүй, юһэн сайдни гурбан хэһэг болоод ябагты» гэбэ. Эзэнэй зарлигые дагажа Зэлмэ, Чуу мэргэн, Шигихутуг гурбуулаа нэгэ хэһэг болобо. Боорчи, Борохул, Мухулай гурбуулаа нэгэ хэһэг болобо. Сүндүснэй Сорхон-шар, бэсүдэй Зэбэ, ойродой Хар хирүгэ гурбан нэгэ хэһэг боложо гэртээ үлдэбэ. Эзэн бусад зургаан сайдаа абажа, мүр мүшхэжэ, юумэнэй бараа хаража Чахарай ханын ара тээгүүр, Жалман ханын үбэрөөр гаража ябатарнь эзэнэй дорохоо

Халтар тэхэ
Харайн гэхэдэнь, эзэн
Толбото боро морёороо
Добтолон хүсэжэ,
Агсаһан номоёо
Ангайлган татажа,
Алтан һуршаяа
Алдалан дэлижэ,
Алаг тэхые
Атиртарнь харбажа,
Алан гэхэдэнь,
Арадахи сайдынь
Амадан буужа
Абажа ганзагалхые забдахадань,

Эзэн зарлиг буулгаба: «Энээниие таанар үтэр үбшэжэ шарагты. Би тэрэ Шара тэбсэг дээрэ гаража, юумэнэй бараа харахамни» гээд ошобо. Тэндэ эзэнэй нойр хүрэжэ, толбото боро мориноингоо дэлһэн дээрэ ташууряа тулажа унтаад, нэгэ зүүдэ хараба. Чингис хаан һэреэд, зургаан сайдтаа ерэжэ айладхаба:

«Би нэгэ зүүдэ зүүдэлбэб.
Боро зүрхэмни
Булгилба.
Богони хабиргамни
Шэмшэрбэ.
Болошогүй дайсан
Ерэхэнь бололтой.
Үндэр уулын саадахи
Үргэн шара талада
Гурбан хара тугтай
Гурбан зуун дайсан байна.
Гурбан зуун дайсанай
Хушууша баатарынь
Зээрдэ морёо унажа,
Зэбэтэ hуршаяа дэлижэ,
Бата хуягаа үмдэжэ,
Бараан hахалаа эльбэжэ,
Баруун тээшээ шэртэжэ,
Зүүн тээшээ ажаглажа
Зүү мэтэ жэрбэлзэжэ,
Утаha мэтэ улалзажа ябана.
Энэ зүүдэмни хэрбээ үнэн hаа, зургаан сайдуудни, таанар яахабта?» гэжэ асууба.

Шигихутуг хэлэбэ:

Холо ойрые харагша
Хоёр хурса нюдөөрөө
Монгол аймагые
Мохотор,
Мэргид аймагые
Мэгдэтэр,
Тайчууд аймагые
Далдиртар,
Hарын газарые
Hарабшалан хаража,
Жэлэй газарые
Жэрбылгэн үзэжэ,
Хара нюдэнэй сэсэгыгээр
Хаан шамдаа туhалая.
Эрьехэ наранай харасаар
Эзэн шамдаа туhалая» гэбэ.

Зэлмэ хэлэбэ:

«Үхэхэ амяа
Хайрлангүй,
Үгырхэ малаа

Харамнангүй,
Үзэгдэхэ дайсаниие
Һүрэшэтэрнь нюдаржа,
Харагдаха дайсаниие
Халтиртарнь дайража,
Замдаа дайралдаһые
Зада сохижо,
Мүртөө дайралдаһые
Мүлтэ сохижо,
Хара тугынь
Хаман абажа,
Бариһан хүниием
Байлдан алажа,
Хиидэхэ тугынь
Гэшхэн дэбһэжэ,
Уринхай тугынь
Уладаа гэшхэжэ,
Дайсанай һүрые
Даран һүнөөжэ,
Дахин бодохо
Шадалынь мүхөөе» гэбэ.

Чуу мэргэн хэлэбэ:

«Добтолон орохо шадалгүй болобошье,
Тогтоһыень батадхаха шадалтайлби.
Эршэлэн дайраха шадалгүй болобошье,
Эбдэрһые һэльбэхэ шадалтайлби.
Уулагар зантай Чуу мэргэн би
Уурлан орохо сагай болоходо
Ухарин зугадажа магадгүйгөө
Уридшалан хаандаа хэлээе.
Улас ороноо тогтооһон хойно
Ушартай үгөөрөө туһалжа шадахаб.
Хариин дайсаниие добтолхо сагта
Хаан эзэн Чингис шамда
Хашар минии болгоомжото үгэ
Хаа яашье һаа туһа болохо» гэбэ.

Боорчи хэлэбэ:

«Үһөөрхэн ерэхэ дайсанай
Үмэнэхи замыень бүглэжэ,
Халдан ерэхэ дайсанай
Харайха замыень хаажа,
Ашата эзэн шинии
Ами бэеые хамгаалжа,
Алтан жолооеышни

Алдалгүй дагажа,
Хандаһан зүгтэшни
Хахасангүй ябахаб» гэбэ.
Борохул хэлэбэ:
«Харбаха һомоной
Халхабша боложо,
Ханхинаха зэбын
Бамбай боложо,
Этигэлтэ эзэн шинии
Эдитэ бэедэ
Эритэ мэсые
Бү хүргэе» гэбэ.
Мухулай хэлэбэ:
«Дайсаниие даража
Олзые оруулжа,
Ерэхэ дайсанай
Эрииень мохоожо,
Бусаха дайсаниие
Бултыень хюдажа,
Хүлэг моринойнгоо
Һүүл дээгүүр
Хүхэ мана татуулжа,
Унаһан моринойнгоо
Дэлһэн дээгүүр
Ургаха һайхан наранай
Улаан гэрэл сасаруулжа,
Байлдаан бүхэндэ илаһан
Баяртай һайхан мэдээе
Баатар шамдаа хүргэе» гэбэ.
Чингис хаан:
Шэлэмэл зургаан сайдай
Шиидэбэритэй үгые соносожо,
Шараһан тэхын мяханһаа
Шамдагай эдижэ дууһаад,
Шаргал мориной жолоое
Шигихутугта үгэжэ:
— «Үзэһэн зүүдэнэймни
Үнэн худалые мэдэ»
гэжэ ябуулба.
Шигихутуг улабар шаргал морииень унаад —
Тала газар табилуулжа,
Тайга газар алхалуулжа,
Хүнды газар хатаруулжа,
Хүбшэ газар һажалуулжа,
Шара тэбсэг хүрөөд

Шалгажа һайтар харахадань,
Бараан тугые хиидхэһэн
Балмад дайсанай сэрэг
Балшииса тулгахадань,
Баатар Шигихутуг
Байһан газарайнгаа зүг
Бахардан дабхижа ерээд:
—«Шара тэбсэг дээрэ
Сошордон гаран гэхэдээ,
Гурбан зуун дайсантай
Сохоороо тулган уулзабаб.
Тайчуудые
Танибагүйб.
Мэргидые мэдэбэгүйб.
Монголые
Мохотор хаража шадабагүйб.

Хойшоо гансахан хилам гээд абахадаа, эзэнэй зүүдэндээ үзэһэн дайсантай адли шэнги байба» гэбэ. Тиихэдэнь зургаан сайдууд хуягаа үмдэжэ, бамбайгаа зүүжэ, байлдаанда бэлдэжэ байтарнь, дайсанай сэрэг хүрэжэ ерэбэ.

Сайд баатар Боорчи
Һаарал мориндоо мордожо,
Һамуун дайсанай урдаһаа
Һамбаа оложо ошоод
Һанал зоригыень асууба:

«Таанар юун зомта? Ёһотой хүн һаа ёһоёо хэлэ! Нэрэтэй хүн һаа нэрээ хэлэ!» гэхэдэнь, тэдэ харюусаба:

«Нэрээ асуулсахаяа
Ерээгүйбди.
Нэтэрэн байлдахаар
Ерээлди бидэ».

Боорчи хэлэбэ:

«Намда ушараа хэлэбэлтнай,
Найрамдалаар үршөөжэ бүлохо.
Наадаха тулаха һанаатай һаатнай,
Наранай галтайда эхилээе» гэбэ.

Тиихэдэнь саадахи хүниинь хэлэбэ:

«Танда хэлэхэ һайн нэрэ
Бидэндэ үгы,
Тарбагашан, загаһашан зомди бидэ» гэбэ.

Тиихэдэнь Шигихутуг: «Тэдээнһээ юумэ һураха хэрэггүй. Танинһан тайчууд байна. Татагалзангүй байлдая» гэбэ. Борохул буун гүйжэ, боро бамбайгаа абажа, Богдо эзэнээ хамгаалан зогсобо. Зэлмэ хүндэлэн тээһээ илдэ барижа ороод:

Мүртөө дайралдаһыень
Зам гаратар сабшажа,
Гурбан хара тугыень
Һуга татажа абаад,
Уула дээрэ абаашажа
Уруунь харуулан хадхаба.

Чуу мэргэн үни зугадаһан байба. Боорчи урагшаа хадхалдажа ябаха зууpаа, хойшоо Чуу мэргэниие хаража хэлэбэ: «Үй, Чуу мэргэн, байзыш! Эзэн хаанай түлөө иигэжэ зүдхэдэг юм гү! Нүхэнһөө гараһан алаг дааган мэтэ годо харайн зугадахадаа яагаабши? — гэбэ. Чуу мэргэн эрьежэ ерээд, энеэжэ хэлэбэ: «Зэргэлэн байлдая гэхэдэ, зэбэ дутаад байна» гэхэдэнь, эзэн алтан һаадагһаа будамал зэбэеэ һугалжа үгэбэ. Чуу мэргэн тэрэ зэбыень һомолон татажа, һуняалган дэлижэ, эрхиидэн һойжо, эрьюулэн шэглүүлжэ, дайсанай толгойе таһа харбажа, зээрдэ халзан мориень барижа ерээд эзэндэ үгэбэ. Эзэнэй тэрэ мориие унажа үзэхэдэнь, ниидэхэ шубуун, хиидэхэ һалхин мэтэ байба. Тиигээд зүршэһэн дайсаниие сүхэрүүлэн даража, хадхалдаһан дайсаниие хахад болгожо байтар, Борохулын толгойдо һомон тудаба. Тэрэ доошоо унажа, номоёо тэмтэржэ абаад һалбалзан түшэжэ, бамбайгаа алдангүй зогсоно. Боорчи урагшаа хадхалдажа ябаха зууpаа, хойшоо хаража тэрээндэ хэлэбэ: «Эрэ хүн гаһса һомондо унадаг юм аал? Эбэрээ сохюулһан эшэгэн мэтэ, юундэ эрьелдэн һалаганабаш?» гэбэ. Борохул моринойнгоо буруу талаһаа харайжа мордоод, халхабшаа барижа, хайхарангүй байлдажа оробо. Тиигээд халдажа ерэһэн дайсан алуулһан хүнэйнгөө бэеые абажа зугадаба. Эзэн зарлиг буулгаба:

«Буруу хандаһан дайсаниие яаха бэлэй?» гэхэдэнь, Боорчи хэлэбэ:

«Бурхан болоһон хүниие
Буянаар үдэшэдэг.
Буруу хандаһан дайсаниие
Зэр зэбээр үдэшэдэг.

Нэхээ» гэхэдэнь, тэрэ үгыень эзэн зүбшөөбэ. Цайтын сагаан талада дайсаниие хүсөөд, олон хониндо ороһон шоно мэтэ сабшажа, нэгэ зуун хүниие алаба. Хоёр зуун хүн зугадаба. Энэ байлдаанда зуун мори, табин хуяг олзолжо абаба.

Тэрэ сагта Чингис хаан «тэнгэри эсэгэдээ мүргэе» гэжэ доболиг үндэр дээрэ гаражa, тохомоо дэлгэжэ табяад, бүһэеэ хүзүүндээ үлгэжэ зальбаран айладхаба:

«Эрэ бэрхээрээ
Эзэн болоо бэшэлби.
Эрхэтэ тэнгэри
Эсэгын хайраар

Эзэн болоолби.
Эсэгэ тэнгэриин ашаар
Эсэргүү дайсанаа дараалби.
Хамаатан һайтайһаа
Хаан болоо бэшэлби.
Хаан тэнгэри эсэгын
Хайраар эзэн болоолби.
Хаан тэнгэри эсэгын үршөөлөөр
Хариин дайсаниие дараалби».

Иигэжэ мүргэбэ. Тэндэһээ мордожо ябахадаа, эзэн зургаан сайдаа магтажа дуулаба.

Эхилээд Шигихүтугые магтаһаниинь:

«Мэргидые мэгдээжэ,
Монголые мохоожо,
Тайчуудые танижа,
Дайсадые даралсаһан
Татаарай Шигихутугни» гэжэ магтаба.

Зэлмые магтаһаниинь:

«Орёо гүрөөһые
Ошожо баридаг,
(Ан гүрөөлые
Алдангүй мэдэдэг)
Омог дайсанай
Зүрхые шэшэрүүлһэн,
Унаха моригүй болоходом,
Унаа асаржа үгэһэн,
Ундархан сангаха үедэм
Ууха унда үгэһэн,
Һэргэг бага нойртой,
Һүбэлгэн мэргэн ухаантай,
Улас түрын түлөө
Урда сагһаа зүдхэһэн
Урианханай һайн Зэлмэмни» гэжэ магтаба.

Чуу мэргэниие магтаһаниинь:

«Зарлигыемни алдалгүй дагажа,
Заанһыем эндүүгүй гүйсэдхэжэ,
Дайсанай толгойе
Таһа харбажа,
Унаһан зээрдэ морииень
Угзаран буляажа,
Хадхалдаха дайсаниие
Хаха сохижо,
Зүршэлдэхэ дайсаниие
Сүмэ сохиһон Зүрчидэй Чуу мэргэмни» гэжэ магтаба.

Борохулыс магтаһаниинь:
«Харбаха һомондо
Халхабша болоһон,
Сууряата һомондо
Һарабша болоһон,
Толгойгоо шархатахадаа
Тохомоо алдаагүй
Кушанай һайн Борохулни» гэжэ магтаба.
Мухулайе магтаһаниинь:
«Дайсаниие даралсажа,
Олзые оруулалсажа
Ерэхэ дайсанай
Эриие мохоожо,
Бусаха дайсанай
Борьбые хянгардажа,
Хүлэг моринойнгоо һүүл дээгүүр
Хүхэ мана татуулжа,
Унаһан моринойнгоо дэлһэн дээгүүр
Ургаха нарые гиигүүлжэ,
Дайсанай хүрэнгэһөө
Таһархай утаһашье орхингүй,
Хухархай зүүшье гээнгүй,
Хуряан абажа ерэһэн
Жалайрай һайн Мухулаймни» гэжэ магтаба.
Боорчиие магтаһаниинь:
«Наһан залуу ябаха сагтам,
Найман шаргаяа бэдэрхэ үедэм,
Наранай ургаха хирэдэ
Намтай уулзаһанһаа хойшо
Наһандаа үнэнөөр зүдхэһэн
Наху баянай хүбүүн
Найртай хүлэг Боорчимни!
Айлз зуура ябахада
Алаг буруу мэтэ номгон байбашье,
Алалсаха дайсантай уулзахадаа
Арсалан барас мэтэ дошхоржо,
Аюулта дайсаниие дарахын түлөө
Ами бэеэ хайралдаггүй
Ашата хүлэг Боорчимни!
Ханилжа ябаха сагта
Хара буруу мэтэ номгон байбашье,
Хадхалдаха дайсантай тулаха сагта
Харсага шонхор мэтэ дошхоржо,
Хариин дайсаниие дарахын түлөө

Халуун амияа бододоггүй
Хайрата хүлэг Боорчимни!
Энеэлдэн ябаха сагта
Эжэл буруу мэтэ номгон байбашье,
Ерэхэ дайсантай ушархадаа
Эдитэ араатан мэтэ дошхоржо,
Эдимхэй дайсаниие дарахын түлөө
Этигэлтэ бэеэ хайралдаггүй
Эрэлхэг нүхэр Боорчимни!
Наадан ябаха сагта
Намарай унаган мэтэ эелдэр болобошье,
Наншалдаха дайсантай ушархадаа
Нашан шонхор мэтэ добтолжо,
Наһандаа ходо зүдхэһэн
Найза хүлэг Боорчимни!
Харижа бусалгүй ябагша
Хаан эзэнээ дахагша
Хайрата хүлэг Боорчимни» гэжэ магтан дуулаба.

Эзэнэй зургаан сайдуудаа магтажа дууһахада, Боорчи эзэнээ магтан дуулаһаниинь:

Есүхэй баатар эсэгэтэй,
Юһэн сэсэн түшэмэлтэй,
Юрэ бүгэдыень эрхэдээ оруулһан
Юртэмсын эзэн Чингис хаамни!
Оэлүн хатан эхэтэй
Үрлэг юһэн түшэмэлтэй,
Үгэдэй, Толуй хүбүүдтэй,
Үршөөл хайра ехэтэй,
Үнгэ бүриин уласые
Үмэнөө һүгэдүүлһэн,
Үһөөтэ дайсан бүгэдые
Үльмы дороо гэшхэһэн
Үндэр дээдэ эзэн хаамни!
Хаан эзэн шинии байхада,
Хариин дайсанһаа
Халшарха ябадалгүй.
Эзэн баатар шинии байхада,
Эзэрхэг дайсанһаа
Эмээхэ ябадалгүй.
Хамаг бүгэдэ хамтаржа,
Хамаатан садан мэтэ эблэржэ,
Хариин дайсаниие хамха сохиё.
Халуун зуураа сэнгэлдэжэ һууя.
Хун, галуу мэтэ

Хуралдан сэнгэе.
Худалша хүнэй үгэдэ
Бү ороё.
Харсага шонхор мэтэ
Харайлдан дүүлин ябая.
Хадхалдаха дайнда
Халуун амияа
Бү хайрлая.
Ангир шубуун мэтэ
Амараг үрэеэ бү хорлоё.
Алалдаха дайсанда
Амияа бү хайрлая.
Эльгэн садан дотороо
Эб найрамдал бү алдая.
Эзэрхэг дайсантай тулалдахадаа,
Энэ бэеэ бү хайрлая.
Хүлэг Боорчиин дуулаһан үгэнь энэ бэлэй.

Суута богдо Чингис хаан үдэ болотор ябажа, гурбан зуун тайчуудые даража, элүүр мэндэ гэртээ ерэжэ, энхэ амгалан һууба. «Алтан тобшоһоо». (Нюсэгэн бааринай Ширээт үбгэн хүбүүд Алаг Наяа хоёртоёо хамһажа, тайчуудай ноён Таргудай-Хирилтугые ойдо хоргодожо байхадань оложо бариба. Тэрэнь мори унажа шадахагүй тарган тула тэргэдэ һуулгажа (Тэмүүжиндэ хүргэхөөр) абажа ябахадань, Таргудай-Хирилтугай хүбүүд, дүүнэр дахажа буляан абахаар ерэбэ. Тэдэнэй ерэхэтэй адли Ширээт үбгэн хүдэлжэ шадахагүй Таргудайе хүльбэрүүлэн унагаажа, гэдэргэнь харуулан хэбтүүлжэ, гэдэһэн дээрэнь һандайлжа һуугаад, хутагаа һугалжа хэлэбэ: «Хүбүүд, дүүнэршни шамайе буляажа абахаар ерэбэ. Хаан шамайе одоо би алаашьегүй һаа, шамда нэгэтэ халдаһан хадамни намайе алаха болоно. Шамайе алаашье һаа, нэгэн адли алуулха болоноб. Иимэ хадань шамаар дэрэ хэжэ үхэе» гэжэ хутагын эриие Таргудайн хоолойдо тулгаба. Таргудай-Хирилтуг дүүнэр, хүбүүдтээ ехэ шангаар уйлан хэлэбэ: «Ширээт намайе алаха гэжэ байна. Намайе мүнөө алабалынь, минии хүүрээр таанар юу хэхэбта? Намайе алаагүй байхадань, дары бусагты. Тэмүүжин намайе алахагүй. Тэмүүжиниие эзэгүй нютагта орхигдоод байхадань, нюдэндөө галтай, нюуртаа гэрэлтэй, һэргэлэн абьяастай хүбүүн гэжэ би оложо асараад, эмниг үреэ даага һургадаг мэтээр һургажа хүмүүжүүлжэ ябаа бэлэйб. Тиихэ сагта тэрэниие хилбараар үхүүлжэ шадахашье байгаа һаа, үршөөжэ үдхэһэн байгааб. Одоо Тэмүүжин тэрэниие ухаандаа ойлгожо, сэдьхэлдээ һэргээжэ байгаа бэзэ. Тэмүүжин намайе алахагүй. Таанар, хүбүүд, дүүнэрни, түргөөр харигты. Ширээт намайе алахаяа байна» гэжэ ехэ ехэ шангаар уйлан бархирхадань,

хүбүүд, дүүнэрынь соносожо хэлсэбэ. «Эсэгынгээ амиие абарая гэжэ ерээ бэлэйбди. Гэтэр эсэгыемнай энэ Ширээт үбгэнэй алабал, хоонон амигүй бэеэр бидэ юу хэхэбибди? Одоо алаагүйдэнь бусая» гээд харибад. Тэдэнэй далда орохотой зэргэ тайчуудһаа зугадажа ерэһэн Ширээт үбгэнэй хүбүүд Алаг Наяа хоёр эсэгэдээ бусажа ошобо. Ширээт үбгэн хүбүүдтэеэ хамта ниилээд, Таргудайе абаад хүдэлжэ Хутухул-Нуга гэдэг газар хүрэбэ. Тэндэ Наяа хэлэбэ: «Бидэнэй энэ Таргудайе барижа ошоболнай, Чингис хаан бидэниие хаан эзэнээ барижа ерэһэн этигэмжэгүй хүнүүд гэжэ бидэнтэй нүхэсэхэгүй, харин хаан эзэндээ халдаһан хара зон гэжэ барижа алаха бэзэ. Одоо Таргудайе эндэһээ табижа бусаагаад, бидэ Чингис хаанда бэеэрээ ошожо иигэжэ хэлэе: «Бидэ, Чингис хаан, шамда хүсэеэ үгэхөөр ерээбди. Бидэ Таргудайе баряад ерэжэ ябатараа, хаан эзэнээ харааһаар байжа, хариин хүндэ яажа барижа үгэхэб гэжэ түбэгшөөн һанаата болоходоо, замдаа табижа бусаагаад, өөһэдөө танда һүгэдэн дагахаар ерэбэбди» гэжэ хэлэе гэлсэбэ. Наяагай үгые эсэгэ, хүбүүд зүбшөөжэ, Таргудай-Хирилтугые Хутухул-Нугаһаа табижа ябуулаад, Ширээт үбгэн Алаг Наяа хоёр хүбүүдтэеэ Чингис хаанда хүрэжэ ерэбэ. Тэдэнэй ерэһэн ушарые асуухадань, Ширээт үбгэн Чингис хаанда хэлэбэ: «Бидэ Таргудай-Хирилтугые асаржа ябаһан аад, замдаа эзэнээ харааһаар байжа, хариин хүндэ яажа барижа үгэхэб гээд табижа бусаагаад, бидэ өөһэдөө Чингис хаанда хүсэеэ үгэхөөр ерэбэбди» гэбэ.

Чингис хаан хэлэбэ:

«Хаан эзэн Таргудайе
Халдажа абажа ерээ һаа,
Хаандаа халдаһан
Хара зондо
Этигэжэ болохогүй тула
Харин таанарые
Хамаатан садантайтнай
Хамта алаха байгааб.
Хаан эзэнээ хайралһан
Халуун сэдьхэлшни
Харин зүб» гээд Наяае
Хайрлан үршөөбэ.

150. Тэрэнэй һүүлээр Чингис хаанай Дэрсүд гэдэг газар байхада, Хэрэйдэй Жаха хамбу нүхэсэхөөр ерэбэ. Тиихэ сагта мэргид хадхалдахаар ерэхэдэнь, Чингис хаан Жаха хамбу хоёр хадхалдан урдаһаань байлдажа бусааба. Тэндэ Түмэн түбэгэн, олон тунгайд, Хэрэйдэй бутарһан иргэд, Чингис хаанда һайн дураараа ниилэн ерэбэ. Хэрэйдэй Ван хаан урдань Есүхэй баатартай һайхан ханилжа, анда бололсоо бэлэй. Анда бололсоһон ушарынь

гэбэл, Ван хаан Хурчахус буйруг хаан эсэгын дүүнэрые алаад, абга Гүр хаантай эбээ таһаран тэмсэлдэжэ, Хараун хавцал гэдэг газар шурган хоргодожо, тэндэһээ зуун хүнтэй арайхан зугадажа, Есүхэй хаанда ерэбэ. Есүхэй хаан тэрэниие дэмжэн тэдхэжэ, өөрөө сэрэг абажа мордоод, Гүр хааниие Хашин оронДо зугадхаажа, албата зонииень, эд малыень Ван хаанда абажа үгэһэн тула тэдэ анда амараг бололсоо бэлэй.

151. Тэрэнэй хойно Ван хаанай дүү Эрхэ хара аха Ван хаандаа алуулхаһаа айжа зугадаад, Найманай Инанча хаанда ошобо. Инанча хаанай сэрэгээ абаад ерэхэдэнь, Ван хаан зайлажа, гурбан хото дамжан тэнэжэ, хара Хитадай Гүр хаанда ошобо. Тэрэ хаантай баһа эбээ таһараад, уйгурай хото, Тангадай балгааһаар айл хэсэн ябажа, табан ямаа шүргэлэн һаажа, тэмээнэй шуһа ханажа эдиһээр арай гэжэ Гүсэүр нуурта хүрэжэ ерэбэ. Урдань Есүхэй баатартай анда нүхэд байһаниень Чингис хаан сэдьхэжэ, Дахай баатар Сүхэхай жэүн хоёрые элшэ болгон угтуулжа, баһа дараань Хэрлэнэй эхинһээ Чингис хаан өөрөө тодожо абаад, үлэдэжэ туража ерэбэ гэжэ Ван хаанда (харьяата зонһоо) губшуур татажа үгөөд, өөрынгөө хүреэндэ абаашажа тэжээбэ. Тэрэ үбэл хамта нүүжэ, Хубахаяада үбэлжэбэ.

152. Тэрэ үедэ Ван хаанай дүү ноёдой хэлсэһэниинь:

«Энэ хаан ахамнай
Үрэ садан бидэниие
Үнэһөөр хиидхэжэ болохо,
Үмхэй һанаа үбэртэлһэн
Үхэлюуд муу хүн байна.
Хайран аха дүүнэрээ
Хаман алажа бараба.
Хара Хитадта баһа
Хамгаалга гуйжа шургаба.
Хамаг уласаа хайрлангүй
Хархис муухайгаар зобообо.

Энээниие яадаг бэлэй? Урдань долоон наһатай байхадаа, мэргидэйхидтэ баригдажа, хара алаг эшэгэн даха үмдэжэ, Сэлэнгын Буур хээртэ ошоод, мэргидэй газар будаа нюдэжэ эдижэ амидаржа ябаа бэлэй. Хурчахус буйруг хан эсэгэнь мэргид иргэниие байлдан дайлажа, хүбүүгээ абаржа ерэһэн юм. Гэтэр энэ Тоорил баһа Татаарай Ажай хаанда арбан гурбан наһатай байхадаа эхэтэеэ хамта баригдажа ошоод, тэрэнэй тэмээ харюулжа ябаба. Тэндэһээ Ажай хаанай хонишонтой хамта оргожо, гэртээ ерэбэ. Тэрэнэй хойно найманһаа айн зугадажа, Сартаул газарай Чуй мүрэнөөр хара Хитадай Гүр хаанда ошобо. Тэндэ нэгэ жэл болоод баһа зайлажа, уйгур нютагаар тэнэжэ, Тангад газараар зайжа, табан ямаа шүргэлэн (ямаанай дэлэн халхалан уяжа гү,

али эшэгэнэй хушуунда шүргэ хээд) һааж, тэмээнэй шуһа ханажа эдиһээр ганса һохор халюун моритой, Тэмүүжиндэ ядаһаар ерэхэдэнь, Тэмүүжин хүбүүн губшуур татажа тэрэнииe тэжээбэ. Гэтэр «одоо тэрэ иигэжэ ябаһанаа мартаад үмхэй эльгэ үбэртэлжэ ябана» гэжэ хэлсэбэ. Энэ хэлсэһэн үгыень Ван хаанда Алтан ашуг уламжалан айладхаба. Алтан ашугай хэлэһэниинь: «Би энэ зүбшэн хэлсэһэн яряанда оролсоо бэлэйб. Гэтэр хаан шамайе тэбшэжэ шадахагүй тула хамаг соносоһоноо айладхабаб» гээ һэн. Тэрэ үгые хэлсэһэн Элхудур, Хулбари, Арин тайжа зэргын дүү ноёдые Ван хаан барюулба. Ван хаанай дүү Жаха хамбу амжан зугадажа, Найманда ошобо. Барижа абаһан дүүнэрээ Ван хаан нэгэ гэртэ оруулжа хэлэбэ: «Уйгур нютагаар, тангад газараар яажа ябаа гэжэ таанар хэлээбта? Таанар муу һайшуул юуи гэхэ болообта?» гээд нюуртань нёлбожо, гэртэ байһан хүнүүдые бултыень бодхон нёлбуулжа, тэдэнэй хүльгыень тайлуулба.

153. Тэрэ үбэл үбэлжэжэ, нохой жэлэй (1202 оной) намар Чингис хаан сагаан татаар, алчи татаар, татауд татаар, алутай татаарнуудтай Далан нэмүргэ гэдэг газар байлдахынгаа урда хуули тогтоожо зарлаһаниинь: «Дайсаниие дараха сагта олзодо бү һаатагты. Дайсан нэгэнтэ дарагдабал, тэдэнэй юумэн хээшье бидэнэй олзо болохо тула хубаалдажа амжахат. Хэрбээ бидэ сухариха болоо һаа, анха добтолһон байрадаа дары эрьежэ ерэбэл зохино. Энэ байрадаа эрьежэ ерээгүй хүниие алагты» гэжэ иимэ хуули тогтоожо зарлаба. Далан нэмүргэ гэдэг газар татаартай байлдажа, тэдээниие тэрьедүүлбэ. Тэдээниие намнан байлдажа, Улхуй шилүгэлжид гэдэг газар эзэлэн дахуулба. Сагаан татаар, алчи татаар, тутауд татаар, алухай татаарнуудай дээдэ изагууртаниие даража, харьяатанииень эзэлхэ сагта тогтооһон хуулиие Алтан Хучар Даридай гурбуулан зүришэжэ, олзодо шунан, байлдаанһаа һаатаба. Хэлэһэн үгэдөө хүрэнгүй, тогтооһон хуулиие дагаагүй гэжэ Зэбэ Хубилай хоёрые ябуулжа, тэдээнэй олзолһон адуу, эд зөөриие булгыень хуряан абхуулба.

154. Татаарые һүнөөжэ, бүгэдыень эзэлһэн хойноо улад иргэниень яаха тухай Чингис хаан алтан урагаа суглуулжа, нэгэ гэртэ оруулаад ехэ зүблөө хэбэ. Тэдэнэй зүблэһэниинь:

«Эртэ сагһаа нааша
Эсэгэ үбгэдыемни хорлоһон
Энэ муухай татаарнуудые
Эбсэнгүй дуунахын тула
Тэргын булаар хэмжэжэ,
Үгы хэжэ усадхая.
Үлдэһэн эхэнэр, хүүгэдыень
Үүдэн бүридэ хубаажа

Үүрдын богоол болгое» гэжэ зүблэжэ тогтоогоод, гэрһээ гарахадань, татаарай Их-Чэрэн Бэлгүтэйһээ асууба. «Таанар юун тухай зүблэлдэбэбта?» Тиихэдэнь Бэлгүтэй хэлэбэ: «Та бүгэдые тэргын тэнхлэгээр хэмжэжэ, тэрээнһээ үндэр нюруутаниие бултыень хюдаха гэжэ тогтоогообди» гэбэ. Бэлгүтэйн энэ үгые соносоод, Их-Чэрэн олон татаарнуудта зар тунхаг тараажа, хорёо бүхэлэлтэдөө суглуулба. Тэдэнэй бүхэлэлтые эбдэхын тула манай сэрэгүүд ехээр зобобо. Бүхэлэлтэдэ сугларһан татаарнуудые арай гэжэ эзэлэн абажа, тэнхлэгтэй сасуулан хюдахада, татаарай хүн бүхэн «дэрэ абажа үхэе» гэжэ хутага хамсылжа ябаһан тула тэдээнһээ манай сэрэгүүд ехээр хохидобо. Тэдэ татаарнуудые тэнхлэгтэй сасуулан хюдажа дуулаад, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Бидэнэй урагаараа ехэ зүблөө хэһыемнай Бэлгүтэй гаргажа хэлээд, манай сэрэгүүдтэ маша ехэ хохидол ушаруулба. Энээнһээ хойшо ехэ зүблөөндэ Бэлгүтэйе бү оруулагты. Зүблөөнэй боложо байхада, Бэлгүтэй газаагуурхи хэрэг захиржа, хэрүүл, хулгай, худалай заргые шиидхэжэ байг. Зүблөөнэй түгэсэжэ, һархаг уулаанай хойно Бэлгүтэй Даридай хоёр одоо орожо болоно» гэжэ зарлиг буулгаба.

155. Тэрэ сагта татаарай Их-Чэрэнгэй үхин Есүгэниие Чингис хаан өөрын хатан болгожо абаба. Есүгэн хатан Чингис хаанай үршөөлдэ орожо хэлэбэ: «Хаан зүбшөөбэл, намайе хүндэ бодожо аршална бэзэ. Минии эгэшэ намһаа дээрэ, хаан хүндэ үлүү тараһаха байха. Гансал һаяын хёмороондо хайшаашье ошоһыень мэдэнэгүйб» гэхэдэнь, Чингис хаан хэлэбэ: «Эгэшэшни шамһаа үнэхөөр һайхан һаань, тэрэниие бэдэрүүлэе. Эгэшынгээ ерээ һаа, ши зайлажа, һуурияа үгэхэ гүш?» гэбэ. Есүгэн хатан харюусаба: «Хаан зүбшөөжэ, эгэшыем асаржа уулзуулаа һаань, би эгэшэдээ зайлажа үгэхэб» гэбэ. Энэ үгэдэнь Чингис хаан тунхаг зарлажа бэдэрүүлбэ. Есүй хатан өөрынгөө хүрьгэнтэй хамта ойгоор зугадажа ябаһыень манай сэрэгүүд хаража, Есүй хатаниие барижа асарба. Эрэнь зугадашаһан юм. Есүгэн хатан эгэшээе харахадаа, хэлэһэн үгэдөө хүрэжэ бодоод, һууһан һууридаа һуулгажа, өөрөө доодо таладань һууба. Есүгэн хатанай хэлээшээр Есүй хатан үнэхөөр һайхан тула Чингис хаан анхаран үршөөжэ, хатадай зэргэдэ һуулгаба.

156. Татаарнуудые добтолон дууһажа, нэгэ үдэр Чингис хаан гэрэйнгээ газаа Есүй хатан Есүгэн хатан хоёрой дунда һуугаад, унда уужа байба. Есүй хатан ехээр һанаа алдаба. Тэрээндэнь Чингис хаан һэжэг түрэжэ, Боорчи Мухулай хоёр ноёдые урижа ерүүлээд хэлэбэ: «Та хоёр эндэ сугларһан бүхы арадые аймаг аймагаарнь илгагты. Буса аймагай хүниие өөрынгөө аймагта бүүлдээгты» гэһэн зарлиг буулгаба. Тиигээд бүхы арадые аймаг аймагаарнь илгахада, нэгэ залуу һайн эрэ аймаггүй үлэшэбэ. «Ши

юун хүмши?» гэжэ асуухада, тэрэ хүн хэлэбэ: «Татаарай Их-Чэрэнгэй үхин Есүйе абаһан хүрьгэн бэлэйб. Дайсанда намнуулхадаа айжа, зугадан ябаһан зомди. Одоо дайн амар тайбан болобо гэжэ сэдьхэжэ ерээд, олоной дунда танигдахагүйб гэжэ һанаад ябааб» гэбэ. Энэ үгыень Чингис хаанда дуулгахадань, хаан айладхаба: «Тэрэ хүн хорото сэдьхэл үбэртэлжэ гансаараа тэнэһээр одоо эндэ ерэһэн байгаа. Тэрэ мэтэ этэгээдые тэнхлэгтэй сасуулжа хюдаа бэшэ аалди? Юундэ сухарихабибди? Нюдэнһөө далда болгогты» гэхэдэнь, тэрэниие дары алаба.

157. Мүн нохой жэл (1202 он) Чингис хаанай татаартай байлдажа байха сагта Ван хан мэргидые добтолхоор мордожо, Тогтоа бэхиие Баргужин түхүмэй зүг руу үлдэн ябуулжа, Тогтоагай ехэ хүбүүн Түгс бэхиие алажа, Тогтоагай Хутугтай Чаалун хоёр үхидые ба хатадые олзолон абажа, Хуту Чулун хоёр хүбүүдыень харьяата иргэдтэйнь эзэлэн абаһаншье һаа, энэ олзоһоо Чингис хаанда юушье үгэбэгүй.

158. Тэрэнэй хойно Чингис хаан Ван хаан хоёр найманай Хучүгүдэй Буйруг хаантай байлдахаар морилжо, Улуг тагай Сохог ус гэдэг газарта хүрэжэ, Буйруг хаан байлдажа ядаад Алтай дабан худэлбэ. Чингис хаан Ван хаан хоёр Сохог усанһаа Буйруг хааниие намнажа, Алтай дабуулан Хумшингирэй Үрүнгү гол руу түрижэ ябаба. Гэтэр тэдэнэй Еди-тоблуг нэрэтэй ноён харуул хаража ябаад, бидэнэй харуулай сэрэгтэй дайралдажа, уула өөдэ тэрьелхэдэнь, оломынь таһаржа баригдаба. Буйруг хааниие Үрүнгү гол руу намнан оруулжа, Кишилбаши нуурта хүсэжэ, тэндэнь һүнөөбэ.

159. Тэндэһээ Чингис хаан Ван хаан хоёрой бусажа ерэхэдэнь, найманай Хүгсэү сабраг баатар Байдраг голой бэлшэртэ сэрэгээ зэһэжэ, байлдахаар тодожо байһан юм. Чингис хаан Ван хаан хоёр мүн байлдахаар сэрэгээ зэһээд ерэхэдэнь, орой үдэшэ болоһон тула маргааша байлдая гэжэ, бэлэдхэл хэжэ хонобо. Гэнтэ һүни Ван хаан бууһан газартаа гал түлижэ орхёод, Хара һүүл голые үгсэн худэлбэ.

160. Тэрэ һүни Жамууха Ван хаантай хамта ябаад, Ван хаанда хэлэбэ: «Тэмүүжин анда хэзээнһээ хойшо наймантай харилсаатай байһан бэлэй. Одоо бидэнтэй хамта ниилэн худэлбэгүй.

Хаан! Хаан! Би бол
Хамаагүй холо ниидэхэгүй
Хайргана шубуун мэтэ
Хамта нэгэ газар байнаб.
Харин минии анда Тэмүүжин
Харижа ниидэхэ шубуун мэтэ
Хайшаашье һаа урбан ошоно.

Хаан шамһаа одоо һалажа,
Хари найманда ошохо гэжэ
Харагаар зорюута хосорбо.

Энэ Жамуухын үгые соносожо, Убчигдайн Хүрэн баатар хэлэбэ: «Ши юун дэмы билдагуушалжа, шударга аха дүүгээ хобложо, газаашалжа байнаш» гэбэ.

161. Чингис хаан тэрэ һүни тэндээ хоноод, маргааша үглөөнь байлдаха гэжэ бодоходонь, Ван хаанай буугһан газар хоб хоохон болоһон тула: «Харин ши бидэнииe мэхэлжэ, буусада хаяһан байнаш» гээд Чингис хаан хүдэлжэ, Эдэр Алтайн бэлшэрээр гаталжа һааталгүй ябагһаар, Саарь хээртэ ошожо бууба. Тэндэһээ Чингис хаан Хасар хоёр найманүудай ямар түбэг ушаруулһые мэдэһэншье һаа нэгэшье хүндэ хэлэбэгүй.

162. Найманай Хүгсэү сабраг баатар Ван хаанай хойноһоо нэхэжэ, Сэнгүмэй эхэнэр, хүбүүд ба эд хүрэнгэ, албатан арадыень бултыень буляан абаба. Баһа Ван хааниие Тэлэгэтү амсар гэдэг газар байхадань нэхэн байлдажа, зарим албатан иргэниень, адуу малыень буляан абаад бусаба. Ван хааниие дахажа ябагһан мэргидэй Тогтоагай Хуту Чулуун хоёр хүбүүд тэрэ заб сүлөө һамбаашалжа, албатан иргэнээ абажа, Сэлэнгэ шэглэн хүдэлөөд, эсэгэдээ ниилэн ошобо.

163. Ван хаан найманай Хүгсэү сабраг баатарта диилдээд, Чингис хаанда элшэ ябуулжа хэлүүлһэниинь: «Найманда эд хүрэнгэ, эхэнэр, хүбүүдээ буляалгабаб. Хүбүүн, шамһаа дүрбэн хүлэг баатараа ерүүлхые гуйналби. Минии албатан иргэниие, эд хүрэнгыемни абаржа үгэхэ гүт?» гэбэ. Чингис хаан сэрэг зэһэжэ, Боорчи, Мухулай, Борохул, Чулуун дүрбэн хүлэг баатараа сэрэгтэй хамта эльгээбэ. Эдэ дүрбэн хүлэг баатарай ерэхын урда Улаан хос гэдэг газар Сэнгүм байлдаа хэжэ байгаад, моринойнгоо гуяые шархатуулжа баригдаха аюулда оробо. Чингисэй дүрбэн хүлэг баатарнууд ошожо, тэдэниие абараад, албатан, хүрэнгэ, эхэнэр, хүбүүдыень булты бусаажа үгэбэ. Тэрэ үедэ Ван хаан хэлэбэ: «Урдань Тэмүүжинэй һайн эсэгэ Есүхэй баатар минии бутарһан уласые абаржа, суглуулжа үгөө бэлэй. Одоо тэрэнэй хүбүүн Тэмүүжин баһа дүрбэн хүлэг баатараа ябуулжа, минии алдагдаһан уласые абаржа үгэбэ. Ашыень харюулхыемни тэнгэри, газарай хайра тэдхэмжэ мэдэг лэ» гэбэ.

164. Баһа Ван хаан хэлэбэ:

«Анда Есүхэй баатарни
Алдагдан дуугһаһан уласыемни
Абаржа суглуулжа үгөө бэлэй.
Түүнэй ууган хүбүүн
Тэмүүжин Чингис хаан
Тээнэжэ бутарһан уласыемни

Тэдхэжэ хуряажа үгэбэ.
Энэ эсэгэ хүбүүн хоёр
Эл уласыемни тэдхэжэ,
Хэнэй түлөө зүдхэжэ,
Юунэй түлөө зобожо байгааб?
Үтэлһэн үбгэн би
Үндэр уулые түшэжэ,
Үбһэ хагда дэрлэжэ,
Өөдөө боложо ошобол,
Үнэр олон уласыемни
Үвлэжэ хэн эзэлхэб?
Хан Тоорил би
Ханата гэрһээ һалажа,
Хадата гэртэ ошобол,
Хамаг хуряаһан уласыемни
Хаража хамгаалжа байха хүн
Хаана хэн байха бэлэй?
Эзэн Тоорил би
Эшэгы гэрһээ холодожо,
Энгэр гэртэ ороболни,
Энхэржэ хуряаһан уласыемни
Эзэлжэ хэн захирха бэлэй?
Түрэһэн дүүнэр байбашье,
Түрэ барижа шадахагүй.
Түбшэн һайн абаригүй
Түбэг ехэтэй хүн бии.

Ганса хүбүүн Сэнгүм байбашье, тэрээндэ хани болохо хүнгүй тула Тэмүүжинииe Сэнгүмэй аха болгожо, хоёр хүбүүдтэй болоод, сэдьхэл амар һууя» гэбэ. Тиигээд Чингис хаан Ван хаан хоёр Туула голой Хара шугыда ниилэжэ, эсэгэ, хүбүүн боложо ёһолбо. Эртэ урдань Есүхэй баатартай Ван хаан анда бололсоһон тула Ван хааниие эсэгэ мэтэ үзэжэ, иигэжэ эсэгэ, хүбүүн бололсоо бэлэй. Энээн тухай хэлэлсэһэн үгэнь:

«Хариин дайсантай тулалдахадаа,
Хамта ниилэжэ байлдая.
Хадын гүрөөһэ абалхадаа,
Хабсаржа ниилэжэ ябая» гэбэ.

Баһа Чингис хаан Ван хаан хоёр хэлэбэ:

«Хорото могойн хэлэн
Хоорондомнай хүндэлдэжэ,
Хоб жэб оруулбалынь,
Холодожо һалангүй, харин
Хоёр нюураар ушаржа
Хоро шарыень таһалжа байя.

Араата могойн шүдэн
Амарагай хоорондо орожо,
Ая эбынь эбдээ һаань,
Атаата сэдьхэл түрэнгүй,
Ама хэлээрээ уулзан ярижа,
Алибаа ушарынь оложо байя»
гэжэ бата үгээ хэлсэжэ нүхэсэн ябаба.

165. Тэрэнэй хойно амараг дээрэ дабхар амараг болоё гэжэ Чингис хаан сэдьхэжэ, Зүчидэ Сэнгүмэй дүү Чаур бэхиие гуйжа, баһа Сэнгүмэй хүбүүн Тусахада өөрын Хожин бэхиие андалдан үгэе гэжэ гуйба. Сэнгүм бэеэ дэээгүүр сэдьхэжэ хэлэбэ: «Минии ураг тэдээнэйдэ ошобол, ходол хаяадань хоймор хаража һууха болоно. Тэдэнэй ураг маһайда ерэбэл, хойморто һуужа хаяаень хараха болоно» гэжэ ехэрхэн, бидэниие доромжолон хэлэжэ, Чаур бэхи дүүгээ үгэхые зүбшөөрбэгүй. Энээндэнь Чингис хаан зосоогоо Ван хаан Нялха-Сэнгүм хоёрто дурагүй болобо.

166. Тиигэжэ дурагүй бололсоһыень Жамууха мэдэжэ, гахай жэлэй (1203 оной) хабар Жамууха, Алтан, Хучар, хара Хитадай Үбэгжин ноёхон, Сүбээдэй-Тоорил, Хачиун бэхинэр эблэрэн ниилэжэ нүүгээд, Жэжээр үндэрэй хярын Бэрхэ-Элэтэдэ ошожо Нялха-Сэнгүмтэй уулзаад, Жамууха хоблон хэлэбэ: «Минии анда Тэмүүжин найманай Даян ханда элшэ эльгээжэ, үргэлжэ харилсаатай байдаг болобо. Тэрэ

Ама хэлэндээ
Аба, хүбүүн гэдэгшье һаа,
Абари һанаань
Аргагүй ондоо бэшэ гү.

Тэрээндэ этигэжэ байна гүт? Хожомдобол таанар юунэй болохые мэдэжэ байна гүт? Таанарай Тэмүүжинтэй байлдахаар мордобол, би хажууһаатнай оролсохоб» гэбэ. Алтан Хучар хоёр хэлэбэ: «Бидэ

Оэлүн эхын үншэн хүбүүдэй
Ахынь алажа,
Дүүень дүүжэлжэ үгэе» гэбэ.

Хара Хитадай Үбэгжин ноёхон хэлэбэ:

«Гарынь барижа,
Хүлынь хүлижэ үгэе» гэбэ.

Тоорил хэлэбэ: «Арга ухаан бэдэржэ, Тэмүүжинэй уласые буляажа абая. Уласаа абтабал, тэрэ яахашье аргагүй болохо» гэбэ. Хачиун бэхи хэлэбэ: «Нялха-Сэнгүм хүбүүн шамайе сэдьхэжэ, шинии түлөө уртын үзүүртэ, гүнэй оёорто хүрэхэһөө айхагүй» гэбэ.

167. Энэ үгые Нялха-Сэнгүм эсэгэ Ван хаандаа Сайхан-Тодэ гэдэг хүнөөр хэлэжэ эльгээбэ. Энэ үгыень Ван хаан соносоод

хэлэбэ: «Тэмүүжин хүбүүндэ тиимэ муу сэдьхэжэ яажа болохоб? Бидэ Тэмүүжин хүбүүнээр тулгуур болгожо байһан аад, тэрээндээ муу һанабалнай, тэнгэри бидэниие һайшаахагүй. Жамууха хэзээ заяанһаа тэнэглиг салшаа хүн бэлэй. Тэрэ дэмы зүб буруу үгэ хэлэжэ байна» гэжэ зүбшөөнгүй бусааба. Баһа Сэнгүмэй хэлүүлһэниинь: «Амиды хүнэй ама хэлээрээ хэлэжэ байхадань, аба та яагаад этигэдэггүй хүмта?» гэжэ дахин хүниие ябуулжа хэлэжэ ядаад, эсэстэнь өөрөө бэеэрээ ерэжэ, эсэгэдээ хэлэбэ: «Одоо шинии амиды байхада, бидэниие тэрэ доромжолхогүй байна. Хэрбээ хаан эсэгэ шинии сагаан эдеэндэ сасажа, хара мяханда хахабал, Хурчахус-Буйруг хаан эсэгын зобожо хуряаһан улас, зүдэржэ байгуулһан түрыешни бидэндэ мэдүүлхэгүй болгуужан» гэбэ. Ван хаан хэлэбэ: «Үри хүүгэдтээ яажа хоро хүргэхэб? Үнэхөөр тулгуур боложо байгаа тэрээндэ муу сэдьхэбэл, тэнгэри бидэниие һайшаахагүй» гэхэдэнь, хүбүүн Нялха-Сэнгүм уурлажа, үүдэ хаян гараба. Һүүлдэнь Ван хаан хүбүүн Сэнгүмээ хайрлан урижа ерүүлээд хэлэбэ: «Тэнгэридэ һайшаагдахагүйһөө айжа, хүбүүндээ яажа хоро хүргэхэб гээ бэлэй. Таанар шадаха һаа, юу хэхээ өөһэдөө мэдээрэйгты» гэбэ.

168. Тэндэһээ Сэнгүм хэлэбэ: «Һаяхан тэдэ манай Чаур бэхиие гуйжа байһан бэлэй. Одоо «бахалзуур эди» гэжэ үдэр болзор гаргажа ерүүлээд, тэрэниие барижа абая» гэбэ. («Бахалзуур эдихэ» гэхэдээ, хониной бахалзуур мяхые эди гэһэн үгэ бэзэ. Залуу эрэ эмэ хоёр гэрлэһэн үдэрһөө эхилэн, гурбан хоног соо хониной хүзүү, бахалзуурые хубаажа эдихэ заншал Монгол нютагта мүнөө хүрэтэр байна. Хүзүү, бахалзуурай яһан ехэ бүхөөр холбоотой байдаг тула энээгээр гэр бүлын бата холбоо улам бэхижэнэ. Иимэ ушарһаа «бахалзуур эди» гэхэдээ, үбгэ һамган болохо хурим хэе гэһэн үгэ бололтой). Тиигэжэ хэлсэжэ тогтоод, «Чаур бэхиие үгэе. Бахалзуур эдихэеэ ерэгты» гэжэ Чингистэ хүниие эльгээбэ. Тэрэ ёһоор Чингис хаан арбан хүниие дахуулжа, Ван хаанда ошожо ябаха замдаа Мэнлиг эсэгын гэртэ хоноходонь, Мэнлиг эсэгэ хэлэбэ: «Һаяхан бидэнэй Чаур бэхиие гуйхадамнай, бидэниие доромжолжо, үгөөгүй бэлэй. Одоо «бахалзуур эди» гэжэ гэнтэ урихань жэгтэй. Һаяхан ехэрхэжэ бидэниие тоонгүй байһан хүнүүд гэнтэ яагаад Чаур бэхиие үгэхэ болобоб. Энээндэ һэжэгтэй ябадал бии. Хүбүүн, ши болгоомжолхо хэрэгтэйш. Одоо хабар болобо. Адуунайнгаа таргаламсаар ошоё гэжэ шалтаглажа, энэ хэрэгые хойшо татабал ямар бэ?» гэхэдэнь, Чингис хаан тэрэнэй үгэ дуулажа, өөрөө ошобогүй. Бухутай Хиратай хоёрые «бахалзуур эди» гэжэ ябуулаад, Чингис хаан Мэнлиг эсэгын гэрһээ бусаба. Бухатай Хиратай хоёрой орохотой зэргэ сэнгүмэйхид «Бидэнэй хэрэг мэдэгдэбэ, маргааша эртэ ниитээрээ дайража, тэрэниие бария» гэлсэбэ.

169. Тиихэ зуура бариха гэжэ үгэеэ ойлголсоһон тогтооһоноо Алтанай Их-Чэрэн гэртээ ерээд хэлэбэ: «Маргааша үглөө Тэмүүжиниие барихаар шиидэбэ. Энэ үгые хүргэһэн хүндэ Тэмүүжин юугээшье хайрлангүй үгэхэ бэзэ» гэхэдэнь, тэрэнэй эхэнэр Алахчит хэлэбэ: «Шинии энэ хии хооһон үгэ, алда ута хэлэшни юун болгогшо ааб? Хүн дуулаад үнэмшэхэ аал?» гэбэ. Энэ үгыень һү хүргэхөөр ерэһэн тэдэнэй адуушан Бадай соносожо бусаба. Бадай харижа ерээд, нүхэр адуушан Хишилигтэ Чэрэнгэй үгые дуулгахадань, Хишилиг хэлэбэ: «Би баһа ошожо ушарыень мэдэе» гэжэ Чэрэнгэй гэртэ оробо. Чэрэнгэй хүбүүн Нарийн-Гэгээн газаагаа һуугаад, һуршаяа зүлгэжэ байба. Нарийн-Гэгээн хэлэбэ: «Манайхин һая юун гэжэ ярилдаа һэм? Хэлээ татажа, амаа барижа ябаг лэ» гэбэ. Тиигээд Нарийн-Гэгээн баһа адуушан Хишилигтэ хэлэбэ: «Мэргидэй сагаан ама сагаан хээрэ хоёр мориие барижа асара. Уяжа хоноод үглөө эртэ мордохоб» гэбэ. Хишилиг ерэжэ Бадайда хэлэбэ: «Тугаар һая хэлэһэншни үнэн болобо. Одоо бидэ хоёр Тэмүүжиндэ дуулгая» гэжэ хэлээд, мэргидэй сагаан ама сагаан хээрэ хоёр мориие барижа, ехэ гэрэй газаа уяад, үдэшэ хониндоо орожо нэгэ хурьга алаад, модон оронииe түлижэ шаналд, мэргидэй сагаан ама сагаан хээрэ хоёр бэлэн моридые унажа, тэрэ һүниндөө Чингис хаанда дабхижа ерэбэ. Бадай Хишилиг хоёр Чингисэй гэрэй арада байгаад Их-Чэрэнгэй хэлэһэн үгэ ба тэрэнэй хүбүүн Нарийн-Гэгээнэй һуршаяа зүлгэжэ бэлдэжэ байһые, «мэргидэй сагаан ама сагаан хээрэ хоёр моридые барижа уя» гэһэн бүхы үгыень Чингис хаанда хэлэжэ үгэбэ. Баһа Бадай Хишилиг хоёр хэлэбэ: «Чингис хаан зүбшөөрбэл, бидэнэй үгэдэ татагалзаха ёһогүй. Хамтаран ерэжэ таниие бария гэжэ хэлсэжэ тогтооһониинь маргалтагүй үнэн» гэбэ.

VI. Хэрэйд уласай мүхэһэниинь

170. Тэрэниие соносоод, Чингис хаан Бадай Хишилиг хоёрой үгэдэ этигэжэ, энэ һүни ойро шадар байһан этигэлтэй нүхэдтөө дуулгажа, юумэ хүүмээ орхёод хүнгэншэгөөр мордобо. Мау үндэрэй хярада гаража ябахадаа, хойноо урианханай Зэлмые һэргылхэ харуул болгон табиба. Тиигэжэ ябаһаар маргааша үдэрынь нара хэлбыхэдэ Хархалзан элээт хүрэжэ үдэлэн бууба. Тэндэ үдэлжэ байтарынь, Алчидайн агташа Чихитэй Ядир хоёр һайхан бэлшээридэ агтаяа адуулжа ябаад, Мау үндэрэй үбэрөөр Улаан бурхадые дайран ерэжэ ябаһан дайсанай тооһые үзэжэ, агтаяа яаран намнажа ерэхэдэнь ажаглан харахада, үнэхөөр Мау үндэрэй үбэрөөр Улаан бурхад гэдэг газарта тооһон гаража байба.

Чингис хаан тэрэ тоohые хаража, Ван хаан нэхэжэ яаран ерэбэ гэжэ агта моридые барюулжа ашаалан хүдэлбэ. Хэрбээ тэрэ тоohые урид үрьдэжэ хараагүй hаа, гэнэдэжэ болохо бэлэй. Тэрэ үедэ Ван хаантай Жамууха ерэжэ ябаhан байгаа. Ван хаан Жамуухаhаа асууба: «Тэмүүжин хүбүүндэ бидэнтэй байлдажа шадамаар ямар хүнүүд байнаб?» гэхэдэнь, Жамууха хэлэбэ: «Урууд, мангуднар тэрэнииe дагажа ябаа. Бодоходо, тэдэнэр байлдаха бэзэ.

Тойрожо ерээд
Добтолон буудаг,
Ташаалдижа ерээд
Даран ородог,
Бараан алаг тугые
Барижа ябадаг
Башатай тэдэ иргэд
Бага наhанhаа эхилэн
Байлдажа мэргэжэhэн тула
Ван хаан та
Баахан болгоомжолбол зүйтэй» гэбэ.

Тэрэ үгыень соносоод, Ван хаан хэлэбэ: «Тиимэ хадань бидэ түрүүшээр Хадагяар толгойлуулан, Жүрхинэй баатарнуудые оруулая. Тэрэнэй хойноhоо Түмэн түбэгэнэй Ачиг-Ширүнгые оруулая. Тэрэнэй хойноhоо Олан дунгайдай баатарнуудые оруулая. Тэрэнэй хойноhоо Ван хаанай мянган торгон сэрэгые ударидан Хоришилэмүн тайжа добтолог лэ. Тэрэнэй хойноhоо бидэнэй ехэ гол хүсэн орохо» гэбэ. Баhа Ван хаан хэлэбэ: «Жамууха дүү, ши бидэнэй бүхы сэрэгые захира» гэхэдэнь, Жамууха олонhоо хажуу тээшээ ошоод, нүхэдтөө хэлэбэ: «Ван хаан бүхы сэрэгээ намайе захира гэжэ байна. Би Тэмүүжин андатай байлдахаяа тэбшэжэ ядажа байхадамни, намайе харин сэрэгээ захира гэнэ. Тиихэдээ Ван хаан намhаа нэгэшье дээрэ бэшэ, дорой, саг зуура нүхэсэхэ хүн байна. Тэмүүжин андада дуулгая. Анда зоригжог лэ» гэжэ, Жамууха Чингис хаанда хүниие далдаар ябуулжа хэлүүлhэниинь: «Ван хаан намhаа асууба: «Тэмүүжин хүбүүндэ бидэнтэй байлдаха ямар хүн бииб?» гэжэ асуухадань, би: «Урууд, Мангуд түрүүтэй бараг баатарнууд бии» гэжэ хэлэбэб. Тиихэдэм Ван хаан Жүрхинэй баатарнуудые манлай болгожо томилбо. Тэрэнэй хойноhоо Түмэн түбэгэнэй Ачиг-Ширүниие томилбо. Тэрэнэй хойноhоо Олан дунгайдые томилбо. Тэрэнэй хойноhоо Ван хаанай мянган торгон сэрэгэй ноён Хоришилэмүн тайжые томилбо. Тэрэнэй хойноhоо Ван хаан ехэ гол сэрэгээ абажа орохо гэнэ. Баhа Ван хаанай хэлэhэниинь: «Жамууха дүү, эдэ бүхы сэрэгые захира» гэжэ намда этигэжэ хэлэнэ. Энээнhээ харахада, энэ Ван хаан хилбар-

хан нүхэр хаш. Сэрэгүүдээ өөрөө захиржа шадахагүй. Би Тэмүүжин андатай урдань байлдахаяа тэбшэжэ ядажа ябадаг бэлэйб. Гэтэр Ван хаан намһаа дорой хүн байна. Иимэһээ, аида, ши бү ай. Зоригжо» гэжэ эльгээбэ.

171. Энэ мэдээе соносоод, Чингис хаан хэлэбэ: «Уруудай Жорчидай абга ши юун гэжэ бодонобши? Шамайе манлай болгожо ябуулая» гэхэдэнь, Жорчидайн харюу хэлэхын урда Мангудай Хуилдар сэсэн хэлэбэ: «Чингис хаанай үмэнэһөө бидэ урууд, мангуднар манлайлан хадхалдая» гэбэ. Тиигээд Жорчидай Хуилдар хоёр урууд, мангуд сэрэгээ жагсаажа, Чингис хаанһаа урид мордохые бэлэдхэбэ. Тиигэжэ байтарнь Жүрхинээр толгойлуулһан дайсан хүрэжэ ерэбэ. Тэдэнэй ерэхэтэй адли урууд, мангуднар угтан байлдажа, Жүрхинииe дараба. Гэтэр Түмэн түбэгэнэй Ачиг-Ширүн добтолжо ерэбэ. Ачиг-Ширүн Хуилдарые шархатуулжа, хадын хабшалда моринһоонь унагааба. Тэрэнииe хараад мангуднар бусажа, Хуилдарые хамгаалба. Жорчидай урууд сэрэгээ ударидан байлдажа, Түмэн түбэгэнииe дараад саашаа намнахадань, Олан дунгайд эсэргүүсэн добтолбо. Жорчидай баһа дунгайдые дараба. Саашаа намнахадань, Хоришилэмүн тайжа мянган торгуудаа ударидан угтажа байлдаба. Баһа Жорчидай Хоришилэмүн тайжые мохоожо дарахадань, Сэнгүм Ван хан эсэгэһээ зүбшөөрэл абангүй эсэргүүсэн байлдажа, нюур хасараа шархатажа унаба. Сэнгүмэй шархатажа унахада, хэрэйдүүд бүгэдээрээ тэрээн дээрэ суглажа ошобо. Тэдэнииe иигэжэ даражa, шэнгэхэ наранай уула ташажа байхада, манай сэрэг эрьежэ, шархатаһан Хуилдарые унаһан газарһаань абаад харижа ерэбэ. Мүн үдэшэ Чингис хаан Ван хантай байлдаһан газарһаа хүдэлэн зайлажа хонобо.

172. Тэндэ хоноод маргааша үүр сайхатай зэргэ хүнүүдээ бүридхэхэдэнь, Үгэдэй, Борохул, Боорчи гурбан үгы байба. Чингис хаан хэлэбэ: «Үгэдэйтэй этигэлтэ нүхэд Боорчи Борохул хоёр үгы байна. Амиды ябаашье, үхөөшье һаа тэдэ хоёр түүнһээ һалахагүй» гэбэ. Манай сэрэгүүд һүни моридоо барижа хонобо. Чингис хаан: «Хэрбээ дайсанай халдажа ерэбэл байлдая» гэжэ сэрэгээ бэлэн байлгаба. Үдэр гэгээн болоходо, хойноһоо нэгэ хүн хүрэжэ ерэбэ. Харахадань Боорчи байба. Чингис хаан үбсүүгээ сохижо: «Мүнхэ тэнгэри мэдэг лэ» гээд Боорчиие дуудажа асуухадань, тэрэ хэлэбэ: «Байлдаанда минии мори шархатажа унаһан тула ябаган гүйжэ ябатарни, хэрэйдүүд Сэнгүмэй дээрэ суглажа байха һамбаандань ашаагаа һанжуулһан мори оложо баряад, ашааень отолон хаяжа янгирцаг дээрэнь унаад, би өөрынгөө сэрэгэй мүрые мүшхэн ябаһаар хүрэжэ ерэбэб» гэбэ.

173. Баһа ойр зуура болоод нэгэ моритой хүн яаражa ябахань харагдаба. Нэгэ хүн гэжэ һанаһаншни, харан гэһээ доронь хүнэй хүл шэнги юумэн унжалзана хэбэртэй. Хүрэжэ ерэхэдэнь обёор-

ходо, Үгэдэйн хойно Борохул һундалдажа (Үгэдэйе Борохул эмээл дээрээ дүүрэжэ) ерэбэ. Борохулай аманай жабжаһаа шуһан һабиран байба. Ушарынь Үгэдэйн хүзүү һомондо дайруулһан тула Борохул тэрэнэй адхарһан шуһые амаараа шэмэжэ, зангирһан нүжыень жабжаараа һабируулһаар ерэбэ. Чингис хаан хараад, сэдьхэлээ зобожо, нюдэнһөө нулимса дуһалуулжа, дары гал түлүүлээд шархыень хайража, Үгэдэйдэ унда үгэжэ уулгаад, дайсанай ерэбэл байлдая гэжэ хүлеэжэ байба, Борохул хэлэбэ: «Мау үндэрэй үбэрөөр Улаан бурхадай зүг шэглэн саашаа дайсанай тоо-һон һуунагтажа далда оробо» гэбэ. Борохулай тэрэ үгыень соно-соод: «Дайсанай хэрбээ халдажа ерэбэл, бидэ хадхалдан байлда-ха бэлэйбди. Харин дайсанай тиигэжэ зугадаа хадань бидэ сэрэгээ зэһэжэ намная» гэбэ. Тэндэһээ хүдэлөөд Улхуй шилүгэлжид гэдэг голые шэглэн ябажа, Далан нэмүргэ хүрэбэ.

174. Тэндэ хойноһоо Хадаан-Далдурхан эхэнэр, хүбүүдһээ һалажа, хахад боложо ерэбэ. Хадаан-Далдурхан ерээд Ван ханай үгэ гэжэ хэлэбэ: «Ван хан хүбүүн Сэнгүмэйнгээ нюур хасараа һомондо шархатажа унахада, дээрэнь ерэжэ хэлэһэниинь:

«Хүндэлэнэй хүниие
Хүнөөхэ гээд,
Хөөрхэй бэеэ
Хүсэрдүүлбэлши.
Хажуугай хүндэ
Халдаха гээд,
Хасар нюураа
Хадхуулбалши.
Хайрата хүбүүнэй
Хадхагдаһанай түлөө
Хариин дайсаниие
Халдан добтолоё».

Тиихэдэнь Ачиг-Ширүн хэлэбэ:

«Эзэн хамни,
Эрхэбэшэ болгоомжолон айлада.
(Эзэн хан түрүүлэн
Энгын хүнүүд бүгэдөөрөө)
Энэ хүбүүнэйтнай түлөө
Энхэрэн, гасалан зальбаржа,
Энгэрээ нулимсаар будажа,
Элдэб арга хүүлэел.
Энэ зальбарал бүтэжэ
Эхэһээ түрэн заяаһан
Эрхим хүбүүн Сэнгүмыетнай
Энхэрэн, хайралан харая.

Моиголой олонхид Жамууха, Алтан, Хучарнарые дагажа эндэ

бидэ ерээлди. Тэмүүжинииe дагажа гараһан монголшууд хаана холодохо һэм? Морин унаатан, модон нэмэргэтэн болобо тэдэ (хүн бүхэниинь оройдоол ганса моритой ба гэргүй ушарһаа модоной нэмэргэдэ хоргодожо байна). Тэдэнэй дахажа ерээгүй һаань бидэ оложо, мориной тонтогоол мэтээр хормойлоод абажа ерэс» гэбэ. Ачиг-Ширүнэй энэ үгэдэ Ван хан хэлэбэ: «За, тиимэ һаань, хүбүүн, эндээ үлөөрэй. Хүбүүем һайнаар хаража бай» гээд байлдаанай газарһаа бусажа харибаб» гэбэ.

175. Чингис хаан тэрэ Далан нэмүргэһээ Халха гол руу хүдэлжэ ябаха зууpаа, сэрэгээ бүридхэжэ үзэхэдэнь, хоёр мянга зургаан зуун хүн байба. Энээнһээ нэгэ мянга гурбан зуун хүниень Чингис хаан абажа, Халха голой баруун эрьеэр нүүбэ. Нүгөө нэгэ мянга гурбан зуун сэрэгынь, урууд мангудтай хамта Халха голой зүүн эрьеэр нүүбэ. Тиигэжэ нүүжэ ябаха замдаа хүнэһэ олохын тула аба хайдагаар агнуури хэхэдэнь, Хуйлдар шархынгаа эдэгээгүй байтар Чингис хаанай хориһон үгые дуулангүйгөөр гүрөөһэндэ добтолжо ябаад, шархань, үгдэржэ нahанhаа нүгшэбэ. Тэрэнэй яһые Халха голой Ор Нугын хэлгэты хада гэдэг газар хүдөө табиба.

176. Халха голой Буйр нуурта шудхадаг уулзуур газарта тэргэн эмээлтэй (оро малтай «Алтан тобшоһоо»), тэнүүл хонгирад нютаглажа байдаг гэжэ дуулаад, Чингис хаан хэлэбэ: «Энэ хонгирад угсаатанай эртэнһээ эхилэн, мүнөө хүрэтэр зээгэй зүһөөр, үхинэй үнгөөр ябана гэжэ дууладагыень дурдан һануулаад, дуратай һаа бидэнтэй ниилэн дагана бэзэ» гэбэ. «Хэрбээ эсэргүүсээ һаань байлдажа эзэлэгты» гэжэ Жарчидайгаар толгойлуулан урууд иргэниие эльгээхэдэнь, хонгираднар тэдээндэ ниилэн оробо. Тиигэжэ ороһон хонгираднарые Чингис хаан хүндэбэгүй.

177. Чингис хаан хонгирадые оруулаад, тэндэһээ нүүжэ, Түнхэлэг горхоной зүүн бэедэ хүрэжэ буугаад, Архай Хасар Сүхэхай Жэүн хоёрые элшэ болгон томилжо (Ван ханда) хэлүүлһэниинь: «Бидэ Түнхэлэг горхоной зүүн бэедэ буубабди. Эндэ үбһэн һайн урганхай. Агта моридни тамиржажа байна. Хан эсэгэмни юундэ иигэтэрээ уур хилэндэ абтажа, намайе яатараа айлгабабта? Муу хүбүүд, муу бэринэр бидэниие амар унтуулхагүй, юундэ айлгажа байнаб?

Һандайлжа һууха орыемни
Һалаганууулан түлхижэ,
Һабажа гараха утааемни
Һалхяар хиидхэжэ,
Һанамсаргүй муу хүбүүгээ юундэ
Һадаруулан хорлобобши?
Хан эсэгэмни,
Хажуугай хобшо хүнэй

Харата муу үгэдэ
Хадууран юундэ оробош?
Хүбүүнэймни тухай
Хүндэлэнгэй муу хүн
Хөөргэһэн үгэ хэлэжэ
Хүнөөн һалгажа байна.

Хан эсэгэмни, бидэ хоёр юун гэжэ хэлсээ бэлэйбди? Зоргал ханай Улаан болдог гэдэг газар бидэ хоёр юун гэжэ хэлсээ бэлэйбди?

Хорото могойн хэлэн
Хоорондомнай хүндэлдэжэ,
Хоб жэб ороболынь,
Холодожо һалангүй, харин
Хоёр нюураар ушаржа
Хоро шарыень таһалжа байя,—

гэжэ хэлсээгүй һэн гүбди? Одоо хан эсэгэмни, ши хоёр нюураараа уулзажа хэлсэнгүй юундэ хоролхожо эхилээбши?

Атаата могойн шүдэн
Амарагай хоорондо орожо,
Ая эбынь эбдээ һаань,
Ама хэлээрээ уулзан ярижа
Алибаа ушарынь оложо байя,—

гэжэ хэлсээгүй һэн гүбди? Одоо, эсэгэмни, ши ама хэлээр уулзан ярингүй, анги болон юундэ һалабабши? Хан эсэгэмни! Би үсөөн болобошье олонһоо дутахагүйб, муу болобошье һайнһаа дороторохогүйб (шамда нүхэр түшэг боложо байгаа һэм). Хоёр аралтай тэргын нэгэ аралайнь хухарбал, үхэр тэрэниие шэрэжэ шадахагүй. Тэрээн шэнги нэгэ аралшни би бэшэ һэн гүб? Хоёр хүрдэтэй тэргын нэгэ хүрдынь эбдэрбэл ябажа шадахагүй. Тэрээн шэнги нэгэ хүрдэшни би бэшэ һэн гүб? Эртэ үдэр Хурчахус буйруг хан эсэгын дүшэн хүбүүдэй ахань нэжэ ши хан болоо бэлэйш. Ши хан болоод, Тай-Түмэр тайжа Буха-Түмэр хоёр дүүгээ алааш. Баһа шинии дүү Эрх-хар алуулхаһаа айжа зугадан, найманай Инанча Билгээ ханда ошожо хоргодобо. Дүүнэрээ алаба гэжэ Гүр хан абгашни шамтай байлдахаар оэхэдэнь, ши зүүн хүниие абажа, арай голтой гаража Сэлэнгэ руу зугадажа, Хараун-хабшал гэдэг газар шургабаш. Баһа Мэргидэй Тогтоада Ужаур үжин үхинөө билдагуушалан үгэжэ, Харайн-хабшалһаа гараад Есүхэй хан эсэгэдэмни ерэжэ: «Абга Гүр ханһаа уласыемни абаржа үгыш» гэжэ гуйхадашни, Есүхэй хан эсэгэмни шинии уласые абаржа үгэхын тула тайчуудай Хунан Бахажи хоёроор ударидуулан сэрэг заһан мордуулжа, Гурбан Тэл гэдэг газар байгаа Гүр ханиие даража, оройдоо хори гушан нүхэдтэйгөөрнь Хашин (Тангуд) орон руу зугадаалгажа, шинии уласые абаржа үгөө бэлэй.

Тэрэ үедэ ши Туула голой Хара шугыда Есүхэй хан эсэгэтэймни анда бололсоод, Ван хан эсэгэ, ши иигэжэ баясан хэлээ бэлэйш: «Энэ хүргэһэн туһыешни үе залгуулан хэзээдэшье мартахагүйбди, ашыень харюулхыемнай тэнгэри, газарай үршөөл хайра мэдэг лэ» гэжэ бэшэрэн хэлээ бэлэйт. Тэрэнэй хойно шинии дүү Эрх-хар наймáнай Инанча Билгээ ханһаа сэрэг гуйжа абаад, шамтай байлдахаар ерэхэдэнь, ши уласаа орхижо, үсөөн хүнтэй амияа абаран зугадажа, хара Хитадай Гүр ханай Сартуулай нютаг Чүй мүрэндэ байхадань оложо ошоош. Тэндээ нэгэ жэл болонгүй, баһа Гүр ханһаа һалажа, Уйгур нютаг ба Тангуд газараар тэнэжэ, табан ямаа шүргэлэн һаажа, тэмээнэй шуһа ханажа эдиһээр ганса һохор халюун моритой хүрэжэ ерээлши. Шинии иигэжэ ядаржа ябахыешни дуулаад, Есүхэй хан эсэгэтэймни урдань анда бололсоһониетнай һанажа, Тахай Сүхэхай хоёрые элшэ болгожо угтуулаа һэмнайб. Би өөрөө Хэрлэн мүрэнэй Бурги эрьеһээ угтан мордожо, Гүсэүр нуурта бидэ золголдоо бэлэйлди. Шамай ядаржа ерэбэ гэжэ губшуур татажа үгөө һэмнайб. Урдань эсэгэтэймни анда бололсоһон ёһоор Туула голой Хара шугыда бидэ хоёр эсэгэ, хүбүүн бололсоо бэшэ һэн гүбди? Тиигээд тэрэ үбэл шамайе бидэ хүреэн дотороо оруулжа тэжээбэбди. Тэрэ үбэл үбэлжэжэ, зуниие үнгэрөөгөөд, намарынь мэргидэй Тогтоа бэхитэй байлдахаар мордожо, Хадиглиг нюруунай Муруч сэүл гэдэг газар хадхалдаабди. Тогтоа бэхиие Баргужин түхүмэй зуг руу намнажа, мэргид иргэниие эзэлэн, адуу мал, ордон гэр, хүнэһэ таряа хүрэтэрнь бултыень абажа, эдэ бүгэдыень би хан эсэгэ шамда үгөө бэлэйб.

Үлэсэхэ үдэртэшни
Үршөөжэ тэжээгээ һэмби.
Үншэрхэ һарадашни
Үмөөржэ тэдхээ һэмби.

Баһа бидэ Гүчүгүдэй Буйруг ханиие Улуг таг уулын Сохог ус гэдэг газараар Алтайе дабуулан түрижэ, Үрүнгэ гол хүргэжэ, Хишилбаши нуурта тэрэниие барижа һүнөөгөөбди. Тэндэһээ харижа ерэхэдэмнай найманай Хүгсэү сабраг баатар Байдараг голой бэлшэртэ сэрэгээ заһажа байлдахаар тодожо байһан юм. Бидэ хоёр баһал байлдахаар сэрэгээ бэлдэтэрнай үдэшэ болоһон тула маргааша байлдая гэжэ хоноходомнай, хан эсэгэмни, ши бууһан газартаа олон гал түлижэ орхёод тэрэ һүни Хар сэүл голые үгсэн хүдэлөөлши.

Бидэнэй маргааша үглөөнь харахада, ши бууһан газартаа үгы болоһон тула «Бидэниие энэ орхиһон гал мэтээр хаяба» гэжэ бидэ хүдэлжэ Эдэр Алтайн бэлшэрээр дабажа, Саарь хээр гэдэг газар буубабди. Тэрэ шамайе Хүгсэү сабраг баатар нэхэжэ ошоод Сэнгүмэй эхэнэр, хүбүүд ба эд хүрэнгэ, албатан арадыень бул-

тыень буляан абажа, хан эсэгэ шамайе Тэлээтү амсар гэдэг газар байха үедэшни нэхэн байлдажа, зарим албатан иргэниешни, адуу малыешни буляан абаба. Шамайе дахажа ябаһан мэргидэй Тогтоагай хүбүүд Худу Чулуун хоёр тэрэ забһарые тохёолдуулжа, албатан иргэнээ абажа эсэгэтэеэ ниилэхээр Баргужин түхүмэй зүг руу шэглэн хүдэлбэ. Тэрэ сагта ши: «Найманай Хүгсэу сабрагта эд хүрэнгэ, албата иргэдээ буляалгабаб. Хүбүүмни, дүрбэн хүлэг баатараа ябуулжа туһалыш даа» гэжэ гуйхадашни, би шам шэнги элдэб юумэ һанангүй, дары Боорчи, Мухулай, Борохул, Чулуун дүрбэн хүлэг баатараа сэрэгтэй хамта эльгээгээ бэлэйб. Минии дүрбэн хүлэг баатарай ошохын урда Улаан хос гэдэг газар Сэнгүм байлдажа байгаад моринойнгоо гуяые шархатуулжа баригдахаяа байтарнь, минии дүрбэн хүлэг баатар хүрэлсэн ошожо Сэнгүмые абараад, албатад, хүрэнгэ зөөри, эхэнэр, хүбүүдыень абаржа үгэбэ. Тэрэ сагта хан эсэгэ ши бэшэржэ хэлээлши: «Хүбүүн Тэмүүжин, дүрбэн хүлэг баатараа ябуулжа, минии алдагдаха дүтэлһэн уласые абаржа үгэбэ» гээ бэлэйлши.

Одоо хан эсэгэмни, би ямар хэрэгээр буруутажа, шинии уурые хүргээбиб? Иигэжэ буруушаан сухалдаһан ушараа Хубарихури Итүргэн хоёр элшые томилон ерүүлжэ хэлыт даа. Эдэ хоёрые ябуулаагүй һаа ондоо хүниеше болоно» гэжэ эльгээбэ.

178. Ван хан энэ үгыень соносоод хэлэбэ: «Ай халаг,
Һайн хүбүүнһээ һалажа,
Һайхан түрэеэ гутаабаб.
Эрхим хүбүүнһээ хахасажа,
Эбдэрхэ үйлэ хэбэб».
гэжэ гэмшэжэ хэлэбэ: «Одоо хүбүүн Тэмүүжиндээ муу сэдьхэбэл, энэ мэтээр шуһаа урадхая» гэжэ тангариглажа, шэгшии хурганайнгаа үндэгые хутагаар хадхажа, шуһыень һабируулжа. багахан һабада хэжэ, «Хүбүүндэмни үгэ» гэжэ эльгээбэ.

179. Баһа Чингис хаанай Жамууха андада хэлүүлһэниинь: «Харатай муу сэдьхэлээр хан эсэгэһээмни хахасуулбалши. Бидэ хоёрой хэн эртэ бодоһомнай хан эсэгын хүхэ хундагаар айран уудаг бэлэй. Имагта би урда бодожо уудаг байһан тула ши атаархаһан бэзэш. Одоо ши хан эсэгын хүхэ хундагаар шадаха соогоо уугаарай. Ши хэды шэнээн хороохобши» гэжэ эльгээбэ. (Чингис бага наһандаа Ван ханай гэртэ байһанаа дурдажа байгаа бололтой). Баһа Чингис хаан Алтан Хучар хоёрто хэлүүлһэниинь: «Та хоёр намайе тэбшэжэ шууд урбаха гэбэ гүт? Мэхэлэн урбаха гэбэ гүт? Хучар шамайе Нэгүн тайжын хүбүүн хадашни, «Ши хан боло» гэжэ бидэнэй хэлэхэдэ ши болоогүйш: Алтан шинии эсэгэ Хутула хан бидэ бүхэниие захиржа ябахадань, ши мэдэлсэжэ байһан тула Алтан шамайе хан боло гэһэмнай, ши баһа зүбшөөрөөгүйш.

Бардан баатарай хүбүүдһээ ахамад үеын хүнүүд болохо тула Сача Тайчу хоёрые хан бологты гэжэ би ядабаб. (Тэдэ хоёр баһа зүбшөөрөөгүй). Таанарай алинайтнайшье хан болохогүй тула би таанарта үргэмжэлэгдөөд захиржа ябабаб. Танай хан болоо һаа би

Үрсэхэ дайнай болоходо
Үмэнэнь түрүүлжэ ябаад
Үндэр хүхэ тэнгэриин
Үршөөл хайрада хүртэжэ
Үһөөтэ дайсаниие дарабал,
Үнгэтэй һайхан үхидыень асаржа,
Өөдэтэй һайн моридыень олзолжо
Үндэр эзэн тандаа бариха бэлэйб.
Ойн гүрөөһые абалха сагта
Ойртуулжа шахажа үгэхэ бэлэйб.
Хадын гүрөөһые абалха сагта
Хавьтуулжа шахажа үгэхэ бэлэйб.
Гуунай гүрөөһые абалха сагта
Гуяынь ниилэтэр шахажа үгэхэ бэлэйб.
Хээрын гүрөөһые абалха сагта
Хээлииень ниилэтэр шахажа үгэхэ бэлэйб.

Одоо таанар хан эсэгэдэмни үнэншөөр нүхэсэжэ ябагты. Таанарые бусажа магад гэдэг бэлэйб. Бэтэгэй дахин урбажа ошогты. Таанар Чаутхуриин (Чингистэ Алтан уласай Вангин чансангай үгэһэн соло. Энээн тухай 134-дугаар зүйлдэ үзэ) түрэл-садан бэшэ гүт. Гурбан мүрэнэй эхиндэ бусадые бү нютаглуулагты» гэжэ эльгээбэ.

180. Баһа Чингис хаан Тоорил дүүдээ хэлэ гэжэ хэлүүлбэ: «Шамайе дүү гэһэнэйм ушарынь: урда нэгэн сагта Тумбинай Чархай лянхуа хоёр байлдаанда ябаад Огда гэдэг богоолые барижа ерэһэн бэлэй. Огда богоолой хүбүүн Сүбэхэй богоол һэн. Сүбэхэй богоолой хүбүүн Хүхэчү-хирсаан, Хүхэчү-хирсаанай хүбүүн Ехэй-хонтагар. Ехэй-хонтагарай хүбүүн Тоорил ши, хэнэй уласые эзэлхэ һанаатай тиигэжэ билдагуушалан ябанаш? Минии уласые Алтан Хучар хоёр хэндэшье мэдүүлхэгүйнь лабтай бэзэ. Иимэ тула шамайе дүү гэжэ нэрлэнэб.

Элинсэгэй үеын
Эшэтэй богоол шамда
Эрхимлэжэ хэлэхэ үгэмни
Энэ байна.
Хулинсагай үеын
Хубитай богоол шамда
Хуурмаггүй хэлэхэ үгэмни
Энэ байна» гэжэ эльгээбэ.

181. Баһа Чингис хаан Сэнгүм андада хэлэ гэжэ хэлүүлбэ: «Би эсэгын дэгэлтэй түрэһэн хүбүүн һэм. Ши нюсэгэн түрэһэн хүбүүнши. Хан эсэгэ бидэ хоёрые нэгэн адли харадаг аад, Сэнгүм, ши атаарһан хүндырүүлжэ, намайе үлдүүлээш. Одоо ши хан эсэгын эльгые эмгэнүүлхэгүй, зүрхыень зүдэрөөхэгүй, үглөө үдэшэ орожо гаражa, һанааень баясаажа, сэдьхэлыень һэргээжэ яба. Ши эртэнэй һанаһанаа табингүй, хан эсэгын амиды байтар хан болохо гэжэ эсэгын сэдьхэлые бэтэгэй зобоо. Сэнгүм анда, ши Билгээ бэхи Тодойн хоёрые элшэ болгожо намда эльгээ» гэжэ ябуулба. Баһа хэлэбэ: «Һамда хан эсэгэ, Сэнгүм анда, Жамууха анда, Алтан, Хучар, Ачиг-Ширүн Хачиун тус бүреэ хоёр хүниие элшэ болгожо ерүүлэ» гэжэ Архай Хасар, Сүхэхай жэүн хоёрто энэ үгыень сээжэлдүүлжэ эльгээбэ. Энэ үгые соносоод, Сэнгүм хэлэбэ: «Һаяхан минии эсэгые хюдагша үбгэн гэжэ хараажа байһан аад, одоо һайн зантай эсэгэ гэжэ дуудаха болобо. Баһа намайе Тогтоа бөөгэй сартуул хониной һүүлые дахажа ябаһан гэжэ муудхан хэлэжэ байһан аад, одоо намайе һайн зантай анда гэхэ зэргээр магтаха болобо. Энэ үгын удхые би мэдэбэб. Байлдая гэһэн үгэ байна. Энээндэ ямаршье татагалзаха зүйлгүй. Билгээ бэхи Тодойн хоёр аргаа таргалуулжа, байлдаанай тугые бодхогты» гэбэ. Тэндэһээ Архай Хасар бусажа харинан ба Сүхэхай жэүнэй эхэнэр, хүбүүд Ван ханай хүреэндэ байһан тула бусахаһаа зүрхэ алдажа тэндээ үлэбэ. Архай хүрэжэ ерээд, тэдэнэй үгые Чингис хаанда дуулгаба.

182. Тэндэһээ Чингис хаан нүүжэ, Балжун нуурта ошожо буу-ба. Тэндэ бууһанайнь дараа горлосой Цоос-сагаан ерэжэ уулзаад, горлосууд дахажа оробо. Баһа Онгудай Лахур-дигидхурихаа мянган эрье хони абаад, далимда Эргүнэ мүрэнэй оршондо нютагладаг арадһаа булга, хэрмэ худалдан абажа ябаа сартаулай (Туркестанай) Хасан гэдэг хүн сагаан тэмээ унажа хонидоо туужа ерээд, Балжун нуурта уһалжа байхадань, Чингис хаан тэрээнтэй уулзаба.

183. Чингис хаанай Балжун нуурта буугаад байхада, Хасар өөрын эхэнэр ба Егү, Есүнхэй, Туху гурбан хүбүүдээ Ван ханай тэндэ орхижо, өөрөө хэдэн нүхэдтэй гаражa, аха Чингисые бэдэржэ, Хараун жидунай нюруугаар хэсэжэ, оложо шадангүй, арһа шүрбэһэ эдижэ ябаад, һая Чингис хаанда ерэжэ ниилэбэ.

Хасарай ерэхэтэй зэргэ Чингис хаан баясажа, Ван ханда дахин элшэ ябуулая гэжэ зүблөө хэжэ, Жауридайн Халиудар, Урианханай Чахурхан хоёрые томилжо Ван хан эсэгэдэ Хасарай үгэ гэжэ хэлэхыень даалгаба:

«Хасар би танһаа һалажа
Хан ахаяа һанажа
Хайн бэдэрбэшье,

Харагдаха бараагүй,
Хайлан уйлабашье
Соностохо шэмээгүй,
Хаана ошоһыень мэдэхэгүй,
Ододые харан хоножо,
Орбон дэрлэн унтажа
(Гэргүй хоножо,
Дэрэгүй унтажа) байнаб.

Минии эхэнэр, хүбүүд, хан эсэгэ шинии тэндэ бии. Хэрбээ этигэмжэтэй хүниие эльгээбэлтнай, би хан эсэгэдээ ошохо бэлэйб» гэжэ хэлэг лэ гээд, баһа Халиудар, Чахурхан хоёрто хэлэбэ: «Таанарай ябахатай зэргэ бидэ худэлжэ, Хэрлэнэй Аргал хохидо ошожо буухабди. Таанар тэрээ руу бусажа ерэгты» гэжэ болзолдожо, Халиудар Чахурхан хоёрые ябуулаад, баһа Жорчидай Архай хоёрые түрүүшын тагнуул болгон эльгээжэ, дараань Чингис хаан өөһэдынхидөөрөө нүүжэ, Хэрлэнэй Аргал хохидо ерэжэ бууба.

184. Халиудар Чахурхан хоёр Ван ханда хүрэжэ, Хасарай үгэ гэжэ дээрэхи үгые хэлэбэ. Тэрэ үедэ Ван хан алтан асар бодхоод хуримлажа байба. Халиудар Чахурхан хоёрой үгые соносоод, Ван хан хэлэбэ: «Тиимэ һаа Хасар ерэг. Этигэмжэтэ хүндэ Итүргэниие эльгээе» гэжэ ябуулба. Тэрэ Итүргэн Халиудар Чахурхан хоёртой хамта анхан болзоһон Аргал хохи гэдэг газар хүрэжэ ерээд, олон хүн малыень хаража Итүргэн элшэ һэжэглээд, һөөргөө зугадаба. Халиударай моринь хурдан тула дары гүйлгэжэ хүсөөшье һаа барижа шадангүй, урда хойнонь орожо ябана. Чахурханай моринь хашан тула хойноһоонь арай гэжэ һомоной хүрэхөөр газарта ерэжэ, Итүргэнэй алтан эмээлтэй хара моринойнь гуяын мяхые хойшоо таһартар харбаба. Тиигээд Итүргэниие Халиудар Чахурхан хоёр барижа, Чингис хаанда асарба. Чингис хаан Итүргэнһээ юушье гэжэ асуубагүй. «Хасарта абаашагты» гэбэ. Хасарта абажа ошоходонь, Хасар Итүргэнтэй үгэшье хэлсэнгүй, доронь сабшажархиба.

185. Халиудар Чахурхан хоёр Чингис хаанда хэлэбэ: «Ван хан һанаа амар ажигшьегүй алтан тэрэм бодхоод, хуримлажа байба. Одоо яаража мордоод, һүниндөө бүшэжэ добтолоё» гэхэдэнь Чингис хаан энэ үгые зүбшөөжэ, Жорчидай Архай хоёрые тагнуул болгон түрүүн ябуулаад, удаадань бүгэдөөрөө һүниндөө шууд ябажа, Жэжээр үндэрэй Жэр хабшалай аманда Ван ханай байхада бүһэлэн абаба. Гурбан һүни, гурбан үдэрэй туршада байлдаад, тэдэнэр буужа үгэбэ. Тиихэдэ Ван хан Сэнгүм хоёр үгы болошоһон байба. Һүни оргожо ошоһыень манайхид мэдээгүй. Иигэжэ байлдагшань Журхинэй Хадаг баатар байгаа бэлэй.

Хадаг баатар хүрэжэ ерээд хэлэбэ: «Өөрын хан баригдажа алуулхань гэжэ тэбшэжэ ядан, тэрэнэй амиие аршалхын тула гур-

бан үдэр, гурбан һүни байлдабабди. Одоо тэрэнииe нэгэнтэ оргуулан гаргаһан тула бидэ буужа үгэбэбди. Намайе үхүүлхэдэтнай хамаагүй. (Чингис хаанай хайрлан амиды үлдээгээ һаа, тэрээндэ хүсэеэ үгэхэб» гэбэ. Чингис хаан Хадаг баатарай үгые зүбшөөжэ, зарлиг буулгаба: «Өөрын хан хүнөө орхихогүй, тэрэнэй амиие абархын түлөө байлдаһан эрые хэн буруушаахаб? Нүхэсэжэ болохо хүн байна гээд амиды үлдээжэ, Хадаг баатар ба Жүрхин обогой зуун хүниие Хуилдарай үхэһэнэй түлөө Хуилдарай эхэнэр, хүбүүдтэнь зарса болгожо үгэбэ.

Тэдээнһээ хүбүүн үрэ түрэбэлынь, Хуилдарай ураг садан хүрэтэр дахажа хүсэеэ үгэг. Үхин үрэ түрэбэлынь, эсэгэ, эхэнь өөрынгөө дураар худалдажа (хадамда үгэжэ) болохогүй. Тэдэнэй хүбүүд, үхид Хуилдарай эхэнэр, хүбүүдэй урда хойно зарагдажа ябаг» гэжэ зарлиг буулгаба. Хуилдар сэсэн хамагһаа урид ама нээжэ шударга үгээ хэлэһэн тулань Чингис хаан: «Хуилдарай зүдхэһэнэй түлөө тэрэнэй үрэ саданай дундаһаа үншэрэгшэдые тэдхэжэ, хэшэгһээ хүртээжэ ябая» гэжэ зарлиг буулгаба.

VII. Ван ханай һүнөөгдэһэниинь

186. Хэрэйд эрхэтэниие доройтуулан, хэдэн тээшэнь хубаажа байба. Һүлдэтэй обогой Тахай баатарай зарса болгожо нэгэ зуун жүрхиниие үгэбэ. Баһа Ван ханай дүү Жаха-хамбын хоёр үхинтэй байһанииень эгэшэ Ибагыень Чингис хаан өөрөө абажа, Сорхагтаниень хүбүүн Толуйдаа үгэбэ. Иимэ тула Жаха-хамбын үмсын иргэдые абаагүй. Харин Жаха-хамбые тэргын нүгөө арал мэтэ намда туһа хэжэ яба гэжэ хайралан үршөөбэ.

187. Баһа Чингис хаан Ван ханай һуудаг алтан асар, хэрэглэдэг алтан забьяа, аяга ба харгалзажа хаража ябаһан улады-ень, тэрэнэй хажуудаа абажа ябадаг хэрэйд сумые Бадай Хишилиг хоёрто олгожо:

«Хубидаа заража
Хундагаа барюулжа,
Хормоонгоо зүүлгэжэ
Ураг удамдаа хүрэтэр
Урта удаан жаргагты.
Алалдаха дайнда ябажа
Абаһан олзоёо бултыень
Аминдаа ашаглажа байгты.
Ан абада ябажа
Алаһан гүрөөһэеэ бултыень
Хубидаа хэрэглэжэ байгты»,— гээд

Чингис хаан баһа зарлиг буулгаба: «Бадай Хишилиг хоёр минии амиие абаржа туһа хүргэһэнэйнь ашаар мүнхэ тэнгэридэ үршөөгдэжэ, хэрэйд уласые доройтуулжа, үндэр һуурида хүрэбэб. Мүнөөшье, ерээдүйдэшье ураг садан хүрэтэрөө минии һуурииe залгамжалагшад энэ хоёрой хүргэһэн туһые хэзээшье һанажа ябаг лэ» гэжэ зарлиг буулгаба.

Хэрэйд уласые эзэлжэ
Хэндэшье дутаангүй
Хэһэглэжэ хубаажа абаба.
Түмэн түбэгэниие номгодхожо
Түүниие бүрин таһашажа
Түгээн хубаажа орхибо.
Олон дунгайдые даража
Орой болохын үмэнэ
Отолон хубаажа абаба.
Шуһа урасхаха дуратай
Суута жүрхин обогые
Сугаарнь хубаажа эзэлбэ.

Хэрэйд иргэниие һүнөөжэ, тэрэ үбэл Абжиа хүдгэр гэдэг газар үбэлжэбэ.

188. Ван хан Сэнгүм хоёр зугадажа гараад Дидиг сахалын Нэхүн ус гэдэг газар Ван хан ангажа уһан дээрэ ошоод, наймай харуулай Хорисубэчи гэжэ хүнтэй тохёолдобо. Хорисубэчидэ «Би Ван хан гээшэб» гэжэ хэлэхэдэнь тэрэ таняашьегүй, үнэмшөөшьегүй, Ван ханиие барижа абаад алаба. Сэнгүм Дидиг сахалын Нэхүн уһан дээрэ ошонгүй, тойроод гараба. Сүл газарта уһа бэдэржэ ябатараа, хэдэн хулһанай илаа һархан зогсожо байһые хараад, Сэнгүм моринһоо буужа, мориёо агташа Хүхэчүдэ барюулаад, хуланиие маряажа ошобо. Сэнгүм, агташа Хүхэчү, Хүхэчүгэй эхэнэр гурбан ябаһан байгаа. Гэтэр агташа Хүхэчү Сэнгүмэй мориие хүтэлөөд бусан хатархадань, тэрэнэй һамган хэлэбэ:

«Алтатайе үмдэхэдөө,
Амтатайе эдихэдээ
Амараг Хүхэчүмни гэжэ хайрлажа,
Аһан шадалаараа ябаалби.
Харин одоо ши
Хан Сэнгүмые орхижо
Хаяжа зугадаба гүш?— гэжэ

гээгдэхэээ забдахадань, Хүхэчү хэлэбэ: «Ши Сэнгүмэй эхэнэр болохо гээ гүш?» гэбэ. Тиихэдэнь һамганиинь хэлэбэ: «Ши намайе нохой шэнги эшэгүүригүй амитан гэхэшни гү? Ши алтан хундагыень орхиш. Ядахадаа уһа ууха һабатай үлдэг лэ» гэбэ. Хүхэчү алтан хундагыень хойшонь хаяад хатарган ошобо. Агташа Хүхэ-

чү бусажа ерээд, Чингис хаанда ошожо: «Сэнгүмые тиигэжэ хоо-hон талада ябаган хаяад ерэбэб» гэжэ тэрэ ярилсаһан үгээ бү-рин айладхахадань, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Гансахан эхэ-нэрэйнь амиие үршөөе. Нүгөө агташа Хүхэчү хан эзэнээ хаяжа ерээ, арайшье этигэжэ болохогүй хүн» гэжэ сабшажа алаба. (Сэнгүм Ашиг балгааһые дайража, Түбэд оронДо хүрээд һуужа байһан болобошье, нютагай арадта хабшагдаад, зугадажа гараад Кашгарта ерэбэ. Тэндэхиин ноён Келж Сэнгүмые барижа алаһан ба эхэнэр, хүүгэдыень Чингис хаанда хүргэжэ үгэбэ гэдэг үгэ байдаг. Рашид Эд-дин).

189. Найманай Таян ханай эхэ Гүрбэсү хэлэбэ: «Ван хан эр-тэнэй ехэ хан бэлэй. Толгойень асарагты. Хэрбээ мүн байгаа һаань, бидэ тахихабди» гэжэ Хорисубэчидэ элшэ эльгээн, Ван ха-най толгойе отолжо асаруулаад, сохом мүн байхадань сагаан ол-бог дээрэ оршуулжа, эдеэ шүүһэ үргэн, бэреэдээр хүндэлүүлжэ, хуур хуурдуулжа, хүндага үргүүлжэ тахиба. Тиигэжэ тахижа бай-тарнь, тэрэ толгой хүнүүдэй энеэхэдэ энеэбэ гэжэ Таян хан зэбүүр-хэжэ, хэмхэлэн гэшхүүлбэ. Иихэдэнь Хүгсэү сабраг хэлэбэ: «Үхэ-һэн ханай толгойе отолжо асараад, хэмхэлжэ хаяжа яажа боло-хоб? Манайхинай нохой муухайгаар улин хусаха болобо. Урда Инанча Билгээ ханай хэлэһэниинь:

«Эрэ минии үтэлһэн хойно
Эхэнэрэймни залуу байхада,
Эрхэ тэнгэриин ашаар
Энэ Таян түрөө бэлэй.
Торогор сэхэ бэетэй
Тормогор боро хүбүүмни
Арад доодо олоноо
Абаржа захиржа шадаха болобо гү»

гэжэ байгаа бэлэй. Одоо

Хара нохой муу ёроор хусаха болобо.
Хатан Гүрбэсү
Хамаг хэрэгые мэдэхэ болобо.
Хан Таян ши
Халшарха зөөлэн хүн байнаш.

Ан гүрөөл хэхэһээ бэшэ мэдэхэ эрдэм шадалгүй ха юмши» гэхэдэнь, Таян хан хэлэбэ: «Зүүн зүгэй үсөөхэн монгол омоглон загнаад байха болобо. Эртэнэй уг гарбалтай Ван ханиие элдэбээр айлган зугадаажа, мэнэ һаяхан үхүүлбэ. Тиигээд тэдэнэр бүгэдые эзэлэн, хаан болохо һанаатай гү? Тэнгэриие улам гэгээн гэрэлтэй болгохын тула нара һара хоёр байдаг бэзэ. Гэтэр газар дээрэ хо-ёр хан байжа яажа болохоб (газар дээрэ юунэй тула хоёр хан байха хэрэгтэйб?). Одоо тэдэ хэдэн монголые эзэлжэ абажа

ерэе» гэбэ. Тиихэдэнь эхэ Гүрбэсү хэлэбэ: «Юу хэхэб? Тэдэнэй монголшууд

Ханхалха муу үнэртэй,

Хара муухай хубсаһатай тула асаржа юу хэхэб? Холохон байбал дээрэ бэзэ. Гансахан шэлэмэл һайн үхид бэрээдыень асараад, гар хүлынь угаалгабал, үнеэ, хони һаалгажа болохо аа гү» гэхэдэнь, Таян хан хэлэбэ: «Тэдэнэй ямаршье һаа хамаагүй, бидэ Монголдо ошожо хормоонго һаадагыень хуряан абажа ерэе (эзэлэн асарая)» гэбэ.

190. Эдэ үгыень соносоод, Хүгсэү сабраг баатар хэлэбэ: «Та хэтэрхэй ехэ үгэ хэлэжэ байнат. Аяа Торлог хамни иигэжэ болохо юм гү? Болигты» гэжэ Хүгсэү сабраг хэды идхабашье, үгыень сонособогүй. Торбиташ нэрэтэ элшые онгуд аймагай Алахушдигидхурида томилон ябуулжа хэлүүлһэниинь: «Энэ зүүн зүгэй үсөөхэн монгол доромжолон загнаха болобо. Ши баруун гар боложо мордо. Би эндэһээ хамһажа, хоюулаа тэрэ хэдэн монголой хормоонгые буляан абая» гэжэ эльгээбэ. Тэрэ үгэдэнь Алахушдигидхури хэлэбэ: «Би шинии баруун гар боложо шадахагүйб» гэжэ ябуулаад, Ю-Хунан нэрэтэй элшээ заража, Чингис хаанда хэлүүлһэниинь: Найманай Таян хан шинии хормоонгые буляажа абая. Намайе баруун гар боло гэхэдэнь, би зүбшөөгөөгүйб. Одоо би шамайе болгоомжолог гэжэ энэ ушарые мэдэжэ эльгээбэб. Тэрэ үедэ Чингис хаан Тэмээн хээр гэдэг газар аба хэжэ байгаа. Түлхинчэүд гэдэг газарые хүреэлэн агнажа байхадань, Алахушдигидхуриин ябуулһан элшэ Ю-Хунан ерэжэ мэдээ хүргэбэ. Энэ мэдээеэ соносоод, мүн абын газар «Яалтайб?» гэжэ зүблөө хэхэдэнь, олон хүн хэлэбэ: «Бидэнэй агта туранхай байна. Одоо яахашье аргагүй. Намар агтынгаа таргалһан хойно байлдая» гэбэ. Отчигин ноён хэлэбэ: «Агтые туранхай гэжэ шалтагаан барижа яажа болохоб. Минии морид тарган байна. Иимэ мэдээ дуулаад, зүгөөр һуужа болохо гү? (Нэгэнтэ иимэ мэдээ соносоһон тула байлдахаар мордоё. Хүдэлэнгүй һуужа байгаад Таян ханда абтаа һаа, энэ газарай монголшууд Таян ханда эзэлэгдээ гэһэн муу нэрэ үлдэхэ бэшэ гү. Байлдаһанай һүүлээр тэдэ диилэхэ гү, бидэ диилэхэ гү, юунэй болохые ганса мүнхэ тэнгэри мэдэхэ». Рашид Эд-дин) гэбэ. Бэлгүтэй ноён хэлэбэ:

«Амиды ябажа байтараа,
Алтан хормоонгоо алдабал,
Амиды ябаһанай хэрэг юуб?
Номо һомоёо барињаар,
Һаадаг хормоонгоо дэрлэһээр
Яһаа хээрэ орхихоһоо
Эрхим һайн үхэл

Эрэ хүндэ байха аал?
Ара Найман улас
Агуу ехэ нютагтай,
Арад иргэн олонтой,
Адуу мал баялигтай гэжэ
Ехэ һүр бадаруулан
Иимэ үгэ хэлэжэ байна.
Харин энэ далимда
Халдажа бидэ ошобол,
Нютаг уһыень эзэлжэ,
Номо һомыень буляахада,
Бэрхэ бэшэ:
Одоо бидэнэй добтолон оробол,
Олон адуугаа хуряажа амжахагүй,
Орхёод зугадажа магад бэшэ гү?
Ордон гэрээ ашажа шадахагүй,
Хаяад зайлахань лабтай бэшэ гү?
Олон харьяата арадынь
Ой тайгада шургажа
Оһолтон һамуурха бэзэ.
Одоо иимэ үгые соһосоһоор байжа
Огто миин үнгэрүүлжэ болохогүй,
Олон ниитээрээ байлдахаар мордоё» гэбэ.

191. Бэлгүтэй ноёной энэ үгые Чингис хаан зүбшөөжэ, абаһаа бусаад Абжиа Хүдгэрһээ нүүжэ, Халха голой Ор Нугын хэлтэгы хада гэдэг газар буугаад, сэрэг арадаа бүридхэн тоолобо. Чингис хаан сэрэгээ хубаарилжа, мянганай ноён, зуунай ноён, арбанай ноён ба (түрүүлэн захирха ехэ) чэрбинэрые томилбо. Додай чэрби, Доголхү чэрби, Оэлэн чэрби, Толун чэрби, Бучаран чэрби, Сүйхэтү чэрби, эдэ зургаан чэрби түшэмэлые тэндэ томилбо. Сэрэгүүдээ арбан, зуун, мянган болгон хубаарилжа, баһа наян хэбтүүл (һүниинь манааша), далан торгууд (торгон сэрэг), хишигтэниие (ээлжын харгалзагша) тусхайлан томилжо, энээндэ мянганай ноёд, зуунай ноёдой хүбүүд дүүнэр соохоо ба сүлөөтэ иргэнэй хүбүүд доторһоо эрдэм шадалтай, бэе тэнхээ һайтайень илгажа оруулба. Чингис хаан тэндэ Архай Хасарые үршөөн тодорхойлжо: «Мянган һайн баатарые шэлэжэ абаг! Байлдаха үдэр урдамни ябажа байг! Юрын үдэр намда дүтэ хишигтэн боложо ябаг!» гэжэ зарлиг буулгаба. Баһа «Далан торгуудые Оэлэн чэрби ахалжа ябаг! Худас-халчантай зүблэжэ ябаг!» гэбэ.

192. Баһа Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Хорчин (номо, һомо агсагшад), торгууд, хишигтэн, буурч (тогоошо), хаалгаша, агташанар үдэр бүри ээлжэлэн һэргылхэ, хамгаалха ажалые гүйсэд-

хэжэ байгаад, энэ үүргэеэ нара шэнгэхын урда хэбтүүлэй хүнүүдтэ шэлжүүлжэ, өөһэдөө агтада гаражa хоног! Хэбтүүлэй хүнүүд һүни ээлжээр үүдэндэ зогсожо, гэрые тойрожо манажа байг! Хорчин, торгууд бидэниие үглөөнэй хоол эдихэтэй зэргэ ерэжэ хэбтүүлэй хүнүүдһээ үүргыень хүлеэн абажа, урдын ёһоор һууряа эзэлжэ харгалзажа сахижа ябаг! Гурбан үдэр, гурбан һүни жасаалан ябажа дуулаад, гурбан һүни (амаржа) хоног! Хорчингууд хэбтүүлэй үүргые гүйсэдхэжэ һолижо ябаг!» гэжэ зарлиг буулгаба. Тиигээд сэрэгүүдээ мянга мянгаар хубаарилжа дуулаад, чэрби ноёдые томилжо, наян хэбтүүл, далан торгууд, хишигтэниие томилжо, Архай Хасарые шэлэмэл баатарнуудай дарга болгожо, Халха голой Ор Нугын хэлтэгы хада гэдэг газарһаа Найман улас-тай байлдахаар мордобо. (Тэрэ үедэ мэргидэй Тогтоа, хэрэйд аймагай ноёдой нэгэн, зугадажа ерэһэн Алан тайжа, Хутуг бэхеэр толгойлуулһан ойрод аймаг, жажардай обогой Жамууха, дүрбэн татаар, хатахин, салжиуд аймагууд бултадаа Наймантай нэгэдэһэн байба. Рашид Эд-дин).

193. Хулгана жэлэй (1204 он) зунай түрүүшын һарын арбан зургаанай улаан тэргэд үдэр тугаа тахижа мордоод, Зэбэ Хубилай хоёрые Хэрлэн өөдэ тагнуул болгожо ябуулба. Тэрэ хоёр ябажа, Саарь хээртэ хүрэжэ, Ханхарханай (Хаһгай-ханай) эхин дээрэ байһан найманай харуултай ушарба. Тэдэ харилсан тулалдажа байгаад, найманай харуулда манай харуул, эмээлтэй эсэнхэй һаарал мориёо абтаба. Найманай харуул тэрэ мориие барижа абаад, «Монголой агта туранхай байна» гэлдэбэ. Манай ехэ сэрэг Саарь хээртэ хүрэжэ буугаад, «Одоо яахаб?» гэжэ хэлсээн болоходо, Додай чэрби Чингис хаанда дурадхан айладхаһаниинь: «Бидэнэй сэрэг үсөөн мүртөө замдаа шалажа ядарба. Иимэһээ эндээ баахан һаатажа, агтаяа садхая. Саарь хээрээр таран буужа, амиды хүн бүхэн табан анги гал түлижэ, галаар һүр бадаруулая. Найманайхид олон гэжэ хараха болоно. Гэбэшье тэдэнэй ханиинь гэрһээ гаражa үзөөгүй эрхэ хүн гэнэ. Бидэнэй галаар һүрдүүлэн тэдэниие төөрюулжэ байха забһарта бидэнэй агта садаха бэзэ. Агтынгаа амаржа садахатай адли найманай харуулые дайражa гол хүсэндэнь хүрэтэр түрижэ оруулаад, тэдэнэй тулгардан тэбдэхэ һамбаандань байлдажа оробол болохо гү?» гэжэ дурадхахадань, энэ үгые зүбшөөжэ Чингис хаан зарлиг буулгаба. «Тиимэ һэн хойноһь гал олоор түлигты» гэжэ сэрэгүүдтээ захиралта үгэбэ. Сэрэгүүд Саарь хээртэ таражa буугаад амиды хүн бүри табан түүдэг гал түлибэ. Найманай харуул Ханхарханай орой-һоо һүни олон гал хаража: «Монгол үсөөн гэһэн бэшэ аалди? Одо мүшэдһөө олон гал носожо байна» гэжэ Таян ханда үнөөхи бариһан муу эмээлтэй һаарал мориие хүргүүлбэ. Баһа Таян

ханда мэдээ дуулгаһаниинь: «Монголой сэрэгүүд Саарь хээрые дүүрэтэр буугаа. Үдэр бүри үерэй уһан шэнги нэмэн ерэжэ байһан шэнги. Одо мүшэдһөө олон гал носожо байна. (Үдэртөө үндэр уулада гаража байдаг болобо гү? Һүниндөө талада одо мүшэд мэтэ олон гал носоожо байна») гэжэ эльгээбэ.

194. Харуулай энэ мэдээ ерэхэдэ, Таян хан Хангайн Хачир усанда байба. Таян хан энэ мэдээ абаад Хүчүлүг хан хүбүүндэ захяа хэлэжэ эльгээбэ. «Монголой агта туранхай ха юм. Одо мүшэдһөө олон гал носожо байна гэнэ. Монгол олон байгаа. Одоо бидэ:

Хара муу һайн Монголтой
Хадхалдажа нэгэтэ эхилбэл,
Хахасахада бэрхэ болоно.
Хасарынь хадхажа байбашье,
Хараһан нюдөө сабшадаггүй,
Хара шуһаа урадхажа байбашье,
Харижа огто бусадаггүй
Хатуужал ехэтэй монголтой
Хамаагүй байлдажа болохогүй.

Одоо Монголой агта туранхай байна. Бидэ уласаа Алтай дабуулан абаашажа, сэрэгээ заһасагаажа, монголшуудые дуудан даллажа, Алтайн үлгы хүрэтэр дахуулан шэрэгдүүлжэ абаашаа һаа, бидэнэй агта тарган тула тамиртай садхалан үлдэнэ. Монголой агта улам туража ядарха болоно. Тэрэ үедэ бидэ урдаһаань добтолон ороё» гэжэ эльгээбэ. Тэрэ үгые соносоод Хүчүлүг хан хэлэбэ: «Таян хан баһа муу һайн эхэнэр мэтэ зүрхэ алдажа, иимэ үгэ хэлээл даа. Монголшууд хаанаһаа олон байха юм? Монголой олониинь Жамуухые дахажа эндэ бидэнтэй байна.

Жэрмэһэн эмын шээхэ газарһаа
Холо ябаагүй,
Жэжэ тугалай бэлшэхэ газарһаа
Гаража үзөөгүй
Эмэ Таян зүрхэ алдажа
Энэ үгэ хэлээ» гэжэ
Эсэгэ Таян ханиие
Элдэбээр дайран доромжолжо
Элшэ хүнөө эльгээбэ.

«Эмэ» гэхэ зэргын доромжолон хараһан үгыень соносоод, Таян хан хэлэбэ:

«Хүчүлүг хүбүүн шинии
Хүсэрхэхэ бардамнаха ехэ болобошье,
Хүрэлсэн алалсаха сагта
Хүнһөө урда шантарха байхаш.
Тэрэ ехэ омогоо

Тэрс дайсанда гаргаһайш!
Тэмсэжэ нэгэнтэ эхилбэл
Миил һалаха аргагүй» гэбэ.

Тэрэ үгыень соносоод, Таян ханай удаадахи ехэ ноён Хорисубэчи хэлэбэ: «Инанча Билгээ хан эсэгэшни

Адли зэргын дайсанда
Араа үзүүлжэ ябаагүй,
Алалдаха тулалдаха үдэртэ
Агтаа сухарюулжа үзөөгүй

бэлэй. Мүнөө ши юундэ маргаашын түлөө зүрхэ алданаш. Шинии иигэжэ зүрхөө шантархые мэдээ һаа, шинии хатан эхэ Гүрбэсые асаржа сэрэг захируулхамнай бэшэ аал! Хөөрхэй Хүгсэү сабраг баатар үтэлөөд сэрэгэй цааз һуларба. Монголой ээлжэ болохонь бэзэ. Бидэ диилдэхэ хабди. Ай, торлог Таян, ши бирагүй хүн байнаш» гээд хормоонгоо дэлдэжэ, нүгөө тээшээ хатаруулан ошобо.

195. Тэрээндэнь Таян хан ехээр уурлажа хэлэбэ: «Үхэхэ амин, зобохо бэе булта нэгэн адли бэзэ. Тиимэ хадань хадхалдая» гэжэ Хачир усанһаа хүдэлжэ, Тамир руу ябаад, Орхониие гаталжа, Наху гүнэй зүүн хормойе дайран, Цахир могод гэдэг газар хүрэжэ ерэбэ. Тиихэдэнь Чингис хаанай харуул хаража, «Найман хүрэжэ ерэбэ» гэһэн мэдээ хүргэбэ. Тэрэниие соносоод, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Олонһоо олон гарза гарана. Үсөөнһөө үсөөн гарза гарана» гээд урдаһаань морилжо, тэдэнэй харуулые намнаад сэрэгээ заһажа:

«Харганын дундуур
Хадхалдан байлдажа,
Нуурай хүбөөгөөр
Нюдаралдажа сүмэрэн ороё» гэбэ.

Тиигээд Чингис хаан өөрөө түрүүлэн ябажа, Хасарта гол хүсэеэ захируулба. Отчигин ноёноор бэлэн байлгаха агтые захируулба.

Найманууд Цахир могодһоо бусажа, Наху гүнэй үбэр уулын хормой хушан байба. Тиигээд найманай харуулые бидэнэй харуул үлдэжэ, Наху гүнэй үбэртэ байгаа гол хүсэндэнь хүрэжэ ошобо. Энээниие Таян хан хаража, наймантай хамта байлдахаар ерэһэн Жамуухаһаа асууба: «Тэрэ һүрэг хониндо орожо, хотондонь хүрэтэр намнажа ябаа шоно мэтэ добтологшо ямар хүнүүд бэ?» Урдаһаань Жамууха хэлэбэ: «Тэмүүжин андамни дүрбэн нохойе хүнэй мяхаар тэжээжэ, гэнжэдэ уяад байдаг бэлэй. Одоо манай харуулые түрижэ ерэгшэд тэрэ дүрбэн нохой бэзэ.

Шэрэм түмэр магнайтай,
Шивээ хурса хэлэтэй,

Ган түмэр зүрхэтэй,
Гадаһа һүүшэн хуцуутай
Галзуу дүрбэн нохой,
Түмэн амитаниие хюдахаар
Түмэр гэнжэһээ мултаржа,
Шууд барижа эдихээр
Шунахай шүлэһөө һабируулан ерэбэ.
Шүүдэрээр унда хэжэ,
Шүлһөөр хоол хэжэ,
Һалхяар унаа хэжэ,
Һаадагаар нүхэр хэжэ ябадаг
Зэбэ, Хубилай түрүүтэй,
Зэлмэ, Сүбээдэй дахуултай
Тэмүүжин андын тэжээһэн
Тэрэ дүрбэн ноход
Тэмүүлэн хүрэжэ ерэбэ» гэбэ.

Таян хан хэлэбэ: «Тиимэ һаань тэрэ муу һайн амитадһаа холо байя» гээд хойшоо сухарижа, уула өөдэ үгсэбэ. Баһа тэдэнэй хойноһоо харайлган дүүлин ябаа хүнүүдые хаража, Таян хан Жамуухаһаа асууба:

«Эртэ табиһан унаганай
Эхын һүү хүхэжэ
Эрхэлэн дабхин наадаха мэтэ,
Эршэлэн һүрэжэ ябаа
Энэ хэдэн хүниие
Эрхим Жамууха мэдэхэ гүт?»
гэхэдэнь, Жамууха хэлэбэ:
«Зэбсэгтэ эрые айлгажа
Зэбэ тоногыень буляадаг,
Илдэтэ эрые нисаажа,
Үлүү дутууе буляадаг
Эдитэ урууд, мангуднар бэзэ.
Баатар зоригто тэдэ
Байлдаан болохо ойротоһондо
Баярлан харайжа ябана» гэбэ.

Тэндэһээ Таян хан хэлэбэ: «Тиимэ һаань тэдэ муу һайнһаа холо байя» гэжэ баһа сухарин уула өөдэ абирба. «Баһа тэдэнэй хойноһоо үлэдэһэн шубуу мэтэ үрбэлзэн һүрбэлзэн ерэгшэд хэд бэ?» гэжэ Таян ханай асуухада, Жамууха иимэ харюу үгэбэ:

«Тэрэ хойноһоо ерэгшэнь
Тэмүүжин анда мүн байна.
Хан Тэмүүжин тэрэ
Хамаг бэедээ баран
Шүбэгэ хадхаха зайгүй

Шүргэ түмэр үмдэжэ,
Зүү шэбэхэ забһаргүй
Зүймэл хуяг үмдэжэ,
Үлэдэһэн шубуун мэтэ
Үрбэлзэн һүрбэлзэн ябана.
Уурлаһан араатан мэтэ
Урагшаа дүүлин яарана.

Найман аймаг таанар Монголые үзэн сасуу эшэгэнэй годошье үлээнгүй иишэ тиишэнь хубаажа эзэлнэ гэдэг байһан бэшэ гүт? Одоо таанар үзэгты» гэбэ. Энэ үгые соносоод Таян хан хэлэбэ: «Ай, тиимэ юм һаань, энэ уулын аман өөдэ баһа абирая» гэжэ уула үгсэжэ нилээд ябаад, Таян хан Жамуухаһаа асууба: «Баһа тэрэ хойноһоонь ерэжэ ябаа нүһэр амитан хэн бэ? гэхэдэнь, Жамууха хэлэбэ:

«Хүндэтэ Оэлүн хатанай
Хүнэй мяхаар тэжээһэн
Хүсэтэ Хасар гэдэг
Хүбүүниинь тэрэ мүн.
Гурбан бухаар зүдхүүлбэшье
Гунхахагүй хүсэтэй,
Гунжан үнеэе эдибэшье
Садахагүй ходоодотой,
Хэдэн алда бэедээ
Хэлхеэ хуяг үмдэһэн
Хэрзэгы дошхон Хасар
Хэн бүхэниие эдихээр зүдхэнэ!
Хормоонго һаадагтай хүниие
Хобхо татаад залгихадань,
Хомхой тэрэ Хасарай
Хоолойдонь тородоггүй гэнэ.
Амиды хүниие бүхэлеэр
Абажа шүүрээд залгихадань,
Аюулта тэрэ гайхалай
Амандань тээглэхэгүй гэнэ.
Уурынь ехээр хүрэжэ
Урдахи һомоёо шүүрэжэ,
Ухасхийн харбахадань,
Уулын саадахи хүнүүдшье
Тэрэ һомондонь оногдожо,
Тэсэхэ аргагүй үхэдэг.
Хилэнгынь ехээр хүрэжэ
Хиидэдэг һомоёо шүүрэжэ
Хии тала руу харбахадань,
Хярын саадахи хүнүүдшье

Хиргаха тэрэ һомондонь
Хюдагдажа олоороо үхэнэ.
Ехээр дэлижэ харбабал
Юһэн зуун алда газар харбадаг.
Татуу дэлижэ харбабал
Табан зуун алда газар харбадаг.
Хүнтэй адли хүн бэшэ,
Хүниие эдихэ мангас.
Хүсэтэ Хасар тэрэ
Хүрэжэ ерэжэ ябана»

гэхэдэнь, Таян хан хэлэбэ: «Тиимэ һаань үндэр уулада хоргодоё, дээшээ аһая» гэжэ уула өөдэ улам абирба. Баһа Таян хан Жамуухаһаа асууба: «Тэрэнэй хойно ерэжэ ябааша хэн бэ?» гэхэдэнь, Жамууха хэлэбэ:

«Оэлүн эхын одхон хүбүүн
Үнөөхи Отчигин тэрэ мүн.
Эрхэдээ шатаһан ушарһаа
Эртэ унтадаг болобошье,
Эрэлхэг зоригтой хүн.
Одхон хүбүүн ушарһаа
Орой бододог болобошье,
Омог шадалтай эрэ.
Байлдаан үймөөн болоходо
Байрадаа хосордоггүй
Баатар Отчигин тэрэ ябана»

гэхэдэнь, «Тиимэ һаань уулын орьёл дээрэ гарая» гэжэ Таян хан хэлэбэ.

196. Жамууха Таян ханда иимэ үгэ хэлээд, найманһаа хахасан һалажа, Чингис хаанда хүниие ябуулжа хэлүүлһэниинь:

«Таян хан шамһаа айжа
Тайга руу шургажа оробо.
Ухаа алдатараа айгаад тэрэ
Уулада хоргодон абиржа байна.
Тэмүүжин, ши хатуужажа хэшээ.
Тэдэ һандаран зугадажа байна.
Эдээнэй шарайе ажаглан харахада,
Эсэргүүсэхэ шадалгүй болонхой.
Би нүхэдтээе хамта найманһаа хахасабаб» гэжэ эльгээбэ. Чингис хаан наранай орой болохо хирэдэ Наху гүнэй уулые бүһэлжэ абаад хонобо. Тэрэ һүни найманууд буруулан зугадаха гээд, Наху гүнэй уула дээрэһээ халтиран унажа, бутаран нураһан түлеэн мэтэ бэе бээе даралсажа яһаа хэмхэрэн үхэбэ. Маргаашань Таян ханиие муудхаажа бариба. (Таян хан хүндөөр шархатаһан тула дары үхэбэ. Рашид Эд-дин). Хүчүлүг хан амяараа байһан тула

үсөөн хүнтэй хамта зугадажа, Тамир гол хүрэжэ, нэхэһэн сэрэгтэ хүсэгдөөд, хүреэ бүхэлэлтэ барижа байлдаһан болобошье, баһа тэсэжэ шадангүй, саашаа зугадажа (Буйруг хан абгадаа) ошобо. Найманай улас иргэниие Алтайн үлгыдэ хүсэжэ бултыень эрхэдээ оруулжа абаба. (Жамууха баруун зүг руу тэрьедэбэ). Жамуухые дахажа ябаһан жадаран, хатахин, салжиуд, дүрбэн, тайчууд, хонгирад түрүүтэй аймагууд тэндэ Чингис хаанда ниилэжэ оробо. Таянай эхэ Гүрбэсү хатаниие Чингис хаан асаруулжа хэлэбэ: «Ши монгол хүниие муухай үнэртэй гэдэг бэлэй гүш? Ши одоо юундэ ерээбши?» гэжэ тэрэниие Чингис хаан өөрөө абаа һэн. (Таянай аймагай нэгэ хүн зугадаба. Хасарай тэрээниие амидыгаар бари гэһэн хадань, Бат хүсэжэ амидыгаар баряад ерэбэ. Үзэхэлөөрнь үбэртэнь нэгэ тамга байба. Хасар хэлэбэ: «Танай олон аймаг сэрэг бүгэдээрээ маниие дахажа байхадань, ши энэ юумые үбэртэлжэ хайшаа ошохо гээбши?» гэхэдэнь, тэрэ хүн хэлэбэ: «Би албан тушаалайнгаа газарые үхэтэрөө сахихаб. Энэ тамгые хуушан эзэндээ хүргэжэ үгэхэ гээ һэм. Аза буруулжа баригдабаб». Хасар хэлэбэ: «Ши али обогой хүмши, ямар тушаалтай байгаабши?» Тэрэ хүн хэлэбэ: «Би уг изагуураараа уйгур газарай хүнби. Нэрэмни Тататунга. Минии эзэн энэ тамгые намда тушаажа, эд эдишые гаргаха, оруулха ябадалые намда даалгаа бэлэй». Хасар баһа асууба: «Энэ тамгые ямар ушарта хэрэглэнэбта?» Тататунга хэлэбэ: «Һайн хүниие оложо зарлиг бэшэг ябуулха зэргын үйлэдэ хэрэглэхэбди» гэбэ. Энээниень Хасар һайшаажа, шударгы болохотой хүн гэжэ Тэмүүжиндэ мэдүүлжэ, ямаршье һаа бэшэг ябуулхада хэрэглэхээр тэрэ тамгые үнөөхи Тататунгада тушааба. Хасар Тататунгые багшаар барижа, бэшэг хуули, сэрэгэй бодолго түрүүтэй олон зүйлэй бэшэгэй удхые заалгажа удангүй һураба. (Мэргэн гэгээнэй «Алтан тобшын» 23-дахи бүлэгтэ бии).

197. Мүн хулгана жэлэй намар Хара талын үзүүр гэдэг газар мэргидэй Тогтоа бэхитэй Чингис хаан байлдажа, Тогтоае диилээд намнажа, Саарь хээр гэдэг газар мэргидэй аймаг олониие дахуулан абаба. Тогтоа Худу Чулуун хоёр хүбүүдээ, үшөө үсөөн хүниие абаад зугадан ошобо. (Худу, Чулуунай эхэнэрые Чингис хаан хүбүүн Үгэдэйдээ үгэбэ). Мэргид иргэнэй эзэлэгдэхэдэ увас мэргидэй ахалагша Дайр-Үсүн гэгшэ хүн (байлдаха һаналгүйгөө мэдүүлжэ) өөрын үхин Хуланиие Чингис хаанда үзүүлхээе абаашаха гэжэ шиидэбэ. Замдань тохёолдоһон монгол сэрэг һаатуулха тула Бааридайн Наяа ноёндо Дайр-Үсүн уулзажа хэлэбэ: «Би энэ үхинөө Чингис хаанда үзүүлхээе ошожо ябанаб» гэхэдэнь, Наяа ноён хэлэбэ: «Үхинииешни бидэ хамта абаашажа үзүүлэе. Шинии гансаараа ошобол, иимэ үймөөтэй түбэгтэй сагта тохёолдоһон сэрэгүүд шамайе хорлохо, үхинииешни забхайруулха тула хоюулаа хамта ошоё. Ши намайе гурбан хоног хүлеэ» гэжэ дурадхажа

хүлеэлгэбэ. Тэндэһээ Наяа ноён, Дайр-Үсүн хоёр Хуланиие абажа Чингис хаанда хүргэбэ. Чингис хаан Хуланиие Наяа ноён гэртээ гурбан хоног хүлеэлгээ гэжэ дуулаад, маша ехээр уурлажа: «Ши энэ Хуланиие ямар ушартай гэртээ хүлеэлгэжэ байгаабши?» гэжэ шангаар тулган асуужа, гэмнэхээеэ байба. Тиигэжэ байтарнь Хулан хэлэбэ: «Намда Наяа ноён иигэжэ хэлээ һэн: «Би Чингис хаанай ехэ ноён гээшэб. Бидэ хамта хаанда бараалхажа ошоё. Замдаа зуурамнай сэрэгүүд элдэбээр аашалжа болохо» гэжэ идхаба. Хэрбээ Наяа ноёной ушаржа туһалаагүй һаа, бидэ забһарай сэрэгтэ баригдажа, тэдэнэй гарта орохо байгаа бэшэ гүбди. Энэ Наяатай ушарһамни һайн болоо. Одоо энэ Наяа ноёнһоо асуухын орондо хаан зүбшөөрэл үгэбэл, тэнгэриһээ заяаһан, эсэгэ эхэһээ түрүүлһэн махабадыемни шалгажа үзэгты» гэбэ. Баһа Наяа ноён хэлэбэ:

«Хамаг олоной эзэн
Хаан Чингис шамайе
Хайралжа хүндэлхэһөө бэшэ
Хара һанал намда үгы.
Хари улачаа олзолһоо
Хасар һайхан хатадые,
Хатартай һайн моридые
Хаан шинии юм гэжэ
Халдангүй хаража,
Хабирангүй сахидаг бэлэйб.
Үүнһээ ондоо сэдьхэлые
Үнэхөөр һанаһан гү, али
Үйлэдэһэн зүйл байгаа һаань,
Үхэхэдэ намда гомдолгүй» гэбэ.

Чингис хаан Хулан хатанай үгые зүбшөөжэ, энэл үдэрөө тэрэ дары шалгажа үзэхэдэнь, Хулан хатанай айладхаһан үгынь үнэн байһан тула Чингис хаан Хулан хатаниие хайралан таалаба. Наяа ноёной үгэ баһа үнэн болоһон тула «Үнэн үгэтэй шударга хүн байна. Ехэ үйлэ хэрэгые даалгая» гэжэ үршөөн айладхаба.

VIII. Хүчүлүгэй зугадаһан ба Жамуухын дарагдаһаниинь

198. Мэргид иргэниие эзэлжэ, Тогтоа бэхиин ехэ хүбүүн Худугайн Тухай Дүргэнэ хоёр хатанай Дүргэныень Үгэдэй хаанда үгэбэ. Мэргидэй зарим уладууд дайжажа, Тайхал шивээндэ ошоод хорёолон бүхэлбэ. Тэндэ Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Сорхон-шарын хүбүүн Чимбай зүүн гарай сэрэгые абаад, хорёолон бэхилһэн мэргидые бүһэлэ» гэжэ эльгээбэ.

Тогтоа хүбүүд Худу, Чулуунтаяа хамта үсөөн хүнтэй зугадажа гараһыень Чингис хаан нэхэжэ, Алтайн үбэртэ үбэлжэжэ, үхэр жэлэй (1205) хабар Арайн дабаагаар дабажа ошоходонь, най-

манай Хүчүлүг хан уласаа алдаад, үсөөн хүнтэй зугадажа ябаһан мэргидэй Тогтоатай уулзажа, Эрчис мүрэнэй Бүхдэрмэ гэдэг газар хамтаран сэрэгээ заһажа байба. Чингис хаанай хүрэжэ байлдахада, Тогтоа тэндэ зэрлиг һомондо оногдожо үхэбэ. Хүбүүдынь тэрэнэй хүүрые хүдөөлүүлжэ үрьдэхэгүй болоод, толгойень отолон абажа ошобо. Тэндэһээ найман, мэргидүүд хамтаран байлдажа шадахагүй болоод буруулан зугадажа, Эрчис мүрэниие галалхадаа олонхи хүниинь уһанда орожо үхэбэ. Найман, мэргидэй үсөөн хүн Эрчисые гаталаад, хахасан һалаба. Найманай Хүчүлүг хан уйгурай Харлугые дайран, сартаулай газарта Чуй мүрэндэ байгаа Хара Хитадай Гүр ханда ниилэн ошобо. Мэргидэй Тогтоагай хүбүүд Худу, Гал, Чулуун түрүүтэй мэргидүүд ханлинай хипчагуудые дайран ошобо.

Тэндэһээ Чингис хаан харижа, Арайн дабаагаар дабажа, анханайнгаа ордондо бууба. Чимбай тэрэ Тайхалда хоргодоһон мэргидые эзэлбэ. Чингис хаан зарлиг буулгажа, мэргидүүдһээ хюдахыень хюдажа, үлэгшэдыень сэрэгүүдээрээ дээрмэдүүлбэ. Баһа урда дахажа орожон мэргидые Аураг (арын гү, али анханай) ордонһоо урбан буһалгаалхадань, ордоной газар байһан зарсанар тэдэниие дараба. Тэндэ Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Тэдэниие хамта байлгая гээ һэм. Гэтэр тэдэ урбаа ха юм» гээд мэргидые зүг бүринь дуухан хубаарилба.

199. Мүн үхэр жэл Чингис хаан захиралта гаргажа, Сүбээдэйдэ түмэр тэргэ хүүлэжэ үгөөд, Тогтоагай хүбүүд Худу, Гал, Чулуун түрүүтэниие нэхүүлхээр эльгээхэдээ, Сүбээдэйдэ зарлиг буулгаһаниинь:

«Уршагта Тогтоагай
Урбаһан хүбүүд
Ургатай хулан шэнги
Ухаагаа алдажа,
Шархатай буга шэнги
Шантаран муудажа
Бусажа харбалдахаар
Буруулан зугадаба.
Хүсэрхэһэн Худу, Чулууннар
Хөөрэхэ жэгүүртэй боложо
Хүхэ тэнгэридэ ниидэбэлынь,
Хүлэг баатар ши
Хүсэхэ шонхор боложо
Хүсөөр тэдэниие баряарай!
Муу Тогтоагай хүбүүд
Мунхаг тарбаган боложо
Мухар нүхэндэ шургабалынь,
Түгэс баатар Сүбээдэй

Түмэр салир боложо
Түнхижэ малтажа гаргаарай!
Үһөөтэ мэргидэй үринэр
Үргэстэй загаһан боложо
Үргэн далайда ороболынь,
Үрлэг Сүбээдэй ши
Өөш губшуур боложо
Үлгэжэ гоходожо баряарай!
Үрлэг баатар шамайе
Үндэр дабаа дабуулжа,
Үргэн мүрэниие гаталуулжа
Үһөөтэ мэргидые даруулхаар
Үдэр болзолжо эльгээбэб.
Үһанай уртые гаталжа
Газарай холые хүрэхэдөө,
Унаха моридоо гамнажа,
Унда хүнэһөө хэмнэжэ
Урдаһаа болгоомжотой яба!
Агта моридоо муудуулбал
Амаа барибашье хожомдохо.
Алибаа хүнэһээ барабал
Арьбалан хэмнэбэшье оройтохо.
Аласай тэрэ замда
Абалха гүрөөһэд олон бии.
Ан абада гараһаар
Аласай замые бү марта.
Хүнэһэнэй нэмэри болгожо
Хүрэхэ хэмжээгээр абала.
Эрхилэн абалхаяа боли,
Энгын ябаха замдаа
Эрэ сэрэгэй моридой
Эмээлэй хударгые мулталжа,
Аггын хазаарые амагайгшалжа
Аярнь зөөлэн яба.
Шанга энэ журамые
Шармайн сахижа ябабал,
Аянай хүн дураараа
Абалан дабхихаа болихо.
Сээрлэхэ журамые зүршэһэн
Сэрэгэй хүнүүдые нанша.
Таниха минии хүнэй
Таалал зарлигые зүршэбэл,
Таанар намда ябуулагты.
Танихагүй хүнэй зүршэбэл,

Таанар мэдэжэ шиидхэгты.
Уула хадые аладлабашье
Уг һаналаа нэгэдхэжэ,
Мүрэн голые гаталбашье
Мүн һаналаа нэгэдхэжэ,
Мүнхэ тэнгэриин хүсэндэ
Мүрэйнгөө хүсэ нэмээжэ
Гайта Тогтоагай хүбүүдые
Гартаа оруулжа барибал,
Тэдэниие асарха хэрэггүй,
Тэндэнь аргынь ологты!»
гэһэн зарлиг буулгаба.
Шэн зоригто Сүбээдэйдэ
Чингис баһа хэлэбэ:
«Ши одоо ябаад
Шэбэлтэ мэргидые һүнөө.
Балшар сагтамни тэдэ
Байн байн добтолжо
Бурхан халдунда бидэниие
Бултуулаа һандаргажа байгаа.
Үһөөтэ тэрэ мэргидүүд
Үнөө баһа тангариглаад
Нүгөө зүг руу зугадаба.
Уртын үзүүртэ хүрэжэ,
Гүнэй оёорто орожо
Түлөөһэ үһөөгөө аба!» гэжэ
Түмэр тэргэ хэрэглүүлэн
Үнэн этигэлтэй Сүбээдэйе
Үхэр жэл эльгээбэ.
«Далда оробошье
Эли мэтээр һанажа,
Холо ошобошье
Ойро мэтээр бодожо,
Бидэндээ этигэлтэй ябабал
Дээдэ тэнгэри үршөөжэ
Дэмжэхэ болоно» гэжэ
Баатар Сүбээдэйн мордоходо
Баһа зарлиг буулгаба.

200. Найманай мэргидые эзэлжэ дууһаһан хойно Наймантай хамта байһан Жамууха уласаа алдажа, табан нүхэдтэеэ тэнэжэ ябаад Тагна (Танлу) уулада гаража нэгэ угалза алаад, шаража эдижэ байтараа, Жамууха нүхэдтөө хэлэбэ: «Хэнэй хүбүүд энэ үдэр угалза алажа, иигэжэ эдижэ байнаб?» Тэрэ угалзын мяха эдижэ байха забһартань табан нүхэдынь Жамуухые барижа, Чин-

гис хаанда абажа ерэбэ. Жамууха нүхэдтөө баригдажа ерээд, Чингис хаанда хэлүүлһэнииньː

«Хара хирээ
Халтар нугаһые
Бариха болобо.
Харса богоол
Хан эзэндээ
Халдаха болобо.
Хаан андамни
Хайрлажа үршөө.
Боро элеэ
Борогор нугаһые
Бариха болобо.
Богоол зарса
Бодото эзэндээ
Бодожо халдаба.
Богдо андамни
Бодожо үзэ» гэбэ.

Жамуухын тэрэ үгэдэ Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Хаан эзэндээ халдаһан хүниие яажа орхихоб? Тиимэ хүн хэнтэй нүхэсэхэб? Хан эзэндээ халдаһан харса арадые уг унгидань хүрэтэр усадха» гэжэ зарлиг буулгаба. Тиигээд Жамуухын хараһаар байтар тэрээндэ халдаһан хүнүүдые алаба. Чингис хаан Жамуухада хэлэ гэжэ зарлиг буулгаһаниньː

«Одоо бидэ хоюулаа
Ойртожо баһа нүхэсэе.
Үнөө болоходо ши
Үрөөһэн арал болоод
Өөрэ һанаа барихагүй бэзэш.
Хамта хоюулаа ниилэжэ,
Харилсан найрамдажа
Умартаһанаа һануулжа,
Унтаһанаа һэрюулжэ ябая.
Өөрэ замаар
Ябаһан болобошье,
Үлзытэ һайн нүхэрни
Мүн бэлэйлши.
Үһөөлдэн байлдаха
Үдэр болоходо,
Үри зүрхөө
Үбдэдэг бэлэйлши.
Ондоо замаар
Ябаһан болобошье,
Анда һайн нүхэрни

Мүн бэлэйлши.
Урагшалан байлдаха
Үдэрэй болоходо,
Уушха зүрхөө
Үбдэдэг бэлэйлши.
Хэдэн жэшээ хэлэбэл:
Хэрэйд уластай бидэ
Хархалзан элээтэдэ
Хадхалдаха саг болоходо,
Тоорил ханай һанаае
Тодоруулжа бидэндэ хэлээд,
Тон ехээр туһалааш.
Баһа Найман уласые
Үгөөрөө үхэтэр һүрдүүлжэ,
Амаараа айтар һандаргажа
Алибаа байдалые мэдүүлжэ
Аша туһа хүргэһэн бэлэйш».
201. Жамууха хэлэбэ:
«Эртэ үнгэрһэн сагта
Энхэргэн бага наһандаа
Хорхонаг Жубурай хүндыдэ
Хоюулаа ехэ нүхэсэжэ
Хан анда шамтай
Хайрата найза боложо,
Шэнгэхэгүй эдеэ эдижэ,
Мартахагүй үгэ хэлсэжэ,
Нэгэ хүнжэлэ нэмэржэ,
Нэгэ һанаа һанажа ябаалди.
Хүндэлэнэй хүндэ хөөдэгдэжэ,
Хүнөөхэ үгэдэнь абтажа,
Хажуугай хүндэ хадхагдажа,
Харатай үгэдэнь абтажа,
Хаан анда шамһаа
Хахасан һалаад би
Хара нюурайнгаа арһые
Халсаржа хуурагһантай адли,
Хаан анда шинии
Халуун шарайе харахаһаа
Халтиран зобожо ябааб.
Умардашагүй хэлсэһэн
Урдын үгые һанажа
Улаан нюурайнгаа арһые
Урбуулжа үбшүүлһэнтэй адли,
Уужам сэдьхэлтэ андынгаа

Ухааната шарайе харахаhаа
Ухарин зобожо ябааб.
Хаан анда намайе
Хайрлан үршөөжэ,
Хамтаран нүхэсэе гэбэ.
Нүхэсэхэ сагта
Нүхэсөөгүйлби.
Тэмүүжин, ши
Түмэн уласые
Түбшэн болгожо,
Хари уласые
Хамтадхан захиржа,
Хамагые эзэлhэн
Хаан болоод,
Дэлхэй дахинай
Бэлэн байхада,
Дэмы надаар
Юу хэхэб даа?
Харанхы hүниин
Зүүдэн боложо,
Гэгээн үдэрэй
Гэмтэн боложо,
Хаан андые
Зобоохо болонолби.
Энгэрэйшни бөөhэн,
Эгэмэйшни үргэhэн
Болохо бэзэб би.
Атаата эмын үгөөр
Андаhаа hалаад
Аргагүйгөөр зобоболби.
Энэ наhан соомнай
Эрхим анда бидэнэй
Энхэргэн нэрэ алдаршажа,
Ургаха наранhаа абаад
Шэнгэхэ наран хүрэтэр
Уласаар дүүрэн алдаршаба.
Hэргэлэн баатар шамайе
Сэсэн эхэ заяагаа.
Эрэлхэг баатар андада
Эрдэмтэн дүүнэр түрэбэ.
Далан гурбан хүлэгтэй,
Дархан үрлэг нүхэдтэй
Далай Чингис шамдаа
Дарагдажа мүхэбэб бишни.

Өөрын эсэгэ эхэһээ
Үншэн бэеэрээ хосороод,
Этигэхэ һайн нүхэргүй,
Эдитэй һайн дүүгүй,
Үлүү дутуу үгэтэй
Үнгэрүү домогшо эхэнэртэй —
Тиимэ байһан ушарһаа
Тэнгэри эсэгэһээ заяатай
Тэмүүжин шамда диилдэбэб.
Анда нүхэрни хайрлажа
Амииемни үтэр таһалбал,
Арюун зүрхэшни амаржа
Амгалан жаргаха болоно.
Анда ши соёрхожо,
Адхарха шуһыем гаргангүй
Алуулжа үршөө намайе!
Үхэжэ хэбтэхэ яһамни
Үрэжэлтэ эхэ дэлхэйдэ
Эгүүридэ оршожо байгаад,
Этигэлтэ андым урагые
Ивээхэ тэдхэхэ болтогой гэжэ
Иимэ юрөөлые табия.
Өөрэ түрэлэй би
Үндэр түрэлтэ андын
Үмэг һүлдэдэнь дарагдабаб.
Хэлэһэн үгыемни
Мартангүй
Хэзээ бүхэндэ
Дурдажа ябаарай!

Одоо намайе тонилгогты» гэжэ хэлэхэдэнь, эдэ үгыень соносоод, Чингис хаан хэлэбэ:

«Анда нүхэр Жамууха
Анги таһархай ябабашье,
Атаа хоро һанажа
Амияа хорлохо үгые
Арай хэлээгүй бэлэй.
Заһаржа шадаха болобошье,
Залархые хэшээхэгүй байна.
Үзэхэ түлэгөөр тухайлбал,
Үхэхэ сагынь болоогүй мэтэ.
Дээдэ изагууртай хүниие
Дэмы хорложо болохогүй.
Хүнэй амиие хорлоходо
Хүндэтэ шалтагаан хэрэгтэй.

Энэ тухайн шалтагаанииe хэлэбэл, урдань жочи Дармала Тайчар хоёрой адуугаа дээрмэдэлсэхэ үедэ, Жамууха анда, ши буруу зан, булхай ябадал гаргажа, Далан балжууд гэдэг газар байлдажа, намайе Зээрэнэй хабшалда һандаруулан айлгаһанаа һанажа байна гүш? Одоо баһа нүхэрлэе гэхэдэ зүбшөөрхэгүй байнаш. Амииешни хайрлахашье гээ һаа, аргагүй болобоб гэжэ хэлэгты. Одоо шинии үгөөр шуһа гаргангүй нүгшөөжэ, хүүрыешни эли хаянгүй, хүндэтэ ёһоор хүдөө табия» гэжэ зарлиг буулгаба. Тэндэ Жамуухые үхүүлжэ, хүүрыень оршуулба.

202. Тиигээд эшэгы туургатан улас энхэ шударга боложо, барас жэл (1206 он) Онон мүрэнэй эхиндэ хуралдажа, юһэн хүлтэй сагаан тугаа мандуулаад, Тэмүүжиндэ Чингис хаан (Далай хаан) солые үргэбэ. Мухулайда го ван (уласай ван) солые тэндэ үгэбэ. Найманай Хүчүлүг ханиие нэхүүлхээр Зэбые мордуулба. Монгол угсаатан уласые нэгэдхэн барижа, Чингис хаан зарлиг буулгаба.

«Улас түрые байгуулалсаһан урдын габьяата нүхэдөө угсаатан ноёд болгожо, сухаришагүй зүдхэһэн минии хайрата нүхэдые мянганай ноёд болгон үргэмжэлжэ, соёрхолой үгые хэлээе» гэжэ зарлиг буулгаба. Мянганай ноёдые томилжо баталһаниинь: 1. Мэнлиг эсэгэ, 2. Боорчи, 3. Мухулай го ван, 4. Хорчи, 5. Илугай, 6. Жорчидай, 7. Хунан, 8. Хубилай, 9. Зэлмэ, 10. Түгэ, 11. Дэгэй, 12. Толун, 13. Үнгүр, 14. Чүлгэдэй, 15. Борохул, 16. Шигихутуг, 17. Хучу, 18. Хүхэчү, 19. Хоргасун, 20. Усун, 21. Хуйлдар, 12. Шилүгэй, 23. Жидай, 24. Тахай, 25. Цагаан гуа, 26. Алаг, 27. Сорхоншар, 28. Булуган, 29. Харачар, 30. Хүхэчос, 31. Сүйхэтү, 32. Наяа, 33. Жүнсо, 34. Хүчхүр, 35. Бала, 36. Оронартай, 37. Дайр, 38. Мүгэ, 39. Бужир, 40. Мүнгүүр, 41. Долоодай, 42. Бүгэн, 43. Худус, 44. Марал, 45. Жибгэ, 46. Юрүхан, 47. Хүхэ, 48. Зэбэ, 49. Удутай, 50. Бала-чэрби, 51. Хэтэ, 52. Сүбээдэй, 53. Мүнх, 54. Халжа, 55. Хурчахус, 56. Гэүги, 57. Бадай, 58. Хишилиг, 59. Хэтэй, 60. Чаурхай, 61. Хонгиран, 62. Тогоонтүмэр, 63. Мэгэтү, 64. Хадаан, 65. Мороха, 66. Дорибүхэ, 67. Идухадай, 68. Ширахул, 69. Даун, 70. Дамачи, 71. Хауран, 72. Алчи, 73. Тобсаха, 74. Тунхуйдай, 75. Тобуха, 76. Ажинай, 77. Түйдхэр, 78. Сачуур, 79. Жидэр, 80. Олар хүрьгэн, 81. Хингиадай, 82. Буха хүрьгэн, 83. Хурил, 84. Ашиг хүрьгэн, 85. Хадай хүрьгэн, 86. Чигу хүрьгэн, 87. 88. Алчи хүрьгэн, гурбан мянган хонгирад, 89. 90. Буту хүрьгэн, 2 мянган Ихирэс, 91. 92. 93. 94. 95. Онгуудай Алхушдигид хури хүрьгэн, табан мянган онгууд, ойн иргэдһээ гадна, Монгол уласай мянгатын ноёдые Чингис хаанай томилһоноор мянгатын ноёд ерэн табан хүн болобо.

203. Баһа Чингис хаан хүрьгэдээ оруулалсаад эдэ ерэн табан мянганай ноёдые томилжо, тэрэ дотор зарлиг буулгаба: «Түшэг тулгуури болохо туһатай нүхэдтөө онсо соёрхол хүргэнэб. Боорчи,

Мухулай түрүүтэй бусад ноёдые ерүүлэгты» гэжэ гэр дотор байһан Шигихутугые «Тэдэнииe урижа асара» гэхэдэнь, Шигихутуг хэлэбэ:

«Боорчи, Мухулайнар
Бултa бидэнһээ
Ехээр туһалжа,
Үлүү зүдхээ юм гү?
Тэмдэглэн соёрхоходо,
Тэдэнһээ би
Дутуугаар туһалжа
Ядуугаар зүдхээ юм гүб?
Үлгытэй сагһаа би
Үндэр богоһыешни түшэжэ,
Эды ехэ һахалтай
Үбгэн буурал болотороо,
Өөрэ юумэ һанангүй
Үршөөлдэшни багтаһаар ерэбэб.
Алмай бага наһанһаа би
Алтан богоһыешни түшэжэ,
Амаа тойруулаад һахалтай
Ахамад наһатай болотороо,
Алжаажа бэрхэшээһэн зүйлгүй
Аһан шадалаараа зүдхэбэб.
Хүлдөө хэбтүүлжэ
Хүнжэлөөрөө хушажа
Хүбүүндээл адляар
Хүмүүжүүлээш намайе.
Дэргэдээ хэбтүүлжэ
Дэгэлээрээ хушажа
Дүү мэтээр
Дүмэжэ үдхөөш.

Одоо намда ямар соёрхолые хайралхабши?» гэжэ хэлэхэдэнь, Чингис хаан Шигихутугта хандажа хэлэбэ: «Ши минии зургаадахи дүүмни бэшэ гүш? Үргэмэл дүү шамда өөрынгөө дүүнэртэй адляар үмсэ хубиие олгоё. Баһа шинии хүргэһэн аша туһые бодожо, юһэн оһолыешни үршөөхэ болгоё» гэжэ зарлиг буулгаба. «Мүнхэ тэнгэриин тэдхэмжээр улас гүрэнииe тогтоожо байхада ши хараха нюдэнь, соносохо шэхэнь боложо яба. Бидэнэй эхэ, дүүнэр, хүбүүдтэ эшэгы туургатанай доторһоо эзэлхэ хубииень олгожо, хабтаһан үүдэтэнэй доторһоо харьяалха арадыень хубаажа үгэ. Шинии гаргаһан заабари үгые хэншье хубилгаха эрхэгүй» гэжэ зарлиг буулгаба. Баһа Шигихутугые «Бүхы уласай дотор хулгай сээрлүүлжэ, худалые элирүүлжэ, үхүүлхэ ёһотойе үхүүлжэ, ялада унагаахыень унагаажа бай» гэжэ бүхы уласай дээдэ

заргаша (шүүгшэ) болгобо. Баһа «Ниитэ уласай үмсые хубаажа, заргые шиидхэжэ, тэрээнээ хүхэ дэбтэртэ бэшэжэ оруулагты. Намтай зүблэжэ, Шигихутугай шиидхээд сагаан сааρһан дээрэ хүхэ бэшэг бэшэжэ дэбтэртэ оруулһаниие үеын үедэ хэншье бү хубилгаг» гэжэ зарлиг буулгаба. Шигихутуг хэлэбэ: «Нам мэтын үргэмэл дүү хаанай дүүтэй адляар хуби үмсэ яажа абажа болохоб? Хаанай зүбшөөбэл, байшан гэр, балгааһа хотын иргэдһээ абая» гэжэ гуйхадань, «Ши өөрөө энэ хэрэгые бүридхэжэ шиидхэхэ тула өөрөө мэдэжэ гүйсэдхэ» гэбэ. Шигихутуг өөрөө хаанай айладхахые соносожо дүүргээд гаража, Боорчи, Мухулай түрүүтэй ноёдые урижа оруулба.

204. Тэндэһээ Чингис хаан Мэнлиг эсэгэдэ зарлиг буулгаба. «Түрэхын хамта түрэлсэһэн, үдэхын хамта үдэлсэһэн үлзытэй буянтай шинии үршөөл туһа хүргэһэншни яһала ехэ бэлэй. Тэрээн соohоо тэмдэглэжэ хэлэбэл, Ван хан эсэгэ Сэнгүм анда хоёр намайе мэхэлжэ уриһан юм. Ошохо замдаа Мэнлиг эсэгын гэртэ хоноһомни, шинии намда һайса ойлгуулжа үгөөгүй һаашни хара уһанда шэнгэжэ, халуун галда шатаалгажа үхэхэ байгаалби. Тэрэ туһыешни сэдьхэжэ, үеын үедэ хэзээдэшье мартахагүйб. Тэрэ туһыешни һанажа, энэ эрхим һуудалда һуулгажа, он бүри оһолтохогүй, һара бүри һаатахагүй һайшаал шагнал үгэжэ, үриин үридэ хүрэтэр хэзээдэ найрлажа байя» гэжэ айладхаба.

205. Баһа Чингис хаан Боорчидо хэлэбэ: «Наһан бага сагтаа найман шарга морёо алдаад гурбан хоног нэхэжэ ябаха замдаа шамтай уулзаа бэлэйб. Тухашаржа ябаа намда туһалһуу гэжэ ши гэртээ харижа, эсэгэдээшье хэлэнгүйгөөр гүүнэй айрагтай һуулгаяа хээрэ орхижо, минии набтар хонгор мориие һэлгэжэ, орог һаарал мори намда унуулаад, өөрөө хурдан ухаа морёо унажа, адуугаа эзэнгүй орхёод, яаража намтай баһа гурбан хоног дээрмэшэдые нэхэлсээ бэлэйш. Бидэ хоёр шарга моридыемни дээрмэдэһэн хүреэндэ хүрөөд, дүхэриглэн табигдаһан олон гэрэй захада байһан шарга моридоо гадагшань туужа зугадан асараабди. Ши Наху баянай ганса хүбүүн аад, юу мэдэжэ намтай нүхэсөө бэлэйш? Ши үнэн һайхан сэдьхэлээр нүхэсөөлши. Тэрэнэй хойно шамайе һанаһаар ябажа, би Бэлгүтэйе эльгээжэ нүхэсэе гэхэдэмни, ши бүхэтэр хонгороо унажа, боро дабхаса субаяа нэмэржэ, өөрөө хүрэжэ ерээлши. Гурбан мэргид бидэндэ халдажа, Бурхан халдуниие гурбан удаа бүһэлхэдэнь, ши бидэнтэй хамта бүһэлэгдөөлши. Баһа тэрэнэй хойно Далан нүмрэгтэ татаартай тулалдажа хоноходомнай, үдэр һүнигүй үргэлжэ хура үһээрэн оробо. Тэрэ һүни намайе унтуулха гэжэ нэмэргээ намда үгөөд, минии дээрэ бороооной уһа дуһахагүйгөөр бүглэжэ, бүхэли һүниндөө зогсоходоо, ши үрөөһэн хүлөө ганса удаа һэлгүүлжэ гэшхээ бэлэйлши. Хүлэг баатарай шэнжэ энэл ха юм даа. Тэрээнһээ ондоо шинии зүдхэл гаргаһые тооложо яажа барахаб? Боорчи

Мухулай хоёр зүб ябадалыемни зүбшөөрэн тэдхэжэ, буруу ябадалыемни бусаан зогсоожо энэ ехэ һуурида хүргэбэ. Одоо бүгэдын дээрэ һуулгажа юһэн удаа оһол гаргабашье, ялада орохогүй болгоё. Боорчи баруун гарай Алтай оршомой түмэниие мэдэжэ захираг» гэжэ зарлиг буулгаба.

206. Баһа Мухулайда Чингис хаан иигэжэ айладхаба: «Хутула ханай бүжэглэхэ Хорхонаг-жубурай хүндыдэ һаглагар модоной оёорто һаатан бууха сагта Мухулай тэнгэриин һүлдые зааһан үгые тэмдэглэн хэлэһэн тула тэндэ би (Мухулайн эсэгэ) Гүн гуае дурсажа, Мухулайтай анха ушараа бэлэйб. Одоо түүнэй ёһоор би ехэ го ван болгоё» гэжэ энэ нэрэ үгэбэб. «Мухулай го ван, зүүн гарай Харуун-жидүнэй хабиин түмэниие мэдэг» гэжэ зарлиг буулгаба.

207. Чингис хаан Хорчидо хэлэбэ:

«Үшөө балшар сагһаа
Үды болоторни
Үлзытэ нүхэр боложо,
Нойтондо хамта норожо,
Хүйтэндэ хамта хүрэжэ
Хүсэеэ үгэбэлши.
Холо урдын сагта,
Хорчи, ши мэргэлээд,
Зүгнэжэ хэлэһэн үгээ
Зүб болгон асаржа,
Тэнгэриин үршөөл хүсөөр
Тэрэ ёһоор бүтэбэлынь,
Гушан эхэнэр абая гэжэ
Гуйһан бэлэйлши.

Одоо шинии хэлэһэн үгын бүтэһэн тула эзэлжэ оруулһан улас доторһоо ши һайн эхэнэр, һайхан хүүхэнүүдые шэлэжэ аба» гэжэ зарлиг буулгаба. Баһа «Гурбан мянган бааринай дээрэ Тахай Ашиг хоёртой хамта Адаргинай чинос, тоолис, тэлэнгүүд аймагые ниилүүлжэ, түмэн иргэн болгоод Хорчи захиржа, Эрчис мүрэниие зубшаад ойн эрхэтэдтэ хүрэтэрхи газарые эзэмшэн нютаглажа, баһа ойн түмэн иргэдые даргалжа мэдэг» гэжэ зарлиг буулгаба. «Хорчиин зүбшөөрэлтэгүйгөөр ойн иргэд иишэ тиишээ нүүжэ болохогүй. Хорчиин үгэдэ зүршэгшэдые гэмнэн шиидхэг» гэжэ айладхаба.

208. Баһа Чингис хаан Жорчидайда хэлэбэ: «Шинии хэһэн аша туһые дурдабал, Хэрэйдтэй Хархалзан элээтэдэ хадхалдан байлдаха сагта Хуилдар анда түрүүлэн байлдана гэһэн болобошье, ёһото хэрэгыень ши бүтээгээш. Жорчидай ши добтолжо ороод Жүрхин, Түбэгэн, Дунгайд, Хоришилэмүнэй мянган торгууд, шэлэмэл сэрэг бүгэдыень дараһаар ехэ гол хүсэндэнь хүрэжэ, Сэнгүмэй улаан хасарые харбан шархатуулжа, тэнгэридэ илахын үүдэ

нээгээш. Сэнгүмые шархатуулаагүй һаа, бидэнэй яажашье һалахамнай мэдэгдээгүй һэн. Жорчидай, шинии хүргэһэн эрхим аша туһа тэрэ байна. Тэндэһээ зайлажа, Халха гол руу нүүхэдэ, Жорчидай, шамайе би үндэр уулын нэмэри мэтэ түшэг болгон һанажа ябааб. Тэндэһээ бидэ Балжун нуурта ундалхаар буубабди. Баһа Балжун нуурһаа Жорчидайе тагнуул болгожо, Хэрэйдтэ ябуулаа бэлэйбди. Тэнгэри, газарай хайраар бидэ хэрэйд иргэниие номгоруулан дахуулаабди. Гол хүсэн Хэрэйд уласые һалгажа дараһан ушарһаа дахалдаха найман, мэргидэй зориг шантаржа, байлдаха шадалгүй үрин тарин болобо. Мэргид, найманай бутаран һалаха забһарта Хэрэйдэй Жаха-хамбу хоёр үхинөө дахаха шалтагаанаар харьяатанаа абажа үлдэбэ. Гэтэр тэрэнэй хоролхожо ошоһон тула Жорчидай нэхэжэ, нэгэнтэ зайлан ошоһон Жаха-хамбые мэхэлжэ баряад тонилгобо. Тэрэ Жаха-хамбын уласые эзэлбэбди. Жорчидайн хэһэн баһа нэгэ туһань энэ юм».

Алалдаха үдэр
Амияа хайрлахагүй,
Ашые хүргэжэ,
Байлдаха үдэр
Байраа алдахагүй
Баатарлигаар зүдхэһэнэй тула

Чингис хаан Ибага бэхи хатанаа Жорчидайда соёрхон үгөөд, Ибагада хандажа хэлэбэ:

«Абари зангыешни голоһон бэшэб,
Арюун үзэсхэлэнгыешни шамарлаһан бэшэб,
(Хүлыешни шэбэртэй гэһэн бэшэб,
Хүлһыешни үнэртэй гэһэн бэшэб» «Алтан тобшоһоо»).

Үбэрөө дулаасуулжа,
Хүлөө хушуулһан
Өөрын хатан шамайе
Ехэ түрын хэрэгтэ
Элитээр зүдхэһэн Жорчидайда
Иигэжэ соёрхохо болобоб.
Хадхалдаха сагта
Халха боложо,
Хахасаһан уладые
Хамтадхан үгэжэ,
Хадхалдан байлдахада
Хуяг боложо,
Хубааһан уласые
Хуряажа үгэһэн

Жорчидайн ашые харюулжа, габьяаень тэмдэглэхын тула шамайе үгэбэб. Энээнһээ хойшо минии урагһаа хаан шэрээдэ залгамжалан һуугшад энэ мэтэ туһа хэһэниие харюулһан ёһые сэдь-

хэжэ, минии үгые хубилгангүйгөөр үеын үедэ хүрэтэрөө Ибагын нэрэ хүндые бү таһалагты» гэжэ айладхаба. Баһа Чингис хаан Ибагада хэлэбэ: «Шинии эсэгэ Жахахамбу шамда энжэ болгожо Ашиг-түмэр Алчиг хоёр тогоошые, тэдээнтэй хамта хоёр зуун хүниие үгөө бэлэй. Одоо ши урууд иргэдтэ ошоходоо дурасхаал болгожо, намда энжынгээ хүнүүдһээ Ашиг-түмэр тогоошоёо нэгэ зуун хүнтэй хамта үгөөд ошо» гэжэ абаба. Баһа Чингис хаан Жорчидайда хэлэбэ: «Ибага хатанаа шамда үгэбэб. Ши дүрбэн мянган урууда мэдэжэ захираарай» гэжэ соёрхожо зарлиг буулгаба.

IX. Шадар хишигтэн сэрэгые байгуулһаниинь

209. Баһа Чингис хаан Хубилайда хэлэбэ: «Ши хүсэтэнэй хүзүүе мушхажа, бүхэшүүлэй бүгсые шоройдуулжа үгэбэш. Одоо Хубилай, Зэлмэ, Зэбэ, Сүбээдэй та дүрбүүлээ һайн нохой мэтэ этигэлтэй нүхэд гээшэт. Таанарые хаанашье эльгээбэл:

Хүрэ гэһэш газар хүрэжэ
Хүр шулууе хэмхэ сохижо,
Халда гэһэн газар халдажа,
Хадын шулууе хаха сохижо,
Сэгээн шулууе бутартар,
Сээлэй уһые салгидатар
Нэрьежэ нядалжа ябабат.

Хубилай, Зэлмэ, Зэбэ, Сүбээдэй дүрбэн һайн нохойгоо зорилһон газартаа ябуулаад, Боорчи, Мухулай, Борохул, Чулуун дүрбэн хүлэг баатараа хажуудаа абажа, хадхалдаха үдэр хамагай түрүүндэ урууд, мангудай сэрэгые Жорчидай Хуилдар хоёроор толгойлуулан мордуулхадаа, одоошье минии сэдьхэл бүрин амардаг бэлэй» гэбэ. «Хубилай, ши сэрэгэй үйлэ хэрэгые бүхыдэнь юрэнхылэн захиржа бай» гэжэ соёрхожо зарлиг буулгаба. «Баһа Бидүгүнэй үгэ дууламгай бэшэ һэн туладань би буруушаажа, мянганай ноён болгоогүйб. Ши тэрэниие һургажа үзэ. Тэрэ шамтай зүбшэжэ, нэгэ мянганиие захиржа ябаг. Бидүгүнэй саашадаа ямар болохыень бидэ үзээ» гэбэ.

210. Баһа Чингис хаан Гэнигэдэй Хунаида хэлэбэ: «Боорчи, Мухулай түрүүтэй ноёд аа, Додай, Доголху түрүүтэй чэрбинар аа! Энэ Хунан

Харанхы һүни
Халдаха шоно боложо,
Гэгээн үдэр
Хэсэхэ хирээ боложо,
Нүүхэдэ үлдэхэгүй,

Үлдэхэдэ нүүхэгүй
Үргэлжэ намайе дахажа,
Хариин дайсантай
Халуун нюураараа уулзажа
Харилсадаггүй,
Үһөөтэ хүндэ
Үмэг туһа боложо
Өөрэ зан гаргадаггүй бэлэй.

Хунан Хүхэчос хоёртой зүблэжэ, хамаг үйлэ хэрэгээ хэгты» гэжэ зарлиг буулгаба. «Хүбүүдэймни ахань Жүчи бээ. Хунан Гэнигэс обогтоноо түрүүлэн захиржа, минии хүбүүн Жүчиин доро түмэнэй ноён болог» гэжэ зарлиг буулгаба. «Хунан, Хүхэчос, Дэгэй, Усун үбгэн дүрбүүлээ үзэһэнөө нюухагүй, үнэн үгээе хэлэжэ, мэдэһэнээ мэлзэхэгүй, соносоһон үгээе соносходог» бэлэй.

211. Баһа Чингис хаан Зэлмэдэ хэлэбэ: «Жарчиудай үбгэн үлеэдэг хөөргөө үргэлжэ, бишыхан хүбүүгээ дахуулжа, Бурхан халдунһаа буужа ерээд, Ононой Дэлюун болдогто минии түрэхэ сагта булган үлгы үгөө юм. Тэрээнһээ хойшо богоһо хатабшын богоол, үрхэ үүдэнэй үмсэ боложо, эды тэды туһа хүргэбэ. Булган үлгыдэ түрэһэн буянта нүхэрни, хамта түрөөд хани боложо үдэһэн хайрата нүхэр Зэлмэмни, шамайе юһэн удаа оһол гаргахадашни ялада оруулхагүйб» гэжэ зарлиг буулгаба.

212. Баһа Чингис хаан Толунда хэлэбэ: «Эсэгэһээ тусагаар мянганиие захиржа байһан бэлэйш. Уласые хуряан тогтооходо, ши өөрынгөө эсэгын үрөөлэ жэгүүр болон зүдхэжэ ябаһанай тула чэрби гэдэг солые абабаш. Одоо өөрынгөө олоһон зөөһэн иргэнээ мянгата болгожо, Турухантай зүбшэжэ захирагты» гэжэ зарлиг буулгаба.

213. Баһа Чингис хаан Үнгүр буурчида хэлэбэ: «Мүнхэт хианай хүбүүн Үнгүр ши гурбан аймаг тохурауд, табан аймаг таргуд ба чаншиуд, баядаа дахуулжа, нэгэн хүреэн болгожо:

Будан мананда төөрингүй,
Буляалдаха дайнда һалангүй,
Нойтондо хамта норожо,
Хүйтэндэ хамта хүрэжэ ябаалши.

Одоо ямар соёрхол абахабши?» гэхэдэнь, Үнгүр хэлэбэ: «Соёрхолые шэлүүлбэлтнай, хамаг баяд аха дүүнэр хамаагүй бутаран таража байна. Хаан соёрхоболтнай, баяд аха дүүнэрээ суглуулан захираяа» гэхэдэнь, «Тиигэ. Баяд аха дүүнэрээ суглуулжа мянганиие захира!» гэжэ айладхаба. Баһа Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Борохул Үнгүр та хоёр буурч, түгээгшэ боложо, баруун, зүүн талаар бариха эдеэ түгээжэ, баруун талын хүнүүдтэ байра байраарнь олгуулжа, зүүн талын хүнүүдтэ зүй зүйгээрнь үгэжэ, эдеэ хүнэһые хүртээбэл минии хоолой онгойжо, сэдьхэл амардаг бэлэй.

Үнгүр Борохул хоёр морёор ябажа, олон хүндэ эдеэ зуушые түгээгты!» гэжэ зарлиг буулгаба. Ехэ сүнгэй баруун, зүүн талада эдеэ элбэгээр бэлдээд, «Та хоёр Толунтай хамта голдонь һуугаад эдеэ түгээжэ байгты» гэжэ һууриень заажа үгэбэ.

214. Баһа Чингис хаан Борохулда хэлэбэ: «Минии эхэ Шигихутуг, Борохул, Хүчү, Хүхүчү та дүрбые зугадаһан иргэдэй нютагһаа:

Хүдөөнһөө оложо
Хүлдөө бүүбэйлжэ,
Хүмүүжүүлэн тэжээжэ
Хүзүүнһээшни татажа
Хүнэй зэргэдэ болгожо,
Эгэмһээшни татажа
Эрын зэргэдэ оруулжа

Хүбүүд бидэнэй нүхэр һүүдэр болгоё гэжэ тэжээбэ. Минии эхын тэжээһэн ашые таанар ехээр харюулан зүдхээт. Борохул намда нүхэр боложо:

Хурдаар аянда мордожо,
Хуратай һүни тохёолдобошье,
Хоол ундагүйгөөр
Хооһон нэгэшье хонуулаагүйш.
Яаралтай дайнда мордожо
Ямаршье бэрхэшээл тохёолдоболынь,
Шүлэ таһалдуулжа,
Үл алдуулжа байгаагүйш.
Үбгэ эсэгыемни хорлоһон
Үхэмэд татаарые доройтуулжа
Үһөөгөө абажа,
Хороо гаргажа,
Тэрэ татаар иргэниие
Тэргын булатай сасуулжа,
Түүнһээ үндэр нюруутаниие
Түүжэ хюдаха сагта

Татаарай Харгил шар гансаараа зугадажа ябаад үлэдэжэ үхэхэ болоходоо, аргагүй ерэжэ манай эхын гэртэ орожо ерээд «Эдихэ юумэ гуйнаб» гэхэдэнь, «Эдихэ юумэ гуйбал тэндэ һуу» гэжэ баруун ороной урда үзүүртэ һуулгаба. Тэрэ сагта табан наһатай байһан хүбүүн Толуй газааһаа орожо ерээд, гэдэргээ гүйжэ гарахатайнь зэргэ Харгил шар бодон харайжа, Толуйе һугадаа хабшуулжа гүйхэтээ хамта хутагаа тэмтэржэ һугалан абахые забдаба. Эхын гэртэ зүүн таладань һуужа байһан Алтани «Хүүгыемни алабал» гэжэ эхын ори бархи табихыень дуулаад гүйн гаража, Харгил шарын хойноһоо хүсэжэ, нэгэ гараараа үһэнһөөнь зууран барижа, нүгөө гараараа хутага һугалжа байһан гарыень

барижа угзараад, хутагыень алдуулгаба. Тэрэ үедэ гэрэй арада мухагар хара үхэрые алаад үбшэжэ байһан Жидай Зэлмэ хоёр Алтаниин дууе соносоод, һүхэеэ бариһан зандаа, улаан шуһатай хэбээрээ гүйлдэн ерэжэ, татаарай Харгил шарые тэндэнь һүхөөр сохижо, хутагаар хадхажа алаба. Алтани Жидай Зэлмэ гурбан хүбүүнэй амиие абарһан габьяагаа буляалдаба. Жидай Зэлмэ хоёр хэлэбэ: «Бидэнэй дары гүйжэ ерээд тэрэниие алаагүй һаамнай, ганса эхэнэр Алтани юу гэжэ шадаха байгааб? Хүбүүнэй амиие хорлоһон байха бэлэй. Хүбүүнэй амиие абарһан габьяа бидэнэй болоно» гэбэ. Алтани хэлэбэ: «Минии дууе соносоогүй һаа таанар яажа ерэхэ байгаабта? Би гүйжэ хүсөөд, тэрэнэй үһэндэнь аһалдажа, хутага һугалһан гарыень татажа хутагыень алдуулгаагүй һаамни, Жидай Зэлмэ хоёрой хүрэжэ ерэтэр хүбүүнэй амиие хорложо амжаһан байха бэшэ һэн гү?» гэбэ. Тиигэжэ хэлэхэдэнь, гол габьянь Алтаниин талада болобо. Борохулай һамган эрэ нүхэртөө тэргын үрөөһэн арал боложо ябаһан дээрээ Толуйн амиие абаржа туһа хүргэбэ.

Баһа Хэрэйдтэй Хархалзан элээтэдэ хадхалдан байлдаха сагта Үгэдэйн гүрөөнэй һудал шархатажа унахадань, Борохул дээрэнь буужа, тэрэнэй адхарһан шуһые амаараа шэмэжэ хонобо. Маргаашань Үгэдэйн мори унажа шадахагүй байхадань, урдаа һундалдан тэбэрижэ, бүрилдэһэн шуһыень бүлеэн уралаараа шэмэжэ, ама жабжаа улайлгажа, ашата хүбүүн Үгэдэйемни амиды мэндэ абажа ерээ бэлэй. Эхымни зобожо тэжээһэн ашые хоёр хүбүүдэйнь амиие абаржа харюулба. Борохул намтай нүхэсэжэ, уряалха дуундамни уухайгаа нэмэжэ, урагшалан зүдхэжэ ябаба. Борохулые юһэн удаа оһол гаргабашье, ялада оруулхагүй болгоё» гэжэ зарлиг буулгаба.

215. Баһа «урагай эмэгтэйшүүлдэ соёрхол хэшэг үгэе» гэбэ.

216. Баһа Чингис хаан Усун үбгэндэ айладхаба: «Усун, Хунан, Хүхүчос, Дэгэй эдэ дүрбүүлээ үзэһэн дуулаһанаа үлдээжэ нюунгүй үргэлжэ хэлэдэг бэлэй. Монголой түрын ёһондо бэхи ноёдые үргэмжэлхэ заншал бии. Ахамад үеын хүнөө бэхи болгодог заншалтай тула баарин ахын ураг Усун үбгэниие бэхи болгоё. Бэхи болон үргэмжэлэгдөөд, сагаан дэгэл үмдэжэ, сагаан мори унажа, дээдэ һуурида һуужа, он һарые оложо һунгажа байг лэ» гэжэ зарлиг буулгаба.

217. Баһа Чингис хаан айладхаба: «Хуилдар анда байлдаха сагта амяа үрижэ, ама түрүүлэн нээжэ тулалдадаг габьяатай байһан хадань тэрэнэй хүбүүд, ашанарта-үншэрэгшэдтэ олгохо үршөөл туһаламжые хүртээе» гэбэ.

218. Баһа Чингис хаан Цагаан гуагай хүбүүн Наринтоорилдо хэлэбэ: «Шинии эсэгэ Цагаан гуа шэн зоригтойгоор байлдаһаар Даланбалжудай тулалдаанда Жамуухада алуулһан юм. Одоо эсэ-

гынгээ габьяада хүртэжэ, үншэрэгшэдэй туһаламжаһаа абажа бай» гэхэдэнь, Тоорил хэлэбэ: «Минии түрэлэй үри садан олон аймагта хубаагдан тараһан байна. Хаан соёрхобол, аха дүү үри саданаа суглуулая» гэхэдэнь, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Тиимэ хадань аха дүү түрэл түтимөө суглуулжа, ши ураг садан хүрэтэрөө захиржа бай» гэжэ айладхаба.

219. Баһа Чингис хаан Сорхан-шарда хэлэбэ: «Намайе тэрэ сагта, Тайчуудай Таргудай-Хирилтуг аха дүүнэртэйгээ ниилэжэ атаархан бариха сагта Сорхан-шарын хүбүүд Чулуун, Чимбайнар намайе аха дүүнэртээ атаархагдажа байна гэжэ нюужа, үхин Хадаанаар харгалзуулжа байгаад табижа эльгээгээ бэшэ гү. Шинии тэрэ ашые би харанхы һүни зүүдэндээ бодожо, гэгээн үдэр сээжэдээ һанаһаар ябаа бэлэйб. Һүүлээрнь тайчуудһаа намда багахан удажа ерэбэ. Одоо танда соёрхолые үгэе. Ямар соёрхолые хүсэжэ байнат?» гэхэдэнь, Сорхан-шар ба тэрэнэй хүбүүд Чулуун-Чимбай хоёр хэлэбэ: «Бидэ мэргидэй нютаг Сэлэнгэдэ дархан дураар нютаглахые хүсэнэ. Баһа ямар соёрхол хэшэг хайралхаяа Чингис хаан мэдэг лэ» гэбэ. Тиихэдэнь Чингис хаан айладхаба: «Нютаг өөһэдөө шэлэжэ, мэргидэй газар Сэлэнгээр урагай урагта хүрэтэр байралан эзэмшэжэ, номо һомоёо агсажа, хурим найраа хэжэ, хундага сүнгөө түшэлсэжэ ябагты. Юһэн удаа оһолтоходо зэмэлхэгүй болгоё!» гэжэ зарлиг буулгаба. Баһа Чингис хаан Чулуун Чимбай хоёрто соёрхожо хэлэһэниинь: «Урдань Чулуун Чимбай ха хоёрой хэлэжэ байһаниие яажа мартахабиб? Чулуун Чимбай та хоёр, һанаһанаа хэлэе гэбэл, дутуугаа гуйя гэбэл, дам хүнөөр бү хэлүүлжэ бай. Өөрынгөө бэеэр уулзажа, өөрынгөө амаар һанаһанаа хэлэжэ, дутаһанаа гуйжа бай» гэжэ зарлиг буулгаба. Баһа «Сорхан-шар, Бадай, Хишилиг та гурбан дархан:

Олон дайсанда добтолжо
Олзо юумэ олобол,
Олоһоноо бүрин абагты.
Аян аба хэжэ
Ан гүрөөл алабал,
Алаһанаа бүрин абагты!»

гэжэ зарлиг буулгаба. «Сорхан-шар тайчуудай Түдэгэгэй гэрэй хүн. Бадай Хишилиг хоёр Чэрэнгэй адуушан улад бэлэй. Одоо минии шадар хорчи (номо һомо агсагша сэрэг) боложо, хуримда хундага дэбшүүлжэ, дархан эрхэтэйгээр жаргажа ябагты!» гэжэ зарлиг буулгаба.

220. Баһа Чингис хаан Наяада айладхаба: «Ширээт үбгэн Алаг Наяа хоёр хүбүүдтэйгээ хамта Таргудай-Хирилтугые барижа асарха замдаа Хутгал нугада хүрөөд Наяагай хэлэһэниинь: «Бидэ хан эзэнээ яажа тэбшэжэ барижа ошохобибди?» гэжэ сэдьхэлдээ түбэгшөөгөөд, Таргудайе һула табин бусаажа, Ширээт үбгэн хү-

бүүд Алаг Наяатаяа хамта ерэжэ, Наяагай хэлэһэниинь: «Бидэ хан Таргудай-Хирилтугые гардан барижа, ерэжэ ябаад гэнтэ тэбшэжэ ядажа табин бусаагаад, Чингис хаанда хүсэеэ үгэе гэжэ ерэбэбди. Хэрбээ хан хүнөө барижа ерэбэлнай, хан эзэнээ барихан харса арадта яажа этигэхэб гэхэ бэлэй. Хандаа халдажа шадаагүй хадаа тэдэниие өөрынгөө ханиие хайралха ёһые мэдэһэн хүнүүд гэжэ үгыень зүбшөөжэ, нэгэ үйлэ хэрэг даалгая гээ бэлэй. Боорчи баруун гарай түмэниие захирха ноён болобо. Мухулай го ван боложо, зүүн гарай түмэниие захирха ноён болобо. Одоо Наяа түбэй түмэниие захирха ноён болог» гэжэ зарлиг буулгаба.

221. Баһа Зэбэ Сүбээдэй хоёрые өөрынгөө олоһон зөөһэн иргэдые мянгатан болгожо захирагты гэбэ.

222. Баһа хони харюулагша Дэгэйдэ мянгатые эндэ тэндэһээ суглуулжа үгөөд, мянганай ноён болгобо.

223. Баһа модошо дархан Гүчүгүртэ үгэхэ иргэнэй дутаһан тула бусад ноёдой албатанһаа татажа суглуулһан иргэниие Жадаранай Мулхалхуда зүгөөр ниилүүлжэ, Гүчүгүр Мулхалху хоёр нэгэ мянгатые хамтаран зүблэжэ захирагты гэбэ.

224. Уласые байгуулхада зүдхэһэн хүнүүдые түмэнэй ноёд, мянганай ноёд, зуунай ноёд, арбанай ноёд болгожо, соёрхолые үгэхэ хүнүүдтэ соёрхолоо үгэжэ, зарлигые буулгаха хүнүүдтэ зарлигаа буулгажа Чингис хаан айладхаба: «Урдань би наян хэбтүүл манаашатай, далан шадар хишигтэнтэй байгааб. Одоо мүнхэ тэнгэриин үршөөлөөр, тэнгэри газарай хайраар хүсэ ехээр нэмээгдэжэ, ниитэ ехэ уласые хамтадхажа, ганса жолоодоо оруулһан тула одоо намда мянган шадар хишигтэниие (ээлжэтэниие) илгажа үгэгты. Хэбтүүл, хорчин, торгуудтай хамта бүгэдэ түмэн хүн болгожо үгэгты!» гэжэ зарлиг буулгаба. Баһа Чингис хаан хишигтэниие илгажа томилхо тухай мянганай ноёдто тунхаг зарлиг буулгаһаниинь: «Минии хишигтэниие томилходо, түмэтэ, мянгата, зуутын ноёдой хүбүүд, һула (сүлөөтэ) хүнэй хүбүүд доторһоо минии хажууда тэнсэхэ бэлиг эрдэмтэй, бэе һайтайень илгажа оруулагты. Минии шадар сэрэгтэ ороходоо мянганай ноёдой хүбүүд арбан нүхэр (сэрэг), нэгэ дүүгээ дахуулжа ерэг. Зуунай ноёдой хүбүүд табан нүхэр, нэгэ дүүгээ дахуулжа ерэг. Арбанай ноёдой хүбүүд ба һула хүнэй хүбүүд гурбан нүхэр, нэгэ дүүгээ дахуулжа ерэг. Иихэдээ тэдэ уг газарһаа унаха морёо бэлдэжэ ерэг.

Минии шадар сэрэгтэ ерэхэ мянганай ноёдой хүбүүд арбан нүхэд, хэрэглэхэ юумэеэ харьяата мянганайнгаа доторһоо татажа абагты. Эсэгын үгэһэн хуби хэшэг дээрэ өөрын олоһон мори, юумэнэй хэды байбашье, үмсэ хубиһаа ниитэдэ бидэнэй зааһан хэмжээгээр абажа ерэг. Зуунай ноёдой хүбүүд табан нүхэдтэй, арба-

най ноёд ба сүлөөтэ уладай хүбүүд гурбан нүхэдтэй, мүн үмсэ хубиһаа ниитэдэ хэрэглэхэ мори, юумэеэ бэлдэжэ ерэг» гэжэ зарлиг буулгаба. «Мянгата, зуута, арбатын ноёд олон хүн бидэнэй энэ зарлигые соносоод зүршэжэ дабабал, шангаар хэһээгдэхэ. Бидэнэй шадар сэрэгтэ орожо зохихо аад мултаржа, бидэнэй дэргэдэ ябахаа бэрхэшээгээ һаань, орондонь ондоо хүниие оруулаад, тэрэниие шиидхэжэ, далда холо газар сүлэе» гэжэ зарлиг буулгаба: «Бидэнэй хажууда нүхэсэн ябажа һуралсая гэжэ ерэхэ арадые бү хориглогты» гэбэ.

225. Чингис хаанай зарлигай ёһоор мянгата, зуута, арбатын ноёдой хүбүүдые илгажа ябуулаад, урдань байһан наян хэбтүүлые найман зуу болгобо. Найман зуу дээрэнь нэмээжэ мянга болгогты гэбэ. «Хэбтүүлдэ орохо хүнүүдые баагаар хорилгожо болохогүй» гэжэ зарлиг буулгаба.

Хэбтүүлые Их-нэүрин захиржа, мянганай ноён болог гэжэ айладхаба. Баһа дүрбэн зуун хорчиниие томилжо, тэдэниие Зэлмын хүбүүн Есүнтэй ахалжа, Түгэгэй хүбүүн Бүхэдэйтэй зүблэжэ захираг гэбэ. Торгууд, хишигтэниие дүрбэн ээлжээр манаха болгожо, Есүнтэй нэгэ ээлжээнэй хорчиниие захиржа, Бүхэдэй нүгөө ээлжээнэй хорчиниие захиржа, Хорхудаг гурбадахи ээлжээнэй хорчиниие захиржа, Лаблах дүрбэдэхи ээлжээнэй хорчиниие захиржа ябаг. Номо, һомо агсаһан хорчин торгон сэрэгые мүн тиигэжэ захиржа ябаг. Хорчиниие мянга болгожо, Есүнтэй захиржа байг!» гэжэ зарлиг буулгаба.

226. «Урдань Оэлэн чэрбиин захиржа байһан торгууд дээрэ нэмэжэ мянга болгоод, Боорчиин урагай Оэлэн чэрбеэр захируулая. Баһа нэгэ мянган торгуудые Мухулайн ураг Бухаар захируулая. Илугайн ураг Алчидайгаар нэгэ мянган торгуудые захируулая. Нэгэ мянган торгуудые Додай чэрбеэр захируулая. Баһа нэгэ мянган торгуудые Доголху чэрбеэр захируулая. Нэгэ мянган торгуудые Жорчидайн ураг Чанайгаар захируулая. Нэгэ мянган торгуудые Алчийн урагһаа Ахудайгаар захируулая. Нэгэ мянган баатар сэрэгые шэлэжэ, Архай Хасараар захируулаад, юрын үдэр ээлжэлхэ торгон сэрэг болгожо, хадхалдан байлдаха үдэр хамагай түрүүндэ баатарлуулан ябуулая!» гэжэ зарлиг буулгаба. Олон мянгатаһаа илгажа ерүүлһэн хүнүүдые найман мянган торгууд болгобо. Хоёр мянган хэбтүүл, хорчиниие хамтадань бүгэдэ нэгэ түмэн хишигтэн болгобо. Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Бидэнэй шадар түмэн хишигтэниие бэхижүүлжэ, ехэ голой сэрэг болгоё!» гэжэ зарлиг буулгаба.

227. Баһа Чингис хаан айладхажа, үдэрэй жасаанай (ээлжээнэй) торгуудые дүрбэн ээлжээ болгожо, ээлжээнэй ахалагшанарые томилһониинь: Буха нэгэ ээлжээнэй хишигтэниие захиржа, заһажа яба. Алчидай нэгэ ээлжээнэй хишигтэниие захиржа, заһажа яба.

Додай черби нэгэ ээлжээнэй хишигтэниие захиржа, заһажа яба. Доголху чэрби нэгэ ээлжээнэй хишигтэниие захиржа, заһажа яба. Эдэ дүрбэн ээлжээнэй хишигтэниие захирха ахалагшадые томилхо тунхаг зарлиг буулгаад, баһа ээлжээнэй ахалагшад, харьяата хишигтэнээ жагсааха ээлжээ хишигтэ оруулаад, гурба хоноод һэлгүүлжэ байха. Хишигтэ хүн ээлжээгээ таһалдуулбал, тэрэ хүниие гурба дахин бэрээгээр наншая. Тэрэ дахин ээлжээ таһалдуулбал, долоон бэрээгээр наншая. Баһа тэрэ хүн бэе элүүр байгаад, ээлжээнэй ахалагшадай зүбшөөрэлгүйгөөр гурба удаа ээлжээгээ таһалдуулаа һаань, гушан долоо дахин бэрээгээр наншаад, бидэндэ хани болохоһоо бэрхэшээһэн этэгээд гэжэ тоолоод, таһархай холо газарта сүлэе гэжэ зарлиг буулгаба. Ээлжээнэй ахалагшад гурбан ээлжээнэй хишигтэндэ тэрэ бүхэндэ энэ зарлигые соносхожо байг. Хэрбээ соносхоогүй һаа, ээлжээнэй ахалагшад буруутан болохо. Зарлигые соносоһон аад, зүршэхэ гү, али зарлигаар тогтооһон ээлжээгээ таһалдуулаа һаань, хишигтэниие буруушаан зэмэлхэ гэжэ зарлиг буулгаба. Ээлжээнэй ахалагшад, гансал ахалагшаб гэһэн шалтагаар хамта намтай албаяа эхилһэн хишигтэниие минии зүбшөөлгүйгөөр бү хэһээгты. Гэмдэ орожон хүниие хэлэгты. Хэрбээ алаха ёһотой юм һаань, бидэ мухарюулая. Наншаха ёһотойень хэбтүүлжэ наншая. Ахалагшанар ахалагша гэһэн шалтагаар намтай хамта албаяа эхилһэн хишигтэндэмни өөрын гар хүлые хүргэжэ наншаа һаань, бэрээнэй харюуда бэрээдэжэ, нюдаргын харюуда нюдаргадажа наншагты гэбэ.

228. Баһа Чингис хаан зарлиг буулгаба. «Газаа тээхи мянганай ноёдһоо минии хишигтэнэй юрын хүнүүд үлүү, газаа тээхи зуунай ноёд, арбанай ноёдһоо минии хишигтэнэй моришон үлүү дээрэ һэн тула газаа тээхи мянганай ноёд минии хишигтэнтэй тэнсэжэ хэрэлдээ һаань, мянганай ноёниие хэһээе!» гэжэ зарлиг буулгаба.

229. Баһа Чингис хаан зарлиг буулгажа, ээлжээнэй хишигтэнэй ноёдто тунхаг гаргаһаниинь: хорчин, торгууд ээлжээндээ орожо, үдэрэйнгээ албые тус тустаа хэжэ дүүргээд, наранай шэнгэхэһээ урда хэбтүүлнүүдтэ (манаашадта хамгаалха ажалаа дамжуулжа үгөөд) зайлажа, газаашаа гаража хоног. Бидэниие һүни хэбтүүлэй сэрэг хамгаалха. Хорчин номо һомоёо, тогоошод аяга һабаяа хэбтүүлдэ тушаажа үгөөд, гаража хоног. Газаашаа гаража хоноһон хорчин, торгууд, тогоошод бидэнэй шүлэ эдитэр уяанай тэндэ хүлеэжэ байгаад, хэбтүүлдэ мэдээ үгэжэ, бидэнэй шүлэ эдиһэнэй һүүлээр дотогшоо орожо, хорчин номо һомоёо абажа, торгууд һуурияа эзэлжэ, тогоошод аяга һабаяа абажа ажалаа хэхэ. Ээлжээнэй хишигэй хүнүүд энэ тогтооһон ээлжээнэй хуулиие сахижа ябагты гэжэ зарлиг буулгаба. Наранай шэнгэһэн хойно

ордоной хойгуур, урдуур ябаһан хүниие хэбтүүл манаашанар барижа хоноод, маргааша үглөөнь мүрдэн асуугты. Хэбтүүл халаанайнгаа ерэхэдэ, тэмдэгээ дамжуулжа үгөөд сүлөөлэгдэхэ. Манаагаа тушааһан хэбтүүл гаража ошохо гэбэ. Хэбтүүл һүни ордоной оршондо байжа, үүдыень харалсажа, орохые забдаһан хүниие мүрыень мүлтэ сохижо, толгойень тоншон сабшажа хаяг лэ. Һүни яаралтай мэдээ хүргэжэ хүнэй ерээ һаань, уридшалан дуулгаад, гэрэй арада хэбтүүлтэй хамта байжа, хэлэхэ үгэеэ газааһаа хэлэгты. Хэбтүүлэй һуурида хэншье һуужа болохогүй. Хэбтүүлэй зүбшөөрэлгүйгөөр хэншье орожо болохогүй. Хэбтүүлэй хажуугаар хэншье ябажа болохогүй. Хэбтүүлэй хоорондуур ябажа болохогүй. Хэбтүүлэй тоое асуужа болохогүй. Хэбтүүлэй дэргэдүүр ябаһан хүниие баригты. Хэбтүүлэй тоое асууһан хүнэй тэрэ үдэрэй унаһан эмээлтэй, хазаартай мориие, үмдэһэн бүхы хубсаһыень хэбтүүл абагты» гэжэ зарлиг буулгаба. Элжигэдэй этигэлтэй хүн байгаашье һаа, хэбтүүлэй хажуугаар үдэшэ ябаад баригдаһан бэшэ гү?

X. Уйгур ба ойн иргэдые эзэлһэниинь

230. Чингис хаан айладхаба:

«Үүлэтэй һүни
Үүдэтэй гэрыемни
Үргэлжэ һахижа,
Энэ бэеымни
Энхэ унтуулжа
Эрдэниин һуурида
Хүргэһэн эртэнэй
Ээлт хэбтүүлни!
Одотой һүни
Ордон гэрэймни
Оршондо хэбтэжэ,
Үлгы дэбисхэрэймни
Үмэг боложо,
Энээхэн бэеымни
Түшэг боложо,
Үндэр һуурида
Үргэһэн
Үлзытэй буянтай хэбтүүлни!
Халиха уһа бороодо,
Хайраха хүйтэн жабарта
Ханатай гэрыемни

Харгалзан байжа,
Халуун амииемни
Хамгаалан манажа,
Хаан һуурида хүргэһэн
Хайра ехэтэ хэбтүүлни!
Үрсэхэ дайсанай мүрһөө,
Үшихэ хоротоной гарһаа
Үглөө үдэшэ илгаагүй
Үрхэ гэрыемни хамгаалжа,
Өөрын нюдые сабшангүй
Энэ бэеымни аршалһан
Этигэлтэ үнэн хэбтүүлни!
Холтоһон хормоонгын
Хорд гэхэ шэмээһээ
Хожомдонгүй ерэгшэ
Һонор хурса хэбтүүлни!
Шэнэһэн номоной
Шэрд гэхэ шэмээһээ
Һэрэмжэлэн ерэгшэ
Һэргэг хурса хэбтүүлни!
Үни хэдынэй
Үлзытэ хэбтүүлыемни
Үбгэн хэбтүүл гэгты.
Этигэлтэ Оэлэн чэрбиин
Ивээлт далан торгуудые
Ехэ торгууд гэгты.
Архай Хасарай харьяата
Ашата шэлэмэл баатарнуудые
Ахамад баатарнууд гэгты.
Есүнтэй, Бүхэдэйн харьяата
Юрөөлтэ хуушан хорчинииe
Юрэнхы хорчин гэгты» гэжэ зарлиг буулгаба.

231. «Ерэн табан мянгатанһаа минии бэеын шадар үмсэ болгожо эльгээһэн түмэн хишигтэнииe минии хойно ехэ һуурииемни залгамжалһан хүбүүд урагай урагта хүрэтэр минии гэрһээ дурасхаал мэтэ сэдьхэжэ, ямаршье гасаланда хүргүүлэнгүй, һайтар хамгаалагты. Эдэ түмэн хишигтэнииe минии эгээн хүндэтэй хишигтэн гэжэ үргэмжэлэнгүй байжа болохо гү» гэбэ.

232. Баһа Чингис хаан айладхаба: «Ордоной чэрбиин үхид, гэрэйнь хүнүүд, тэмээшэд, үхэршэдые хэбтүүл эрхилэн мэдэжэ, ордоной гэр тэргые баһа мэдэг. Туг, хэнгэргэ, дүрөө, жадые хэбтүүл даргалаг. Аяга һабые баһал хэбтүүл эрхилэг. Бидэнэй унда эдеэе хэбтүүл даргалаг. Тахилгын мяха, эдеэн хэбтүүлэй гарта

байг. Унда эдеэнэй арби муутай байгаа һаань, даргалһан хэбтүүлдэ эрилтэ табия» гэбэ. «Хорчингууд унда эдеэ хүртөөхэдөө даргалһан хэбтүүлэй зүбшөөрэлгүйгөөр тараан үгэжэ болохогүй. Эдеэ тараахадаа, урид хэбтүүлһээ эхилэгты» гэбэ. Ордон гэртэ орохо гараха юумые хэбтүүл эрхилэн мэдэжэ байг. Гэрэй ойро үүдэндэ хэбтүүлэй хаалгашан байг. Хэбтүүлэй хоёр хүн дотогшоо орожо, ехэ сүн түшэжэ байг. Хэбтүүлнүүд мордохо газар нютагыемнай һуран мэдэжэ, ордоп гэрыемнай буулгажа байг» гэбэ. «Бидэнэй шубуу агнахада, хэбтүүл мантай хамта шубуу агналсажа ябаг. Гэр тэргэнэй дэргэдэ зарим хүнүүдые сагай байдалаар үлдээжэ байг» гэбэ.

233. Баһа Чингис хаан айладхаба: «Хэрбээ бидэнэй бэеын байлдаанда мордоогүй һаа, хэбтүүл манһаа амяараа байлдаанда гаража болохогүй» гэбэ. «Энэ зарлигые мэдэжэ байгаад атаархан зүришэжэ, хэбтүүлые байлдаанда эльгээбэл, сэрэгэй хэрэгые эрхилһэн чэрбиие буруушаан хэһээхэ» гэбэ. «Хэбтүүлэй сэрэгые байлдаанда юундэ оруулжа болохогүйн шалтагааниие хэлэбэл, хэбтүүл минии алтан амиие сахина. Шубуу, гүрөөһэ агнаха, абалхада хамта ябажа зобоно, зүдэрнэ. Нүүхэ зөөхэдэ ордониие хамгаалжа, унаа тэргэ харгалзана. Минии бэеые һахижа хоноходо хүнгэн гү? Гэр тэргэ, гол ордониие нүүхэдэнь хамгаалха гээшэ хүнгэн гү? Иимэ дабхар һалбариин ажалтай хадань тэдэниие манһаа амяарайнь байлдаанда ябуулхагүй гэһэн ушар иимэ».

234. Баһа зарлиг буулгаба: «Шигихутугай элдэб зарга шиидхэхэдэ, хэбтүүл соносожо, оролсожо байг. Хэбтүүлһээ номо, һаадаг, хуяг, зэбые хадагалха, тарааха ажалые эрхилэлсэжэ байг. Агта моридые асаржа, ашаа юумые ашалсажа ябаг» гэбэ. «Хэбтүүл чэрбинэртэй хамта эд зөөриие тараажа байгты. Хорчин, торгууднар нютаг заагаад нүүхэдэ, Есүнтэй, Бүхэдэйнэрэй хорчин, Алчидай, Өэлэн, Ахудайнарай торгуудууд ордоной баруун талада ябаха» гэбэ. «Буха Додай-чэрби, Чанайнарай торгуудууд ордоной зүүн талада ябаха» гэбэ. «Архайн баатарнууд ордоной урда ябаха» гэбэ. «Хэбтүүл ордон гэр, тэргые хамгаалжа, ордоной хажууда, зүүн таладань ябаха» гэбэ. «Бүхы хишигтэн, торгуудууд ордоной ойро ябаха, ордон гэрэй хүбүүд адуушад, хонишод, тэмээшэд, үхэршэдые ордоной арада ябаха Додай чэрби захираг» гэжэ даалгаба. «Додай чэрби бүхы ордоной хойноһоо дахажа, хог эдижэ, тонтогоол түүжэ ябаг» гэжэ зарлиг буулгаба.

235. Хубилай ноёниие харлагуудта мордуулба. Харлагай Арслан хан Хубилайда элсэжэ ниилэхээр ерэхэдэнь, Хубилай ноён Арслан ханиие асаржа, Чингис хаантай уулзуулба. Чингис хаан Арсланиие байлдангүйгөөр дагаба гэжэ һайшаан соёрхожо, үхинөө үгэе гэжэ зарлиг буулгаба. (Харлагай Арсланда Алха бэхиие үгэжэ, Чингис хаан иимэ зарлиг буулгаба:

«Харайхадамни хүл боложо,
Хазайхадамни түшэг боложо,
Халтирхадамни таха боложо,
Ханамжа туһа хүргэхээ
Хайрата Алхамни мэдээрэй.
Энэ бэе хэбрэг болобошье
Эрхим нэрэ мүнхэ шуу.
Һаруул ухаанһаа үлүү
Һайн нүхэр байдаггүй.
Мунхаг хилэнһээ үлүү
Муу дайсан байдаггүй.
Эрхим этигэл олоншье һаа,
Энэ бэе бүгэдэһөө этигэлтэй.
Хайралха юумэн олон байбашье,
Халуун ами хамагһаа хайратай.
Хатуужажа ябабал хамагта хэрэгтэй.
Арюун ябабал хэзээдэ туһатай»
гэжэ һургаа бэлэй. «Алтан тобшоһоо»).

236. Сүбэдэй баатар түмэр тэргэтэй сэрэгээ абажа ябаад, мэргидэй Тогтоагай Худу, Чулуун зэргын хүбүүдые нэхэн добтолжо, Чүй мүрэнэй тэндэ хүсэжэ һүнөөгөөд ерэбэ.

237. Зэбэ Найманай Хүчүлүг ханиие нэхэжэ, Сариг гүн гэдэг газарта һүнөөгөөд ерэбэ.

238. Уйгурай Идүүд хан Чингис хаанда Адхираг Дарбай хоёр элшые эльгээжэ хэлүүлһэниинь: «Үүлэн арилжа гэгээн наранай тодорһон мэтэ, мүльһэн хайлажа тунгалаг мүрэнэй урдаһан мэтэ, Чингис хаан соёрхобол, алтан бүһыншни горьёһоо барижа, арюун дэгэлэйшни үртэһэнһөө оложо, табадахи хүбүүншни боложо хүсэеэ үгэе» гэжэ хэлэжэ эльгээбэ. Тэрэ үгыень соносоод Чингис хаан соёрхожо, харюу хэлэжэ эльгээһэниинь: «Үхинөө үгэе. Табадахи хүбүүмни болог лэ. Алта мүнгэ, субад, тана, хоргой, хээтэй оёмол, торго мэтэ зөөри абажа ерэгты» гэжэ эльгээбэ. Идүүд үршөөгдэбэб гэжэ баясажа, алта мүнгэ, субад, тана, торго, хоргой зэргын зөөри абажа ерээд Чингис хаантай уулзаба. Чингис хаан Идүүдые соёрхожо, Алалтун бэхи үхинөө үгэбэ. (Уйгурай Идүүдтэ Алалтун бэхиие үгэхэдөө Чингис хаанай һургаһаниинь: «Хатагтай хүндэ гурбан эрэ бии. Анханай эрэнь алтан түрэ. Тэрэнэй удаадахи эрэнь арюун нэрэ. Түүнэй удаадахи эрэнь абаһан эрэ мүн бэлэй. Алтан түрэеэ хатуужажа дахабал, арюун нэрэ бэлээр ерэхэ. Арюун нэрэеэ бэхилбэл, абаһан эрэ холо ошохогүй» гэжэ зарлиг буулгаһан юм. «Алтан тобшоһоо»).

239. Туулай жэл (1207 он) Зүчи баруун гарай сэрэгые абажа, ойн иргэниие эзэлхээр мордоходонь, Буха газаршалжа ябаба. Ойродой (ойн арад) Худуга бэхи түмэн ойродоо абажа, һайн

дураараа ниилэн оробо. Худуга бэхи ерээд Зүчиие газаршалан, түмэн ойродой нютагаар ябажа Шигшид (Шишгид) голдо хүрэбэ. Зүчи ойрод, буряад, барга, урсууд, хабханас, ханхас, туба аймагые оруулаад Түмэн-хэргисэй нютаг хүрэбэ. Хэргисэй ноёд Эди, Инал, Алдиэр, Үлэбэг-тигинэр ниилэн орожо, сагаан шонхор, сагаан мори, хара булга абажа ерээд Зүчитэй уулзаба. Шибир, Хэсдин, Баяд, Тухас, Тэнлиг, Төөлс, Тас Зэргэ Баягидһаа наашахи ойн иргэниие эзэлжэ оруулаад, хэргисэй түмэнэй ноёд, мянганай ноёд ба ойн иргэнэй ноёдые абаад ерэбэ. Тэдэнь Чингис хаанда сагаан шонхорнуудые, сагаан моридые, хара булгануудаа бэлэглэжэ уулзаба.

Ойродой Худуга бэхиие урдаһаамнай угтан, түмэн ойродоо дахуулан ниилэжэ ерэбэ гэжэ соёрхожо, тэрэнэй хүбүүн Иналчида Чэчэйхэн үхинөө үгэбэ. Иналчиин аха Түрэлчидэ Зүчийн үхин Олуйханиие үгэбэ. Алага-бэхи үхиниие Онгуудада үгэбэ. Чингис хаан Зүчиие соёрхожо айладхаба: «Хүбүүдэймни ахамад, ши гэрһээ анха гараад мүр һайтай ябажа, хүрэһэн газартаа хүн, мориие гарзалуулжа зобоогоогүйш, үлзытэ ойн иргэниие оруулжа ерэбэлши. Эдэ эрхэтэниие шамда үгэе» гэжэ зарлиг буулгаба.

240. Баһа Борохул ноёниие хори түмэд (хори буряад) иргэниие эзэлүүлхээр ябуулба. Хори түмэд иргэнэй ноён Дайдухул сохорой үхэһэн хойно тэрэнэй һамган тарган Ботохой хори түмэдые захиржа байгаа. Борохул ноён тэндэ ошоод, гурбан хүниие дахуулан, ехэ сэрэгһээ түрүүлэн үдэ оройеньшье ойлгохонь бэрхэ бүтүү ой соо нарин харгыгаар ябажа байба. Хори түмэдэй харуулай хүнүүд тэдэнэй арада гаража замыень хаагаад, Борохул ноёниие барижа алаһан юм. Борохулай хори түмэдтэ алуулһыень дуулаад, Чингис хаан ехээр уурлажа, өөрөө морилхоор забдахадань, Боорчи Мухулай хоюулаа Чингис хааниие идхажа болюулба. Тиигээд Дүрбэдэй Дүрбэй-Догшиндо албадан захюулһаниинь: «Сэрэгээ шангаар захиржа, мүнхэ тэнгэридэ зальбаржа, хори түмэдэй иргэниие эзэлхые оролдогты» гэжэ зарлиг буулгаба. Дүрбэй сэрэгээ абаад урдань ябажа, харуулай һахиһан зам һүбөөр үсөөн сэрэг ябуулжа, тэмдэг үзүүлжэ мэхэлээд, өөрөө олон сэрэгээ абажа улаан бухын ябаһан мүрөөр урагшаа дабшаба. Сэрэгэй алибаа хүнэй зүрхэ алдабал наншахын тула хүн бүридэ арбан һабаа үргэлүүлжэ, эрэ бүхэниие һүхэ, ооли, хюрөө, һүүшээр зэбсэглүүлээд, улаан бухын ябаһан харгыгаар урагшаа дабшажа, мүртөө дайралдаһан модые отолон сабшуулжа, хюрөөдүүлжэ замаа сэбэрлээд, уула дээрэ гараад, бооридонь найрлажа һуугаа түмэд иргэнэй орой дээрэһээнь добтолон оробо.

241. Энээнэй урда Хорчи ноён Худуга бэхи хоёр хори түмэдтэ баригдаад, тарган Ботохойн тэндэ байһан юм. Хорчиин баригдаһан ушарынь иимэ: хори түмэдһөө эгээн һайхан гушан басагадые

шэлэжэ аба гэжэ зарлиг буухан байгаа. Хорчи ноён хори түмэдһөө басагадые абаха гэжэ ошоходонь, урдань суг хамта ябаһан хори түмэдүүд дахин дайсан боложо, Хорчи ноёниие барижа абаашаба. Хорчиин түмэдтэ баригдаһан тухай дуулаад, Чингис хаан ойн иргэнэй байдалые мэдэхэ хүн гэжэ Худуга бэхиие эльгээбэ. Худуга бэхи баһа баригдашоо. Хори түмэдые эзэлжэ дүүргээд, Борохулай хүүр яһанай түлөө зүүн түмэдые тэрэнэй гэр бүлэдэ үгэбэ. Хорчидо гушан үхидые үгэбэ. Тарган Ботохой хатаниие Худуга бэхидэ үгэбэ.

242. Чингис хаан зарлиг буулгажа, эхэ, хүбүүд, дүүнэртээ иргэн зониие хубаажа үгэһэниинь: «Уласые нэгэдүүлхэдэ зобожо зүдэрһэн эхэмни бэзэ. Хүбүүдэймни аха Зүчи бэзэ. Дүүнэрэймни бага Отчигин (одхон: галай хан, гуламтын эзэн) бэзэ» гээд, эхэ Отчигин хоёртоо нэгэ түмэн иргэниие (түмэн үрхэ) үгэхэдэнь, эхэ шамарлажа дуугарбагүй. Зүчидэ юһэн мянган иргэниие үгэбэ. Цагадайда найман мянган иргэниие үгэбэ. Үгэдэйдэ табан мянган иргэниие үгэбэ. Толуйдо табан мянган иргэниие үгэбэ. Хасарта дүрбэн мянган иргэниие үгэбэ. Алчидайда хоёр мянган иргэниие үгэбэ. Бэлгүтэйдэ нэгэ мянга табан зуун иргэниие үгэбэ. Абга Даридайе Хэрэйдтэй ниилэжэ ябаһан гэжэ нюдэнһөө далда болгоё гэхэдэнь, Боорчи Мухулай Шигихутуг гурбан хэлэбэ: «Өөрынгөө гуламтые һүнөөхэ мэтэ, өөрынгөө гэрые эбдэхэ мэтэ болохо бэшэ гү. Һайн эсэгыншни гэрээд боложо үлдэһэн ганса абгашни бэшэ гү. Тэрээнээ үгы хэжэ яажа болохоб? Тэрэнээ һайса бодожо эйлгоогүйень хүлисэгты. Һайн эсэгыншни багын нютагта гуламтадаа утаа гаргажа ябаг» гэжэ халуун сэдьхэлээр идхажа, хамарһаа утаа гаратар хэлэһэндэнь, «Заа, тиимэ болог» гэжэ һайн эсэгээ һанажа, Боорчи Мухулай Шигихутуг гурбанай үгэдэ орожо һанаагаа амарба.

243. «Би эхэ Отчигин хоёрто түмэн иргэниие хүртээгээд, Хүчү, Хүхэчү, Жунсо, Аргасун дүрбэн ноёдые тушаажа үгэбэб. Зүчидэ Хунан Мүнхэүр Хэтэ гурбые тушаажа үгэбэб. Цагадайда Харачар Мүнхэ Идохадай гурбые тушаажа үгэбэб». Баһа Чингис хаан айладхаба: «Цагадайн хэсүү дошхон абаритай тула Хүхэчос үглөө үдэшэ дэргэдэнь байжа һанаһанаа хэлэжэ, зүблэжэ байг» гэжэ зарлиг буулгаба. Үгэдэйдэ Илугай Дэгэй хоёрые тушаажа үгэбэ. Толуйда Жидай Бала хоёрые тушаажа үгэбэ. Хасарта Жибэгээе тушаажа үгэбэ. Алчидайда Чаурхайе тушаажа үгэбэ.

244. Хонхотоной Мэнлиг эсэгын хүбүүд долоо бэлэй. Долоон хүбүүдэй дундахинь Хүхэчү Тэб-тэнгэр бөө байгаа. Тэрэ хонхотоной долоон хүбүүд Хасарые баряад хамһажа наншаба.

Хасар долоон хонхотондо сохюулбаб гэжэ Чингис хаанда һүгэдэн гомдоходонь, Чингис хаан бусад хэрэгээр ехэ ууртай байһан тула сухалтайгаар Хасарта хэлэбэ: «Амитанда диилдэдэггүй хүн гэдэг

бэшэ һэн гүбди шамайе? Яагаад диилдэбэбши?» гэхэдэнь, Хасар нулимса унагаажа бодоод гараба. Хасар гомдожо, гурбан үдэр ерэбэгүй. Тэрэ үедэ Тэб-тэнгэр Чингис хаанда хэлэбэ: «Мүнхэ тэнгэриин һахюуһаар нэгэ удаа Тэмүүжин уласай эрхые бариха. Нэгэ удаа Хасар уласай эрхые бариха гэжэ зүн мэдэгдэбэ. Хасарһаа болгоомжолоогүй һаа, юу болохыень мэдэхэгүйб» гэхэдэнь, Чингис хаан тэрэ һүниндөө Хасарые барихаяа ошобо. Хүчү Хүхэчү хоёр «Хасарые барихаяа ошобо» гэжэ Оэлүн эхэдэ дуулгаба. Оэлүн эхэ набтар тэргэдэ сагаан тэмээ хүллөөд бүхэли һүниндөө ябажа, наранай ургаха үеэр хүрэжэ ерэбэ. Чингис хаан Хасарай хамсые уяжа, малгай, бүһыень абаад мүшхэн асуужа байба.

Чингис хаан эхэеэ хараад түбэгшөөн зайлаба. Оэлүн эхэ уурлажа тэргэһээ буухатайгаа зэргэ Хасарай хамсын хүлигые өөрөө тайлажа табяад, малгай, бүһыень Хасарта үгөөд, уур хилэнгээ даран ядажа забилан һуугаад, хоёр хүхэеэ гаргажа, хоёр үбдэг дээрээ барижа хэлэбэ: «Энээниие хаража байна гүш? Хүхэһэн хүхэншни энэ байна. Хабиргаа хадаран хазагшад, хүйһэеэ хүсэрхэн таһалагшад! Хасар яагааб? Тэмүүжин энэ нэгэ хүхын һүүе хүхэжэ барадаг бэлэй. Хачиун Отчигин хоюулаа нэгэ хүхын һүүе хүхэжэ барадаггүй бэлэй. Хасар хоёр хүхымни һүүе дууһатар хүхэжэ, сээжыемни уужам болгожо амаруулдаг бэлэй. Тиихэдээ Тэмүүжин сээжэдээ эрдэмтэй,

Хасар хаба хүшэтэй тула
Хадхалдан зайлагшадые
Харбаха һомоной хүсөөр
Хамажа асардаг бэлэй.
Огшожо зугадагшадые
Онохо һомоной хүсөөр
Оруулан асардаг бэлэй.

Одоо дайсаниие даража түгэсэбэбди гэжэ Хасарые үзэн ядажа байна гүш?» гэбэ. Эхын уур сухалые намдуулаад, Чингис хаан хэлэбэ: «Эхынгээ хилэгнэһэндэ би айхын ехээр айжа, эшэхын ехээр эшэбэб. Бидэ одоо иигэхээ болиё!» гэбэ. Эхэдээ хэлэнгүй, далдаар Хасарай зарим иргэниень буляан абажа, Хасарта нэгэ мянга дүрбэн зуун иргэниие үлдөөбэ. Энээниие Оэлүн эхэ мэдээд, сэдьхэлээ зобоһоор түргөөр хүгшэрбэ. Хасарта үгэһэн Жалайрай Живэгэ тэндэһээ зайлажа, Баргужин орон руу зугадаба.

245. Тэрэнэй хойно юһэн хэлэтэн (хамаг) улас Тэб-тэнгэртэ хуралдан ошоһон ба Чингис хаанай агтын хорооноһоошье олон хүн Тэб-тэнгэртэ ошожо мэдэлдэнь оробо. Баһа Отчигин ноён Тэмүгэгэй харьяата иргэд Тэб-тэнгэртэ ошоһон юм. Отчигин ноён ошоһон иргэнээ асаруулхаар Сохор нэрэтэй элшые эльгээхэдэнь, Тэб-тэнгэр элшэ Сохорто хэлэбэ: «Отчигин та хоёр яагаа элшэ гэжэ

ябажа гүйлдэдэг болобот» гээд элшэ Сохорыень зодожо, эмээлыень үргэлүүлээд, ябаган бусаahан юм. Элшэ Сохорой зодуулжа ябаган ерэhэнэй маргаашань Отчигин ноён өөрөө Тэб-тэнгэрындэ ошожо хэлэбэ: «Элшэ Сохорые эльгээhэмни зодоод ябаган бусаагаат. Одоо би иргэнээ абаашахаяа ерээб» гэхэдэнь, долоон хонхотоп Отчигин ноёной эндэ тэндэhээнь хаажа: «Элшэ Сохорые эльгээдэгшни зүб гү?» гэжэ барижа зодохые забдаба. Отчигин ноён айжа хэлэбэ: «Элшэ эльгээhэмни буруу болоол даа» гэбэ. Хонхотоной долоон хүбүүд хэлэбэ: «Буруугаа мэдээ хадаа наманшалан hүгэдэ!» гэжэ Отчигиные Тэб-тэнгэрэй хойноhоо hүгэдүүлhэн юм. Тиигээд Отчигин ноён иргэнээ абажа шадаагүй бусаба. Маргааша үглөөнь Чингис хаанай бодоогүй, орондоо байхадань орожо ерээд, уйлан hүгэдэжэ хэлэбэ: «Юhэн хэлэтэн иргэд Тэб-тэнгэртэ зүблөө хэжэ байгаа. Энэ үедэ Тэб-тэнгэрhээ харьяата иргэнээ абахаар элшэ Сохорые эльгээгээб. Элшэ Сохор зодуулжа эмээлээ үргэлөөд ябагаар ерэхэдэнь, би өөрөө ошоходомни, долоон хонхотоп намайе эндэ тэндэhээмни хаажа, бурууем хүлеэлгэн наманшалуулба. Тэб-тэнгэрэй хойноhоо hүгэдүүлбэ» гээд уйлаба. Чингис хаанай үгэ хэлэхын үмэнэ Бүртэ үжин оропи дээрэhээ үндыгөөд хүнжэлынгөө захаар үбсүүгээ хушажа, Отчигинай уйлахые хаража, нулимса унагаажа хэлэбэ: «Тэдэ хонхотопгууд яаhан hүрхэй хүнүүд гээшэб? Урид Хасарые бүhэлэн наншаа. Одоо баhа энэ Отчигиные яагаад хойноhоо hүгэдүүлбэб? Энэ ямар ёho гээшэб? (Шинии амиды мэндэ байхада. «Алтан тобшоhоо»). Ойн нарhан мэтэ олон hайхан дүүнэрыешни иигэжэ дарлажа байна.

Үүнhээ хойшо тэдэ
Үүлэн мэтэ бэсыншни
Үгы боложо ошобол,
Үлэhэн ехэ уласыешни
Үри хүүгэдээршни мэдүүлхэ гү?
hүүлэй сагта тэдэ
hүлдэ гэгээн бэеыншни
hүүдэр боложо ошобол,
hүрэг ехэ уласыешни
hүйдхэхэдээ болохо бэшэ гү?
Үндэр уулын нарhад мэтэ
Үнэр hайхан дүүнэрыешни
Үhөөрхэн дарлагша тэдэ
Үдэжэ бойжожо амжаагүй
Үсөөхэн хэдэн хүүгэдтэшни
Үргэн уласые мэдүүлхэгүй.

Яаhан хэсүү хонхотонгууд гээшэб? Дүүнэрэйнгээ иигэжэ дарлуулхые хараhаар байгаад, ши миин үнгэрүүлхэ гүш?» гээд Бүртэ

үжин нулимса һубарюулба. Бүртэ үжинэй энэ үгые соносоод, Чингис хаан Отчигиндэ хэлэбэ: «Тэб-тэнгэр одоо ерэхэ. Үһөөгөө яажа абахые ши өөрөө мэдэ» гэбэ. Тиихэдэнь Отчигин бодожо нулимсаа аршажа гараад, гурбан бүхые бэлэдхэжэ зогсообо. Удангүй Мэнлиг эсэгэ долоон хүбүүдээ дахуулан ерэжэ бултадаа гэртэ орожо, Тэб-тэнгэр сүнгэй баруун талада һууба. Отчигин Тэб-тэнгэрэй дэгэлэй захаһаа барижа: «Үсэгэлдэр ши намайе наманшалуулаа һэн бэзэш? Хүсэеэ үзэлсэе» гэжэ үүдэн тээшэ шэрэбэ. Тэб-тэнгэр Отчигиные эсэргүүсэжэ, тэрэнэй дэгэлэй захаһаа бариба. Тэрэ хоёрой барилдахада, Тэб-тэнгэрэй малгай гуламта дээрэ унаба. Мэнлиг эсэгэ унаһан малгайе абажа үнэдөөд үбэртөө хэбэ. Чингис хаан айладхаба: «Газаашаа гаража, бүхэ хүсэеэ үзэлсэгты» гэбэ. Отчигин Тэб-тэнгэрые богоһо дээгүүр шэрэжэ гарахадань, урид бэлэдхэһэн гурбан бүхэ угтажа, Тэб-тэнгэрые баряад шэрэлсэжэ нюрууень хухалаад, зүүн талын үгсарһан тэргын үзүүртэ орхибо. Отчигин орожо хэлэбэ: «Тэб-тэнгэр намайе наманшалуулжа байгаа бэлэй. Одоо хүсэеэ үзэлсэе гэхэдэмни, зүбшөөрэнгүй мэхэеэ худэлгэн хэбтэжэ байна» гэхэдэнь, Мэнлиг эсэгэ ушарыень мэдэжэ нулимса һубарюулан хэлэбэ:

Уужам эхэ газарай
Добын шэнээн байхада
Уулзажа нүхэсэһэн бэлэйлби.
Үһан ехэ мүрэнэй
Горхоной шэнээн байхада
Ушаржа танилсаһан бэлэйлби.

Иигэжэ хэлэхэдэнь хонхотоной зургаан хүбүүд үүдэ хаажа, гуламтые тойрон хамсыгаа шамажа орохоёо забдахадань, Чингис хаан тэбдэн шахагдажа: «Зайл! Гарая!» гээд гэрһээ гараба. Ойгуур байһан хорчин, торгууднар ерэжэ тойрон хамгаалба. Тэб-тэнгэрые үгсарһан тэргын адагта нюрууень хухалаад орхиһыень Чингис хаан хаража, арын гэрнүүдһээ нэгэ боро гэрые асаруулжа, Тэб-тэнгэрэй дээрэнь барюулаад: «Унаагаа бэлдэгты! Нүүе» гээд тэндэһээ нүүбэ.

246. Тэб-тэнгэрые табиһан гэрэй үрхые бүглэжэ, үүдыень тулажа, хүнээр һахюулба. Гурбадахи һүни үүр сайжа байхада, гэрэй үрхэ нээгдэжэ, Тэб-тэнгэрэй бэе үгы болоһон юм. Һайса шалгажа үзэхэдэнь, үнэхөөр тэрэнэй хүүр байбагүй. Чингис хаан хэлэбэ: «Тэб-тэнгэр минии дүүнэртэ гар хүлөөрөө хүрэһэн ба тэдэнэй хоорондо худал хоб үгэ хэлэһэн тула тэнгэриин хүндэлэлдэ хүртэбэгүй, тэрэнэй ами бэе хоюулайень тэнгэри абажа ошобо» гэбэ. Чингис хаан Мэнлиг эсэгые тэндэ зэмэлэн буруушаажа хэлэһэниинь: «Та хүбүүдэйнгээ абари зангые ойлгуулан хэлэжэ заһаагүй тула тэдэтнай бидэнтэй тэмсэхэ гээд Тэб-тэнгэрэй толгойе

алдаба. Таанарай иимэ зан гаргахые мэдээ һаа, хэды үни Жамууха, Алтан, Хучарнартай адли болгохо бэлэйб» гэжэ Мэнлиг эсэгые буруушаан донгодоод, иигэжэ «Үглөө хэлэһэнээ үдэшэ мэлзэжэ, үдэшэ хэлэһэнээ үглөө мэлзэжэ ябабал эшхэбтэр бэшэ гү. Урда хэлэһэнээ хатуугаар барижа ябабал дээрэ бэшэ гү» гээд баһа зарлиг буулгаба: «Ааша зангаа татажа ябаһан бол Мэнлиг эсэгын урагтай хэн тэнсэхэ бэлэй» гэбэ. Тэб-тэнгэрэй үгы болоһонһоо хойшо хонхотоной хүбүүд номгорбо.

XI. Хитад, Тангад, Турк, Багдад ба Оросые эзэлһэниинь

247. Тэрэнэй хойно Чингис хаан хонин жэл (1211 он) хитад иргэниие эзэлхээр морилбо. Фу-чжоу (Цагаан хэрэмэй ойро байгаа мүнөөнэй Хара балгааһа) абажа (Чуулалт хаалганһаа баруун тээшэ байгаа) Үнэгэн дабаагаар дабажа, Сюнь-дэ-фу (Датүн-фу-гэй баруун хойно наянай газар байгаа) абажа, Зэбэ Хуйханаг баатар хоёрые манлай болгожо эльгээбэ. Цавчаал (Цзюйюн-гуан боомт) ошожо Цавчаал дабаанай бэхилэлтэ хүрөөд, Зэбэ хэлэбэ: «Дайсаниие мэхэлжэ бэхилэлтэһээнь гаргаад байлдая» гээд сэрэгээ сухарюулба. Зэбын сэрэгэй сухарихые хараад «Нэхэжэ байлдая» гэжэ Хитадай сэрэгүүд уулые бүрхээжэ, хүндые дүүрэн нэхэжэ, Сюнь-дэ-фугэй хушуу хүрэхэтэйнь адли Зэбэ гэдэргээ эрьежэ добтолоод, нэхэжэ ерэһэн дайсанай сэрэгые һүнөөжэ дараба. Чингис хаан гол сэрэгээ абажа дараа дараагаарнь асараад хитадуудые түрижэ хара хитад, зурчид, жуйнай шэлэмэл баатар сэрэгүүдые даража, Цавчаал хүрэтэр хитад сэрэгые хяара хюдаба. Цавчаалай хаалгые Зэбэ эзэлжэ уулые дабаба. Чингис хаан Шар-тээгтэ бууба. Жунду (Алтан уласай дундада ниислэл ба мүнөөнэй Бээжин) хотые эзэлхэ ба бусад олон хото балгааһа эзэлүүлхээр сэрэг ябуулба. Зэбые Дүн чан (Алтан уласай зүүн ниислэл, мүнөөнэй Ляо ян) хото эзэлүүлхээр эльгээбэ. Зэбэ Дүн чан балгааһанда хүрээд шууд эзэлжэ шадангүй бусажа, зургаан хоногой газар ябаад гэнтэ эрьежэ, хүтэлһэн моридтой сэрэгые бүхэли һүниндэнь дабхюулжа, Дүн чаные хүлеэгээгүй байхадань дайран эзэлһэн юм.

248. Зэбэ Дүн чан хотые абаад харижа ерээд, Чингис хаанда ниилэбэ. Жунду хотые бүһэлэн байлдажа байхадань, Алтан хаанай ехэ ноён Вангин чансан Алтан хаанда дурадхажа хэлэһэниинь: «Тэнгэри газарай заяаһан хугасаа, ехэ һууриһаа шэлжэхэ саг ерэбэ гү? Монголшууд айхабтар хүсэтэй боложо ерээд, бидэнэй эрэлхэг шэлэмэл хара хитад, зурчид, жуйнай эрхим сэрэгүүдые хайра гамгүйгөөр хюдаба. Баһа этигэлтэй бата Цавчаал хэрэмые буляан абаа. Одоо бидэ баһа сэрэгүүдые зэбсэглэн мор-

дуулжа шадаха болобошье, тэдэмнай монголшуудта дахяад дарагдаа һаа, өөһэдынгөө хото балгаанаар бутаран таража, дахин суглуулха аргагүй болохо байна. Үшөө дээрэнь бидэндэ этигэхэгүй боложо, урбажа манайнгаа урданаа һөөргэдэжэ магад. Хэрбээ Алтан хаан танай зүбшөөбэл, Монголой хаантай энэ хирэдэ эблэрэн найрамдая. Һүүлээрнь тэдэнэй бусаһан хойно, ондоо һанал гараа һаань дахяад зүблэе. Монголой сэрэг, моридынь эндэхи газарай халуунда тэсэжэ ядажа байна гэлсэнэ. Хаандань һайхан басага үгэе. Сэрэгшэд, дарганартань алта мүнгэ, эд бараа гаргажа үгэе. Энэ аргада орохо болихыень яажа мэдэхэб?» гэжэ дурадхан хэлэхэдэнь, Алтан хаан Вангин чансангай энэ үгые зүбшөөбэ. Хэрэгээ энэ аргаар бүтээе гэжэ Чингис хаанда дээдэ изагуурай үхинии эльгээжэ, алта мүнгэ, элдэб үнэтэ эд бараа Жундуһаа гаргажа сэрэгэйнь хүнүүдтэ дааха хирээрнь үгэжэ, Чингис хаанда тусхайлан Вангин чансании элшэ болгожо эльгээбэ. Тэдэнэй ниилэн дахажа эблэрээ гэһэн дурадхалынь Чингис хаан зүбшөөжэ, олон хото эзэлхээр байлдажа ябаһан сэрэгүүдээ гэдэргэнь татажа ерүүлбэ. Вангин чансан, Можоу-фужоу гэжэ нэрэтэй хушуун хүрэтэр Чингис хаании үдэшэжэ гаргаад хариба. Элдэб эд бараа манай сэрэгүүд даахысаа ашажа, маша нимгэн торгоор ашаагаа татажа ябаба.

249. Тэндэһээ Чингис хаан Хашин иргэд руу зорибо. (Тангад гү, али Си сиагай хан Монголой дотор Хашин хан гэжэ алдаршаһан юм). Хүрэжэ ошоходонь, Хашин уласай Бурхан (эзэн) һайн дурааараа ниилэжэ, «Баруун гаршни боложо, хүсэеэ үгэе» гэжэ Чага нэрэтэй үхинөө Чингис хаанда асаржа үгэбэ. Баһа Бурхан хэлэбэ: «Чингис хаанай нэрэ алдарые дуулаад айн һүгэдэжэ байгаабди бидэ. Одоо һүлдэтэ бэеэрээ хүрэжэ ерэһэндэтнай һүрдэжэ, ехээр айжа байнабди. Айн һүрдэһэн манай Тангад улас баруун гаршни боложо хүсэеэ үгэе» гэбэ. «Хүсэеэ үгэхэдөө бидэ:

Байһан газартаа
Байрлан нютагладаг,
Шабар хотодоо
Шабалдан һуудаг
Хүнүүд туладаа
Хурдан аянда
Түргэн хүдэлжэ шадахагүйбди.
Хурса дайнда
Дары мордожо амжахагүйбди.
Хаан Чингис соёрхоболтнай,
Хамаг Тангад улас
Үндэр дэрһэнэй нэмэридэ
Үсхэһэн олон тэмээгээ
Үргэл болгожо туһалая.

Өөрынгөө гараар нэхэһэн
Үрмэг бүд эдээ
Бэлэг болгожо үгэе.
Арга шадалаараа һургаһан
Ангууша шонхор шубуудайнгаа
Али һайниень хүргэе» гэжэ айладхаба.

Тэрэ хэлэһэн үгэдөө хүрэжэ, тангад иргэнһээ тэмээ татабарилжа, туужа барагдахагүй олон толгой асаржа үгэбэ.

250. Чингис хаан энэ удаа ябахадаа Хитад уласай Алтан хаанииe һайн дураарнь мэдэлдээ оруулжа, ехэ эд зөөри абаад, Хашин (Тангад) уласай Бурханиие элсүүлжэ, олон тэмээень абаба. Тиигэжэ Чингис хаан тэрэ хонин жэл морилоод, Хитад иргэнэй Ахутай нэрэтэй Алтан хаанииe ниилүүлжэ, тангад иргэнэй Илаху Бурханиие элсүүлэн харижа, Саарь хээртэ бууба.

251. Баһа тэрэнэй хойно Жэү гуанда (Сүн уласай Жэг хаанда найрамдахаар) эльгээһэн Жубхан түрүүтэй олон элшыень Хитадай Алтан хаан барижа алаһан хадань, Чингис хаан нохой жэл (1214 он) Хитадтай байлдахаар дахин мордобо. «Бидэнтэй найрамдаад байһан аад, Жэу гуанда эльгээһэн элшыемни яахадаа нүгшөөхэ болообта?» гэжэ байлдахаар мордоод, Чингис хаан Дүн гуан хэрэмые шэглэжэ, Зэбые Цавчаалай шэгээр байлдуулба. Чингис хаанииe Дүн гуан хэрэмые эзэлхээр ябаба гэжэ Алтан хаан мэдээд, Илэ Хада Хувэгэтүр гурбаар сэрэгээ захируулжа, дээрэнь нэмэлтэ хүсэн болгожо, Улаандэгилэниие магнайдань ябуулаад Дүн гуан хаалтые бэхилжэ, «дабаа бү дабуулагты!» гэжэ Илэ Хада Хувэгэтүр гурбанай сэрэгые яаралтайгаар эльгээбэ. Чингис хаанай Дүн гуан хаалтада хүрэхэдэнь, Хитадай сэрэгүүд уулые бүрхээжэ, хүндыгөөр дүүрэжэ байба. Чингис хаан тэдэ Илэ Хада Хувэгэтүр гурбантай байлдажа, Илэ Хада хоёрыень сухарюулба. Толуй, Чигу хүрьгэн хоёр хүндэлэн тээһээнь добтолжо, Улаандэгилэниие нисаан дараад Илэ, Хаданарай сэрэгэй хажууһаань сохижо, хитадые зомгооһон болотор хюдаба. Хитадай сэрэгүүд хюдагдан барагдаба гэжэ Алтан хаан мэдэхэдээ, Жунду балгааһанһаа зайлан зугадажа, Нанжин (Алтан уласай бии болохын урда тээ ниислэл байһан, Бян лян хото, мүнөөнэй Хэ нань можын Кай фин фу) хотодо ошожо һууба. Үлөөшэ сэрэгынь үлэсхэлэндэ дайрагдажа үхэһэн ба өөһэд хоорондоо алалсажа, зариманиинь хүнэй мяха эдихэдээ хүрэбэ. Толуй, Чигу хүрьгэн хоёрые һайн байлдабат гэжэ Чингис хаан ехэтэ магтаба.

252. Чингис хаан Хэ-си-вү-дэ тогтоод, удаадань Жундугай Шара хээртэ бууба. Зэбэ Цавчаал хэрэмэйнь хаалгые эбдэжэ, тэндэһээ сэрэгээ хүдэлгэжэ Чингис хаанда ерэжэ ниилэбэ. Алтан хаан Жундуһаа зайлахадаа, тэрэ хотодо Хада гэдэг нэрэтэй ноёниие лю шоу гэдэг сайд болгожо орхиһон байба. Чингис хаан

Жунду балгаahанай алта, мүнгэ, эд зөөриие тоолуулхаар Үнгүр буурч, Архай Хасар, Шигихутуг гурбые эльгээбэ. Эдэ гурбанай ошоходо, Хада ноён угтажа, алтатай, хээтэй гоё эд зөөри барижа хото сооhоо гаража уулзаба. Хада ноёндо Шигихутуг хэлэбэ: «Урдань энэ Жунду хото, эндэхи эд зөөри Алтан хаанай байгаа. Мүнөө Жунду Чингис хаанай мэдэлэй болоо. Чингис хаанай эд зөөриие ши яахадаа доогуур хулгайлан асаржа үгэжэ байнаш? Энээниеишни би абахагүйб» гэжэ Шигихутуг ог таhа арсаба. Үнгүр буурч, Архай Хасар хоёр абаба. Эдэ гурбан Жүндугай эд зөөриие тооложо ерэбэ. Тиихэдэнь Чингис хаан Үнгүр Архай Шигихутуг гурбанhаа «Хада юу үгэбэб?» гэжэ асуухадань, Шигихутуг хэлэбэ: «Алтатай, гоё хээтэй эд зөөри асаржа үгэбэ. Би урдаhаань хэлээб: Урдань энэ Жунду хото Алтан хаанай байгаа. Мүнөө Чингис хаанай мэдэлэй болоо. Хада, ши Чингис хаанай эд зөөриие далдуур хулгайлжа яахадаа үгэхэ болобош гээд абахаяа арсааб. Үнгүр Архай хоёр үгэhыень абаа» гэбэ. Тиихэдэнь Чингис хаан Үнгүр Архай хоёрые ехээр буруушаажа, шанга донгодолго үгэбэ. Шигихутугые «Ши ехэ ёhые зүбөөр тунгаан бодоош» гэжэ hайшаан соёрхожо, «Ши минии хараха нюдэн, соносохо шэхэмни гээшэш» гэжэ зарлиг буулгаба.

253. Алтан хаан Нанжин (урда зүгэй ниислэл) орожо өөрөө эблэрэе гэжэ мүргэжэ, Тэнгэри гэжэ нэрэтэй хүбүүгээ зуун нүхэдтэйгөөр Чингис хаанда «Шадар сэрэг болог лэ!» гэжэ эльгээбэ. Чингис хаан тэдэнэй «эблэрэе» гэhэниень зүбшөөжэ «бусая» гэжэ өөрөө Цавчаал хэрэмые дайран бусаха гэжэ Хасарта зүүн гарай сэрэгые захируулан, далайн хүбөөгөөр зубшан ябажа, Бэйгин гэдэг хойто ниислэлдэ (Данин балгааhа) бууба. Тэрэ хотые өөhэдынь hайн дураар ниилүүлжэ, тэрээнhээ сааша Зүрчидэй Фуханые дайран ошожо, хэрбээ Фухану (мүнөөнэй Үбэр Монголой зүүн хэhэг) байлдаха дуратай hаа байлдагты, хэрбээ ниилэжэ орохо гээ hаа энэ хизаарай хотонуудые дайран Ула-нау мүрэниие хүндэлэн гаража, Тоурын голые үгсэжэ, Хинганай дабаае дабажа, Ехэ Аураг ордондо ниилэн ерэгты гэжэ эльгээбэ. Хасартай хамта Жорчидай, Алчи, Толун чэрби гурбан ноёдые эльгээлсэбэ. Хасар Бэйгин хотые оруулжа, Зүрчидэй Фуханые өөhэдынь hайн дураар ниилүүлжэ, мүртөө дайралдаhан хотонуудые эзэлээд Тоур голые үгсэн дабаа дабажа, Чингисэй анханай ордондо буужа ерэбэ.

254. Тэрэнэй хойно Чингис хаанай сартаул иргэндэ ябуулhан Ухуна түрүүтэй зуун элшэдэй алагдаhандань Чингис хаан хэлэбэ: «Алтан аргамжаяа сартаул иргэнээр таhалуулаад миин орхижо болохо гү? Ухуна түрүүтэй зуун элшэнэрэйнгээ үhөө хяhааень абажа, Сартаул (Дунда Азиин Туркестан) уластай байлдая» гэжэ мордоходонь Есүй хатан Чингис хаанда дурадхан айладхаhаниинь: «Хаан!

Үндэр дабаа дабажа
Үргэн мүрэниие гаталжа,
Ута аянда морилходоо
Улас эрхэтэнээ захирхые
Урдаһаа сэдьхэхэ ушартай,
Түрэһэн бэеэ түлбэрхэ,
Түмэн амитанай хуулиие
Түгэс ухаандаа һанаарай.
Уула мэтэ бэеыншни
Нуража ошобол,
Улас олон Монголыешни
Хэн захирха юм бэ?
Тулгуур мэтэ бэеыншни
Туйбалзан ошобол,
Туг ехэ һүлдыешни
Хэн үргэхэ юм бэ?
Түрэһэн дүрбэн хүбүүдһээшни
Түрэ барихань хэн бэ?
Хан хүбүүд дүүнэр,
Харса олон арад ба
Хатад бидэ бүхэндэ
Харюу айладхажа үгэхые
Хаанай зарлиг мэдэг лэ!»,— гэжэ хэлэхэдэнь, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Хатан хүн болобошье, Есүйн хэлэһэн үгэнь зүбһөө зүб! Дүүнэр хүбүүд, Боорчи, Мухулай таанарай хэнтнайшье энэ үгые дурадхаагүй. Би үбгэдэй хойноһоо ошохогүйб гэһэн мэтээр мартаһан байгааб. Үхэл намайе тойрожо гараха шэнгеэр энээн тухай үнэхөөр һанаагүйб» гээд, «Хүбүүдэймни ахань Зүчи юу хэлэхэб? Ши хэлэ!» гэбэ. Зүчиин үгэ хэлэхын урда Цагадай хэлэбэ: «Зүчиие үгэ хэлэ гээд, Зүчиие юундэ томилхо гэжэ байнабта? Энэ мэргидэй орхидоһоидо бидэ захирагдахамнай гээшэ гү?» гэхэдэнь, (Бүртэ хатан мэргидтэ олзологдоод байхадаа жэрмэһэн боложо ерэһэн хадань тиигэжэ хэлэхэдэнь) Зүчи бодоод, Цагадайн энгэрһээ шүүрэн барижа хэлэбэ: «Хаан эсэгын намайе газаашалжа үзээгүй байхада, ши намайе яагаад илгажа байнабши? Ши намһаа ямар эрдэм шадабаряар үлүүбши? Ши гансал дошхон омогоороо үлүү бэзэш. Харбалсаад шамда гартабал, эрхиигээ отолжо хаюужаб! Барилдаад шамда диилдэбэл, унаһан газарһаа бү бодуужаб! Хаан эсэгын зарлиг мэдэг лэ!» гэбэ. Зүчи Цагадай хоёр энгэрһээ барилсаад, Зүчиин гарһаа Боорчи татажа, Цагадайн гарһаа Мухулайн татажа байхадань, Чингис хаан дуугай һуужа байба. Хүхэчос зүүн хажуудань байжа хэлэбэ: «Цагадай ши юундэ яарабаш? Хаан эсэгэшни хүбүүдэйнгээ дундаһаа шамда этигэжэ байгаа бэлэй. Таанарай түрэхын урда тээ:

Одотой тэнгэри эрьежэ
Олон улас байлдажа
Орондоо унтаха забгүй
Олзолон буляалдажа байба.
Хүрьһэтэ дэлхэй хүрбэжэ
Хүбшын улад хёморолдожо
Хүнжэлдөө унтаха забгүй
Хоролхон тэмсэжэ байба.
Эрьелдэн бодохо сүлөөгүй
Эрмэлзэн зүдхэжэ ябаба.
Ухаран зугадаха газаргүй
Урагшалан байлдажа ябаба.
Амар жаргаха аргагүй
Алалдан тэмсэжэ ябаба.
Хатан һайхан эхынгээ
Халуун эльгые хүргэжэ
Хайрата зүрхыень гомодхоожо,
Тоһон шэнги һанааень сарсаажа
Һүн шэнги сэдьхэлынь ээдүүлхэ
Салшаа муу үгые,
Цагадай, ши хэлэбэш,
Бүлеэн эльгэ нэгэтэй
Бүртэ хатанай хүүгэд бэшэ гү.
Халуун эльгэ нэгэтэй
Хамта түрэһэн хүүгэд бэшэ гү.
Зүрхэнэй хайрата эхын
Зүдхэһэн ашые мартажа
Зүйгүй үгөөр гомодхообол,
Гэмшэбэш аргагүй хожомдохо.
Хэбэлдээ тээһэн эхын
Хэтэрхэй ашые мартажа
Хэдэр үгөөр гомодхообол,
Хэзээш баясуулжа шадахагүй.
Хаан богдо эсэгэшни
Хамаг уласые байгуулхадаа
Хара толгойгоо хайралангүй,
Халуун шуһаа гамнангүй
Хамхиха нюдөө сабшангүй,
Гарайнгаа хамсые дэрлэжэ
Газаахи хормойгоо дэбисэжэ,
Шүлһэнэй хөөһөөр ундалжа
Шүдэнэй мяхаар хоолложо,
Магнайн хүлһэ гоожотор

Масажа шармайжа ябахадань,
Улынгаа хүлһэ урдатар
Уласаа хуряажа ябахадань,
Хайрата хатан эхэшни
Хамта зобожо ябаа юм.
Оюун түгэлдэр эхэшни
Оёдолто дэгэлээ огшуулжа,
Охотор хормойгоо шуужа
Хүүгэдээ үдхэхын тула
Хүсэ шадалаа шабхажа,
Залгиха хоолойнгоо шэмэтэйе
Заяаһан хүүгэдтээ үгэжэ,
Ууха унданайнгаа дээжые
Уридлан таанартаа үгэжэ,
Үдэхэ үринэрээ тэжээжэ
Үлэдэжэ ядаржа ябаа юм.
Эгэмһээшни татажа
Эрын зэргэдэ хүргэһэн
Эрхим ашыень һаныш.
Хүзүүнһээшни татажа
Хүнэй зэргэдэ болгоһон
Хүндэтэ ашыень бодыш.
Бохирыешни арилгажа,
Борбиешни һунаажа
Эрын зэргэдэ оруулжа
Эмээлэй дүрөөдэ хүргөөд,
Энхэргэн хүбүүд таанарай
Эрхим һайниие үзэе гэжэ
Эхэшни одоо бодожо байна.
Һаран шэнги гэгээн ухаатай,
Набша шэнги дэлгэр сэдьхэлтэй
Һайн хатан эхынгээ
Һанаае бү гомдохоо» гэбэ.

255. Тэндэһээ Чингис хаан айладхаба: «Зүчиие тиигэжэ хэлэжэ яажа болохоб? Хүбүүдэймни ахань Зүчи бэшэ гү? Хожом тиигэжэ бү хэлэгты» гэжэ зарлиг буулгаба. Энэ үгэдэнь Цагадай мэшэеэжэ хэлэбэ: «Зүчиин хүсэ эрдэмые баһамжалхагүйб.

Амаараа алаһаниие
Ашажа болодоггүй.
Үгээрээ үхүүлһэниие
Үбшэжэ болодоггүй.
Абын хүбүүдэй аханарынь

Зүчи бидэ хоёр бэзэбди.
Хаан эсэгэдээ
Хабсаржа хүсэеэ үгэе.
Далдиран зайлаһан этэгээдые
Таһа сабшажа шиидхэе.
Һалажа һаатаһан этэгээдые
Һалатарынь сабшажа байя.
Үгэдэйн үршөөлтэй тула
Үргэмжэлхэдэ болохо.
Хаан эсэгын дэргэдэ
Хамта ойронь байлгажа,
Бараатай ехэ малгайе
Барюулан мэдүүлжэ болохо,— гэбэ.

Энэ үгэдэнь Чингис хаан айладхаба: «Зүчи хэлэхэ үгээ хэлэг лэ!» гэбэ. Зүчи хэлэбэ: «Цагадайн хэлэһэн ёһоор Цагадай бидэ хоёр хабсаржа хүсэеэ үгэе. Үгэдэйе үргэмжэлээ!» гэбэ. Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Хабсарха гээшэ юун бэ? Эхэ дэлхэй угаа ехэ, уһа мүрэн олон бии. Хариин уласые эзэлээд, тус тустань һалгая. Өөр өөрынгөө нютагые үргэдхэжэ ябаарайт. Харин Зүчи Цагадай та хоёр хэлэһэн үгэдөө хүрэжэ, арад олоной энеэдэ наадан болонгүй, эбтэй һайн ябаарайт. Үни урдань Алтан Хучар хоёр энэ мэтээр баһал һайн ойлголсоһон аад, хэлэһэн үгэдөө хүрэнгүй, хэдэр зан гаргаад юу болоһыень таанар мэдэжэ байгаа бэзэт. Одоо Алтан Хучар хоёрой харьята хүнүүдые таанарта хубаажа үгэхэб. Тэдэниие хаража сээрлэжэ ябагты» гээд, «Үгэдэй юу хэлэхэбши? Хэлэ!» гэбэ. Үгэдэй хэлэбэ: «Хаан эсэгын зүбшөөрэл үгэжэ, үгэ хэлэ гэхэдэнь, би юугээ хэлэхэбиб? Шадахагүйб гэжэ яажа болохоб? Шадахые оролдоё! Гансахан хойто үеын хүбүүд, ашанарни үбһэндэ орёобошье үхэрэй тоожо эдихэгүй, өөхөөр хушабашье нохойн тоожо эдихэгүй юумэ түрөөд, хандагайе харбаад охотоно онохо болуужан. Би энээнһээ ондоо юу хэлэхэбиб?» гэбэ. Энэ үгыень соносоод Чингис хаан айладхаба: «Үгэдэй иимэ үгэ хэлэһэниинь болоол даа. Баһа Толуй юу хэлэхэб? Хэлэ!» гэбэ. Толуй хэлэбэ: «Би хаан эсэгын нэрлэһэн ахын дэргэдэ байжа, мартаһаниень һануулжа, унтаһаниень һэрюулжэ, уряалха дуунда уухай боложо, унаха мориндонь ташуур боложо, холын аянда ябалсажа, ойрын дайнда туһалая» гэжэ хэлэхэдэнь, Чингис хаан зүбшөөн зарлиг буулгаба: «Хасарые тэрэнэй үри хүүгэдэйнь нэгэн залгамжалаг! Алчидайе тэрэнэй үри хүүгэдэйнь нэгэн залгамжалаг! Отчигиные тэрэнэй үри хүүгэдэйнь нэгэн залгамжалаг! Бэлгүтэйе тэрэнэй үри хүүгэдэйнь нэгэн залгамжалаг! Тэрэшэлэн намайе минии үри хүүгэдэй нэгэн залгамжалжа, минии зарлигые хубилгангүй, задалангүй, оһолдонгүй, алдангүй баримталжа ябаг лэ! Үгэдэйн үри хүүгэд үбһэндэ орёобошье үхэрэй тоо-

жо эдихэгүй, өөхөөр хушабашье нохойн тоожо эдихэгүй юумэ түрэбэлынь, минии ураг түрэлнүүд соо нэгэ хүбүүниинь һайн түрэхэгүй юм гү?» гэжэ зарлиг буулгаба.

256. Чингис хаан (баруун зүг) байлдаанда мордоод, Тангад уласай Бурханда элшэ ябуулжа хэлүүлһэниинь: «Баруун гаршни болоё гэжэ ши хэлээ һэн бэшэ гүш? Сартаул уласта алтан аргамжаа таһалуулаад, би харюуень абахаяа мордобоб. Баруун гар боложо морило!» гэжэ эльгээхэдэнь, Бурханай үгэ хэлэхэһээ урид Аша хамбу хэлэбэ: «Хүсэ хүрэхэгүй һаань хаан юундэ ошохо болоо юм?» гээд туһалха сэрэг үгэнгүй, омогтой ехэ үгэ хэлэжэ элшыень бусааһан юм. Тэндэ Чингис хаан айладхаба: «Аша хамбуда яажа иигэжэ хэлүүлхэ болообиб? Урид тэдээнтэй ошожо байлдабал зохихо бэшэ гү? Гэбэшье ондоо хүндэ зорижо байгаа саг хадань энэ удаа болиё. Мүнхэ тэнгэридэ үршөөгдэжэ, алтан жолоогоо батаар татажа ерэбэл, тэрэ сагта магад болог лэ даа!» гэһэн юм.

257. Туулай жэл (1219 он) Чингис хаан хатадһаа Хулан хатаниие абажа, дүүнэрһээ Отчигин ноёниие ехэ ордондоо үлдээгээд, Арайн дабаагаар дабажа Сартаул уластай байлдахаар морилбо. Зэбые магнайда эльгээбэ. Зэбын удаа гэзэгэдэ Сүбээдэйе эльгээбэ. Сүбээдэйн гэзэгэдэ Тогочарые эльгээбэ. Эдэ гурбые эльгээхэдээ захирһаниинь: «Султан хаанай нютагай газаагуурнь ябажа саанань гараад, бидэнэй ошоходо хамтаржа ниилэхэт!» гэбэ. Зэбэ ябаад хан Мэлигэй хото балгааһа огто һандаргангүй газаагуурнь гаража ошобо. Тэрэнэй хойноһоо Сүбээдэй баһал тэрэ ёһоор номгоноор ябажа үнгэрбэ. Удаадань Тогочар ябахадаа Мэлигэй хизаарай хото гэрнүүдые дээрмэдэн, таряашадые олзолон ябаба. Хан Мэлиг энэ һүйдхэлдэ ороходоо зугадан гаража, Жалалдин султантай ниилэжэ, Чингис хаанай урдаһаа байлдаба. Чингис хаанай сэрэгэй түрүүндэ Шигихутуг ябаба. Жалалдин султан хан Мэлиг хоёр Шигихутугтай байлдажа, Чингис хаанда хүрэтэр түрижэ ерэхэдэнь, Зэбэ Сүбээдэй Тогочар гурбуулаа Жалалдин султан хан Мэлиг хоёрой хойноһоо нэхэн байлдажа, тэдэниие даража хюдаад, Бухар, Сэмисгяб, Отрар хотын алиндашье оруулангүйгөөр үлдэжэ Шин мүрэндэ хүргэбэ. Сартаулай сэрэг Шин (Инд) мүрэндэ харайн орожо, олонхинь шэнгэжэ үхэбэ. Жалалдин султан хан Мэлиг хоёр амияа абархын тула Шин мүрэниие үгсэн зугадаба. Чингис хаан Шин мүрэн өөдэ ябажа Батхэсэниие дайран ошожо, Эхэ горхо, Гүүн горхондо хүрэжэ Баруан хээртэ бууба. Жалалдин султан хан Мэлиг хоёрые нэхэгты гэжэ Жалайрай Балаае эльгээбэ. Чингис хаан Зэбэ Сүбээдэй хоёрые ехээр магтажа хэлэбэ: «Зэбэ шинии нэрэ Зургаадай байһан юм. Тайчуудһаа ерэжэ Зэбэ нэрэтэй болоо бэлэйш». Тогочар хан Мэлигэй хизаарай хотонуудые өөрынгөө дураар һүйдхэжэ, хан

Мэлигые дайсан болгобо. Саашадаа һэргылхын тула тэрэниие алая гэжэ хэлэһэншье һаа, һүүлээрнь алахаа болижо, ехээр буруушаан зэмэлжэ, сэрэг захирха эрхыень хаһаба.

258. Тэрэ Баруан хээрһээ Чингис хаан өөрөө бусажа, Зүчи Цагадай Үгэдэй гурбан хүбүүдээрээ баруун гарай сэрэг захируулжа, Аму мүрэниие гаталан Үргнэчи (Гурганача) хотые хүрэгты гэжэ ябуулба. Толуйе Иру, Исэбүр түрүүтэй олон хотые эзэлүүлхээр эльгээбэ. Чингис хаан өөрөө Отрар хотодо бууба. Зүчи Цагадай Үгэдэй гурбан хүбүүдынь ошоод гэдэргээ иигэжэ лаблан захиба: «Сэрэгээ бүридхээбди. Үргнэчи хото хүрэбэбди. Бидэ хэнэйнгээ үгые дуулажа ябахабибди?» гэжэ һурахадань, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Үгэдэйн үгөөр ябагты» гэжэ эльгээбэ.

259. Тэндэһээ Чингис хаан Отрар хотодо буугаад баһа саашалжа, Сэмисгяб хотодо бууба. Сэмисгяб хотоһоо гаража Бухар хотодо бууба. Тэндэ Чингис хаан Бала ноёниие хүлеэжэ, Алтан горхоной голдо Султан хаанай зуһаланда зуһажа, Толуйда элшэ эльгээжэ хэлүүлһэниинь: «Зунай халуун болобо. Сэрэгээ ойро зуура амаруула. Ши бидэндэ ерэжэ ниилэ!» гэжэ эльгээбэ. Толуй Иру, Исэбүр хотые абаад, Систэн хотые һандаргажа, Чүхчэрэн хотодо ороод байхадань элшэ хүрэжэ ошобо. Толуй Чүхчэрэн хотые һандаргаад бусажа, Чингис хаанда ниилэбэ.

260. Зүчи Цагадай Үгэдэй гурбан хүбүүд Үргнэчи хотодо орожо, гурбуулаа олон хото ба иргэниие хубаажа абаад, Чингис хаанда хуби гаргажа үгөбэгүй. Гурбан хүбүүдэйнгээ бусажа ерэхэдэ, Чингис хаан Зүчи Цагадай Үгэдэй гурбан хүбүүдтээ уурлажа, гурбан үдэр уулзабагүй. Тиихэдэнь Боорчи Мухулай Шигихутуг гурбан иигэжэ ушарыень мэдүүлбэ: «Тэмсэн үсэрэлдэжэ байһан Сартаул уласай султаниие диилэжэ, хото байра, иргэдыень абааби. Хубаажа абтаха Үргнэчи хото, хубаажа абаха хүбүүд булта-даа Чингис хаанайл ха юм. Тэнгэри, газарта хүсэеэ нэмээгдэжэ, сартаул иргэдые иигэжэ доройтуулһандаа бидэ олоороо, сэрэгүүд, моридшни баясажа бахархажа байналди. Хаан юундэ иигэжэ уур сухал болобобта? Хүбүүд өөһэдынгөө бурууе мэдээд айжа байнад. Хойшодоо һургаал болог лэ! Хүбүүдэй абари зан даруу хүлеэнги болуужан. Хаанай зүбшөөбэлынь, хүбүүдые уулзуулжа болохо гү? гэжэ айладхахадань, Чингис хаанай уур дарагдаба. Зүчи Цагадай Үгэдэй гурбан хүбүүдтээеэ уулзажа, шангаар донгодоод, үбгэдэй үгые һургаал болгожо, хуушан үгые хуули болгожо, байһан газартань тогтожо ядатар, магнайнь хүлһые аршажа ядатар зэмэлэн буруушааба. Энэ үедэ Хонхай Хонтахар Чормаган гурбан хорчин Чингис хаанда иигэжэ ушарыень мэдүүлбэ: «Ан гүрөөлдэ һая гаража байһан залуу харсага мэтэ, хүбүүд һая дайнда ябажа арай арайхан һураже байхадань, тэдээнэй зоригые шантаруулан энэ мэтээр яажа зэмэлжэ болохоб? Хүбүүд айжа

сэдьхэл мохонги боложо магад. Ургаха наранһаа шэнгэхэ наран хүрэтэр дайсан иргэд олон байна. Бидэнэй хоорондо ноходые (зуудаг ноходые) тухиржа табяа һаань, дайсан уласые бидэ даража, тэнгэри газарай үршөөлөөр хүсэеэ нэмээжэ, алта мүнгэ, эд зөөри, бүхы юумыень шамда асаржа үгэхэлди! Али уласта ябуулхаб гэбэл, Багдад иргэнэй Халиф султан гэжэ бии гэнэ. (Багдад гээшэнь Энэдхэг ба Иранһаа баруун тээшээ, Тигр мүрэнэй хүбөө дээрэ байгаа ехэ хото мүн). Тэрээниие эзэлхээр бидэ аялан ябая!» гэжэ дурадхахадань, энэ үгыень шүүмжэлэн бодожо, Чингис хаанай сухал таража зүбшөөгөөд, Хонхай Хонтахар Чормаган гурбан хорчиниие соёрхожо, Адаргинай Хонхай Долонгирой Хонтахар хоёрые «Минии хажууда байгты!» гэжэ нүгөө Үдгэгэй Чормаганиие Багдад уласай Халиф султанда аялуулба.

261. Баһа индус (энэдхэг) иргэн багдад иргэн хоёрой забһарта байгаа Ару-Мару Мадсаарай уласай Абту хотые эзэлүүлхээр Дүрбэдэй Дүрбэй догшониие аялуулба.

262. Баһа Сүбээдэй баатарые хойто зүгэй Ханлы, Хипчак, Бажигид, Орос, Мажар, Асу, Сасу, Черкес, Кэшимир, Болгар, Лала эдэ арбан нэгэн аймаг хари уласые хүрэтэр Ижил (Волга), Яик (Урал гол) мүрэниие гаталуулан, Кивамен (Киев), Хэрмэн хотонуудые харэтэр ябуулба.

263. Баһа Сартаул уласые эзэлжэ дуунаад Чингис хаанай зарлигаар хото бүхэндэ дарганарые табихада, Үргнэчи хотоһоо Хоромши обогтой сартаул Ялабач, Масхуд гэдэг нэрэтэй эсэгэ хүбүүн хоёр ерэжэ, хото газарай ёһо заншал тухай Чингис хаантай ярилдаба. Тэдэ хото газарай ёһые һайн мэдэхэ тула хүбүүн Хоромши Масхудые монгол дарганартай хамта Бухар, Сэмисгяб, Үргнэчи, Удан, Хисгар, Уриан, Гусандарил түрүүтэй хотые захируулаад, эсэгэ Хоромши Ялавачые асаржа, Хитадай Жунду (Бээжин) хотые захируулба. Ялавач, Масхуднар хото һуурин газарай журам ёһые һайн мэдэхэ тула Хитад уласые захирха монгол дарганарай дэргэдэ сартаул хүнүүдые зүблэгшэнэрээр томилбо.

264. Чингис хаан Сартаул уласта долоон жэл ябаад, тэндэ Жалайрай Бала ноёниие хүлеэжэ байхадань, Бала ноён Шин мүрэниие гаталжа, Жалалдин султан хан Мэлиг хоёрые Энэдхэг газар хүрэтэр нэхэбэ. Жалалдин султан хан Мэлиг хоёр нэгэтэ һураггүй үгы болоһон аад, Индүсэй хизаарай иргэдые олзолжо тоноод олон тэмээ, ямааень абаад бусажа ерэһэн юм. Тэндэһээ Чингис хаан бусаха замдаа Ирчис мүрэндэ зуһажа, тахяа жэлэй (1225 он) намар Туула голой Хара шугыда ехэ ордоноо заһажа бууба.

XII. Чингисэй наһа бараһан ба Үгэдэйн хаан болоһониинь

265. Тэрэ үбэл үбэлжэжэ, тангад иргэндэ морилоё гэжэ сэрэгээ шэнээр тоолон бүридхэжэ, нохой жэлэй (1226 он) намар Чингис хаан тангад уластай байлдахаар мордобо. Хатад соохоо Есүй хатаниие абажа ябаба. Зуураа үбэл замда ябахадань, Арбухада хулан олон байжа, Чингис хаан аба хайдагта гарахадаа, толбото боро морёо унажа ябаба. Һүрэг хуланай гэнтэ гүйлдэжэ ерэхэлээрнь, толбото боро моринь үргэжэ, будхан гэхэдээ Чингис хааниие унагааба. Хаанай бэе шэлээрхэжэ Цоорха гэдэг газар буугаа һэн. Тэрэ һүни хоноод үглөөндэнь Есүй хатан хэлэбэ: «Хүбүүд ноёд хэлсэжэ мэдэгты! Хаан һүниндөө ехээр халууржа хоноо» гэбэ. Хүбүүд ноёд хуралдажа Хонхотоной Толун чэрби хэлэбэ: «Тангад иргэд байһан газарһаа гарангүй нютагладаг, шабар хотондоо шабалдан һуудаг хадаа энэ һуури байраяа хаяжа хайшаа ошобо гээшэб? Бидэ бусажа, хаанай бэеые һайжаруулаад, баһа дахин байлдахаар мордоё!» гэбэ. Хүбүүд ноёд энэ үгыень зүбшөөжэ, Чингис хаанда айладхаба. Чингис хаан хэлэбэ: «Тангад иргэд бидэниие зүрхэ ядажа бусаба гэхэ болоно. Бидэ элшэ эльгээжэ, тэдэнэй бусажа ерэтэр, эндээ, Цоорходоо бэеэ субилжа байгаад, тангадай хэлэхэ үгые соносожо бусабал дээрэ» гэбэ. Элшые томилоод тэдээндээ дуу барюулжа (албан бэшэгынь гол түлэб шүлэг болгоод сээжэлдэхэдэ бэлэн туладань дуун гэжэ нэрлэһэн) хэлүүлһэниинь: «Урдань тангад иргэн баруун гар боложо туһалая гэжэ Бурхан ши хэлээ бэлэйш. Шинии тэрэ үгын ёһоор бидэ сартаул иргэниие мэдэлдээ абахаяа мордоходоо, шамда дуулгаа һэмди. Бурхан, ши хэлэһэн үгэдөө хүрөөгүйш, сэрэгшье үгөөгүйш, харин маниие дайраһан муу үгэ хэлээш. Тэрэ үедэ бидэ ондоо улас руу зориһон тула хожом ушараа ололсоё гэжэ сартаул иргэндэ морилжо, мүнхэ тэнгэридэ үршөөгдөөд, тэдэниие мэдэлдээ оруулбабди. Одоо, Бурхан шамтай ушараа ололсоё гэжэ ерэбэбди» гэжэ эльгээхэдэнь, Бурхан харюусаба: «Дайраһан муу үгэ хэлээгүйлби» гэбэ. Аша хамбу хэлэбэ: «Дайраһан үгые би хэлээб. Одоо, монголшууд, таанар байлдажа һураад тулалдая гэбэлтнай минии Алаша нютагта тэрэм (ханата) гэртэй, тэмээн ашаатай хүнүүд бии. Алашада аялжа намда ерэгты! Тэндэ байлдая! Алта мүнгэ·эд зөөри, бараа хэрэгтэй һаань Яргай (Нин-ся), Эржиү (Си-лян) хотодо ерэгты!» гэжэ эльгээһэн юм. Энэ үгые Чингис хаанда дуулгахадань, Чингис хаан бэень муу, халуунтай байжа хэлэбэ: «Тэдэнэй иимэ һэнгэргүй үгэ хэлэжэ байхада, бидэ яажа бусажа болонобибди? Үхэбэшье тэрэ үгыень миин орхилтогүй. Мүнхэ тэнгэри, ши мэдэ!» гэжэ Чингис хаан Алаша зорижо гараба. Аша хамбутай байлдажа, Алашые бүһэлжэ Аша хамбые барижа, тэрэнэй тэрэм гэртэй, тэмээн ашаатай иргэдыень үнэһэн

тоборог болотор сохижо, дээрмэдэн һүйдхэбэ. «Тангад обогой аад, манай талынхидай үгэ дууладаггүй хүнүүдыень хюдажа, хойноһоомнай дахагшадые манай сэрэгүүд дурааараа барижа олзолон абаг лэ!» гэжэ зарлиг буулгаба.

266. Чингис хаан Цаст уулада зуһажа, сэрэгээ ябуулжа Аша хамбые дахажа уулада зугадан хоргодоһон тэрэм гэртэй, тэмээн ашаатай тангадые хуряан эзэлжэ абаба. Тэндэһээ Боорчи Мухулай хоёрто «Тангад иргэнһээ шадалайнгаа хирээр абаг!» гэжэ зүбшөөгөөд зарлиг буулгаба: «Боорчи Мухулай хоёрто хитад иргэнһээ хуби хүртээгдээгүй байгаа. Хитад иргэнэй Жуйниие та хоёр адляар хубаажа абагты! Тэдэнэй һайн эрэшүүлээрнь шубуудаа барюулжа, дахуулжа ябагты. Һайхан басагадаарнь эхэнэрнүүдэйнгээ хормойе заһуулжа ябагты. Хитад иргэнэй Алтан хаанай этигэлтэ хүнүүдынь Монголоймнай үбгэ эсэгэнэрые хорлоһон Хара хитадай жуйнүүд байгаа бэлэй. Одоо минии этигэлтэй инаг нүхэд Боорчи Мухулай та хоёр гээшэт!» гэжэ зарлиг буулгаба.

267. Чингис хаан Цаст уулаһаа зөөжэ, Яргай хотодо бууба. Яргай хотоһоо гаража, Түрэмгий (Лин-чжоу) хотые һандаргажа байхадань, Бурхан Чингис хаантай уулзахаяа ерэбэ. Тэндэ Бурхан уулзажа, алтан һүмэ түрүүтэй, алтан, мүнгэн аяга һаба юһэн юһые, хүбүүд үхидые юһэн юһэ, мори, тэмээ юһэн юһые, элдэб зөөри баялиг тус бүринь юһэн юһые бэлэглэжэ асархадань, Бурханиие үүдэнэй газаа тээ бараалхуулба. Тэрэ уулзаха үедэнь Чингис хаанай зосоо муухай болобо. Тэрээнһээ хойшо гурбадахи үдэртэнь Чингис хаан зарлиг буулгажа, Илаху Бурханда «шударга» нэрэ үгэбэ. Илаху Бурхан «шударгые» ерүүлээд, Чингис хаан Илахуе Толун чэрби өөрынгөө гараар барижа нүгшөөг гэжэ зарлиг буулгаба. Толун чэрби Илахуе гараараа барижа ами табюулаа гэжэ айладхахадань, Чингис хаан зарлиг буулгаба: «Тангад уластай иигэжэ ушараа ололсохо гэжэ ерэжэ ябаһан замдаа Арбухада хулан абалхадаа үбдэһэн бэеымни аргалая гэжэ ами наһым хайрлажа үгэ хэлэһэн Толун ши мүн бэзэш. Дайсан хүнэй хорото үгэдэ дайрагдажа ябаад, мүнхэ тэнгэриин хүсэ нэмээһэнэй ашаар дайсаниие гартаа оруулжа үһөөгөө абаабди. Илахугай энэ абажа ерэһэн нүүдэлэй ордон, аяга һабые, Толун, ши бүгэдыень аба!» гэжэ зарлиг буулгаба.

268. Тангад уласые эзэлжэ, Илаху Бурханда «шударга» нэрэ үгөөд, тэрэниие нүгшөөжэ, тангад иргэдые уг удамаарынь һэргэхэ аргагүйгөөр үгы болгожо (үрэ үлэгдэлгүй болгожо, энээниие тэмдэглэһэн ушар) эдеэ ундаа эдижэ уугаад, «һэргэхэ аргагүйгөөр үгы болгобобди» гэжэ хэлэжэ байгты гэһэн зарлиг буулгаба. Тангад улас үгэеэ баталжа хэлээд, тэрэ хэлэһэн үгэдөө хүрөөгүй тула дахин байлдахаар ябаба. Тангад уласые һүнөөн дараад га-

хай жэл (1227 он) долоодохи һарын 12-то Түрэмгий балгаанда. «Алтан тобшоһоо») Чингис хаан тэнгэридэ халиба. Халихынгаа урда тангад иргэдһээ ехэ олыень Есүй хатанда үгэбэ.

(Эзэнэй алтан хүүрые хасаг тэргэдэ тээжэ хүндэтэ газарта ерэхэдэнь, Сүнэдэй Гилүгэтэй баатар иигэжэ магтан шүлэглэбэ:

«Хамагай хаан, уласай эзэмни
Харсага шубуунай жэгүүр болон ошобо.
Ханхинаха тэргын ашаа болон ошобо.
Жэргэхэ шубуунай жэгүүр болон ошобо.
Жэгдэрхэ тэргын ашаа болон ошобо».

Иигэжэ тэрэ магтан дуулаба. Зөөлэн хүрьһэндэ хасаг тэргэнь буладаа хүрэтэрөө шаагдажа, табан хүлэгөөр хүдэлгэжэ ядан зоболходонь, Сүнэдэй Гилүгэтэй баатар иигэжэ ушарынь мэдүүлбэ:

«Хүхэ мүнхэ тэнгэриһээ заяатай түрэһэн
Хүлэг богдо эзэмни!
Хүр ехэ уласаа орхижо ошобо гээшэ гүш?
Түбшэн батаар байгуулһан түрэшни,
Түгэс заяата хатад, хүбүүдшни,
Түрэһэн эхэ газар уһаншни
Тэмүүжин эзэн шамаяа хүлеэжэ байна.
Арюунаар байгуулһан түрэшни,
Албата олон уладшни,
Амараг хатад, хүбүүдшни,
Алтан ордон хашаашни
Алас газарта бэлэй.
Ударидан байгуулһан түрэшни,
Ушарһан хатад, хүбүүдшни,
Ураг эльгэн Монголшни,
Улад олон эрхэтэдшни,
Унаһан Дэлюун Болдогшни
Тэндэ холо байна.
Хээр азаргын хүхэлөөр хэһэн
Хиидхүүр туг һүлдэшни,
Хэнгэргэ бүреэ уряашни,
Хэлхеэ бүгэдэ уласшни,
Хэрлэнэй Хүдөө аралшни
Тэндэ бэлэйл, эзэмни!
Бүтэхын урда ушарһан
Бүртэгэлжэн сэсэн хатаншни,
Буянта газар нютагшни,
Боорчи, Мухулай нүхэдшни,
Булта ехэ уласшни
Тэндэ бэлэй эзэмни!
Хубилгаанаар ушарһан

Хулан хатаншни,
Хуур цуурай ниилэһэн дууншни,
Хотол бүгэдэ уласшни,
Хутагта эрхим газар уһаншни
Тэндэ бэлэй эзэмни!
Харууна уулые дулаан гэжэ,
Хари тангадые олон гэжэ,
Хатад үхидыень һайхан гэжэ
Хамаг Монголоо мартаа гүш
Хайрата эзэмни!
Халуун амииешни алдабашье,
Хас эрдэни мэтэ хүүрыешни
Хамгаалан абажа хария, эзэмни!
Хатан Бүртэгэлжиндэшни үзүүлэе.
Хамаг уласташни хүргэе»,— гэбэ.
Хаан эзэн хайралан үршөөбэ.
Хасаг тэргэнь хангирган хүдэлбэ.
Хамаг улад баясхалантай болобо.
Хан ехэ газар тэрэниие үдэшэбэ.
Хамагай мүнхые замда ябуулжа,
Хаан зайсангуудай тулгуур боложо,
Хамаг уласай шүтээн болгоод
Найман сагаан гэр бариба.
Эн ехэтэй уласта тунхаг зарлажа,
Үмдэһэн самса, үргөө гэрыень,
Орёоһон оймһыень тэндэ онголбо.

Үнэн хүүрыень зарим улад Бурхан халдунда хүдөө табиба гэхэ, нүгөөдүүлынь Алтай ханай арада, Хэнтэй ханай үбэртэ Ехэ үтэг нэрэтэй газар хүдөөлүүлбэ гэхэшье ушар бии. «Алтан тобшоһоо»).

269. Хулгана жэл (1228 он) Цагадай, Бат түрүүтэй баруун гарыень эзэлһэн хүбүүд, Отчигин ноён, Жэү, Есүнхэй түрүүтэй зүүн гарыень эзэлһэн хүбүүд, Толуй түрүүтэй голыень эзэлһэн хүбүүд, үхид, түмэнэй ноёд, мянганай ноёд бүгэдээрээ Хэрлэнэй Хүдөө аралда (мүнөөнэй Баян Улаан) хүрэжэ, Чингис хаанай гэрээд үгын, һүүлшын зарлигай ёһоор Үгэдэйе хаан болгон үргэмжэлбэ. Цагадай ахань Үгэдэй дүүгээ хаан болгон үргэмжэлөөд Чингис хаан эсэгынь алтан амиие сахижа байһан хэбтүүл, хорчин, мянган торгууд, хаан эсэгынь шадар ябаһан үмсэ түмэн хишигтэниие Цагадай Толуй хоёр Үгэдэй хаанда үгэбэ. Голой уладые баһал тэрэ ёһоор Үгэдэй хаанда үгэбэ.

270. Үгэдэй хаан болон үргэмжэлэгдөөд байхадаа, хажуудань хамта ябаха түмэн хишигтэн, голой уладые өөрөө захиржа, түрүүн Цагадай ахатаяа зүблөөд, Чингис хаан эсэгын эзэлжэ дүүр-

гээгүй Багдад уласай Халиф султанда аялһан Чормаган хорчиин хойноһоо Оготор Мүнхэт хоёрые эльгээбэ. Баһа урдань Сүбээдэй баатарые Ханлин, Хипчак, Бажигид, Орос, Асу, Сасу, Мажар, Кэшимир, Чиргис, Болгар, Кэрт уласуудта хүрэтэр, Ижил, Яик мүрэнүүдые гаталуулан, Мэкэтмэн, Хэрмэн, Кэйбэ түрүүтэй хотонуудые байлдан эзэлхээр ябуулһаниинь тэндэхи уладай эсэргүүсэл үлэмжэ ехэ гэһэн мэдээ абаад, Сүбээдэйн хойноһоо Бат, Бүри, Мүнх түрүүтэй хаанай түрэлэй ахамад хүбүүдые ябуулба. Энэ аянда мордоһон бүхы хүбүүд ноёдые Бат ахалан захираг гэжэ хаан зарлиг буулгаба. Гол улаһаа гараһан сэрэгые Гүюг ахалаг гэжэ айладхаба. Энэ аянда улад иргэниие захирһан хан хүбүүд өөһэдынгөө хүбүүдэй аханнуудые ябуулагты! Уладые захираагүй хан хүбүүд, түмэн, мянган, зуун, арбанай ноёд, олон хүн хэн болобошье, баһал өөрынгөө хүбүүдэй аханарые ябуулагты! Хаанай үхид, хүрьгэд мүн тэрээнтэй адляар хүбүүдэйнгээ аханарые ябуулагты! Иигэжэ зарлиг буулгаад, Үгэдэй хаан айладхаба: «Хүбүүдэйнгээ аханарые иигэжэ аянда ябуулха гэһэн һаналые Цагадай аха гаргаба. Цагадай ахын хэлүүлһэниинь: Сүбээдэйн хойноһоо хүбүүдэйнгээ аханарые ябуулха. Хүбүүдэй аханар ябабал сэрэг арьбан болодог. Сэрэг олон байхадаа һүр хүсэнь дээшэлдэг. Тэндэ дайсанай зониинь элбэг олон. Тэрэ хизаарай уладай зан абари хэсүү юм. Уур сухалаа хүрэбэл, тэдэнэр өөрынгөө бэеые мэсээр хадхажа үхэхэдөө болохо. Мэсэнь ехэ хурса гэжэ дуулгаа. Цагадай ахын болгоомжолжо хэлэһэн энэ үгын ёһоор хүбүүдэйнгээ аханарые томилжо ябуулая гэжэ тунхаглан зарлажа, Бат, Бүри, Гүюг, Мүнх түрүүтэниие аянда мордуулха болоһон ушар иимэ бэлэй» гэбэ.

271. Баһа Үгэдэй хаан Цагадай ахаһаа зүбшөөл асуужа эльгээһэниинь: «Би Чингис хаан эсэгынгээ бэлэн һуурида һуубаб. Ямар эрдэмтэй аад, хаан боложо һуубаб гэжэ би хэлэгдэхэ бэшэ гүб? Цагадай ахын зүбшөөрбэл, бидэнэй хаан эсэгын эзэлжэ дуһаагүй орхиһон Хитад уласай Алтан хааниие эзэлхээр морилоё» гэжэ зүблэжэ эльгээбэ. Цагадай аха зүбшөөржэ, «Юундэ маргахаб. Аураг ордоноо һайн хүндэ тушаагаад морилогты! Би эндэһээ сэрэг гаргажа эльгээхэб» гэбэ. Ехэ ордоноо Олдхар хорчида тушааба.

272. Туулай жэл (1231 он) Үгэдэй хаан хитад иргэдтэ морилжо, Зэбые хамагай түрүүндэ эльгээбэ. Тиихэдээ Хитадай сэрэгые хяаратарнь хюдажа, Цавчаалай дабаагаар дабажа зүг бүринь олон хотые хаажа байлдаха сэрэгүүдые ябуулба. Тэрэ үедэ Үгэдэй хаанда үбшэн хүрэжэ үгэ хэлэжэ шадахаяа болибо. Бөө, түлэгшэнэрөөр үзүүлхэдэнь, Хитад уласай газар уһанай эзэд хүн зоноо, хүрэнгэ зөөриеэ һүйдхүүлжэ, хото балгааһаяа эбдүүлһэнэй ушараар уур хилэнгээ гаргажа хаанда хоро хүргэжэ байна гэбэ.

Хүн зон, хүрэнгэ зөөри, алта мүнгэ, адууһа, эдеэгээр золиг үгэе гэжэ түлэхэдэншье, үбшэниинь буурабагүй, саашадаа улам хүндэ болобо. Ойро түрэлэй хүнүүдһээ золиг болгожо үгэе гэжэ үзэл үзэхэдэнь, хаан гэнтэ нюдөө нээжэ уһа гуйжа уугаад: «Юун болобоб?» гэжэ асууба. Бөөнэр хэлэбэ: «Хитад уласай газар уһанай эзэд нютаг ороноо һүйдхүүлжэ, хүн зон, хүрэнгэ зөөриеэ дээрмэдүүлээд, хорложо иимэ үбшэн хүргүүлбэ. Элдэб юумээр золиг түлөөһэ үгэе гэхэдэ зүбшөөрнэгүй, улам уурлажа байна. Ганса-хан ойро түрэлэй хүниие золиг болгожо үгэе гээ һаа зүбшөөжэ, үбшэниие хүнгэрүүлжэ магад. Одоо яахые танай зарлиг мэдэхэ!» гэжэ айладхахадань, Үгэдэй хаан зарлиг буулгаба: «Хан хүбүүдһээ минии хажууда хэн байнаб?» гэбэ. Хажуудань байһан Толуй хэлэбэ: «Суута Чингис хаан эсэгэмни дээрэшни аханар, доорошни дүүнэрэй байһаар байтар хаан аха таниие агта морин шэнгеэр һорижо, эрье хонин шэнгеэр барижа үзээд ехэ һуурида һуулгажа, олон уласые захирха дээдэ үүргэ даалгаба. Намайе хаан ахын хажууда байжа, мартаһыень һануулжа, унтаһыень һэрюулжэ яба гээ бэлэй. Одоо хаан аха шамайе алдабал, би хэнэй мартаһые һануулжа, хэнэй унтаһые һэрюулхэбиб? Үнэхөөр хаан ахын муудабал, олон монгол улас үншэржэ, хитад улас баясаха болоно. Хаан ахын орондо би золиг болоһуу! Тула загаһанай нюрууе шобторжо ябаалби. Хилмэ загаһанай нюрууе хиргажа ябаалби. Элиие илажа, далдые даража байгаалби. Минии нюур һайхан, нюрга үндэр бэзэ. Бөөнэр бөөлэжэ зальбарагты!» гэбэ. Бөөнэр бөөлэн зальбаржа, адислаһан уһые Толуйда уулгаба. Тэрэ ойро зуура һуугаад хэлэбэ: «Һогтобоб. Һогтууһаа һэргэтэрни, үншэн үлэһэн дүүнэр, бэлбэһэн бэри Бэрүдые хайралан харалсахые хаан аха мэдэг лэ! Хэлэхэ үгээ хэлэбэб!» гээд гаран ошоходоо мэдээгээ алдажа унаа бэлэй.

273. Үгэдэй хаан тиигээд Алтан хааниие һүнөөжэ Сяо-сы (зарса) нэрэ үгэжэ, алта, мүнгэ, алтатай хээтэй эд зөөриень, агта мори, албата зарсанарыень хуряажа абаад, захирагша, мэдээлэгшэнэрые томилоод, Нанжин, Жунду ба зүг бүриин хотонуудта дарганарые табижа энхэ мэндэ бусажа, Хар Хорум хотодо ерэжэ бууба.

274. Чормаган хорчи Багдад уласые һайн дураарнь мэдэлдээ оруулба. Тэндэхиин газар һайн, эд бараань эрхим гэжэ мэдээд, Үгэдэй хаан зарлиг буулгаба: «Чормаган хорчи, тэрэ газарта захирагша (тамгаша) боложо, шара алта, шарамал шэмэглэл, хоргой, магнал, хиб, торго, субад, тана, ута хүзүүтэй, үндэр хүлтэй аргамаг мори, ашаанай тэмээ, луус зэргын юумые жэл бүри хүргэн ерүүлжэ байгты» гэбэ. Сүбээдэй баатарай хойноһоо ябаһан Бат, Бүри, Гүюг, Мүнх түрүүтэй олон хүбүүд Ханлин, Хипчак, Бажигидые оруулжа, Ижил, Яик мүрэниие гаталжа, Мэгэд хотые

һандаргажа, ородуудые хюдажа һүйдхэбэ. Асу, Сасу, Боларман, Хэрмэн, Кива зэргын хотын иргэниие эзэлэн абажа, дарга захирагшадые табяад бусаба. Урдань Зүрчид Солонгосые эзэлхээр аялһан Жалайрдай хорчиин хойноһоо Есүдэр хорчиие ябуулба. Тэрэниие тэндэ захирагшаар һууг гэжэ зарлиг буулгаба.

275. Бат хипчак нютагһаа Үгэдэй хаанда нюусаар мэдээ эльгээһэниинь: «Мүнхэ тэнгэриин үршөөлөөр, хаан ахын үргэмжөөр Мэгэд хотые һандаргажа, Орос уласые эзэлжэ, зүг бүхэнэй арбан нэгэн хари уласые оруулжа, алтан жолоогоо татажа һалаха болоходоо, ехэ асар бодхоожо хурим наада хээбди. Энэ хурим дээрэ би бүхы хан хүбүүдэй ахань ябаһан хадаа нэгэ хоёр аяга һархаг түрүүлэн уугааб. Тиихэдэмни Бүри Гүюг хоёр намда муу һанажа, хуримһаа гаража ошобо. Ябаха дээрээ Бүри иигэжэ хэлэбэ: «Бат бидэнтэеэ адли байһан аад, яахадаа түрүүлэн ууха болооб? Тэрэ сасуурхаха һанаатай һахалтай эмгэниие һүеыгээр дэбһэжэ, үльмыгөөр гэшхэжэрхиха юм һэн!» гэбэ. Гүюгэй хэлэһэниинь: «Бидэ хоёр тэрэ номо һомо агсаһан эхэнэрэй эгэмые бороохойгоор зодохо юм һэн!» гэбэ. Элжэгэнэй хүбүүн Аргасунай хэлэһэниинь: «Тэдэндэ модон һүүл зүүлгэбэл зохихо» гэбэ. Бидэ хари эльгэтэй, дайсан уладай дотор ябажа байһан ушарһаа арга зүйень оложо хэлээшье һаа, Бүри Гүюг хоёр тиигэжэ хэрүүлэй үгэ хэлээд эблэрэнгүй тараба. Одоо яахые хаан абга мэдэг лэ!» гэжэ ушарыень ойлгуулан эльгээһэн юм.

276. Батын энэ үгые соносоод, Үгэдэй хаан ехээр уур сухалаа хүрэжэ, Гүюгые бараалхуулангүйгөөр айладхаба: «Энэ түримхэй гайхал хэнэй үгэдэ орожо, аха хүниие убайгүйгөөр доромжолхо болобоб? Ганса муу үндэгэн бисараа. Аха хүнэй урдаһаа эсэргүүсэхэдээ яанаб. Хари холо газар хайгуулда ябуулжа, арбан хурганайнь хюмһые хагзартар уула мэтэ хотые эзэлүүлхээр урагшань зүдхүүлэе. Заха холо газарай захирагша болгожо, табан хурганайнь хюмһые хагзартар бүхэлмэл хотын хана өөдэ абируулая! Бузар муухай зантай Аргасун хэниие һажаажа, манай урагай хүндэ ама гаража доромжолбоб? Гүюг Аргасун хоёрые сугтань эльгээе. Зүбөөрнь һаа, Аргасуниие алахадашье болохо байгаа. Теэд таанар алагшалба гэхэ бэзэт. Бүриин тухай Батада хэлэгты! Цагадай ахада хэлэжэ эльгээгты. Цагадай аха мэдэг!» гэбэ.

277. Хан хүбүүдһээ Мангай, ноёдһоо Алчидай, Хонхордай занги түрүүтэй ноёд дурадхан айладхаба: «Чингис хаан эсэгыншни зарлиг иимэ һэмнай: хээрын үйлэ хэрэгые хээрэнь шиидхэхэ, гэрэй үйлэ хэрэгые гэртэнь шиидхэхэ гэдэг һэн. Хаан одоо Гүюгтэ уурлажа байнат. Энэ бол хээрын үйлэ хэрэг мүн. Хаанай зүбшөөбэл, энэ хэрэгые Батада даалгажа эльгээбэл болохо гү?» гэжэ һурахадань, хаанай уур сухал дарагдажа Гүюгтэй уулзажа буруушаан

донгодожо һургаба: «Аянда ябаха зууpаа шамайе элүүр бүгсэтэй хүниие үлдээгээгүй гэнэ. Сэрэгэй хүнэй нюурай арһые хуулажа ябаа гэнэ. Шинии тэрэ уур хилэнһээ айжа, Ород уласые һайн дурааpаа ороо гэжэ бодожо байна гүш? Ши ород иргэдые гансаарааа мэдэлдээ абаһан шэнгеэр һанажа, бардам омог зан гаргажа, аха хүнэй урдаһаа дээрэлхэбэ гүш? Чингис хаан эсэгын зарлигта: олон хүн хүсэтэй, гүн үһан аюултай гэжэ бии бэшэ аал? Сүбээдэй Бүжиг хоёрой дали доро ябажа, булта олоороо хамһажа, ород, хипчагуудые эзэлжэ абаһан аад, ши анха түрүүшынхеэ гэрһээ гараад, ород, хипчагай нэгэшье хүниие баряагүй, ажаглабал эшэгэнэйшье тагалцаг оложо абаагүй байжа элдэб үгэ гаргажа, ганса бэеэ гайхуулжа ябадагшни юун гээшэб? Харин Алчидай, Хонхордай зангинар булгилһан зүрхые дараха нүхэр боложо, бусалһан үһые һэбихэ шанага боложо уур сухалыемни номгоруулба. Хээрэ болоһон хэрэг хадань энээниие Батын шиидхэбэл тааpаха. Гүюг Аргасун хоёрые Бат мэдэг! Бүриие Цагадай аха мэдэжэ шиидхэг!» гэбэ.

278. Баһа Үгэдэй хаан зарлиг буулгаба: «Чингис хаан эсэгыемни хамгаалжа ябаһан хэбтүүл, хорчин, торгууд, бүхы хишигтэнэй тухай олон ниитэдэ мэдээ тунхаг гаргаһаниинь: хаан эсэгын зарлигые урдынхи мэтээр дахажа ябагты! Хорчин, торгуудшар урдынхи мэтээр үдэр дараалан ээлжээгээр манажа, нара орохотой зэргэ үүргэеэ хэбтүүлдэ үгөөд, газаа тээ гаража хоног! Һүниндөө бидэниие гэрэй хорчин, хэбтүүл һахиг! Нара орһон хойно һүни ябаха хүн зониие хэбтүүл барижа байг! Олон хүнэй тараһанай һүүлээр хонорһон хэбтүүлһээ ондоо хүнэй дотогшоо ордондо ороболынь, хэбтүүл манааша тэрэ хүнэй толгойе сабшажа хаяг! Һүни яаралтай мэдээ хүнэй хүргэжэ ерэбэл, хэбтүүлтэй хамта гэрэй хойно байгаад мэдээгээ хэлэг! Ордон гэртэ орохо гараха бүхы хэрэгые Хонхордай Ширхан хоёр хэбтүүлтэй суг хамһажа эрхилэн мэдэг! «Элжэгэдэй этигэлтэй хүн байбашье, үдэшэ хэбтүүлэй хажуугаар ябаһаар баригдаһан» шэнгеэр зарлигые дахажа, хэды этигэлтэй хүн байбашье, хэбтүүлэй ойро ошожо болохогүй, хэбтүүлэй тоое асуужа болохогүй. Хэбтүүлэй хажуугаар бү ябаг! Хэбтүүлэй хоорондуур бү гараг! Хэбтүүлэй хажуугаар ябажа, тэдэнэй хоорондуур орһон хүниие хэбтүүл бариг! Хэбтүүлэй тоо асууһан хүниие тэрэ үдэр унажа ябаһан эмээл хазаартай мориень бүхы хубсаһатайнь хамта хэбтүүл абаг! Хэбтүүлэй байра дээрэнь хэншье һуужа болохогүй! Хэбтүүл туг, хэнгэргэ, дүрөө, жада, аяга һабые наринаар хадагалаг! Эдеэ унда, архи айраг, мяха шүлые хэбтүүл эрхилэн мэдэг!» гэжэ зарлиг буулгаба. «Ордон тэргые харгалзажа байг! Бидэнэй байлдаанда мордоогүй һаа, хэбтүүл бидэнһээ амяараа сэрэгтэ бү мордог! Бидэнэй шубуу агнахада хэбтүүлэй зариманиинь ордон гэрээ, тэргээ һахижа,

нүгөө зариманиинь бидэнтэй хамта ябаг! Хэбтүүлнүүд нютаг үзэжэ, ордон үргөөе нүүлгэжэ буулгажа байг! Ордоной үүдэндэ хаалгашан хэбтүүл үргэлжэ һахижа байг! Бүхы хэбтүүлые мянганай ноён Хадаан захиржа мэдэг!» гэжэ зарлиг буулгаба. «Баһа хэбтүүлэй ээлжэ хишигэй ноёд Хадаан Булхадар хоёр нэгэ ээлжэ болон хамтаржа, нэгэ ээлжэ болон манажа, ордоной баруун зүүн талада тудаһан хахадаа һэргылэн манаг! Амал Чанар хоёр хамтаржа нэгэ ээлжэ боложо, ордоной баруун зүүн талада тудаһан хахадаа һэргылэн манаг! Хадай Хоричар хоёр хамтаржа, нэгэ ээлжэ болон орожо, ордоной баруун зүүн таладань тудаһан хахадаа һахижа манаг! Ялбаг Хараудар хоёр хамтаржа, нэгэ ээлжэ болон орожо, ордоной баруун талада тудаһан хахадаа һахижа манаг! Баһа Хадаан, Булхадарай ээлжэ, Амал, Чанарай ээлжэ, энэ хоёр ээлжэ һубаряанай манаашад ордоной зүүн талада байрлажа һууг лэ. Хадай Хоричар хоёрой ээлжэ, Ялбаг Хараудар хоёрой ээлжэ, энэ хоёр ээлжэ һубаряанай манаашад ордоной баруун талада байрлажа һууг лэ. Эдэ дүрбэн ээлжын хэбтүүлые Хадаан ноён захирха. Баһа хэбтүүл минии бэеын шадар ордониие тойрон байжа, үүдэ һахижа хаража байг лэ. Хэбтүүлэй хоёр хүн ордондо орожо сүн түшэжэ бариг!» гэжэ зарлиг буулгаба. «Баһа хорчидые захирһан Есүнтэй, Бүхэдэй, Хорхудаг, Лаблах дүрбүүлээ номо һомо агсаһан торгуудаа дүрбэн ээлжэ болгожо, ээлжэ бүриин хорчиниие захиран оложо байг!» гэжэ зарлиг буулгаба. «Баһа торгуудай ээлжын ахалагшадые урдань захиран мэдэжэ байһан хүнэй урагһаа болгожо, урдань мэдэжэ байһан Алчидай Хонхордай хоёр хамтаржа, нэгэ ээлжэ торгуудые захиржа орог! Тэмүдэр Жэхү хоёр хамтаржа, нэгэ ээлжэ торгуудые захиржа орог! Мангудай туһалагша нэгэ ээлжын торгуудые захиржа орог! Баһа хаан иимэ зарлиг буулгаба: «Бүхы ноёдые Элжгэдэй ахалжа, тэрэнэй үгөөр ябаг! Ээлжын манааша сагһаа хожомдоо һаань урдахи зарлигай ёһоор гурба дахин бэрээгээр наншагты! Тэрэ хүнэй үшөө дахин таһалдабалынь, бэрээгээр долоо удаа наншагты! Баһа тэрэ хүн үбшэнэй шалтагаангүй, ээлжын ахалагшын зүбшөөлгүйгөөр гурбадахяа таһалбалынь, бидэндэ хани болохоһоо бэрхэшээһэн этэгээд гэжэ тоолоод, бэрээгээр гушан долоо дахин наншаад, холо газар нюдэ далда сүлэе. Баһа ээлжын ахалагшад харьяата хишигтэнээ бүридхэн жагсаангүйгөөр манаанда ороболынь, ээлжын ахалагшадые буруушаан зэмэлэе! Баһа ээлжын ахалагшад гурбан ээлжэ һэлгүүлхэдээ энэ зарлигые хишигтэндээ соносхожо байг! Хэрбээ соносхоогүй һаа ээлжын ахалагшадай буруу болохо. Баһа ээлжын ахалагшад хамта манажа байгаа минии хишигтэниие ахалагша гээшэб гэһэн шалтагаанаар дура зоргоороо шиидхэжэ болохогүй. Тэдэнэй засагые зүришэбэлынь, бидэндэ мэдээ үгэжэ байгты! Алаха ёһотойень бидэ алаха-

бди. Шиидхэхэ ёһотойень бидэ шиидхэхэбди. Ахалагша гэһэн шалтагаанаар бидэндэ мэдээ үгэнгүйгөөр минии хишигтэндэ гар хүлөө хүргэбэлынь, нюдаргын оронДо нюдаргаар, бэрээгэй оронДо бэрээгээр сохижо харюулхабди. Газаахи мянганай ноёдһоо минии хишигтэн дээрэ бэзэ. Газаахи мянганай ноёдой минии хишигтэнтэй хэрэлдээ һаань, мянганай ноёдые буруушаан хэһээхэбди» гэжэ зарлиг буулгаба.

279. Баһа Үгэдэй хаан айладхаба: «Чингис хаан эсэгын зобожо байгуулһан уласые бү зобооё. «Хүлынь хүсэртэ, гарынь газарта табюулжа» жаргуулая. Хаан эсэгын бэлэн һуурииe эзэлээд, иргэниие зобоохогүйе оролдохоб. Шүлэ мяха болгожо харьяата уласайнгаа һүрэг хонин бүриһөө нэгэ нэгэ шүлгэн хони жэл бүри абажа байха. Зуун хонинһоо нэгэ хони гаргажа, улас доторхи үгытэй ядуунуудта туһаламжа болгон үгэжэ байя. Баһа олон аха дүү эрэ сэрэг, агта мори удаа дараалан арад зонһоо суглуулаа һаа, тэдээнэй унда хоол арадһаа татабарилан абахань буруу. Зүг зүгэй мянгатан бүриһөө гүүнүудые гаргажа, тэдэниие һааха һаалишан, адуулха нютагай хүнүүдые томилжо, хүлһыень түлэе. Баһа ноёд аха дүүнэр сугларбал, үгэхэ түлэбэрииень үгэжэ байя. Энээнэй тула эд бараа, мүнгэ, һүхэ, номо һаадаг, хуяг, зэбэ зэргын юумые байшан гэртэ хадагалжа, тэдээниие хаража байха һахюул табия. Эдээниие харуулхын тула зүг бүриһөө тусхай хүнүүд, хадагалагшадые томилжо байя. Баһа улас иргэдэй нютаг уһые хубаажа үгэе. Нютагые хубаажа һунгажа нютаглахада мянгата бүриһөө нютагшаниие гаргажа байбал болохо. Сүл губи нютагта гүрөөһэнһөө ондоо амитан үгы байна. Арад иргэн уужамаар һуухые хүсэдэг. Чанай Уйгуртай хоёр түрүүтэй нютагшаниие ябуулжа, сүл губида худаг малтуулжа, хашаа хүүлэе. Баһа элшэнэрые мүнөөнэй байдалаар ябуулхада тэдэнэр ехэ удаарха ушарһаа арад зондо хохидол гарадаг байна. Одоо бидэ саг үргэлжын журам болгожо, зүг бүхэнэй мянгатанһаа замшан улаашаниие гаргажа, һуурин газарнуудта үртөө табижа, элшэнэрые арад олоной дундуур хамаагүй ургалжа бариһан морёор дабхихагүй, харин гансал үртөөгэй замаар ябадаг болгоё. Энэ үйлэ хэрэгые иигэжэ ябуулая гэжэ Чанай Булхадар хоёрой һанажа бидэндэ дурадхаһаниинь зүб зүйтэй гэжэ бодогдоошье һаань, Цагадай аха мэдэг! Энэ хэлэгдэһэн үйлые зохимжотой гэжэ зүбшөөхэ болихоёо Цагадай аха шиидхэг! гэжэ эльгээхэдэнь, бүгэдыень зүбшөөжэ «Энэ ёһоорнь хэгты» гэжэ харюу үгэбэ. Баһа Цагадай ахын хэлэжэ эльгээһэниинь: «Би эндэһээ угтуулан үртөө замые байгуулхаб. Би эндэһээ Батада элшэ эльгээе. Бат угтуулан үртөө зам бии болгожо холбоо бариг!» гээд, баһа хэлэһэниинь: «Бултанай хоорондо үртөө зам табия гэжэ зүбһөө зүб үгые дэмжэнэб!» гэжэ эльгээһэн юм.

280. Тэндэһээ Үгэдэй хаан айладхаба: «Энэ ябадалые Цагадай аха, Бат түрүүтэй баруун гарай хүбүүд, аха дүүнэр булта-даа, Отчигин ноён, Жэхү түрүүтэй зүүн гарай хүбүүд, аха дүүнэр, бултадаа, голой үхид, хүрьгэд, түмэнэй ноёд, мянганай ноёд, зуунай ноёд, арбанай ноёд бултадаа зүбшөөбэ. Зүбшөөһэн зүйлынь иимэ: Далай хаанай (Үгэдэй хааниие жэжэ хаашуулһаа илгажа, ехэ хаан гү, али Далай хаан гэнэ) шүлэ мяханда хэрэглэхээр жэл бүри һүрэг бүхэнһөө нэгэ нэгэ шүлгэн эрьеые гаргажа үгэхэ гэбэ. Зуун хонинһоо нэжээд шүлгэн эрьеые гаргажа үгэхэ. Зуун хонинһоо нэжээд зуһаг хони гаргажа, үгытэй ядуу хүнүүдтэ туһаламжа болгон үгэбэл һайн байгаа. Үртөө табюулжа, замшан, улаашаниие гаргабал олон улад иргэндэ амгалан болохо һэн, элшэнэртэ таарамжатай гэһэниие бүгэдөөрөө зүбшөөбэ гэжэ хаан зарлиг буулгаба. Цагадай ахатай зүблөөд, тэрэнэй зүбшөөрһэн тула бүхы улачһаа, зүг зүгэй мянгатанһаа хаанай зарлигаар жэл бүри һүрэг хонинһоо нэжээд шүлгэн эрье, зуун хонинһоо нэжээд зуһаг хони гаргуулба. Гүүнүүдые суглуулжа, унагашадые һуулгаба. Унагашан, балгаһашан, амушаниие томилжо олобо. Замшан, улаашаниие гаргуулжа, һууха байха газарыень тогтоожо, үртөө замые табюулаад Арачиан Тогучар хоёроор захируулжа, замай нэгэ һуури үртөөдэ хорин улаашаниие гаргаба. Һуури бүхэнэй улаанай мори, хүнэһэнэй хони, һаалиин гүү, хүллэхэ үхэр, ашаха тэргэ зэргые тогтооһон хэмжээгээр бэлэдхэбэ. Даажа байһан хүнүүдэй «Охор дээһэ дутаабалынь, уралайнь хахадые отолхо, халбага тэлүүр дутаабалынь хамарайнь хахадые отолхо» гэжэ зарлиг буулгаба.

281. Үгэдэй хаан айладхаба. «Эсэгынгээ ехэ һуурида һуужа, хаан эсэгэһээ хойшо хэһэн бүтээһэн хэрэгни: нэгэдэхинь, би Алтан уласые эзэлэн мэдэлдээ оруулбаб. Хоёрдохинь, бидэнэй хоорондо элшэ ябуулжа харилсаха, элдэб хэрэг зөөлгэхэ үртөө замые табюулбаб. Гурбадахинь, уһа үгы газарта худаг малтуулжа, улад иргэндэ уһа, үбһэ хүртээсэтэй болгобоб. Дүрбэдэхинь, зүг зүгэй һуурин, уласай хотонуудта мэдээлэгшэ, захирагшадые табижа, улад иргэниие «хүлынь хүсэртэ, гарынь газарта табюулжа» амар түбшэн болгобоб. Хаан эсэгэһээ хойшо энэ дүрбэн үйлые нэмээжэ хэбэб. Баһа хаан эсэгын үндэр һуурида һуужа, олон улад иргэниие захирха ехэ үүргые даажа абаһан аад, «бор дарсанда орохомни» нэгэдэхи буруу болобо. Хоёрдохинь, эмэ хүнэй үгэдэ орожо, Отчигин абгын харьяатанай дундаһаа хүүхэн асаруулһамни буруу байба. Уласай эзэн хаан байтараа, ушар ёһодо таарахагүй эндүүрэлтэй үйлэдэ абтаһамни буруу болобо. Гурбадахинь, Доголхуе далдаар хардаһамни нэгэ буруу. Ямар бурууб гэхэдэ, хаан эсэгымни хараха нюдэнэй үмэнэ хамагһаа түрүүн хадхалдажа ябаһан Доголхуе хорото муу үгэдэ орожо хороогооб. Одоо

минии урда хэн тиигэжэ түрүүлэн дабхижа үгэхэб? Хаан эсэгым хажууда зүдхэһэн журамтай хүниие һайса· мэдэнгүйгөөр үһөөрхэн хорооноо би өөрөө буруушаанаб. Дүрбэдэхинь, тэнгэри газарай заяагаар түрэһэн гүрөөһые бэшэ аха дүүнэрэй нютагта ошожо болохонь гэжэ харамнажа, шабар хана барюулжа, аха дүүнэрһээ гомдолой үгэ сонособоб. Энэ баһа нэгэ буруумни. Хаан эсэгэһээ хойшо дүрбэн үйлэ хэрэг нэмээбэб. Баһа дүрбэн буруу юумэ хэ-бэб» гэбэ.

282. Ехэ хуралдаан боложо, хулгана жэлэй (1240 он) хуран (долоодохи) һарада Хэрлэнэй Хүдөө аралай Долоон болдог Шил-хинцэг хоёрой забһарта хаанай ордоной буужа байхада бэшэжэ түгэсэбэ.

ОРШУУЛАГШАҺАА

Манай буряад зон бэшэ монгол угсаатантай ямаршье холбоогүй, Байгал шадараа шэбээлээд байһан юм гэжэ алдуутайгаар тоолодог байгаабди. Мүнөө үедэ эрдэмтэд энэ асуудалые ондоогоор харадаг болонхой. 17 зуунай үедэ Ородой гүрэндэ һайн дурааараа хамжан орохынгоо урда тээ буряадууд гээшэ монголшуудтаяа хамта нэгэ арад, нэгэ ниитэ түүхэтэй байгаа бшуу. Энээниие арсаха аргагүй. Ушар иимэһээ 1240 ондо бэшэгдэһэн «Монголой нюуса тобшо» гэдэг гайхамшагта зохёолой 750 жэлэй ойе ЮНЕСКО-гэй шугамаар бүхы дэлхэйдэ тэмдэглэхээе байһандань бидэнэр тон еҳээр баясанабди.

Бэлэдхэлэй худэлмэри үнинэй эхилэнхэй. Үбэр Монголой ниислэл — Хүхэ-хотодо энэ асуудалаар олон уласай хуралдаан боложо үнгэрөө. Улаан-Баатарта «Нюуса тобшо» халха хэлэн дээрэ дүрбэдэхи удаагаа хэблэгдэжэ байна. МНР-эй болон гадаадын эрдэмтэдэй энэ талаар хэһэн элдэб янзын шэнжэлгэнүүд хоёр боти соо багтаагдан гарахань. 1990 ондо «Монголой нюуса тобшо тухай» ойн баярай үргэн ехэ хуралдаан олон ороной монголшо эрдэмтэдэй хабаадалгатайгаар Улаан-Баатарта үнгэргэгдэхэ бэлэдхэл хэгдэжэ байна.

Түүхэ дурасхаалай энэ гайхамшагта зохёолые тэрэ холын сагта Монгол нютагта монгол хэлэн дээрэ монгол хүн бэшэһэн байгаа. Энэ шухала баримтые хаанашье, хэншье буруушаадаггүй. Харин саарһан дээрэ бэшэхэдээ, Хитадай орёо оньһон үзэгөөр һиилэһэн байгаа гү, али уйгар-монголоор дээрэһээнь уруу талуулһан байгаа гү — мэдэхын аргагүй. Гэгээн бэлигтэй тэрэ хүнэй нэрэ түүхэдэ үлөөгүй. Гансашье хүнэй ажал бэшэ байжа магад. МНР-эй алдарта уран зохёолшо, монголшо эрдэмтэн, академик Цэндийн Дамдинсүрэн олон жэлэй туршада тэсэмгэй нэтэрүүгээр ажаллажа, энэ зохёолые эртын монгол хэлэнһээ мүнөөнэй хэлэндэ болгон оршуулаа юм. Тиихэ зууpаа элдэб хэлэн дээрэ гараһан оршуулгануудтайнь зэргэсүүлжэ, жэшээлжэ, шэнжэлжэ үзэһэн байгаа. Ц. Дамдинсүрэнэй хэблэн гаргаһан энэ номойнь 1976 оной гурбадахи хэблэлһээ буряадшалха гэжэ шиидэһэн байнабди. Зохёолой гол удхые хадуужа ойлгожо абахын тула академик С. Козиной ород хэлэн дээрэ болгоһон оршуулгые, Венгриин эрдэмтэ Лигетиин латин үзэгөөр хэблэһэн эхые, Лувсан-

данзанай зохёоһон «Алтан тобшые» болон түүхэ-дурасхаалай бэшэшье номуудые уншаһан, Ц. Дамдинсүрэнэй оршуулгатай зэргэлүүлжэ хараһан байнабди. Энэ зохёолые буряадшалхадаа, халха бэшэгэйнь юрэнхы маяг найруулгые, зохёолойнь бүридэлые эбдэхэгүй гэжэ оролдоһомнай ойлгосотой ааб даа. Үргэн ниитэ буряад уншагшадта танигдаха, мэдэгдэхэгүй ойлгосо, үгүүлбэри, холбоо үгэ, элдэб юумэнэй нэрэ гэхэ зэргын зүйлнүүдые шадаха зэргээрээ тайлбарилхые оролдообди.

Анха түрүүшээр Ц. Дамдинсүрэнэй бэшэһэн «Урид хэлэгдэхэ үгэ соонь» дайралдаһан танигдаагүй ойлгосо, үгэнүүдэй тайлбари үгэнэбди. Удаадань зохёолой элдэб бүлэгүүдтэ хабаатай ажаглалтанууд һубарюулан табигдаха байна. Тиихэдээ тэрэ үгые олоходо бэлэн, хэдыдэхи параграфһаа абтааб гэжэ сэхэ заагдана.

«Урид хэлэгдэхэ үгэ соо» үгтэхэ тайлбаринууд:

1. Һүндэрлэхэ — шалгаран, илгаран гараха.
2. Эхэ зохёол — зохёолой аһханай гар бэшэг.
3. Номой сан — ном хадагалдаг газар (библиотекэ).
4. Гүн — Манж уласай засаг захиргаанай зэргэ.
5. «Игориин хорооной үгэ» — «Слово о полку Игореве».
6. Үргэлжэлһэн зохёол — прозоор бэшэһэн зохёол.
7. Чансан — урда сагай албанай зэргэ.
8. Юань улас — Хитадта монголшуудай засаг барижа байһан үе (1280—1367 онууд).
9. Мин улас — Хитадай засаг бариһан династи (1368—1644).
10. Тэмүүлхэ — тогтожо ядан зүдхэхэ.
11. Сэрэгэй тобшоо — сэрэгэй албан газар.
12. Сэхээтэн — оюун ухаанай ажалтан.
13. Бэшэмэл зүйлнүүдэй сан — зохёолой гар бэшэгүүдые хадагалдаг газар.
14. Тэнхлэг — тэргын гол.
15. Дүнгэ — баряанай хүндэ үмдэхүүлдэг тушаа.
16. Хуран һара — долоодохи һара (июль).
17. Үрлэг — сэрэгэй дээдэ зэргэ.

Зохёолой элдэб бүлэгүүд соо үгтэхэ тайлбаринууд:

§ 12. Сорой — үбсүүнһээ үргэлжэлһэн мяхан.
§ 69. Торгон сэрэг — бэеэ хамгаалха дотор сэрэг.
§ 70. Үжин — хатан (хитадаар фүжин гэнэ).
§ 69. Тэнгэридэ ошохо — наһа бараха.
§ 105. Дабалга — үһанай долгин.
§ 106. Илдэ — хуйда хэжэ зүүдэг, һэлмэһээ арай бага хутага.
§ 106. Хан — аймаг можые ахалһан хүндэ олгохо соло.
§ 114. Булган хөөмэй — булганай үнгэ зүһэтэй арһан.

§ 123. Гуу — жалга.
§ 124. Хянгар — үргэн хутага.
§ 135. Ээмэг — hиихэ.
§ 147. Хүр шулуун — ургамал томо шулуун.
§ 149. Хашар — болгоомжотой, нягта, долонгир.
§ 149. Буруу хандаха — саашаа тэрьедэхэ.
§ 149. Халшарха — бэрхэшээхэ, түбэгшөөхэ.
§ 149. Эмээхэ — айха.
§ 151. «Губшуур татаха» — олонhоо татабари, бадар суглуулха.
§ 154. Үүрдын — хэтын.
§ 154. Алтан ураг — ойро түрэл хүнүүд.
§ 154. «Дэрэ абажа үхэхэ» — дайсаниие алан дэрлэжэ үхэхэ.
§ 164. Эл улас — бүгэдэ улас.
§ 164. Үвлэжэ эзэлхэ — haha барахадань зөөрииень абаха.
§ 166. Дүүжэлхэ — үлгэжэ алаха.
§ 167. «Сагаан эдеэндэ сасаха, хара мяханда хахаха» — haha бараха гэhэн удхатай.
§ 169. Зүлгэхэ — ялагар болоторынь аршаха.
§ 172. Янгирцаг — ашаанай эмээл.
§ 174. Хүндэлэнэй хүн — дайлалдажа байгаашадай хаананшье оролсодоггүй гурбадахи хүн.
§ 174. Хүнөөхэ — хорлохо.
§ 174. Хүсэрдэхэ — газардаха.
§ 177. Тэргын арал — оглёобо.
§ 179. Үрсэхэ — тэмсэхэ.
§ 179. Хавьтуулха — ойро болгохо.
§ 181. Эмгэнүүлхэ — гомдохоохо.
§ 183. Хайха — hурагшалха, бэдэрхэ.
§ 183. Асар — байшан дээрэ бариhан hарабшата дабхар.
§ 185. Тэрэм — гэрэй хана.
§ 189. Халшарха — бэрхэшээхэ, зүрхэ алдаха.
§ 191. Хэбтүүл — hүниин манааша.
§ 191. Торгууд — харуул сэрэг.
§ 191. Хишигтэн — ээлжын харуулша, харгалзагша.
§ 191. Чэрби — сэрэгэй соло.
§ 192. Хорчин — номо hомо агсагша.
§ 192. Буурч — тогоошо.
§ 192. Жасаалха — ээлжээр тогтомол алба хэхэ.
§ 194. Тэрс — эсэргүү.
§ 194. Цааз — журам, хуули.
§ 194. Торлог — hабаа, бургааhан.
§ 185. Шивээ — үншэн хабhан.
§ 195. Ухасхиихэ — гэнтэ худэлхэ.
§ 199. Үргэс — зүүн шэнги адаалхай зүйл.

§ 199. Өөш — загаһа барихадаа мэхэлхэ юумэн.
§ 199. Таалал — дура, һанаа.
§ 200. Угалза — зэрлиг хониной эрэнь.
§ 200. Харц — ехэ изагуургүй хүн.
§ 200. Умартаха — бэшэг мартаха.
§ 200. Ангид — гадна, тусхай.
§ 200. Улайшарах — шармайха, зүдхэхэ.
§ 200. Өөрэ — ондоо, бусад.
§ 201. Умардашагүй — мартаха аргагүй.
§ 201. Алжааха — ядарха.
§ 201. Даяар — ниитэ.
§ 201. Соёрхохо — хайралха.
§ 201. Ивээхэ — үршөөхэ.
§ 201. Үмэг — түшэг, тулгуури.
§ 201. Тонилгохо — үгы болгохо, алаха.
§ 201. Түлэг — үзэл үзэхэ.
§ 201. Оршуулха — хүүр хүдөө табиха.
§ 203. Алмай — мартамхай, болгоомжогүй.
§ 203. Алжааха — эсэхэ сусаха.
§ 203. Хэлтэрүүлхэ — үршөөгдэхэ.
§ 209. Нядалха — алаха.
§ 213. Сүн — найрай үедэ томо һабада хэһэн айраг, архи.
§ 213. Хиан — ноёдой хажууда ябадаг доодо тушаалтай хүн.
§ 214. Үстэн — дайсан этэгээд.
§ 214. Уухай — байлдаанда ороходоо хашхарха аялга.
§ 216. Бэхи — феодалай үеын зэргэ.
§ 219. Дархан дураар — алба татабари үгэхэгүй, ан гүрөөл абалха хоригдоһон газар.
§ 224. Шадар хишигтэн — онсо этигэлтэй дотор сэрэг.
§ 227. Баатарлаха — зориг зүдхэл гаргаха.
§ 227. Бэрээ — хүниие сохихо гэһэн нарин модон.
§ 230. Ээлт — аша туһатай, ашата.
§ 230. Үшихэ — хоролхохо.
§ 230. Үвч — бүрин, бүхэли.
§ 230. Юрэнхы — гол шухала.
§ 238. Хатагтай — эмэгтэй хүниие хүндэдхэһэн үгэ.
§ 244. Огшохо — һугарха, холодохо.
§ 245. Агтын хороонһоо — албатанһаа.
§ 247. Боомт — хэрэмдэ орохо хаалга.
§ 249. Үрмэг — бүдүүн нэхэмэл бараа.
§ 253. Балгас — эртэнэй хото.
§ 254. Түлбэрхэ — торохо, зогсошохо.
§ 254. Туйбалзаха — ганхаха, найгалзаха.
§ 254. Хамхиха — бүтүүлхэ.

§ 254. Масаха — ехээр зүдхэхэ.
§ 254. Огшуулха — хормой дээшээ болохо.
§ 254. Бохир — буртаг, хирэ.
§ 257. Удаа гэзэгэдэ ябаха — ара тээнь ябаха.
§ 265. Субилха — аргалха, тӧрдохо.
§ 268. «Тэнгэридэ халиха» — наһа бараха, нүгшэхэ.
§ 268. Хүхэл — адуунай толгой дээрэ үлдэһэн ута туг үһэн.
§ 268. Хотол — ниитэ, бүхыдөө.
§ 268. Хуур цуур — хүгжэмэй хэрэгсэл.
§ 268. Онголхо — үргэн тахиха.
§ 272. Түлэгшэн — үзэлшэн, мэдэлшэн.
§ 274. Луус — элжэгэ гүүн хоёрһоо түрэһэн адууһан.
§ 275. Бороохой — хүниие сохихо гэһэн тусгаар модон.
§ 275. Хайгуул — тагнуул, бэдэрүүл.
§ 276. Алагшалха — илгабарилан үзэхэ.
§ 279. Хүсэр — хээрэ.
§ 280. Амуушан — будаа таряанай харуулшан.
§ 281. «Боро дарсанда орохомни» — архи уудаг байһамни гэһэн удхатай.

Манай буряад арадай уг гарбалтай, эртын түүхэтэй холбоотой «Монголой нюуса тобшые» үндэһэн хэлэн дээрээ болгон оршуулхадаа, ямар ехэ харюусалгын тудаһые үнэн сэдьхэлһээ мэдэржэ, эхэ зохёолойнь удхые зүбөөр, дүүрэнээр, тодоор гаргахые шармайһан байнабди. Та бүгэдэ уншагшад өөһэдынгөө һанамжа, дурадхал, шүүмжэлхы ажаглалтые манай Буряадай номой хэблэлдэ эльгээхэ бэзэт гэжэ найданабди.

Чимит-Рэгзэн Намжилов

ГАРШАГ

Тусхайта редакторhаа. *Л. Шагдаров* 5
Урид хэлэгдэхэ үгэ. *Ц. Дамдинсүрэн* 14
МОНГОЛОЙ НЮУСА ТОБШО 28
I. Тэмүүжинэй уг гарбал, бага наһанайнь үе 28
II. Чингисэй эдир наһан 37
III. Мэргидые һүнөөһэниинь, Тэмүүжиндэ Чингис хаан соло олгогдоһониинь 48
IV. Жамууха ба тайчуудтай тэмсэһэниинь 60
V. Татаарые һүнөөһэн ба Ван хантай эбээ таһарһаниинь 69
VI. Хэрэйд уласай мүхэһэниинь 88
VII. Ван ханай һүнөөгдэһэниинь 99
VIII. Хүчүлүгэй зугадаһан ба Жамуухын дарагдаһаниинь 111
IX. Шадар хишигтэн сэрэгые байгуулһаниинь . . . 124
X. Уйгур ба ойн иргэдые эзэлһэниинь 132
XI. Хитад, Тангад, Турк, Багдад ба Оросые эзэлһэниинь 141
XII. Чингисэй наһа бараһан ба Үгэдэйн хаан болоһониинь 152
Оршуулагшаһаа. *Ч.-Р. Намжилов* 164

Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов /
М77 Ч.-Р. Намжиловай оршуулга. Пер. С. Козина.— Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1990.— 318 н.
ISBN 5—7411—0355—3

Монгол угсаатанай түүхын дурасхаалта бэшэг болохо «Нюуса тобшо» буряад хэлэн дээрэ ном болгогдожо, түрүүшынхиеэ хэблэгдэбэ.

«Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.» — ценнейший памятник древнемонгольской литературы, открытый в XIX в. одним из крупнейших востоковедов, китаеведом Палладием Кафаровым. В 1941 г. книга издана АН СССР в Москве—Ленинграде в переводе на русский язык акад. С. А. Козина под редакцией акад. А. П. Баранникова.

М $\frac{4703020500—020}{М\ 122(03)—90}$ 026—90 **82.3(2Бу)**

МОНГОЛОЙ НЮУСА ТОБШО